

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2020

№ 64

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Баранов Д.А., Зелянская Н.Л., Щebetенко С.А. Многопараметрический анализ лингвистических данных в информационной системе «Семограф» (на примере исследования речевого поведения пользователей социальной сети)	6
Генералова Е.В. Лексика просторечного характера в русском языке конца XVI–XVII в.	30
Горлов Н.Г., Кочановская А.В., Соболев А.Н. Методы компьютерной лингвогеографии в исследовании границ между близкородственными языками (на примере диалектов Восточной Сербии и Западной Болгарии)	42
Зиновьева Е.И., Кузнецов Ю.А. Идеологемы в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. как отражение межэтнического взаимодействия	56
Котюрова М.П., Баженова Е.А. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста	63
Орлова О.В. Медиаконцепт <i>нефть</i> сегодня: становление нефтеумной метафоры	76
Пинковский В.И. <i>Bèrèzina</i> в ряду полных синонимов – имен собственных со значением «катастрофическая неудача»: лингвистический и культурологический аспекты	93
Скребцова Т.Г. <i>Смотрите и слушайте</i> как маркеры власти и солидарности	109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гнюсова И.Ф. Между смирением и страстью: «Мельница на Флоссе» Джордж Элиот и «Война и мир» Л.Н. Толстого (по материалам яснополянской библиотеки)	120
Карпенко Г.Ю. О «мужской» поэтике А.С. Пушкина, или О смыслопорождающих возможностях одного уподобления: Ольга Ларина = Филлида	145
Кихней Л.Г., Темиришина О.Р. «Каменная» парадигма «Грифельной оды» О. Мандельштама: к механизмам смысловой деривации	167
Коваль О.А., Крюкова Е.Б. «Тодтнауберг» Целана: попытка разговора между философией и поэзией	196
Ковтун Н.В. О женском и женственном в советских текстах Д.А. Пригова	220
Лебедева О.Б. Предсмертное письмо Генриетты Разумовской к В.А. Жуковскому и его следствия в придворной судьбе поэта	246
Разувалова А.И. Люди и собаки, фантастика и реальность: «оттепельная» реабилитация эмоций в повести Никиты Разговорова «Четыре четверки»	259

ЖУРНАЛИСТИКА

Вырковский А.В. Различия в понимании и использовании базовых теоретических концепций у представителей медиаиндустрии и академической среды	277
Гладкова А.А., Асланов И.А. Особенности освещения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в федеральных и региональных СМИ России	290

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Жиякова Н.В. Мировая литература в зеркале провинциальной периодики. Рецензия на цикл хрестоматий и учебное пособие, посвященных переводам иностранной литературы в дореволюционных сибирских газетах	313
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	318

CONTENTS

LINGUISTICS

Belousov K.I., Erofeeva E.V., Baranov D.A., Zelyanskaya N.L., Shchebetenko S.A. The Multi-Parameter Analysis of Linguistic Data in the Information System Semograf (On the Example of the Study of Social Network Users' Speech)	6
Generalova E.V. Russian Colloquial Vocabulary of the Late 16th and the 17th Centuries	30
Gorlov N.G., Kochanovskaya A.V., Sobolev A.N. Methods of Digital Linguistic Geography in Research on the Borders Between Closely Related Languages (Dialects of Eastern Serbia and Western Bulgaria)	42
Zinovieva E.I., Kuznetsov Yu.A. Ideologemes in the Russian Vernacular of Muscovite Rus in the 16th–17th Centuries as a Reflection of Inter-Ethnic Interaction	56
Kotyurova M.P., Bazhenova E.A. Discursive Particles in the Context of the Journalist's Critical Thinking	63
Orlova O.V. The Media Concept <i>Oil</i> Today: The Formation of the Petroleum Metaphor	76
Pinkovskiy V.I. Bérézina Among Full Synonyms—Proper Names with the Meaning of a Catastrophic Failure: Linguistic and Cultural Aspects	93
Skrebtsova T.G. The Russian Verb Forms <i>Smotrite</i> and <i>Slushayte</i> as Markers of Power and Solidarity	109

LITERATURE STUDIES

Gnyusova I.F. Between Humility and Passion: George Eliot's <i>The Mill on the Floss</i> and Leo Tolstoy's <i>War and Peace</i> (Based on Materials from the Yasnaya Polyana Library) ...	120
Karpenko G.Yu. On the "Male" Poetics of Alexander Pushkin, or the Sense-Generating Possibilities of One Assimilation: Olga Larina = Phyllida	145
Kikhney L.G., Temirshina O.R. The "Stone" Paradigm of Mandelstam's "The Slate Ode": On the Mechanisms of Semantic Derivation	167
Koval O.A., Kriukova E.B. "Todtnauberg" by Paul Celan: An Attempt of a Talk Between Philosophy and Poetry	196
Kovtun N.V. On the Female and the Feminine in <i>Soviet Texts</i> of Dmitri Prigov	220
Lebedeva O.B. Henriette Razumovskaya's Death Letter to Vasily Zhukovsky and Its Consequences for the Court Fate of the Poet	246
Razuvalova A.I. People and Dogs, Fantasy and Reality: The "Thaw" Rehabilitation of Emotions in the Short Story "Chetyre Chetyrki" by Nikita Razgovorov	259

JOURNALISM

Vyrkovsky A.V. Differences in the Understanding and Use of Basic Theoretical Concepts in Representatives of the Media Industry and the Academia	277
Gladkova A.A., Aslanov I.A. The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Peculiarities of Coverage in Russian Federal and Regional Mass Media	290

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Zhilyakova N.V. World Literature in the Mirror of Provincial Periodicals. Review of a Series of Anthologies and a Study Guide on Foreign Literature Translations in Pre-Revolutionary Siberian Newspapers	313
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	318
---	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33:81'23:81'27

DOI: 10.17223/19986645/64/1

**К.И. Белоусов, Е.В. Ерофеева, Д.А. Баранов,
Н.Л. Зелянская, С.А. Щebetенко**

МНОГОПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ «СЕМОГРАФ» (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ)¹

Демонстрируются возможности информационной системы «Семограф» как инструмента анализа текстового контента при реализации сетевого подхода к организации научных исследований в лингвистике на примере многопараметрического анализа пользователей социальной сети. На основе классификации реплик и метаданных (пол и психологические характеристики) пользователей с помощью средств визуальной аналитики предложена модель взаимосвязей лингвистических параметров речи, социальных и психологических характеристик личности.

Ключевые слова: сетевая наука, социальные интернет-сервисы, информационная система «Семограф», многопараметрический анализ, визуальная аналитика, графосемантическое моделирование.

Введение

Объем информации, с которой работает современный ученый, требует привлечения не только информационных технологий и средств автоматизации отдельных сторон деятельности исследователя, но и формирования новых исследовательских стандартов. Эти стандарты касаются прежде всего открытости и доступности исходных данных, возможности их повторного использования (например, в метаанализе), быстроты / оперативности получения результатов и междисциплинарного характера исследований, требующих согласованной работы специалистов разных научных областей. Реализации новых стандартов научной деятельности наиболее органична сетевая форма организации исследований (сетевая наука).

Сетевая организация взаимодействия субъектов в профессиональной деятельности в целом признается наиболее эффективной [1, 2], и сетевые программные решения в настоящее время применяются во многих сферах. В частности, в образовательном сегменте (в основном в вузах) для реализации программ дистанционного обучения используются программные ре-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ПГНИУ на 2020–2022 гг., номер темы FSNF-2020-0017 «Многопараметрическое моделирование процессов коммуникации пользователей социальных интернет-сервисов с использованием методов машинного обучения и визуальной аналитики».

шения Moodle, ILIAS, ACY ВУЗ и др., а также образовательные порталы (Coursera, edX, Udacity, Stepic и др.), однако до сих пор создано не так много программных продуктов, в которых реализованы принципы сетевой организации научной деятельности. В то же время количественный анализ современных публикаций показывает, что 90% всех научных статей написаны двумя и более авторами, большинство статей принадлежат авторским коллективам от 6 до 10 человек из нескольких учреждений [3]. Это говорит о необходимости создания аналитических инструментов для работы исследовательских коллективов в рамках концепции сетевой науки.

Сетевая наука, с нашей точки зрения, должна обеспечивать следующие аспекты научной работы:

- распределенный в режиме реального времени научный процесс;
- организацию сетевого взаимодействия участников;
- системное управление работой коллектива;
- использование единых технологий обработки информации и общей базы данных;
- интеграцию результатов исследовательской работы каждого участника в единое информационное пространство.

В настоящее время в открытом доступе находится большое количество ресурсов, предоставляющих информацию об исследованиях в любых областях науки и техники, а также порталов, используемых для коммуникации между исследователями. Это веб-сайты научных журналов и ученых, базы знаний и базы данных (в том числе и результатов экспериментов, как, например, БД Reaxys), научные социальные сети и ресурсы, созданные для поддержки перспективных научных исследований, и др. Кроме того, существуют системы сетевой организации научных исследований, основывающихся на концепции Citizen science. Эти исследования проводятся группами волонтеров в сотрудничестве или под руководством ученых и / или научных организаций (список активных и завершенных проектов см. [4]). Однако для полного воплощения идеи сетевой науки помимо обилия ресурсов, почти неисчерпаемого объема научной информации и спектра форматов ее представления, внушительного числа участников научного пространства требуется распределенная аналитическая сетевая среда, в которой осуществляется онлайн-взаимодействие субъектов исследовательского процесса и его коррекция. При этом программные продукты, обеспечивающие такую среду, очевидно, должны быть направлены на конкретные научные области и задачи (хотя, возможно, и весьма широкие).

В лингвистике программные решения предназначены в первую очередь для обработки и анализа текстовых массивов (см., например, каталог лингвистических ресурсов NLPub (<http://nlpub.ru>)). Программные продукты, созданные для обработки и анализа текста, предлагают вполне достаточный инструментарий для социолога, маркетолога, контент-менеджера или специалиста в области машинного обучения, однако большей частью неприменимы для решения лингвистических задач. Кроме того, существую-

щие программные решения не предполагают командной работы в процессе анализа языкового / текстового материала.

В данной статье демонстрируются возможности информационной системы (ИС) «Семограф» (<http://semograph.org>) как инструмента анализа текстового контента при реализации сетевого подхода к организации научных исследований в лингвистике.

Информационная система «Семограф»

Цели информационной системы «Семограф»

Основная задача ИС «Семограф» – создание доступных и понятных широкому кругу лингвистов технологий, помогающих решать собственно научные задачи, поставленные в отдельном исследовании. «Семограф» может использоваться для анализа текстовых данных; создания и / или разметки языковых / текстовых корпусов; проведения, обработки и анализа данных психолингвистических, социолингвистических экспериментов; разработки классификаторов и тезаурусов, а также для решения других задач, возникающих при анализе языкового материала. Результаты анализа в ИС «Семограф» служат основой для построения лингвистических моделей.

ИС «Семограф» является открытой платформой, для работы требуется только выход в Интернет и современный браузер.

В «Семографе» реализованы следующие принципы:

- проведение полного цикла исследования, включая сбор материала, обработку и экспертный анализ данных, статистический анализ, построение моделей, основанных на принципах редактируемой визуализации;

- сетевая распределенность участников научного процесса, предполагающая возможность работы с разных машин над одним научным проектом группы исследователей, в том числе географически отдаленных от основного коллектива;

- многопользовательский режим работы в информационной системе, обеспечивающий в том числе и онлайн-взаимодействие участников научного проекта;

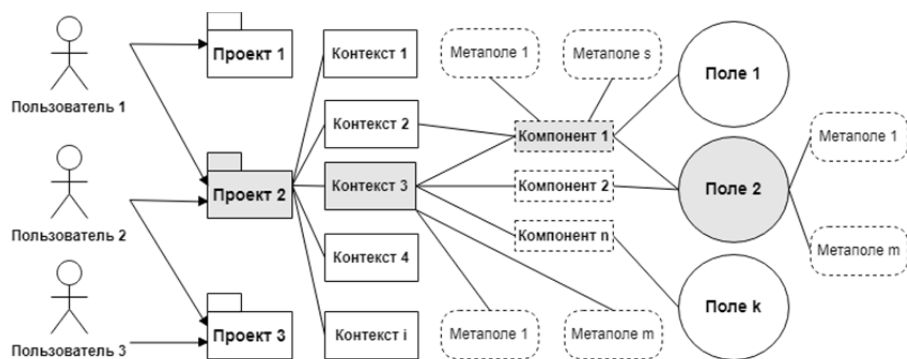
- методологический плюрализм, позволяющий исследователям, придерживающимся самых разных теоретико-методологических взглядов, использовать данный программный продукт.

Возможности информационной системы «Семограф»

Возможности ИС «Семограф» обеспечиваются архитектурой системы, в которой используются объекты (рис. 1) и модули (рис. 2).

Опишем объекты ИС «Семограф».

- **Проект** – рабочее пространство, в котором осуществляется реализация полного исследовательского цикла. Типовой проект включает массив контекстов, множество компонентов, систему полей и набор метаполей.

Рис. 1. Объекты информационной системы «Семограф»¹

– **Пользователь** – исследователь или информант, участвующий в работе над проектом (или несколькими проектами). Пользователь может создавать проект и получать доступ к проекту в роли наблюдателя или редактора. Роль наблюдателя предполагает возможность просматривать материалы проекта. Роль редактора дает право пользователю выполнять определенные действия в проекте; результаты работы любого редактора сохраняются в базе данных проекта на сервере.

– **Контекст** – языковая / речевая единица или набор единиц, выбранные исследователем при представлении и анализе данных. В качестве контекста могут выступать текст, текстовый фрагмент, наборы слов и / или словосочетаний (например, совокупность экспериментальных реакций, полученных от одного информанта, наборы ключевых слов и т.п.). Каждый контекст описывается определенным набором метаполей, актуальных для исследования.

– **Компоненты** – выбранные исследователем единицы, выделенные из анализируемого контекста. В качестве компонентов могут избираться любые входящие в контекст лингвистические единицы, от самых мелких (например, букв или слогов) до таких крупных единиц, как предложение или часть текста. Обычно контекст включает несколько компонентов, однако в предельном случае компонент может совпадать с целым контекстом. Каждый компонент, в свою очередь, может быть описан набором метаполей (как лингвистических, так и экстралингвистических). Компоненты, входящие в один контекст, автоматически считаются системой связанными.

– **Поле** – множество компонентов, объединенных каким-либо общим признаком (поля могут создаваться на основе любого заданного исследователем признака, как лингвистического – семантического, грамматического и т.п., так и экстралингвистического характера).

¹ На рисунке выделены те экземпляры классов объектов, на примере которых показаны структурные связи между объектами системы.

– **Метаполе** – структурированная единица системы, позволяющая ввести дополнительную информацию о контексте, компоненте или поле (такой информацией могут быть дата, имя автора, пол, возраст, образование и другие социальные характеристики информанта, адрес интернет-ресурса и т. др., а также лингвистические характеристики компонентов, контекстов или полей). Каждое метаполе имеет набор возможных значений в одном из таких форматов, как строка, целое, дробное, дата, файл, ссылка. Метаполя используются в системе для создания выборок контекстов, компонентов или полей.

Информационная система состоит из нескольких модулей (рис. 2):

– модуля импорта данных (поисковый робот, парсер, созданный на основе Python-фреймворк Scrapy, поисковый сервер на основе Apache Solr, а также инструменты для импорта файлов с табличным типом организации данных);

– модуля системы управления проектами (добавление приглашенных пользователей системы к проектам; детализированная система прав доступа, создание открытых проектов, коммуникационная система, создание билетов с задачами, назначение исполнителей, ведение статистики по каждому участнику проекта с графическим представлением данных, тайм-менеджмент работы);

– исследовательского модуля: 1) широкий набор инструментов анализа языкового контента; 2) результаты анализа, представленные в виде семантических карт, таблиц, частотных распределений; 3) визуализация результатов посредством интегрированной в Семограф адаптивной мультиплатформенной системы научной визуализации SciVi [5], используемой в качестве основного инструмента визуальной аналитики;

– модуля экспорта результатов во внешние приложения, в частности R (статистическую среду анализа данных), Gephi (средство построения и анализа графов), а также в табличные форматы.

Этапы работы в ИС «Семограф»

Объекты и модули информационной системы в совокупности позволяют реализовать полный исследовательский цикл, включающий следующие этапы.

1. При работе в ИС «Семограф» руководитель исследовательской группы сначала создает проект и приглашает в него участников, наделяя их определенными правами. Таким образом формируется исследовательский коллектив.

2. Формирование массива данных. В качестве материала исследования могут выступать языковые данные разных типов: тексты или текстовые массивы, слова или группы слов, фразы или предложения, ответы информантов, полученные в лингвистических экспериментах, и т.д.

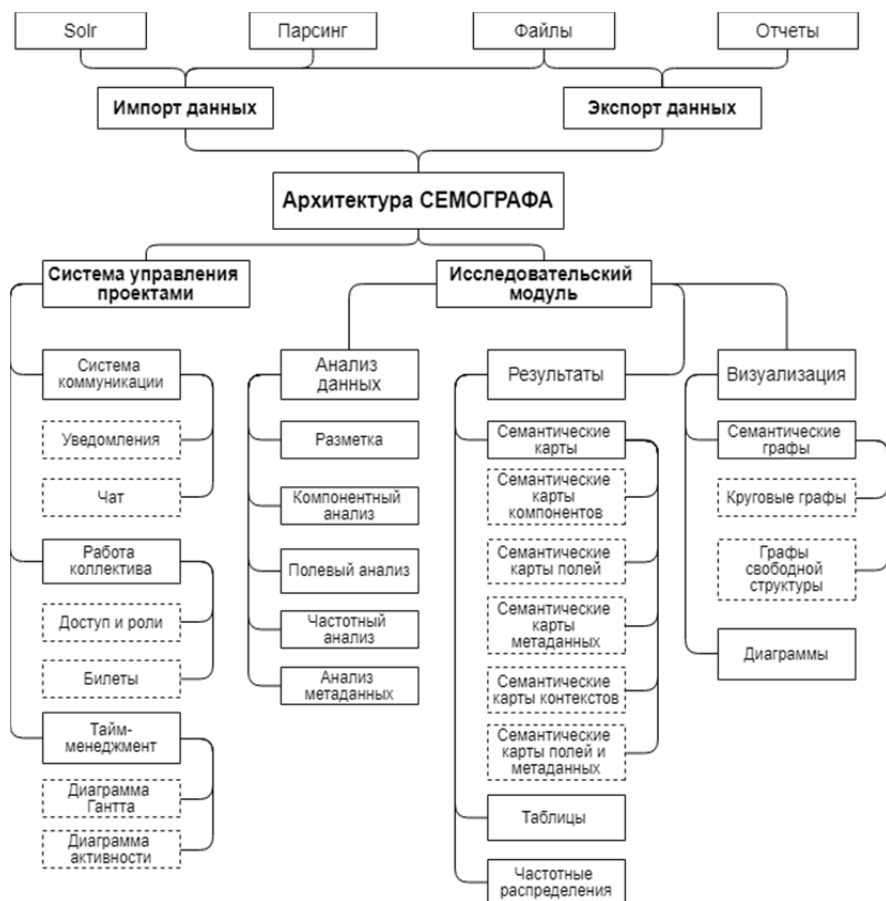

Рис. 2. Модули информационной системы «Семограф»

Данные могут вноситься в ИС «Семограф» несколькими способами:

- внесение данных вручную (данный способ может применяться, например, при онлайн-экспериментах, когда информанты вносят данные в процессе выполнения экспериментальных заданий);
- импорт с помощью загрузчика файлов (способ эффективен в тех случаях, когда анализируемый контент еще до работы в информационной системе был представлен в каком-либо офисном формате);
- импорт с помощью платформы полнотекстового поиска Solr (для импорта используются xml-файлы, хранящиеся в Solr).

На данном этапе формируются контексты проекта и им приписываются метаполя.

3. Выделение компонентов из контекстов. Компоненты могут выделяться автоматизированно (например, при импорте рефератов научных статей в качестве компонентов выделяются авторские ключевые слова) или вручную пользователем (например, вычленение словосочетаний из текста).

4. Проведение полевого анализа выделенных компонентов, т.е. объединение компонентов в поля (классы). Этот этап требует привлечения экспертов и их согласованной работы. ИС «Семограф» позволяет устанавливать не только отношения «многие к одному» между компонентами и полями (при которых компонент может входить только в одно поле), но и отношения «многие ко многим» (при которых компонент может входить в несколько полей одновременно). При этом ИС «Семограф» позволяет проводить не только простую, но и иерархическую (с системой вложенных полей) классификацию компонентов. Компоненты, входящие в одно поле, автоматически считаются системой связанными.

5. На основе проведенного деления на компоненты и классификации компонентов ИС «Семограф» автоматически генерирует семантическую карту – матрицу, отражающую совместную встречаемость двух единиц (компонентов или полей) в контекстах проекта или его выборках, организованных с помощью системы метаполей. Совместная встречаемость расматривается как связь между компонентами и / или полями.

6. На основе семантической карты может быть построен семантический граф – графическая экспликация результатов анализа связей между полями и / или компонентами в виде неориентированного графа свободной структуры или кругового графа.

7. Последний этап исследовательского цикла – интерпретация полученной модели.

Описание различных аспектов работы ИС «Семограф» можно найти в [6, 7].

Основные характеристики описания проекта

Как уже отмечалось выше, работа с лингвистическим материалом в системе «Семограф» может проводиться с использованием лингвистических методов, выбранных исследователем в соответствии с конкретной исследовательской задачей. Каждый проект может быть охарактеризован с помощью формализованной системы описания, позволяющей на первом этапе знакомства с проектом распознать в нем реализованный исследовательский фрейм. В качестве основных параметров описания проекта выступают:

1. Объекты: Пользователь, Проект, Контекст, Компонент, Слово, Лексема, Поле, Метаполе, Фрагмент, Опорное слово.

2. Операторы (действия, производимые над объектами):

2.1. Операторы машинные: Индексация, Выборка.

2.2. Операторы данных: Права доступа, Разметка, Оценка (субъективная характеристика объекта на основе использования шкал), Добавление, Принадлежность, Классификация.

2.3. Операторы результатов: Классификатор (или тезаурус), Семантическая карта, Семантический граф, Семантическое расстояние, Матрицы переходов, Таблицы частотности, Таблицы соответствий.

3. Характеристики: Значение (например, метаполе имеет значение «25 лет»), Частота, Последовательность, Локализация, Тип (текст, целое,

дробное, дата, файл), Объем (например, объем выборки), Глубина (например, глубина тезауруса = количество уровней иерархии семантических полей), Временные интервалы.

4. Режим работы: онлайн / офлайн.

5. Статус проекта: открытый / закрытый (если открытый, то указывается название проекта), количество участников и роли.

6. Дополнительная информация (дата создания проекта, автор проекта, перечень лиц, имеющих доступ к проекту, время работы их с проектом и т.д.).

Из разных комбинаций основных параметров можно создавать разнообразные схемы работы с лингвистической информацией для решения широкого круга исследовательских задач. Рассмотрим далее использование ИС «Семограф» в организации сетевого научного исследования в области лингвистики на примере проекта “Social Network Analysis”. Данный проект выбран в качестве примера, так как многогранно представляет возможности работы с информационной системой «Семограф»: в исследовании участвует значительное количество экспертов, одновременно работающих с языковым материалом; привлекается внушительный объем анализируемого материала, автоматизированно собранного от большого числа пользователей соцсети; при обработке лингвистического материала используется многоуровневая система классификации; экстралингвистическая разметка анализируемого массива осуществляется с помощью сложной системы метаописания, характеризующей социальные, поведенческие и психологические параметры пользователей соцсети, а получаемые результаты соотносят самые разные стороны социальных, поведенческих, психологических и языковых характеристик информантов.

Проект “Social Network Analysis”

Характеристики проекта “Social Network Analysis”

1. Проект “Social Network Analysis”.

1.1. Тип проекта: закрытый.

1.2. Время создания проекта: 2017 г.

1.3. Материал проекта: 340 контекстов (каждый контекст представляет собой набор реплик – постов и комментариев пользователя соцсети), 19 179 компонентов (каждый компонент – одна из реплик пользователя).

2. Пользователи: эксперты (12 чел.).

3. Метаполя.

3.1. Метаполя контекстов: пол, возраст, количество пользовательских постов, количество постов друзей, количество друзей, количество набранных лайков (медиана), значения по пяти параметрам теста BFI (bfie, bfic, bfin, bfia, bfio), показатели самооценки.

3.2. Метаполя контекстов: используются для создания выборок.

4. Операторы: Права доступа: не ограничены для экспертов.

5. Режим работы: офлайн (данные экспортировались в систему с помощью загрузчика файлов).

6. Классификация: экспертная.

6.1. Поля: 43 поля.

6.2. Глубина иерархии: 4 уровня иерархии (компоненты принадлежат полю нижнего уровня иерархии и автоматически входят в поля более высоких уровней).

7. Операторы результата (результаты, которые можно получить на данном этапе работы с этим проектом):

7.1. Анализ метаполей (пол; возраст; BFI-параметры и т.д. и их сочетания);

7.2. Семантическая карта связи полей, семантическая карта связи полей и метаполей;

7.3. Семантический граф связи полей, семантический граф связи полей и метаполей;

8. Дополнительная информация: цель проекта – выявление зависимостей между языковыми, социальными и психологическими характеристиками пользователей социальных сетей.

Цели и задачи проекта “Social Network Analysis”

В современной науке существует запрос на создание фундаментальной концепции личности, которая бы позволила описывать, объяснять и прогнозировать речевое и неречевое поведение человека и социальных групп, включая группы пользователей социальных интернет-сервисов (Social Network Services – SNS) [8–13]. Несмотря на широкий спектр задач, решаемых в области исследования SNS, в открытых источниках пока не встречаются концепции комплексного анализа типов их пользователей, взаимосвязей между ними и моделей их поведения.

В исследовании ставилась **задача** разработки социокогнитивной модели пользователя социальной сети на основе многопараметрического анализа речевого поведения, социальных параметров и психологических характеристик личности.

Комплексное описание пользователей SNS должно основываться на моделях интеграции социального, поведенческого, психологического и языкового компонентов личности. В качестве социальных параметров рассматривается информация из профиля пользователя (пол, возраст, образование, сфера интересов, социальное окружение и др.); в качестве поведенческих – предпочтения (например, отмеченные как понравившиеся публикации и другие материалы, размещаемые в Сети) и т.п. Психологические параметры выявляются в результате психологического опроса, а языковые – на основе анализа комментариев пользователей.

Проведение психологического опроса

В качестве психологического опросника использовалась русская версия «Вопросника Большой Пятерки» (BFI – Big Five Inventory) [14, 15]; автор адаптированной русскоязычной версии С.А. Щебетенко [16].

В опросе участвовали студенты одного из российских университетов. Опрос проводился в лаборатории; форма опроса – письменное анкетирование в группах от 8 до 25 человек. Участников просили указать в бланке вопросника свои имя, фамилию и адрес электронной почты. Эта информация впоследствии использовалась для поиска профилей в социальной сети «ВКонтакте».

Всего было идентифицировано 943 профиля.

Участникам сообщалось, что они могут отказаться от участия в исследовании, чем воспользовалось менее 1% предполагавшихся участников. Участникам гарантировалась анонимность. Доступ к идентификаторам черт личности имел только один из авторов данной статьи. Идентификаторы черт не передавались третьим лицам, включая соавторов данной статьи. После сбора лингвистических данных они были объединены с данными черт личности пользователей в одну матрицу, после чего идентификаторы были удалены из матрицы, а строки рандомизированы. Таким образом, материал был полностью обезличен.

Используемый опросник позволил получить данные о выраженности пяти психологических черт личности: экстраверсии / интроверсии, доброжелательности / враждебности, добросовестности / недобросовестности, нейротизма / эмоциональной стабильности, открытости новому опыту / консерватизма. Обработка полученных данных осуществлялась по стандартному ключу опросника BFI [17].

Каждая из психологических характеристик личности описывалась с помощью пятибалльной шкалы проявления двух противопоставленных признаков, вычисляемых на основе данных математического ожидания (M) и стандартного отклонения (SD): «++» – максимальное проявление признака ($M+2SD$), «+» – значимое проявление признака ($M+SD$), «0» – признак не выражен. Например, экстраверсия / интроверсия информанта может описываться как сильно выраженная экстраверсия («экстраверсия++» – $M+2SD$), или выраженная экстраверсия («экстраверсия+» – $M+SD$), или невыраженная экстраверсия / интроверсия («0»), или выраженная интроверсия («интроверсия+» – $M-SD$), или сильно выраженная интроверсия («интроверсия++» – $M-2SD$).

Значения математического ожидания (M) и стандартного отклонения (SD) для пяти шкал: экстраверсия / интроверсия: $M = 3.38$, $SD = 0.71$; доброжелательность / враждебность: $M = 3.47$, $SD = 0.58$, добросовестность / недобросовестность: $M = 3.34$, $SD = 0.65$, нейротизм / эмоциональная стабильность: $M = 3.06$, $SD = 0.73$, открытость новому опыту / консерватизм: $M = 3.76$, $SD = 0.64$.

Лингвистический анализ материала в проекте “Social Network Analysis”

В проекте Social Network Analysis материал исследования представляет собой данные о профилях участвовавших в психологическом опросе поль-

зователей и их тексты в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com). Для сбора информации из социальной сети «ВКонтакте» была использована платформа API ВКонтакте (интерфейс, который позволяет получать информацию из базы данных с помощью http-запросов к специальному серверу). Стандартные средства API «ВКонтакте» позволяют собрать данные о профиле пользователя: книгах, фильмах, музыке и т.д., однако не предоставляют возможность получить все его комментарии одним запросом. Эта проблема была решена путем автоматического перебора комментариев к записям на личных страницах пользователя и его друзей и проверкой их авторства. Все полученные сведения были собраны в одной базе и обезличены. Общий объем материала – 19 179 автоматизировано собранных реплик 340 пользователей, прошедших психологический опрос.

На следующем этапе осуществлялась их загрузка в ИС «Семограф». На рис. 3 в качестве примера представлено окно контекста проекта «Social Network Analysis», в котором размещена вся собранная информация об одном пользователе. Сверху слева дано название контекста – в данном случае номер информанта (345). Ниже приводится сам контекст, который в данном проекте представляет собой совокупность реплик информанта в социальной сети «ВКонтакте» с пометами о времени их размещения. Справа показаны компоненты – отдельные реплики данного информанта. Снизу приводятся метаполя, приписанные данному контексту (пол, возраст информанта и его психологические параметры, выявленные в результате психологического опроса). Социальная информация часто представлена факультативно (если отмечена пользователем в профиле), психологические параметры отмечены у каждого информанта.

Для лингвистического анализа материала был разработан многоуровневый классификатор, учитывающий такие языковые параметры, как дейктические показатели, модальность, субъективно-оценочные значения, использование эмодиконов, бранной лексики и др. Процедура классификации состояла в приписывании каждой реплики к определенным ячейкам классификатора на основании представленности в данной реплике определенного языкового параметра.

При проведении классификации компонентов в проекте соблюдаются следующие принципы:

1) классификация проводилась несколькими экспертами (в процессе классификации вырабатывалась согласованная позиция всех экспертов по спорным вопросам);

2) каждое поле (класс) формировалось рядом лингвистических единиц, которые обладали общим признаком (данный признак может иметь любую природу, как лингвистическую – грамматическую, семантическую, синтаксическую, стилистическую и т.д., так и экстралингвистическую);

3) одна реплика могла быть отнесена к нескольким полям (если включала несколько лингвистических единиц, рассматриваемых в исследовании, например одновременно бранную лексику и эмодикон).

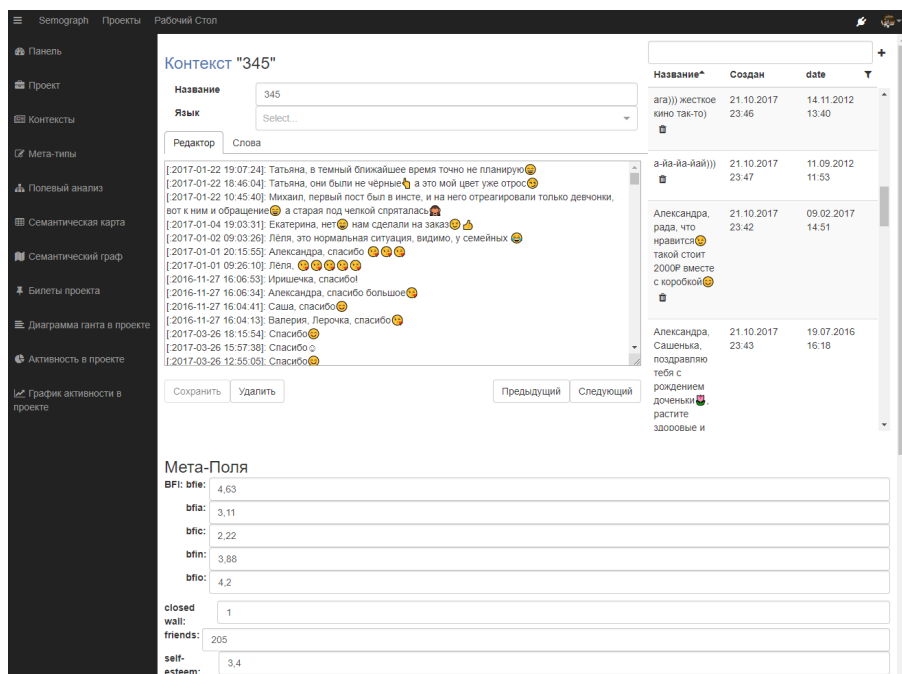

Рис. 3. Окно контекста проекта «Social Network Analysis» в информационной системе «Семограф»

В данном проекте при классификации использовалась иерархическая система вложенных полей (максимальное количество уровней – 4). Пример окна классификации приведен на рис. 4. Интерфейс классификации экспериментальных реакций состоит из трех столбцов: ПОЛЯ, КОМПОНЕНТЫ и КОНТЕКСТЫ.

В левом столбце ПОЛЯ приведены семантические поля; в среднем КОМПОНЕНТЫ – реплики пользователей социальной сети; в правом КОНТЕКСТЫ – множества реплик тех информантов, которые использовали данный компонент. В столбце КОМПОНЕНТЫ отражаются частотность употребления реплик во всем корпусе реакций (столбец С) и количество вхождений данной единицы в семантические поля (столбец F). Например, реплика *Блин, это и есть Курт*) (факт вхождения фиксируется под реакцией в виде списка семантических полей и цифрой «3» столбца F, передающего количество разных полей, в которые входит реакция). В данном примере реплика относится к полям БЛИН (ЭВФЕМИЗМЫ БРАНИ), БЛИЗКО (ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС) и КОНЕЦ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (указание на расположение ЭМОТИКОНА).

Возможности иерархической классификации позволяют каждому эксперту создавать и разрабатывать отдельную ветку классификации (например, отдельно от других экспертов анализировать ссылки или стилистику реплик). Таким образом, один и тот же материал рассматривается разными

экспертами с различных точек зрения и создается его многопараметрическая лингвистическая классификация. Разработанный классификатор, размеченный контент и социальные параметры пользователей составили базу данных «Речевые и неречевые параметры пользователей социальной сети» [18].

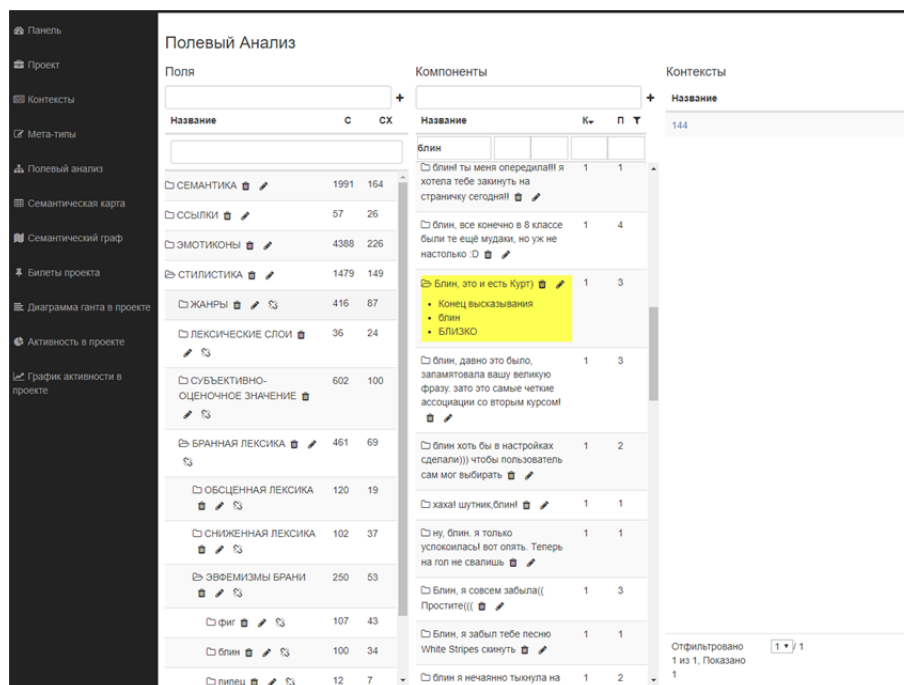

Рис. 4. Иерархическая классификация компонентов в проекте «Social Network Analysis»

На следующем этапе результаты полевого анализа реакций информантов обрабатывались с помощью инструментария ИС «Семограф»: автоматически вычислялись объемы семантических полей и строилась таблица сопряженности, отражающая распределение семантических полей по выделенным метаполям, а также семантические графы, визуализирующие связи между социальными и психологическими параметрами информантов, с одной стороны, и особенностями их речевого поведения – с другой.

Результаты проекта Social Network Analysis

Результаты анализа генерируются в ИС «Семограф», как уже упоминалось выше, в виде семантических карт и семантических графов разного типа. В настоящем проекте для визуализации используется круговой граф с кольцевой иерархической шкалой и дополнительной шкалой фильтрации.

Опишем структуру графа. На круговой шкале на одной из частей окружности (нижней) представлен небольшой набор выделенных языко-

вых параметров, на другой (верхней) – даны психологические параметры пользователей. «Психологические» вершины графа соединяются с «языковыми» вершинами; при этом толщина линии пропорциональна силе связи между параметрами и можно активировать связи отдельного узла графа (как «психологического», так и «лингвистического»), наводя на него курсор и выделяя левой клавишей мыши. Кроме того, результаты, представленные на графе, можно дополнительно отфильтровать по гендерной принадлежности информантов (шкала фильтрации по социальным параметрам находится ниже круговой шкалы). Интерактивный граф результатов проекта Social Network Analysis доступен по ссылке (<http://graph.semograph.org/cgraph/psycho>).

Покажем возможности ИС «Семограф» при моделировании взаимосвязей лингвистических параметров речи и социопсихологических характеристик личности на примере анализа употребления бранных слов, особенностей дейксиса и некоторых других лингвистических характеристик.

Социально-психологические параметры использования ненормативной лексики

При анализе употребления бранной лексики в открытой сетевой коммуникации рассматривались три группы этой лексики (обсценная лексика, брань и эвфемизмы брани) в речи мужчин и женщин.

На рис. 5 показаны психологические характеристики женщин и мужчин, использующих в своей письменной публичной речи обсценную лексику. На графе видно, что женщины, обращающиеся к обсценной лексике, характеризуются ярко выраженной интроверсией, враждебностью и нейротизмом, т.е. сочетанием асоциальных психологических черт; у мужчин не наблюдается столь четкой привязки к психологическим характеристикам, среди мужчин, использующих обсценную лексику, встречаются люди с невыраженными чертами по BFI, с чертами, выраженными сильно и слабо, имеющими положительный или отрицательный знак. Таким образом, обсценную лексику в речи используют женщины с определенным ограниченным набором психологических характеристик; в отношении мужчин нельзя говорить об однозначном соответствии между обращением к обсценной лексике и психологическими чертами. Следовательно, обсценная лексика может выступать маркером психологических черт только для женщин.

На рис. 6 показано использование бранной лексики, на рис. 7 – эвфемизмов брани в зависимости от психологических характеристик информантов и их пола. Сравнение графов на рис. 5, а; 6, а; 7, а показывает, что для женщин, использующих обсценную лексику, брань и эвфемизмы брани в открытых постах социальной сети, спектр психологических характеристик тем шире, чем менее грубой оказывается лексика. Так, обсценную лексику использовали только женщины с ярко выраженной интроверсией, враждебностью и нейротизмом; бранную лексику используют женщины с выраженной враждебностью и нейротизмом, однако уже не только интроверты, но и экстраверты; эвфемизмы брани встречаются у женщин не

только с нейротизмом, но и с положительным эмоциональным фоном, не только у характеризующихся враждебностью, но и у тех, у кого данная психологическая черта не выражена, у интровертов и экстравертов.

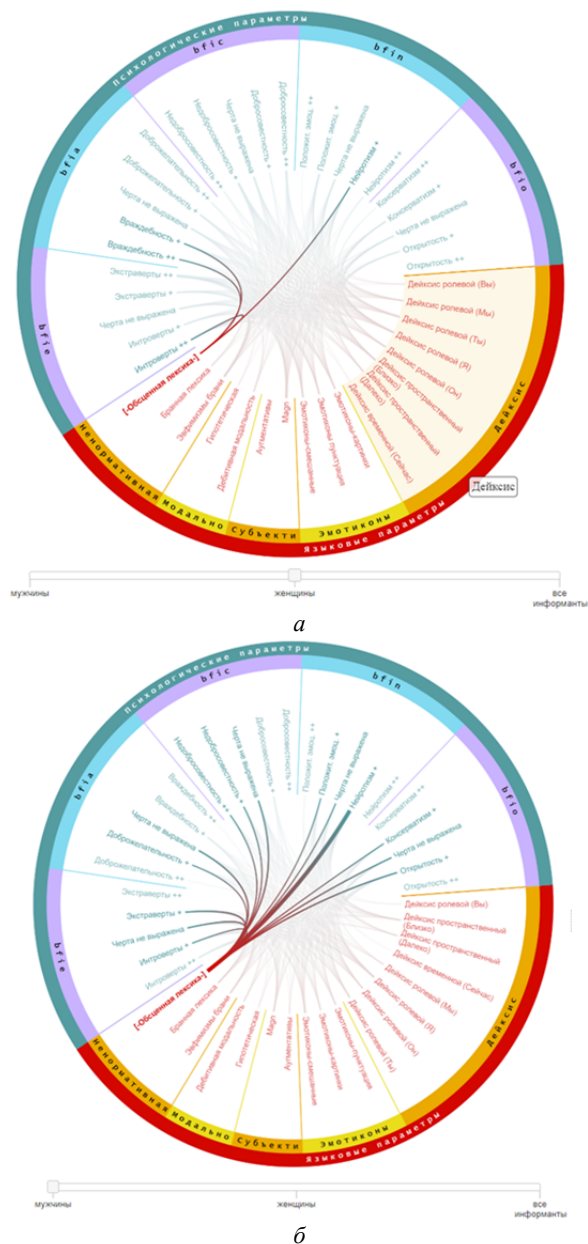

Рис. 5. Социально-психологические параметры использования обценной лексики:
а – женщинами; б – мужчинами

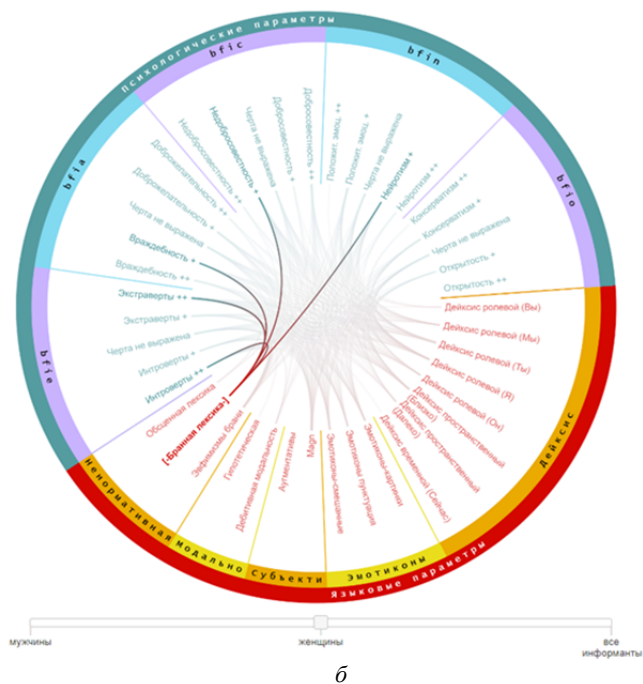

Рис. 6. Социально-психологические параметры использования бранной лексики:
а – женщинами; б – мужчинами

Рис. 5, б; 6, б; 7, б, показывающие психологическую обусловленность использования грубой лексики у мужчин, демонстрируют широкий спектр психологических черт вне зависимости от степени грубости используемой лексики. Это свидетельствует о том, что мужчины используют и обсценную лексику, и брань, и эвфемизмы брани вне зависимости от психологических характеристик, не различая стилистически эти пласты лексики, в то время как женщины чувствуют стилистическую разницу между эвфемизмами брани и собственно бранными словами, и последние используются только женщинами с определенными психологическими чертами.

Таким образом, мы видим, что психологические параметры не являются универсальными для мужчин и женщин: для каждого гендера наблюдается свой набор психологических характеристик, связанных с использованием грубой лексики. Причины этого лежат, очевидно, в истории русской культуры и традициях: ранее обсценная лексика была табуирована и могла использоваться только мужчинами при совершении обрядовых действий, позднее ее использование уже не было табуировано, но строго ограничивалось мужским обществом [19, 20].

Лингвистические параметры экстраверсии / интроверсии

Обратимся теперь к лингвистическим характеристикам речи интровертов и экстравертов (рис. 8–9). Здесь рассматриваются только наиболее выраженные типы экстраверсии и интроверсии: «интроверты ++» у мужчин и женщин, «экстраверты ++» у женщин и «экстраверты +» у мужчин (среди информантов-мужчин не встретилось экстравертов типа «++», что само по себе является интересным фактом взаимодействия социальных и психологических параметров).

Особенности речевого поведения интровертов-женщин и интровертов-мужчин (рис. 8) оказываются весьма сходными: и те, и другие говорят в своей публичной речи в социальных сетях о себе (ролевой дейксис «Я»), употребляют высшую степень проявления признака (Magn), а также эвфемизмы брани. Наблюдается лишь небольшая разница между мужчинами и женщинами в том, что при выборе дейктических категорий женщины более открыты ближайшему окружению и используют показатель «ТЫ», в то время как мужчины обозначают ближайшее пространство (пространственный дейксис «близко»).

Что касается экстравертов (рис. 9), то здесь наблюдается совсем иная картина. Лингвистические черты речи экстравертов-женщин практически ничем не ограничены: из рассмотренных лингвистических параметров женщинами-экстравертами не используется только 4 – обсценная лексика, дебитивная модальность, аугментативы. Спектр характеристик речи экстравертов-мужчин уже. Мужчины-экстраверты активно пользуются всеми видами грубой лексики, словами, выражающими высшую степень проявления признака (Magn), эмотиконами, состоящими из знаков препинания или смешанными (но не отдельными эмотиконами-картинками), и роле-

вым дейксисом, избегая социально маркированной формы («ВЫ»), а также пространственного и временного дейксиса.

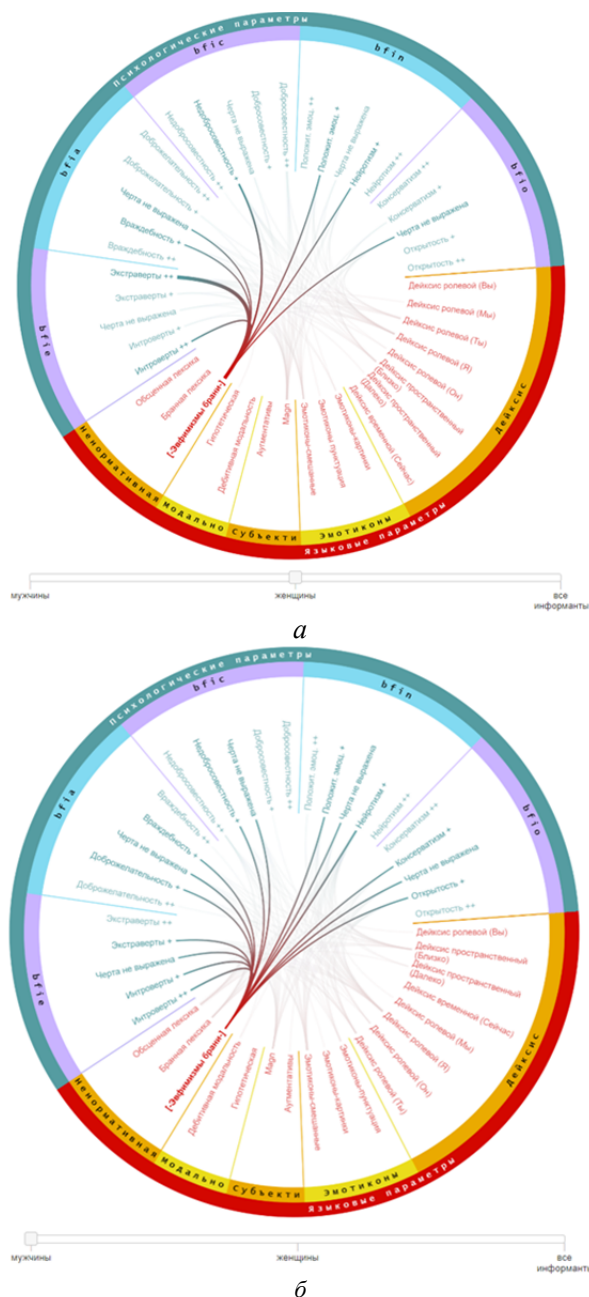

Рис. 7. Социально-психологические параметры использования эвфемизмов брани:
а – женщинами; б – мужчинами

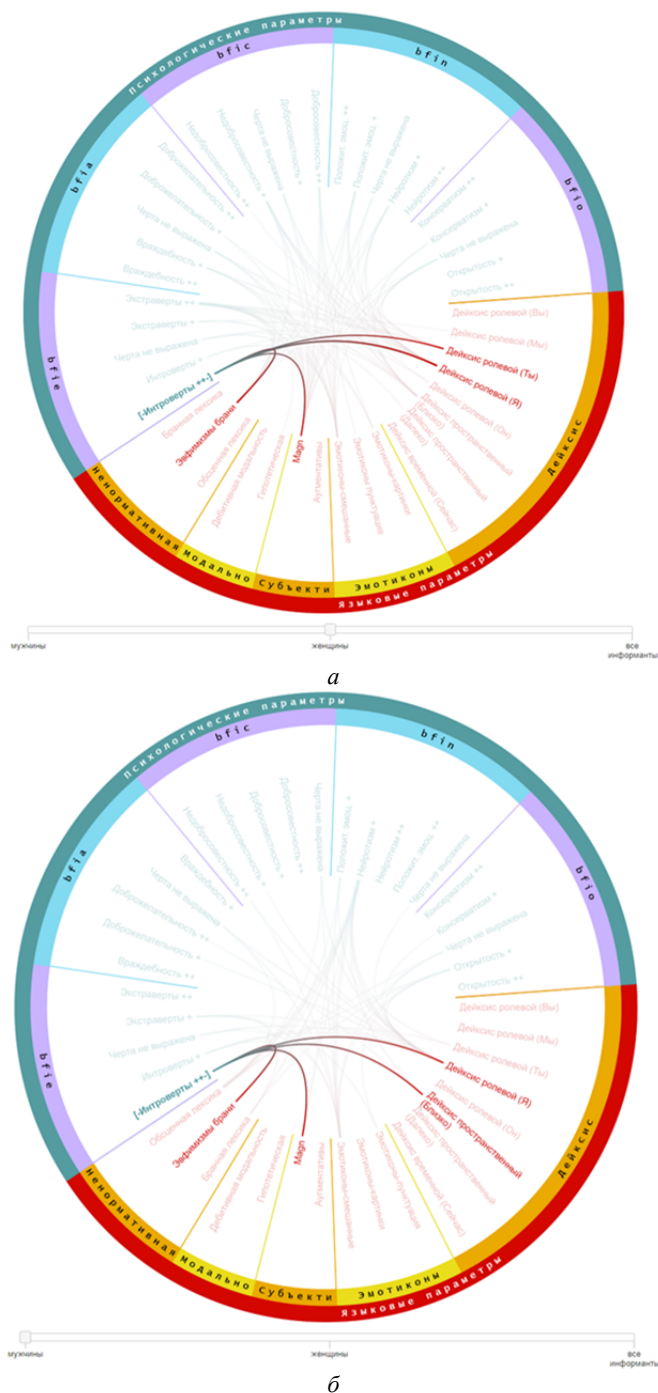
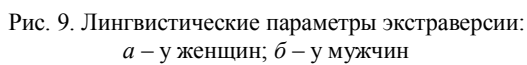

Рис. 8. Лингвистические параметры интроверсии:
а – у женщин; б – у мужчин

Как видим, для интровертов – как мужчин, так и женщин – характерна бóльшая избирательность языковых средств, чем для экстравертов; при этом у женщин данная черта проявляется значительно ярче.

В целом проведенный анализ показывает сложную взаимозависимость психологических, социальных и речевых характеристик личности.

Заключение

В настоящее время существует большое количество программных продуктов, так или иначе связанных с анализом языкового материала, однако в лингвистических исследованиях они используются относительно редко, поскольку не дают тех методологических, технологических и организационных возможностей, которые необходимы для языковедческого анализа. В этой связи очевидна необходимость в создании доступных и многофункциональных инструментов для решения широкого спектра лингвистических задач, связанных с моделированием фрагментов языковой и социокультурной действительности на основе анализа языковых / текстовых массивов.

В статье показаны возможности анализа лингвистического материала на платформе информационной системы «Семограф». «Семограф» позволяет организовать удаленную многопользовательскую работу над проектами и управлять работой коллектива. Инструментарий включает методы создания многоуровневых систем классификации, контент-анализа и частотного анализа текстов и текстовых корпусов, осуществление лингвистической и экстралингвистической разметки текстов и др. В системе осуществляется полный цикл исследования, включая сбор материала, обработку и экспертный анализ данных, построение моделей, основанных на принципах редактируемой визуализации.

Работа системы показана на примере научного проекта «Social Network Analysis», посвященного разработке социокогнитивной модели пользователя социальной сети на основе многопараметрического анализа речевого поведения, социальных параметров и психологических характеристик личности. Применение «Семографа» позволило сопоставить социальные, психологические и языковые характеристики пользователей социальной сети, а разработанные средства визуализации предоставили возможность на основе анализа имеющихся и отсутствующих связей между отдельными языковыми и психологическими параметрами получить значимую для предметной области информацию. Так, были выявлены различия в использовании средств ролевого (в том числе социально маркированного) и пространственного дейксиса у пользователей-экстравертов и интровертов. Интересны различия в использовании бранной и обценной лексики в письменной речи пользователей, имеющих ярко выраженные черты консерватизма и открытости и т. д. Кроме того, речевая вариативность может объясняться не только психологическими различиями, но и гендерными (в частности, публичное использование обценной лексики имеет связи с разными

психологическими характеристиками в мужской и женской группах пользователей), точнее, взаимодействием психологических и социальных параметров.

Развитие современных информационных технологий позволяет сохранять результаты речевой деятельности отдельных людей и социума в целом – различные варианты спонтанных, полуспонтанных и подготовленных письменных текстов. В силу системного характера когниции и больших объемов доступного текстового материала появляется возможность анализировать не только собственно лингвистические характеристики текста, но и отражение в них психологических и социальных черт говорящих. Информационная система «Семограф» позволяет, с одной стороны, работать с большими массивами текстов, используя лингвистическую и экстралингвистическую разметку, с другой стороны, применять сетевую модель организации исследований, что в совокупности дает преимущества при создании моделей фрагментов языковой и социокультурной действительности.

Литература

1. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
2. *Пурдехнад Д.* Открытые инновации и социальные сети // Проблемы управления в социальных системах. 2012. Т. 4, № 7. С. 22–27.
3. *Cooke N.J., Hilton M.L.* (Eds.). Enhancing the Effectiveness of Team Science / Committee on the Science of Team Science; Board on Behavioral, Cognitive, and Sensory Sciences; Division of Behavioral and Social Sciences and Education; National Research Council. Washington DC : The National Academies Press, 2015. 256 p.
4. *Citizen science.* URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_citizen_science_projects (date of access: 03.08.2018).
5. *Рябинин К.В., Баранов Б.Д., Белоусов К.И.* Интеграция информационной системы Семограф и визуализатора SciVi для решения задач экспертного анализа языкового контента // Научная визуализация. 2017. № 4. С. 67–77.
6. *Белоусов К.И.* Теория и методология полиструктурного синтеза текста. М. : Флинта : Наука, 2009. 216 с.
7. *Baranov D.A., Belousov K.I., Ichkineeva D.A., Zelyanskaya N.L.* The network organization of experimental research in linguistics: opportunities and prospects // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 214. P. 958–964.
8. *Liu D., Baumeister R.F.* The Big Five Personality Traits, Big Two Metatraits and Social Media: A Meta-Analysis // *Journal of Research in Personal*. 2017. Vol. 70. P. 229–240.
9. *Morrison M.A., Cheong H.J., McMillan S.* Posting, Lurking, and Networking: Behaviors and Characteristics of Consumers in the Context of User-Generated Content Morrison // *Journal of Interactive Advertising*. 2013. Vol. 13, № 2. P. 97–108.
10. *Nadkarni A.* Why Do People Use Facebook? // *Personality and Individual Differences*. 2012. Vol. 52, № 3. P. 243–249.
11. *Pentina I., Zhang L.* Effects of Social Support and Personality on Emotional Disclosure on Facebook and in Real Life // *Behaviour and Information Technology*. 2017. Vol. 36, № 5. P. 484–492.
12. *Wang X., Li Y.* Users' Satisfaction with Social Network Sites: A Self-Determination Perspective // *Journal of Computer Information Systems*. 2015. Vol. 56, № 1. P. 48–54.

13. Zuniga H.G. de, Diehl T., Huber B., Liu J. Personality Traits and Social Media Use in 20 Countries: How Personality Relates to Frequency of Social Media Use, Social Media News Use, and Social Media Use for Social Interaction // *Cyberpsychology, Behavior, And Social Networking*. 2017. Vol. 20, № 9. P. 540–552.

14. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big-Five Inventory-Version 4a and 54. Berkeley, CA : Berkeley Institute of Personality and Social Research; University of California, 1991.

15. John O.P., Naumann L.P., Soto C.J. Paradigm Shift to the Integrative Big-Five Trait Taxonomy: History, Measurement, and Conceptual Issues // O.P. John, R.W. Robins, L.A. Pervin (eds.). *Handbook of personality: Theory and research*. New York, NY : Guilford Press, 2008. P. 114–158.

16. Shchebetenko S. Reflexive Characteristic Adaptations Explain Sex Differences in the Big Five: but not in Neuroticism // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 111. P. 153–156.

17. Shchebetenko S. “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Vol. 11, № 3. P. 129–148.

18. База данных «Речевые и неречевые параметры пользователей социальной сети»: Свидетельство о государственной регистрации базы данных, охраняемой авторскими правами / Баранов Д.А., Белоусов К.И., Боронникова Н.В., Ерофеева Е.В., Зелянская Н.Л., Константинов И.М., Обухова И.А., Руденко Е.С., Русинова И.И., Худякова Е.С. М. : Федеральная служба по интеллектуальной собственности. Внесена в реестр баз данных, регистрационный № 2018621839 от 20.11.2018.

19. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // *Русистика*. 1994. № 1/2. С. 50–73.

20. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья первая) // *Studia Slavica Hungarica*. 1983. Vol. 29. P. 33–69.

The Multi-Parameter Analysis of Linguistic Data in the Information System Semograf (On the Example of the Study of Social Network Users' Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 6–29. DOI: 10.17223/19986645/64/1

Konstantin I. Belousov, Elena V. Erofeeva, Dmitriy A. Baranov, Natalya L. Zelyanskaya, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: belousovki@gmail.com / elenerofeev@gmail.com / baranov@semograph.com / zelyanskaya@gmail.com

Sergei A. Shchebetenko, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: shebetenko@rambler.ru

Keywords: network science, social network-services, information system Semograph, multi-parameter analysis, visual analytics, semantic graph modeling.

The aim of this article is to demonstrate the capabilities of the information system Semograph (<http://semograph.org>) as a tool for text content analysis when implementing a network approach to the organization of scientific research in linguistics. Semograph can be used for the analysis of text data, creation and/or annotation of language/text corpora, conducting, processing and analysis of psycholinguistic and sociolinguistic experiments, development of classifiers and thesauri, and solving other problems that arise when analyzing language material. Semograph implements the principles of a full research cycle, network distribution of research participants, a multi-user mode of operation and methodological pluralism. The possibilities of network organization of work in Semograph are shown on the example of a multiparametric analysis of speech behavior, social parameters and psychological characteristics of users of the social network VKontakte. The total volume of the automatically collected material is 18,126 utterances of 340 users who have completed a psychological survey of BFI, according to which results of the severity of the five psychological personal traits (extraversion vs. introversion, agreeableness vs. antagonism, conscientiousness vs. lack of direction,

neuroticism vs. emotional stability, openness vs. closedness to experience) are determined. For the analysis of the text material, a multi-level hierarchical classifier was developed that allows each expert-linguist to create and develop a separate classification branch (thus, the same material is considered by different experts from different points of view, and its multi-parametric linguistic classification is created). This classification and specific user metadata (gender, psychological characteristics, etc.) provide the basis for constructing a model of interrelations between linguistic parameters of speech and socio-psychological characteristics of a person by means of interactive visual analytics. The article demonstrates these interrelations on the example of differences in the use of role and spatial deixis tools by extroverts and introverts, abusive and obscene lexical units by users with a strong tendency for closedness and openness to experience, etc. The resulting model shows that the speech variability of texts is due to the interaction of psychological and gender characteristics of the informants, rather than a single act of these factors. In general, the article demonstrates that the information system Semograph allows, on the one hand, analyzing large arrays of texts with linguistic and extra-linguistic annotations, on the other hand, applying a network model of research organization that in the aggregate gives advantages in constructing models of fragments of linguistic and sociocultural reality.

References

1. Castells, M. (2004) *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Translated from English. Yekaterinburg: U-Faktoriya.
2. Pourdehnad, D. (2012) Open Innovations and Social Networking. *Problemy upravleniya v sotsial'nykh sistemakh – Problems of Governance*. 4 (7). pp. 22–27. (In Russian).
3. Cooke, N.J. & Hilton, M.L. (eds) (2015) *Enhancing the Effectiveness of Team Science*. Washington DC: The National Academies Press.
4. Wikipedia. (2018) *Citizen Science*. [Online] Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_citizen_science_projects. (Accessed: 03.08.2018).
5. Ryabinin, K.V., Baranov, B.D. & Belousov, K.I. (2017) Integration of Semograph Information System and SciVi Visualizer for Solving the Tasks of Lingual Content Expert Analysis. *Nauchnaya vizualizatsiya – Scientific Visualization*. 4. pp. 67–77. (In Russian). DOI: 10.26583/sv.9.4.07
6. Belousov, K.I. (2009) *Teoriya i metodologiya polistrukturnogo sinteza teksta* [Theory and Methodology of Multistructural Text Synthesis]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Baranov, D.A., Belousov, K.I., Ichkineeva, D.A. & Zelyanskaya, N.L. (2015) The network organization of experimental research in linguistics: opportunities and prospects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 214. pp. 958–964. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.681
8. Liu, D. & Baumeister, R.F. (2017) The Big Five Personality Traits, Big Two Metatraits and Social Media: A Meta-Analysis. *Journal of Research in Personal*. 70. pp. 229–240.
9. Morrison, M.A., Cheong, H.J. & McMillan, S. (2013) Posting, Lurking, and Networking: Behaviors and Characteristics of Consumers in the Context of User-Generated Content Morrison. *Journal of Interactive Advertising*. 13 (2). pp. 97–108.
10. Nadkarni, A. (2012) Why Do People Use Facebook? *Personality and Individual Differences*. 52 (3). pp. 243–249.
11. Pentina, I. & Zhang, L. (2017) Effects of Social Support and Personality on Emotional Disclosure on Facebook and in Real Life. *Behaviour and Information Technology*. 36 (5). pp. 484–492.
12. Wang, X. & Li, Y. (2015) Users' Satisfaction with Social Network Sites: A Self-Determination Perspective. *Journal of Computer Information Systems*. 56 (1). pp. 48–54.
13. Zuniga, H.G. de, Diehl, T., Huber, B. & Liu, J. (2017) Personality Traits and Social Media Use in 20 Countries: How Personality Relates to Frequency of Social Media Use, So-

cial Media News Use, and Social Media Use for Social Interaction. *Cyberpsychology, Behavior, And Social Networking*. 20 (9). pp. 540–552.

14. John, O.P., Donahue, E.M. & Kentle, R.L. (1991) *The Big-Five Inventory-Version 4a and 54*. Berkeley, CA: Berkeley Institute of Personality and Social Research; University of California.

15. John, O.P., Naumann, L.P. & Soto, C.J. (2008) Paradigm Shift to the Integrative Big-Five Trait Taxonomy: History, Measurement, and Conceptual Issues. In: John, O.P., Robins, R.W. & Pervin, L.A. (eds) *Handbook of Personality: Theory and Research*. New York, NY: Guilford Press. pp. 114–158.

16. Shchebetenko, S. (2014) “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 11 (3). pp. 129–148.

17. Shchebetenko, S. (2017) Reflexive Characteristic Adaptations Explain Sex Differences in the Big Five: but not in Neuroticism. *Personality and Individual Differences*. 111. pp. 153–156.

18. Baranov, D.A. et al. (2018) *Baza dannykh “Rechevye i nerechevye parametry pol’zovateley sotsial’noy seti”*: *Svidetel’sтво o gosudarstvennoy registratsii bazy dannykh, okhranyaemoy avtorskimi pravami* [Database “Speech and Non-Speech Parameters of Social Network Users”: Certificate of State Registration of a Database Protected by Copyright]. Moscow: Federal Service for Intellectual Property. Registration No. 2018621839 of 20 November 2018.

19. Mokienko, V.M. (1994) Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoe i netsenzurnoe [Russian Obscene Words: The Censored and the Obscene]. *Rusistika*. 1/2. pp. 50–73.

20. Uspenskiy, B.A. (1983) Mifologicheskii aspekt russkoy ekspressivnoy frazeologii (stat’ya pervaya) [The Mythological Aspect of Russian Expressive Phraseology (Article One)]. *Studia Slavica Hungarica*. XXIX. pp. 33–69.

УДК 81-112.4
DOI: 10.17223/19986645/64/2

Е.В. Генералова

ЛЕКСИКА ПРОСТОРЕЧНОГО ХАРАКТЕРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVI–XVII в.¹

Рассматривается возможность постановки вопроса о просторечии до возникновения литературного языка, критериях определения просторечного характера лексики в языке XVI–XVII вв., лексикографической интерпретации этой лексики в историческом словаре. База исследования – материалы «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и картотеки этого словаря, отражающие процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи в сложном взаимодействии разных лексических пластов.

Ключевые слова: просторечие, разговорно-просторечная лексика, старорусский язык, историческая лексикология, историческая лексикография.

Введение. Просторечие как исторически изменчивое явление

Просторечие – динамическое явление, которое может быть интерпретировано в функциональном (как подсистема литературного языка) и в стилистическом (как окрашенные с точки зрения употребления языковые средства) отношении, и исследователи современного языкового материала достаточно последовательно разграничивают эти два аспекта, выделяя, с одной стороны, просторечие как подсистему национального языка, а с другой стороны, просторечие как стилистическую категорию [1, 2]. Достаточно часто понятие «просторечие» связывается с лексикой, в научной литературе распространен термин «разговорно-просторечная лексика» (см., например, [3]).

Ю.С. Сорокиным была выявлена неоднородность и историческая изменчивость содержания категории просторечия [4. С. 100], см. также [5. С. 76, 77]. Это очень важный тезис: меняются не только границы просторечия в процессе развития языка, но исторически меняется содержание категории просторечия.

Согласно выводам Г.П. Князьковой просторечие как функциональная система существует в русском языке с XVIII в. [6].

Предметом исследования настоящей статьи являются процессы, происходящие в языке предшествующего – старорусского – периода (XV–XVII вв.). Как показывает анализ языкового материала, памятники XVI–XVII вв.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

демонстрируют начало сложения просторечия как набора стилистически окрашенных языковых средств, и в старорусском языке можно выделить ряд элементов (в частности, лексических), составляющих основу будущего просторечия.

В настоящей статье рассматриваются вопросы:

- что следует понимать под просторечием в истории языка;
- каковы критерии выделения лексики такого рода в языке XVI–XVII вв.;
- какую лексикографическую интерпретацию эта лексика может получать в историческом словаре.

Лингвистической базой исследования послужили в первую очередь материалы вышедших 7 выпусков и хранящейся в СПбГУ картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ) [7] – совместного лексикографического проекта межкафедрального словарного кабинета Санкт-Петербургского государственного университета и Института лингвистических исследований РАН. Задуманный Б.А. Лариным «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» отражает процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи в сложном взаимодействии разных лексических пластов. СОРЯ, соответственно проекту Б.А. Ларина, опирается на большой круг памятников центра и периферии Московского государства: деловую письменность, демократическую светскую литературу, частную переписку, посадскую литературу, фольклорные произведения, русско-иностранные руководства для изучения русского языка того времени («разговорники») и др. [Там же. Т. 1. С. 5, 6].

Просторечие и критерии выделения лексики просторечного характера в старорусском языке, приемы лексикографирования такой лексики

Просторечие в истории языка (старорусский период)

Специфика исследования начального периода сложения национального языка заключается в том, что в языке этого времени отсутствует последовательное противопоставление литературных и внелитературных элементов. Это как раз время активной перегруппировки языковых средств и их стратификации в преддверии формирования литературного языка. Для этого периода едва ли возможно восстановление просторечия как системы и вообще сомнительно существование просторечия в функциональном отношении. Однако на разных языковых уровнях могут быть выделены стилистически окрашенные элементы – основа будущего просторечия.

Представляется, что исходным условием формирования просторечия как стилистической категории является именно бытовая, обиходная ситуация общения, в которой используется разговорная лексика. Как будет показано ниже, в памятниках старорусского языка становится возможным выделение языковых единиц, которые в силу обиходной, бытовой семантики или ситуации употребления развивают просторечную стилистиче-

скую окраску. Основой сложения просторечия выступает в первую очередь лексика, поэтому лексическое просторечие – самая заметная и в первую очередь формирующаяся часть этого стилистического пласта.

Однако границы разговорной лексики и просторечия не могут быть строго очерчены в этот период, тем более затруднительно четкое отделение просторечия от собственно разговорных элементов в старорусском языке. На наш взгляд, справедлива точка зрения Б.А. Ларина, который подчеркивал, что в диахронии термин «просторечие» «означал не сниженную, а общую разговорную речь в противоположность книжному письменному языку» [8. С. 5, 6]. Массив разговорной лексики может быть намечен скорее путем отрицания, за счет выделения нехарактерных для разговорного языка элементов.

XVI–XVII вв. – это время сложения стилистической дифференциации в русском языке. По сравнению со складывающейся лексикой бытового общения начинают выделяться отдельные, различающиеся по условиям использования, группы лексики. В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» для маркировки таких стилистически окрашенных пластов лексики используются следующие функционально-стилистические пометы: *Книжн.-церк.* (книжно-церковное), *Дел.* (деловое), *Высок.-офиц.* (высокоофициальное), *Фolk.* (фольклорное) (подробнее см. [9. С. 28–29]). Соответственно, разговорная лексика, включающая зарождающееся просторечие, выступает как немаркированный фон этих окрашенных элементов, на котором они становятся заметны.

Таким образом, просторечие в донациональный период развития языка – это стилистическая категория, а не функциональная система, и даже не всегда сложившаяся стилистическая категория, а отдельные стилистические элементы (прежде всего, лексические) – разговорная лексика, использующаяся в бытовой ситуации общения.

В настоящей статье сделана попытка определения ряда не отрицательных, а положительных характеристик – критериев выделения лексики просторечного характера.

Критерии выделения лексики просторечного характера в памятниках старорусского языка

Для дифференциации в памятниках старорусского языка лексических элементов, тяготеющих к просторечию, нами предлагаются следующие критерии. Следует подчеркнуть, что эти критерии взаимосвязаны и, как правило, имеет место сочетание нескольких признаков.

Лексико-семантический критерий

Лексико-семантический критерий является важнейшим при формировании просторечного характера отдельных лексических единиц. О просторечном характере лексемы может свидетельствовать ее **бытовая темати-**

ка, отнесенность к сфере повседневности: например, *пегашика*, *голублик* – обозначения коней соответствующей масти (*Покрадено у него двѣ пегашики три голублики а всего восемь лошадеи разны масти*) (Сл. Нерч., 1679 г.), *забеливать* ‘добавлять в пищу молоко, сливки или сметану’ (*Питье – чай, а слово неведомо какова дерева лист, неведомо травяной, лист в воде варят да забеливают молоком*) (Сл. Сибир., 1639 г.), *безпута* ‘бездорожье, распутица’ (*Потому де онъ [И. Жуков] замѣшкаль, что Иваново залѣсное помѣстье отъ Арзамаса верстъ со сто, а была безпута*) (Сид, 73, 1633 г.), *блекотать* ‘об овце, козе: кричать, блять’ (*И нападе на нея бес во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать*) (Авв. Ж., 118, 1675 г.), *кап* ‘действие по глаголу капать’ (*Сверху кап беспрестанный*) (Сл. Сибир., 59, 1652 г.).

Многие тексты старорусского периода содержат значительное количество ранее не зафиксированных в письменности лексем конкретной и бытовой тематики. Е.М. Иссерлин подчеркивает, что основной путь обогащения языка конкретной лексикой во второй половине XVII в. выражался именно в широком усвоении народного словаря [10. С. 24]. Исследователи языка XVI–XVII вв. (см. [10–13] и др.) приходят к выводу, что складывающиеся и активно пополняющиеся тематические группы слов содержат многие слова из народно-разговорного языка: см. лексемы и устойчивые сочетания, обозначающие домашнюю утварь (*высытка*, *достокан*, *бадейка*), предметы обихода (*ароматник*), одежду и обувь (*рубашонка*, *армяк*), украшения (*двоенцы*, *голубцы*), кушанья (*буза*, *буженина*, *горох битый*), постройки и их части (*житница*, *замет*) и др. Однако разграничение разговорной и просторечной лексики на материале памятников этого периода еще затруднительно. Безусловно, принадлежность слова к конкретной бытовой лексике не означает ее просторечный характер, но может указывать на него в сочетании с другими факторами.

Семантический критерий

К просторечию тяготеют **слова с комплексно-нерасчлененным значением**: например, существительные *всячина*, *диковина*, прилагательное *всякий* (в том числе в устойчивом сочетании *всякий разный (розный)*). См.: *Поди посмотри моего товару есть в мене всячины [wsatziny] полно* (Аноним. разг., 85 об., 1568 г.); *Обломокъ камня Катеринка сказала дуб лежал в водѣ и окаменел а она держала у себя для диковины* (МДБП, 271, 1643 г.); *Всякие многия начальные ратные люди в город приежжают и всячину купят* (В-К V, 125, 1658 г.); *Приехали те богдойские воинские люди со всяким огненным боем, с пушки пицальми, и знамена у них всякой розной цвет* (Сл. Сибир., 25, 1655 г.).

В некоторых случаях просторечный характер отмечается **при образовании у нейтральных слов переносных ситуативных значений**. Например, глагол *вынести*, основная семантика которого ‘неся, удалить откуда-л.’ известен в памятниках народно-разговорного языка и со значением ‘похи-

тить украсть' (*Лихие люди, тати, что было у меня [крестьянки Прасковьи] хлѣбца, и то все ис клити вынесли без остатку, и пить, ѣсти мнѣ съ сынишкомъ стало нѣчево, помираю голодомъ*) (ЧО, 87, 1673 г.), глагол *выдрать*, основная семантика которого 'силой вырвать, выдернуть' известен и с переносным значением просторечного характера 'с трудом добиться получения, взыскания (долга)' (*И за тѣ днги хозяин нишѣ Фома Библибин выдал ему Алексѣю кабала на греченина на Ивана Александрова в двухсот в двацети в трех рублех в двацети в пяти алтынех велел тѣ днги выдарава (!) заплатит ему Мартыну*) (МДБП, 75, 1667 г.).

Часто у лексических единиц, тяготеющих к просторечию, наблюдается **семантика интенсификации** или **преувеличения**, что характерно для разговорной речи: *дико* 'очень, в значительной степени' (*Дико ты уперлесь / уперси, что мнѣ товару не продашь*) (Разг. Фенне, 357, 1607 г.), *А овесь у нас вызяб болно да не соспѣлъ* (Гр. № 137, 1696 г.).

Разговорный характер приобретают лексемы при **ситуативно метонимическом употреблении**. В таких случаях лексические единицы обиходного языка развивают контекстуально широкую, фактически же ситуативную, характерную для разговорной речи, семантику: *зубы* 'зубная боль' (*Трава сказала пьют от зубов*) (МДБП, 1643 г.), *лошади* 'возмещение за утерю лошадей' (*И с тех мест и по ся места тех моих лошадеи не платит*) (Южн. челоб., 1644 г.) и т.п. Здесь применительно как к фактам истории языка, так и к современной разговорной речи следует говорить об использовании имен ситуаций, значение которых мотивировано употреблением.

Функциональный критерий

При выделении лексики просторечного характера важна ее обиходность, **отнесенность к сфере повседневного общения**, и продуктивным в будущем было бы выделение набора таких ситуаций. См., например, фиксацию формул речевого обихода:

В составе формул речевого этикета. > *Жив здоров*. Пожелание здоровья при прощании. *Miley moy nemtzin po gedi sbohom da siw sdorow* [*милый мой немчин, поеди с Богом да жив здоров*]. *Mün lüwer dytzer Reüse Ihn namen gottes vnd lewe gesund* [*пожелание доброго пути*] (Аноним. разг., 43, сер. XVI в.) > *Будь здоров*. То же. *Budi sdorow* [*будь здоров*] *Lewe gesunndt* (Аноним. разг., 21, сер. XVI в.) > *Здоров парился*. Пожелание в бане. *Sdorow parylśa* [*здоров парился*] *Gott gesegne die dat badt* [*пожелание в бане*] (Аноним. разг., 20 об., сер. XVI в.), *Здоров ты парившись* [*sdoroff ty paryffzis, woll bekahme idt dy na dem bade*] [*пожелание в бане*] (Разг. Фенне, 196, 1607 г.).

В жанровом отношении выделяются памятники, в которых часто фиксируются лексемы просторечного характера в связи с конкретными ситуациями. Ценнейшие тексты – это разговорники, составленные иностранными купцами, руководства по изучению русского языка. С.И. Котков под-

черкивал, что наиболее информативным является исследование частной переписки и допросных речей [14. С. 4].

Стилистический критерий

С одной стороны, стилистическая окраска является важным признаком просторечия как стилистической категории (в частности, признаком просторечной лексики), с другой стороны, стилистический критерий сложен для учета при анализе диахронического материала, так как само формирование употребительности, прикрепленности лексических единиц к определенным контекстам происходит именно в этот период.

Что касается эмоционально-экспрессивной окраски лексем в этот период, в ряде случаев *наличие экспрессивности* очевидно: так, в памятниках народно-разговорного языка фиксируется целый ряд тяготеющих к просторечию ситуативно использующихся экспрессивных лексем и устойчивых сочетаний, обладающих тенденцией преимущественно бранного употребления (*дурак, черт, шишимора деревенский, жюпик*) и, напротив, использующихся в функции ласкательных обращений (*голубчик, голубушка, дитятко*). Такая лексика, очевидно, обладала оценочностью, где категорию оценочности, вслед за В.Н. Телия, интерпретируем в широком аспекте: «...оценочное значение в самом общем понимании – это информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [15. С. 110].

Словообразовательный критерий

Достаточно показателен словообразовательный критерий, т.е. обнаруживаются *определенные морфемы*, а также *словообразовательные модели, предопределяющие просторечный характер лексики*. Так, именно в разговорном языке идет образование существительных женского рода от соответствующих лексем м.р. с суффиксом *-их-*: *доктуриха* ‘жена доктора’ (*И в то де время увидела доктуриха что она [Марфа] соль ukrала*) (МДБП, 286, 1671 г.), *бобылиха* ‘ж. к бобыль’ (*Во дворе вдова Федосьица... во дворе Ефимко Горохов да бобылиха непашенная*) (А. Солов. м., 201, 1583 г.). Примерами характерных разговорных моделей может служить образование приставочных эквивалентов наречий (*забыль* ‘по-настоящему, как полагается, на самом деле’, *задавно, задалеко, вполинно*), глаголов с двойными приставками (*поза-, недо-*), существительных женского рода с суффиксом *-к-* (*забирка, завертка, заварка, завеска*) и т.д. Типично образование разговорных уменьшительных синонимов к нейтральным словам (с суффиксами *-к-, -ец-, -ик-, -ок, -ушк-, -еньк-* и др.); это характерная примета разговорной речи (например: *Подголовокъ окованыи а в нем... мошенка тафтяная сшита мешечкомъ, снурочковъ золотных два остаточка*) (Якут. а., карт 5, № 8, сст. 4, 1643 г.). Такие слова часто не имеют уменьшительной семантики, это псевдоуменьшительные лексемы, типичные и

для современной разговорной речи (например, *печка* – *печь*). В ряде случаев затруднительна дифференциация таких лексем со словами, включающими суффиксы, имеющими действительно уменьшительное или уничижительное значение (см. *заборец* ‘уменьш. к *забор*’ или ‘то же, что *забор*’?).

Критерий соотнесенности

Дополнительным критерием выявления лексики просторечного характера может быть наличие синонимичного более нейтрального слова в аналогичных контекстах (*денежки* – *деньги*, *бабенцо* – *баба*), но этот критерий не может быть абсолютизирован для русского языка периода XVI–XVII вв.

Лексикографирование лексики просторечного характера в историческом словаре толкового типа

Постановка таких помет, как *просторечное*, *простонародное* и т.п., в историческом словаре донационального периода не представляется возможной в силу того, что в языке донационального периода просторечные лексические элементы характеризуются не сниженностью (по сравнению с литературным языком – как в современном языке), а разговорностью (по сравнению с маркированными книжными и деловыми элементами). При этом выводы о составе разговорной речи этого периода делаются исключительно по письменным источникам, т.е. разговорная речь не может быть восстановлена как полноценная система, соответственно, недостаточно аргументов для очерчивания границ разговорной речи в языке XVI–XVII вв., тем более, для разграничения просторечия и разговорной речи.

Слова с нерасчлененным значением, которые приложимы фактически к любому объекту разговорной речи, должны получать лексикографическое описание в соответствии с их общей, свойственной разговорной речи семантикой, т.е. максимально широкое, неконтекстное толкование: *всячина* ‘разные вещи, предметы; всё что угодно’, *диговина* ‘нечто удивительное, необыкновенная вещь’, *всякий* ‘различный, разнообразный’.

Разговорная семантика должна быть обязательно выделена в семантической схеме слова, вполне обоснована постановка при таких значениях пометы *перен.*, например:

ВЛЕПИТЬ... 2. *перен.* Нанести удар. Воевода Никита Олферьевич о том велми печаловал что ево [строителя] тща опустил и кнута в спину не влѣпил (Гр. № 454, 1699 г.).

В словарях современного русского языка такие экспрессивные переносные значения могут интерпретироваться уже как оторвавшиеся от первоначального, т.е. как омонимы, и справедлива постановка пометы *прост.*, *простореч.* при них: см. выделение омонимов *больно* ‘причиняя боль,

ощущая боль (физическую или душевную)’ и *больно* ‘очень, весьма, сильно’ в «Словаре современного русского языка» [16. Т. 1. С. 106]. В историческом же словаре, в частности в словаре, демонстрирующем сложение национального языка, принципиально как раз представление формирования полисемии и рассмотрение расходящихся значений в рамках одной словарной статьи.

Отдельного внимания в связи с лексикографической практикой заслуживают разговорные употребления: они должны быть выделены в корпусе словарной статьи и интерпретированы по возможности с описанием ситуации, позволяющей восстановить контекстуальную семантику. См.:

ДРОВИШКИ и **ДРОВИШКА**, *мн.* (7) *Уничиж.* → **дрова** 1. ... – *О заготовке дров.* Умилостивися, г[осударь], надо мною [курмышанином Н. Саймоновым], вели г[осударь], пустить крестьянишек моих в свой в боярской лес для дровишек (АХБМ II, 1660 г.).

Если в языковом материале фиксируются формулы речевого обихода, то следует подробно описывать условия бытования таких формул.

Лексикографическая интерпретация эмоционально-экспрессивного просторечия может осуществляться с помощью соответствующих стилистических помет (например, *бран.*, *ласк.*, *уничиж.*) или описательного толкования (*брякнуть* ‘с силой бросить, вызвав шум’, *грязнуть* ‘с грохотом упасть’).

Выводы

1. Таким образом, по материалам памятников русского языка XVI–XVII вв. возможно и продуктивно изучение лексики народно-разговорного языка, элементов просторечия, складывающегося как система в русском языке XVIII в. На наш взгляд, просторечие в донациональный период развития языка – это еще не функциональная система, а стилистическая категория в виде отдельных стилистических элементов, прежде всего лексических. В период, предшествующий образованию литературного языка, невозможно отделение разговорной лексики, использующейся в бытовой ситуации общения, от формирующегося просторечия.

2. При выделении лексики просторечного характера следует принимать во внимание ряд критериев: лексический (принадлежность к группе бытовой и конкретной лексики), семантический (комплексно-нерасчлененная семантика лексем, образование у нейтральных слов переносных ситуативных значений, ситуативные употребления), функциональный (отнесенность к сфере повседневного общения, обиходность ситуации), стилистический (сфера функционирования, наличие эмоционально-экспрессивной окраски), словообразовательный (образование по определенным моделям), критерий соотносительности.

3. В историческом словаре донационального периода невозможна постановка пометы *простореч.* Обязательно должны выделяться в корпусе словарной статьи ситуативные переносные значения и ситуативные употребления как зачатки зарождающихся и обнаруживающихся в современном языке структур. Допустимы стилистические пометы (*экспр.*, *бран.*, *ласк.*, *уничиж.*), экспрессивный компонент значения может передаваться также с помощью описательных толкований.

4. Важно, что отмеченные свойства во многом являются универсальными свойствами разговорной речи как отдельной языковой разновидности, поскольку они отмечаются и в диахронии, и в современной разговорной речи.

Сокращения названий источников

Авв. Ж.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под. ред. Н.К. Гудзия. М., 1960.

Аноним. разг.: «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / hrsg. von A. Fałowski. Köln ; Weimar ; Wien, 1994.

А. Солов. м.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.

АХБМ II: Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1945. Ч. 2.

В-К V: Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подг. В.Г. Демьянов; отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1996.

МДБП: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. М., 1968.

Разг. Фенне: Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov, 1607 / ed. by L.L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

Сл. Сибир.: Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л.Г. Панин. Новосибирск, 1991.

Сид: Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Т. 1 // Зап. Моск. археолог. ин-та. М., 1911. Т. 14.

Сл. Нерч. I: Исторический словарь Восточного Забайкалья: по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. / сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Чита, 2003. Т. 1.

ЧО: Арсеньев Ю.П. Ближний боярин князь Н.И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650–1684 гг.) // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2, отд. 1: Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н.И. и Я.Н. Одоевским.

Южн. челоб.: Памятники южновеликорусского наречия: Челобития и расспросные речи / изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова, Т.Ф. Вашенко, В.Г. Демьянова. М., 1993.

Якут. а.: Якутские акты 1638–1647 гг. // НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Карт. 1–7.

Литература

1. *Капанадзе Л.А.* Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. М., 1984. С. 5–12.

2. *Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.

3. Свиридова Е.А. Взаимодействие книжной и разговорно-просторечной лексики в современной прессе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2013. 26 с.
4. Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М. ; Л., 1949. С. 95–160.
5. Семенов П.А. Ю.С. Сорокин о русском просторечии XVIII в. // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2013. Т. 9, № 2. С. 75–92.
6. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л. : Наука, 1974. 253 с.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб. : Наука, 2004–2016, Т. 1–7.
8. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 22–34.
9. Инструкция «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» // Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 4: Гагара–Гуца / ред. О.С. Мжельская. СПб., 2014. С. 5–43.
10. Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века : материалы к курсу «История русского литературного языка». М. : Моск. полигр. ин-т, 1961. 80 с.
11. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1956. 243 с.
12. Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 220 с.
13. Судаков Г.В. История русского слова. Вологда : Изд. центр ВИРО, 2010. 336 с.
14. Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М. : Наука, 1974.
15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1985. 143 с.
16. Словарь современного русского языка : в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1981.

Russian Colloquial Vocabulary of the Late 16th and the 17th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 30–41. DOI: 10.17223/19986645/64/2

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: vernacular, colloquial and vernacular lexicon, Old Russian language, historical lexicology, historical lexicography.

This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00224A.

The aim of the article is to detect lexical elements making the basis of future colloquial speech in the light of research of the colloquial speech formation in Old Russian. Colloquial speech is a dynamic phenomenon which can be interpreted from the functional (as a subsystem of the standard language) and stylistic (as language means) points of view. Heterogeneity and historical variability of the colloquial speech category are important. The material of the research is formed by seven volumes of the *Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries* and its card file stored in Saint Petersburg State University. The course of the research assumed finding answers to the following questions: What is the status of colloquial speech in the history of language? What are the criteria for distinguish-

ing colloquial lexicon in the Russian language of the 16th–17th centuries? What lexicographic interpretation should this lexicon have in a historical dictionary? To answer these questions, the following methods were used: an introspective method (observation, generalization, analysis, classification), a method of a systematic lexicographic description by dictionary parameters, a method of dictionary definition analysis. As a result of the analysis, the following conclusions were drawn: (1) Colloquial speech during the pre-national period of Russian is not a functional system yet (as a system it can be reconstructed only from the 18th century), but a stylistic category in the form of separate elements, first of all, lexical. During this period, colloquial lexicon used in everyday communication cannot be separated from the emerging vernacular. (2) When detecting words of a colloquial nature, it is necessary to take into account a number of criteria (and their combination): a lexico-semantic criterion (the colloquial character of lexicon is indicated by the everyday or complex semantics of lexemes, figurative colloquial situational sense of a neutral word); a functional criterion (the sphere of daily communication, the ordinariness of a situation; the type of text is important: the greatest number of words of a colloquial nature is found in phrasebooks, recordings of interrogations, private letters); a stylistic criterion; a word-formation criterion (derivation according to specific models); the criterion of correlation with a neutral equivalent. (3) The lexicographic interpretation of this material in the historical dictionary of the pre-national period cannot include labels “vernacular” or “colloquial”. General stylistic labels indicating emotional and expressive coloring of a lexeme is possible, this expressive and intensive component of meaning can also be indicated through a descriptive interpretation. Situational figurative senses and situational uses as rudiments of structures emerging in the modern language must be given in the dictionary.

References

1. Kapanadze, L.A. (1984) *Sovremennoe gorodskoe prostorechie i literaturnyy yazyk* [Modern Urban Vernacular and Standard Language]. In: Zemskaya, E.A. & Shmelev, D.N. (eds) *Gorodskoe prostorechie: Problemy izucheniya* [Urban Vernacular: Problems of Study]. Moscow: Nauka. pp. 5–12.
2. Khimik, V.V. (2000) *Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyy fenomen* [Poetics of the Low, or Vernacular as a Cultural Phenomenon]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
3. Sviridova, E.A. (2013) *Vzaimodeystvie knizhnoy i razgovorno-prostorechnoy leksiki v sovremennoy presse* [The Interaction of Book and Vernacular Vocabulary in the Modern Press]. Michurinsk: AKD.
4. Sorokin, Yu.S. (1949) *Razgovornaya i narodnaya rech' v "Slovare Akademii Rossiyskoy"* [Conversational and Popular Speech in the “Dictionary of the Russian Academy”]. In: *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Materials and Studies on the History of the Russian Standard Language]. Moscow; Leningrad: Institute of Russian Language of the Academy of Sciences. pp. 95–160.
5. Semenov, P.A. (2013) Yu.S. Sorokin o russkom prostorechii XVIII v. [Yu.S. Sorokin on the Russian Vernacular of the 17th Century]. *Acta linguistica Petropolitana*. 9 (2). pp. 75–92.
6. Knyaz'kova, G.P. (1974) *Russkoe prostorechie vtoroy poloviny XVIII v.* [Russian Vernacular in the Second Half of the 18th Century]. Leningrad: Nauka.
7. Generalova, E.V. et al. (eds) (2004–2016) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. Vols 1–7. St. Petersburg: Nauka.
8. Larin, B.A. (1961) *Razgovornyy yazyk Moskovskoy Rusi* [Spoken Language of Muscovite Rus]. In: Larin, B.A. (ed.) *Nachal'nyy etap formirovaniya russkogo natsional'nogo yazyka* [The Initial Stage of the Formation of the Russian National Language]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 22–34.

9. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2014) Instruksiya "Slovary obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv." [Instruction of the Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. In: *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. Vol. 14. St. Petersburg: Nauka. pp. 5–43.
10. Isserlin, E.M. (1961) *Leksika russkogo literaturnogo yazyka XVII veka. Materialy k kursu "Istoriya russkogo literaturnogo yazyka"* [The Vocabulary of the Russian Literary Language of the 17th Century]. Moscow: Mosk. poligr. in-t.
11. Chernykh, P.Ya. (1956) *Ocherk russkoy istoricheskoy leksikologii* [Essay on Russian Historical Lexicology]. Moscow: Moscow State University.
12. Mzhel'skaya, O.S. (2003) *Leksika obikhodno-razgovornogo yazyka Moskovskoy Rusi (po dannym inostrannykh rukovodstv dlya izucheniya russkogo yazyka)* [Vocabulary of the Vernacular Language of Muscovite Rus (According to Foreign Manuals for Studying the Russian Language)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Sudakov, G.V. (2010) *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian Word]. Vologda: Izd. tsentr VIPO.
14. Kotkov, S.I. (1974) *Moskovskaya rech' v nachal'nyy period stanovleniya russkogo natsional'nogo yazyka* [Moscow Speech in the Initial Period of the Formation of the Russian National Language]. Moscow: Nauka.
15. Teliya, V.N. (1985) *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow: Nauka.
16. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Modern Russian Language: In 4 Volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.

УДК 81'286

DOI: 10.17223/19986645/64/3

Н.Г. Горлов, А.В. Кочановская, А.Н. Соболев

**МЕТОДЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ
В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАНИЦ
МЕЖДУ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ
(НА ПРИМЕРЕ ДИАЛЕКТОВ ВОСТОЧНОЙ СЕРБИИ
И ЗАПАДНОЙ БОЛГАРИИ)¹**

При помощи новейших методов компьютерной лингвистической географии решается теоретическая проблема кластеризации языковых и экстралингвистических данных и визуализируются объективные границы между близкородственными языками на лингвистических картах. Сгенерированные в ходе эксперимента пробные карты визуализируют кластеризацию рефлексов и резкость отграничения ареала их распространения от соседних, а также прямую корреляцию этих рефлексов с высотным расположением соответствующих населенных пунктов.

Ключевые слова: южнославянские языки, сербские диалекты, болгарские диалекты, языковые границы, лингвистическая география, диалектометрия.

Введение

Методы компьютерной лингвистической географии, разработанные к концу XX в. [1. С. 749–778], тогда же были применены к диалектам Восточной Сербии и Западной Болгарии [2], а результаты исследований вошли в синтетические труды по сербской и болгарской диалектологии (см. [3–5]) и общей ареальной лингвистике [6. С. 390–446]. Однако диалектометрических изысканий (в духе, например, [7, 8]) ни на материале данных приграничных южнославянских диалектов, ни на ином южнославянском материале в течение почти полутора десятилетий не предпринималось. Лишь в начале текущего столетия были осуществлены первые попытки верифицировать средствами математического анализа, в том числе и методами диалектометрии, традиционные диалектные классификации южнославянских языков – болгарского (см., например, [9]) и македонского [10]. Обзор двух последних и подобных им работ о языках Балканского полуострова, а также оценку их неоднозначных результатов см. в [11].

Цель предпринятого в настоящей статье исследования – впервые в славянской лингвистической географии применить новейшие компьютерные методы *кластеризации* и *визуализации* [12] к достоверным и количественно релевантным интралингвистическим и экстралингвистическим данным по

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-512-76002 ЭРА_а «Изучение дивергенции и конвергенции традиций Центральных Балкан: реализация и перцепция».

смежным диалектам двух близкородственных южнославянских языков, сербского и болгарского. Настоящее изыскание носит пилотный экспериментальный характер и отражает помимо прочего ход ряда новых автоматических и полуавтоматических подготовительных и вспомогательных лингвистических работ, которые еще не являются рутинными для языковедов вообще и диалектологов в частности не только в России, но и в странах Западной Европы и США. Задачи исследования состоят в корректной машинной конвертации имеющихся в нашем распоряжении аналоговых первичных данных в цифровой формат, в разработке цифрового инструментария обработки и кластеризации первичных данных и в генерировании пробных лингвистических карт. Гипотезой теоретического исследования является предположение о том, что в результате применения методов систематизации, анализа, синтеза и визуализации географической дистрибуции *кластеров* языковых и экстралингвистических данных станет возможной картографическая *экспликация объективных границ* между близкородственными языками, в частности между сербским и болгарским. Практическим результатом исследования станет преодоление относительного неудобства и несовершенства печатных лингвистических атласов, в частности очевидных ограничений, накладываемых самим их форматом. Это и невозможность масштабирования карт и добавления в них новой информации (от новых пунктов до новых языковых данных), и трудоемкость сопоставления символов на лингвистических картах с данными из прилагающихся таблиц, и неудобства ручного наложения сетки пунктов или фоновой физико-географической карты на карты лингвистические, и невозможность создания большого количества комбинированных и диалектометрических карт, и т.д. В целом такой формат лишен динамичности, и работа с ним представляется излишне трудоемкой и крайне ограниченной в плане интерактивности. Эти и подобные им практические проблемы решены в результате разработки нового цифрового лингвогеографического инструментария.

Оцифровывание и дополнение первичных данных

Первичные данные для настоящего исследования, составляющие его электронную базу, были получены машинным оцифровыванием части материалов второго тома «Диалектологического атласа Восточной Сербии и Западной Болгарии (ДАВСЗБ)», содержащего вспомогательные и лингвистические карты [Sobolev 1998], а также дополнением этих материалов вручную новой релевантной экстралингвистической информацией. Работы проходили в два этапа, которые можно охарактеризовать как «общий» и «объектно-ориентированный». Каждый из двух этапов включает решение задач разных видов. Во-первых, это работы, необходимые для обеспечения материальной базы, не затрагивающие процесс дигитализации (например, нахождение координат пунктов, обработка, конвертация файлов, транслитерация текста и т.д.); во-вторых, это собственно оцифровывание материа-

лов ДАВСЗБ, OCR-распознавание (Optical Character Recognition) числовых и текстовых данных, в том числе таблиц; в-третьих, это регулярная контрольная сверка всех вносимых в базу сведений.

Первый этап представляет собой обработку вспомогательных данных, необходимых в дальнейшем исследовании в полном объеме, а основным его итогом стала электронная карта-сетка всех пунктов ДАВСЗБ. В ходе работы были решены следующие задачи:

1. Составлена таблица с названиями пунктов:

1.1) таблица пунктов ДАВСЗБ оцифрована в формат Microsoft Office Excel;

1.2) данные перепроверены, неточности при распознавании текста устранены.

2. Проведены работы по установлению географических координат пунктов ДАВСЗБ:

2.1) проанализировано современное состояние населенных пунктов, включенных в атлас;

2.2) определены географические координаты всех современных населенных пунктов, вошедших в сетку;

2.3) таблица названий ойконимов дополнена:

а) географическими координатами;

б) сведениями об изменениях в названиях поселений (если они были переименованы) со ссылками на источник;

в) сведениями об исчезновении или слиянии нескольких пунктов в один со ссылками на источник.

3. Первая электронная карта сетки пунктов:

3.1) сгенерирована;

3.2) перепроверена на наличие всех заявленных пунктов;

3.3) сопоставлена в приложении Photoshop с картой-сканом из аналогового издания;

3.4) выявлены, классифицированы и устранены все случаи несовпадения в расположении пунктов на аналоговой и электронной картах.

Для оцифровывания был использован постранично отсканированный вариант издания ДАВСЗБ в формате Portable Document Format (PDF), который при помощи программы Universal Document Converter был переформатирован в архив отдельных изображений по количеству страниц в документе. Это, во-первых, сняло ограничения при работе с форматом PDF – изображения были переведены в графический формат Joint Photographic Experts Group (JPEG), а во-вторых, облегчило работу с различными перечнями пунктов, вошедших в ДАВСЗБ и помещенных в нем на разные страницы издания. Для сбора списка населенных пунктов в один файл фрагменты таблицы, занимающей в аналоговом издании несколько страниц, были собраны в базовом приложении Microsoft Paint в единое изображение JPEG, которое при помощи online-конвертера Online PDF Converter (<https://online2pdf.com/convert-jpg-to-excel>) было переоформлено в таблицу Microsoft Excel, где каждой строке издания соответствовала одна

строка, а номер пункта, его название (а при наличии – и номера по «Болгарскому диалектологическому атласу») были разнесены по разным ячейкам. После конвертации в списке были обнаружены отдельные неточности, исправленные после перепроверки вручную: программой выборочно не распознавались графемы с диакритическими знаками (прописные и строчные š, č, ž), а также слова и фрагменты слов, сочетавшие знаки разных алфавитов (все ойконимы в ДАВСЗБ приведены в латинской транслитерации с добавлением знака ъ). Отформатированный и проверенный на отсутствие ошибок файл «Таблица населенных пунктов» стал базой для дальнейшей работы.

Для составления электронной географической карты таблицу Excel необходимо было дополнить географическими координатами пунктов, которые определялись нами главным образом посредством сервиса GPS Coordinates Google Maps Based (www.gps-coordinates.net) и в отдельных случаях сервисами Bing Maps Microsoft Based (www.bing.com/maps) и Latitude and Longitude Finder (www.latlong.net). Для поиска координат пунктов ячейки таблицы, включающие кириллические знаки, были транслитерированы в кириллицу полностью. В случае неудачи при поиске названий в вариантах, приведенных в аналоговом издании или транслитерированных в кириллицу, они транслитерировались в упрощенную латиницу для поиска «на английском языке». Параллельно с поиском координат исследовалось современное состояние пунктов: отдельные поселения не присутствуют на общедоступных картах, поэтому поиск сведений о них велся через официальные сайты общин и округов и открытые источники (например www.dimovo.bg, www.dimitrovgrad.rs/cir/onama). Часто поиск производился визуально по самой электронной карте, поскольку поиск по названию не давал результатов. Именно такой способ применялся при работе с ойконимами-омонимами: так как на исследуемой местности встречаются поселения с одинаковыми названиями (например Буковец, Главановци, Голеш, Градиште, Извор и др.), а в таблице они приведены в том порядке, в котором обследовались, т.е. территориально-последовательно, было принято решение искать пункт на карте в окружении тех, рядом с которыми он фигурирует в таблице.

В итоге в таблицу названий обследованных пунктов были добавлены данные по каждому из них – установлены координаты (широта и долгота помещены в отдельные ячейки), собраны сведения о слиянии пунктов в один (например, пп. № 305 и 306 объединены в с. Люлин) или их исчезновении с карты (например, п. № 530 исчез с наполнением Завойского озера).

По данным дополненной таблицы была сгенерирована первая электронная карта сетки пунктов, которая была перепроверена на наличие всех пунктов и отсутствие неточностей в названиях и номерах пунктов. Для оценки точности определения положения пунктов на карте было решено сопоставить карту издания ДАВСЗБ, существующую в формате JPEG, с электронной сеткой пунктов, нанесенной на план местности и преобразованной в формат Portable Network Graphics (PNG), как два изображения, для чего была выбрана про-

грамма Adobe Photoshop CC 2018. Для этого два файла открываются в программе как отдельные окна, посредством функций Слои > Создать дубликат слоя первое изображение дублируется внутри своего окна в два одинаковых слоя, один из которых перемещается в панель слоев в окне второго изображения. Таким образом, слой-дубликат карты-скана был перемещен к сгенерированной карте, разрешение и размер которой больше (8 МБ против 1,5 МБ), что снимало ряд технических трудностей с изменением размера общего файла в обратном случае. Файл «совмещенные карты» был преобразован в программе в смарт-объект, т.е. тип файлов в программах-иллюстраторах, допускающий редактирование растровых или графических изображений, помещенных в виде слоев. Была отрегулирована прозрачность слоев таким образом, что в смарт-объекте были четко видны знаки и номера пунктов. Задача состояла в том, чтобы изменить размер карты-скана, увеличив его до размеров сгенерированной карты так, чтобы они совпали по масштабу, чего нельзя было добиться, работая с бумажными носителями. При помощи функций Редактирование > Трансформирование > Масштабирование (Свободное трансформирование) меньший слой был перемещен и масштабирован до необходимых параметров.

В результате совмещения карт и анализа положений пунктов был установлен ряд несовпадений (для менее 10% от количества пунктов), которым была присвоена следующая кодировка:

- 0 – отсутствие пункта на сгенерированной карте (так помечались, например, второй пункт из двух, отсутствующий из-за слияния, или не найденный на карте пункт в месте полагаемой дислокации из-за значительного сдвига или в результате совпадения его координат с другим);
- 1 – сдвиг относительно оригинала (более $\frac{3}{4}$ несовпадений);
- 2, 4 – наложение координат (совпадение) разных пунктов – для двух разных случаев, когда по неустановленным причинам координаты пунктов совпали.

Все случаи несовпадений были пересмотрены – координаты перепроверены по альтернативным источникам, а изменения внесены в итоговую таблицу, ставшую основной при разработке цифрового инструментария.

1	Nr.	Name	PesyLatitude	Longitude	Nr. BDA	Комментарии		srtn3	srtn1	astergdem	gtopo30
362	361	Slavine	43.143825	22.846424	C4	Славина, Србија	http://www.dimitrovgrad.rs/cir/o	731	731	740	758
363	362	Kamenica	43.135073	22.892794	C5			806	805	802	871
364	363	Krupac	0 43.130835	22.705330900000035	C6			950	952	951	903
365	364	Bolev Dol	1 43.118502	22.921622	C8			834	835	837	885
366	365	Brajčevci	43.122013	22.868142	C7	Брајевци, Србија	http://www.dimitrovgrad.rs/cir	756	754	756	768
367	366	Izatovci	43.1166867	22.884873100000005	C9			768	766	774	785
368	367	Gulenovci	4 43.121378	22.817856800000072	C10			1079	1079	1073	1151
369	368	Gorni Krivodol	43.1278923	22.965455300000003	C11			1258	1265	1261	1175
370	369	Visoki Odorovci	43.1025	22.816399999999993	C12	Високи Одоровци	http://www.dimitrovgrad.rs/cir	737	736	736	785
371	370	Vaškovića	4 43.088299	22.91494	C13			852	851	854	876
372	371	Smilovci	43.0873128	22.845851100000004	C14			733	732	729	753
373	372	Moinci	43.0876836	22.888730600000003	C15			949	960	961	950
374	373	Petariša	43.063610	22.787220	C16			797	807	813	794
375	374	Protopinci	43.055801	22.861766499999993	C17			734	734	738	719
376	375	Mazgoš	1 43.065310	22.903600	C18	Мазгош, Србија	http://www.dimitrovgrad.rs/cir	681	679	678	693

Рис. 1. Основная таблица-сетка обследованных пунктов (извлечение)

В ходе второго, «объектно-ориентированного», этапа было начато оцифровывание собственно лингвистических карт ДАВЦЗБ. При этом решаются следующие задачи:

1. Изучение доступного программного обеспечения по электронному распознаванию текста с изображений и выбор оптимальной программы для дальнейшей работы.

2. Подготовка аналоговых материалов ДАВСЗБ для электронного распознавания.

3. Разработка единого алгоритма оцифровывания карты.

4. Оцифровывание перечней пунктов, входящих в состав каждой тематической карты, согласно единому алгоритму.

5. Составление электронных лингвистических карт.

Первоначально для оптического распознавания текста и преобразования данных в другой формат была выбрана программа Open OCR Cuneiform 2007, при помощи которой были оцифрованы карты ДАВСЗБ № 3, 7 и 20. В печатном атласе карты, посвященные рефлексам *dj, *q, *ъ, используя наборы геометрических фигур, визуализируют ареальную дистрибуцию лингвистических признаков, обозначенных как form1, form2 и т.д., в обследованных населенных пунктах. В ходе работы с программой были выявлены ее существенные недостатки, в связи с чем был реализован переход к более современной ABBYY FineReader 14. Недостатки Cuneiform заключались, во-первых, в том, что программа не была способна к распознаванию таблиц, т.е. требовалось заранее обрезать изображение, перечень пунктов на котором дан в виде таблицы, в графическом редакторе по столбцам и лишь затем распознавать. Во-вторых, при распознавании текста программа порождала многочисленные ошибки типа 1 – !, 5 – 6, 2 – 3, 0 – 9, 7 – 1, 0 – O, 8 – B, пробел – ноль знака и т.д., что существенно затрудняло работу. В-третьих, в ней предполагается экспорт данных только в формат Microsoft Word. В отличие от Cuneiform, ABBYY распознает таблицы и изображения, имеет опцию экспорта в необходимый нам Microsoft Excel и опцию редактирования, т.е. сверки с оригиналом в самой программе, где результаты исправлений используются для машинного обучения. Разумеется, эта программа также допускает ошибки, однако в гораздо меньшем количестве и меньшего числа типов. Нами были замечены только: 0 – 9, 5 – 6, ноль знака – точка – запятая.

Подготовка материалов для данного этапа была осуществлена еще на первом этапе, когда посредством Universal Document Converter были получены страницы-изображения JPEG. Поскольку карты и перечни пунктов, нанесенных на них, даны стандартизованно, был разработан следующий алгоритм процесса оцифровывания:

1. В ABBYY:

- 1.1) «Открыть» > «Конвертация документов» > «Открыть в OCR-редакторе»;

- 1.2) провести сверку изображения и текстовых данных, представленных в разных частях окна программы, осуществить выверку опечаток и устранить их;

- 1.3) «Передать» документ, т.е. экспортировать его в формат Microsoft Excel.

2. В Microsoft Excel (выполнять отдельно для каждой формы (form 1 / form 2 и т.д.), которая представлена в материалах к аналоговой карте ДАВСЗБ каждая отдельным столбцом):

2.1) разделить данные одной строки на разные ячейки так, чтобы номера пунктов находились в отдельных ячейках:

2.1.1) выделить столбец, в котором, через запятые и / или пробелы или другие знаки табуляции записаны номера пунктов (как в издании ДАВСЗБ, где номера пунктов приведены подряд в один столбец по несколько в одной строке);

2.1.2) «Данные» > «Работа с данными» > «Текст по столбцам», указать формат «с разделителем», указать типы разделителей (точка, пробел, запятая) и отметить галочкой «считать последовательные разделители одним»;

2.1.3) ячейки всех столбцов перенести в один столбец и отсортировать по возрастанию.

2.2) отформатировать документ, вторично перепроверить данные;

2.3) сохранить с названием «карта № X».

Посредством разработанного единого алгоритма в будущем будет произведено оцифровывание всех лингвистических карт ДАВСЗБ.

Цифровой инструментарий и пробные карты

Цифровой лингвогеографический инструментарий и его функции разрабатывались на оцифрованном и дополненном материале ДАВСЗБ, представленном в виде таблиц, основная из которых, как изложено выше, содержит полный нумерованный список обследованных в исходном атласе населенных пунктов с координатами каждого из них, а также некоторую вторичную нелингвистическую информацию.

Разработка ведется на языке программирования R в среде разработки RStudio [12]. Основная особенность данного языка – его расширяемость с помощью свободно разрабатываемых и распространяемых библиотек, обеспечивающих работу специфических функций – так называемых пакетов. Одним из таких пакетов, сыгравшим решающую роль в выборе языка и среды для данного проекта, является Leaflet, который предоставляет мощный инструментарий для разработки интерактивных цифровых карт. Географической «основой» для них служат базовые карты, составленные участниками некоммерческого веб-картографического сообщества OpenStreetMap. Нами было принято решение использовать в качестве «основы» для нашей собственной разработки карту, созданную сообществом OpenStreetMap Sweden.

Первым этапом разработки стало написание скрипта на R, генерирующего карту и выводящего на нее данные из вышеупомянутой основной таблицы: каждый пункт был представлен на карте (в соответствии с его координатами) в виде круглого черного маркера, над которым был расположен его порядковый номер. Чуть позже скрипт был переработан таким образом, чтобы на карту выводились и другие данные из основной табли-

цы: второстепенная нелингвистическая информация о каждом пункте хранилась во всплывающих полях, появлявшихся при нажатии на маркер, а возле самих маркеров находились не только их порядковые номера, но и их названия.

На следующем этапе была поставлена цель создать инструмент поиска населенного пункта на сгенерированной карте, как по названию, так и по номеру. Возможности пакета Leaflet для решения этой задачи оказались недостаточными, в связи с чем было решено разработать отдельное приложение, которое объединяло бы в себе карту и поисковую систему. Для этого потребовался другой пакет языка R – Shiny, позволяющий создавать интерактивные веб-приложения. В результате было написано локальное веб-приложение, представлявшее из себя веб-страницу, на которой находилась сгенерированная интерактивная карта, а также, в виде двух отдельных панелей, поля поиска – по номерам населенных пунктов и по их названиям. При выборе того или иного пункта с помощью поисковика происходило автоматическое центрирование и приближение экстенда карты к соответствующим координатам.

Необходимо отметить, что, начав работу над данным проектом, мы были заинтересованы во внедрении в инструментарий не только уже имевшихся у нас лингвогеографических данных из печатных атласов, но и иной, новой информации, в том числе внелингвистического характера. Первым шагом в этом направлении и следующим этапом стала разработка отображения на генерируемой карте данных о высоте каждого пункта над уровнем моря. Источником таких данных послужила информация, собранная международным исследовательским проектом по созданию цифровой модели высот «Радиолокационная топографическая миссия шаттла» (SRTM), а конкретнее, набор данных SRTM3, в котором общая площадь произведенной радарной топографической съемки делится на квадраты 90×90 м. Был написан отдельный R-скрипт, импортировавший в основную таблицу с перечнем населенных пунктов из ДАВСЗБ информацию о высоте каждого из них над уровнем моря. После этого для наглядного представления высотных данных на карте мы условно разделили их на шесть диапазонов:

- от 0 до 200 м над уровнем моря;
- от 200 до 400 м;
- от 400 до 600 м;
- от 600 до 800 м;
- от 800 до 1000 м;
- более 1000 м над уровнем моря.

Была создана шестичастная цветовая шкала, где каждый цвет соответствовал одному из выделенных диапазонов. Скрипт, генерирующий нашу карту, был переработан с учетом импорта перечисленной информации. В результате высотные данные были представлены на карте следующим образом: каждый круглый маркер, соответствующий населенному пункту из основной таблицы, был автоматически окрашен в один из цветов ше-

стичастной шкалы в соответствии с тем, в какой из выбранных шести диапазонов попадали указанные для этого пункта в таблице данные о его высоте над уровнем моря. Дополнительно эти непосредственные числовые данные были внедрены в вышеописанные всплывающие поля при каждом маркере. Кроме того, на «основу» карты был добавлен дополнительный слой теневой отмывки рельефа, созданный в рамках проекта OpenStreetMap. Следует также отметить, что на данной стадии (как и на всех последующих) при каждом маркере на карте сохранялся порядковый номер представляемого им населенного пункта, однако от выведения его названия возле маркера было решено отказаться в силу визуальной громоздкости такого представления.

Следующим этапом разработки лингвогеографического инструмента стали опыты по имплементации собственно лингвистических данных. Составленные ранее на основе трех карт ДАВСЗБ (карты № 3, 7 и 20) три таблицы формата XLSX, каждая из которых содержала информацию о том, какие формы представлены в исходной сетке и в каких населенных пунктах (в соответствии с нумерацией из нашей исходной таблицы) они встречаются, были сведены в три сетки встречаемости форм.

Для условного представления форм на созданной карте был выбран способ, аналогичный примененному в ДАВСЗБ: каждой форме (отражающей диалектный признак) соответствует условный знак, используемый в качестве маркера каждого пункта, в котором эта форма встречается. Для тех пунктов, где встречается более одной формы, был разработан особый маркер – черная точка, рядом с которой расположены два или более условных знака. Для пунктов, в которых не зафиксирована ни одна форма, также создан свой собственный маркер – черная окружность. Этот метод представления форм был внедрен в формирующий карту скрипт и отработан на таблице, содержащей данные из сетки карты № 3. Кроме того, разработанный метод представления форм был скомбинирован с описанным выше методом представления данных о высоте над уровнем моря. Таким образом, каждый условный знак при каждом населенном пункте на сгенерированной карте был автоматически окрашен в один из шести цветов в соответствии с имеющимися высотными данными об этом пункте. В настоящий момент ведется дополнительная работа над проверкой и уточнением сведений о высоте пп. над уровнем моря по традиционным источникам и над внесением необходимых коррективов.

Комбинационная карта, представленная на рис. 2, совмещает лингвистическую и внелингвистическую информацию, а именно сведения о рефлексах *dj (например в лексемах-рефлексах прасл. *medja ‘межа’) в обследованных пунктах (форма 1 – žd (mežda), форма 2 – dž (medža), форма 3 – ž (meža), форма 4 – g^j (meg^ja)), с одной стороны, и данные о высоте пунктов над уровнем моря – с другой.

Условные обозначения
встречающихся в пунктах
форм*:

● - форма 1

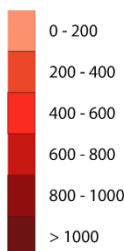
■ - форма 2

◆ - форма 3

▲ - форма 4

○ - нет данных

Данные о высоте
пунктов (в метрах над
уровнем моря):

*Размер маркеров на карте
увеличен для печатной версии.
Нумерация пунктов в печатной
версии карты не приводится.

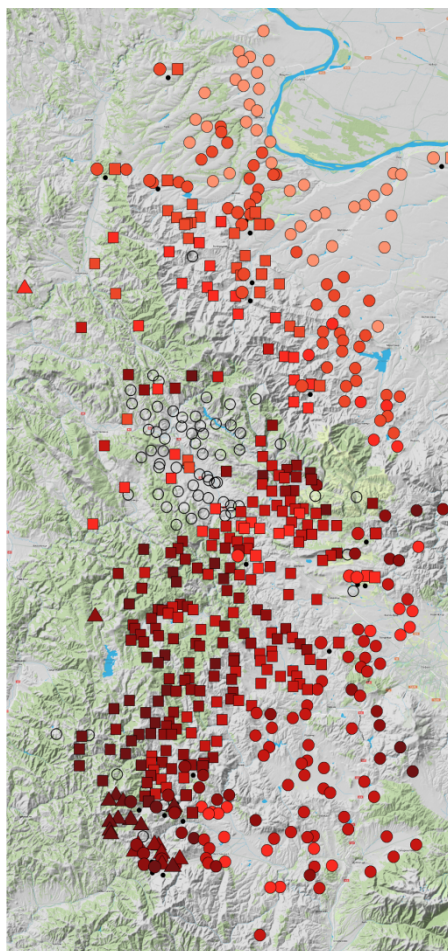

Рис. 2. Комбинационная карта с лингвистической
и внешнелингвистической информацией

На момент написания статьи проводились также опыты по кластеризации и выводу на карту имеющейся у нас лингвистической информации в табличном формате различными комбинаторными методами. Так, был разработан метод градуированного представления межтабличной (и, соответственно, межсеточной) встречаемости форм в пунктах: каждый пункт на карте представлен круглым маркером, который окрашен в один из цветов из новой четырехчастной шкалы в соответствии с тем, в скольких из трех вышеупомянутых таблиц (соответствующих сеткам карт № 3, 7 и 20) содержится информация о том, что в этом пункте встречается какая-либо форма из трех, характерных для западножнотославянского, в частности сербского, языкового ареала (т.е. $*dj > d\check{z}$, $*q > u$, $*b > \partial$): ни в одной, в одной из трех, в двух из трех, во всех трех таблицах.

Данные о встречаемости форм в пунктах*:

*Размер маркеров на карте увеличен для печатной версии. Нумерация пунктов в печатной версии карты не приводится.

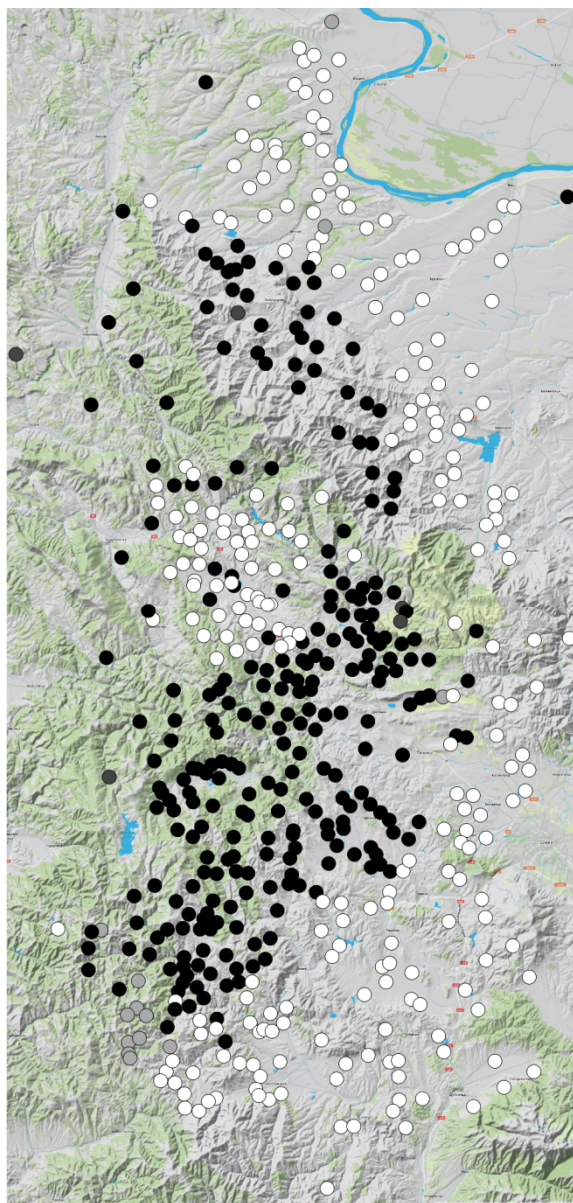

Рис. 3. Комбинационная карта с разноплановой лингвистической информацией

На этом материале сгенерирована комбинационная карта, представленная на рис. 3. В настоящий момент ведется дополнительная работа по автоматическому различению случаев полного отсутствия любых сведений из каких-либо пунктов от случаев отсутствия в этих пунктах именно искоемых трех форм при возможном наличии других.

Заключение и перспективы дальнейших исследований

Полученные в ходе экспериментов результаты демонстрируют не только перспективность применения выбранных методов и возможность кластеризовать диалектные различительные признаки и внелингвистическую информацию, но и перспективы визуализации результатов на лингвогеографических картах. Сгенерированные экспериментальные карты демонстрируют кластеризацию рефлексов *dj > dž, *q > ц, *b > э и резкость отграничения ареала их распространения от соседних ареалов, а также их прямую корреляцию с высотным расположением соответствующих населенных пунктов в горном массиве Стара Планина по обе стороны государственной границы между Сербией и Болгарией. Рабочую гипотезу о возможности картографической *экспликации объективных границ* между близкородственными языками, в частности между сербским и болгарским, можно считать подтвержденной.

К ближайшим перспективам исследования относятся полное оцифровывание карт ДАВСЗБ, дополнение основной карты-сетки пунктов новой информацией, включая новые пункты, расширение возможностей интерактивного взаимодействия с картой и внутренними лингвогеографическими данными (на уровне как самой карты, выводимой в веб-приложение, так и отдельно встраиваемых в это приложение инструментов), увеличение объема и разнообразия этих данных, изучение и совершенствование способов их представления (так, встречаемость форм в пунктах может быть отображена не только с помощью условных знаков, но и посредством изоглосс, цветовой заливки определенных областей и комбинации этих методов), а также оптимизация хранения этих данных, их редактирования и оперативного обращения к ним. В дальнейшем к уже имеющимся и к новым количественно релевантным надежным данным можно будет применить самые современные методы статистического анализа [13, 14], что позволит надежно верифицировать лингвогеографические наблюдения над разграничением близкородственных языков.

Литература

1. Putschke W., Neumann R. Automatische Sprachkartographie // Dialektologie. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin : de Gruyter, 1982. S. 749–778.
2. Sobolev A.N. Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Marburg, 1998. Bd. 2. 300 s.
3. Павле И. Целокупна дела. X/2. Расправе, студије, чланци. 2. О дијалектологији. Приредіо Слободан Реметић. Сремски Карловци, Нови Сад : Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2018. 337 с.
4. Български диалектен атлас / отг. ред. И. Кочев. Обобщаващ т. 1–3: Фонетика. Акцентология. Лексика. София : Труд, 2001. 538 с.
5. Български диалектен атлас / отг. ред. М. Тетовска-Троева. Обобщаващ т. 4: Морфология. София : Проф. Марин Дринов, 2016. 247 с.

6. *Language and space. Language mapping. An international handbook of linguistic variation* / eds. by A. Lameli, R. Kehrein, S. Rabanus. Berlin ; New York : de Gruyter, 2010. Pt 1. XXII, 668 S.

7. Goebel H. Dialektometrie; Prinzipien und Methoden des Einsatzes der numerischen Taxonomie im Bereich der Dialektgeographie. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982. 123 S.

8. Goebel H. Ansätze zu einer komputativen Dialektometrie // Dialektologie. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Berlin : de Gruyter, 1982. S. 778–792.

9. Prokić J. Families and resemblances. PhD thesis. Groningen: s.n., 2010. (Groningen Dissertations in Linguistics 88). 196 p.

10. Dombrowski A. A Network Analysis of Macedonian Dialects (a Methodological Experiment). A paper presented at the 19th Biennial Conference on Balkan and South Slavic Linguistics, Literature and Folklore. April 25–27, 2014, University of Chicago, Illinois. 25 p.

11. Русаков А.Ю., Морозова М.С. Количественные исследования балканских языков и диалектов: достижения и перспективы // Сьпоставително езикознание. 2020. 19 p. In print.

12. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL: <https://www.R-project.org/>

13. Конер Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 17–33.

14. Makarova A.L., Sonnenhauser B., Vuković T. Corpus-based variation analysis in a Timok dialect. 34 p. manuscript.

Methods of Digital Linguistic Geography in Research on the Borders Between Closely Related Languages (Dialects of Eastern Serbia and Western Bulgaria)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 42–55. DOI: 10.17223/19986645/64/3

Nikita G. Gorlov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gorlov666@gmail.com

Anna V. Kochanovskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); University of Belgrade (Belgrade, Serbia). E-mail: kochanovskayaanna@yandex.ru

Andrey N. Sobolev, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation); Philipps University of Marburg (Marburg, Germany). E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

Keywords: South-Slavic languages, Serbian dialects, Bulgarian dialects, linguistic borders, linguistic geography, dialectometry.

In the study, the latest computer methods of clustering and visualization are applied to reliable and quantitatively relevant intralinguistic and extralinguistic data on adjacent cross-border dialects of two closely related South Slavic languages, Serbian and Bulgarian, for the first time in Slavic linguistic geography. The survey is a pilot experimental one. The objectives of the study are the correct machine conversion of the existing analog primary data into a digital format, the development of digital tools for processing and clustering the primary data, and the generation of trial combinatorial linguistic maps. It is assumed that as a result of applying the methods of systematization, analysis, synthesis, and visualization of the geographical distribution of clusters of linguistic and extralinguistic data, a cartographic explication of objective boundaries between closely related languages is possible. The primary data for the study were obtained by a machine digitizing of a part of the South Slavic dialect materials from the second volume of the *Dialectological Atlas of Eastern Serbia and Western Bulgaria* (DAESWB). The immediate tasks of digitalization included the compilation of an elec-

tronic geographic grid of the surveyed sites; the digitization of three linguistic maps from DAESWB (on reflexes of the Proto-Slavic *dj, *q, *b); the development of digital linguo-geographic tools and their functions in the R programming language in RStudio; the introduction to the study of extralinguistic information on the altitude of each site above sea level; the creation of combinatorial physical-geographical and linguistic maps using geometric shapes and color scales. A map was generated combining information about reflexes *dj with data on the altitude of sites above sea level, as well as a map clustering reflexes *dj>dž, *q>u, *b>ə. The generated experimental maps demonstrate the clustering of reflexes *dj>dž, *q>u, *b>ə and the contrast of the delimitation of their distribution area from neighboring areas, as well as their direct correlation with the altitude location of the corresponding settlements in the Stara Planina mountain range on both sides of the state border between Serbia and Bulgaria. The working hypothesis about the possibility of a cartographic explication of objective boundaries between closely related languages, in particular between Serbian and Bulgarian, can be considered confirmed. In the future, the study will reliably verify the linguo-geographical observations on the delineation of closely related languages.

References

1. Putschke, W. & Neumann, R. (1982) Automatische Sprachkartographie. In: Putschke W. et al. (eds) *Dialektologie. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*. Berlin: de Gruyter. pp. 749–778.
2. Sobolev, A.N. (1998) *Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens*. Bd. II. Marburg: Biblion.
3. Ivić, P. (2018) *Celokupna dela* [Collected Writings]. X/2. 2. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića.
4. Kochev, I. (ed.) (2001) *Balgarski dialekten atlas* [Bulgarian Dialect Atlas] General Volumes 1–3. Sofia: Trud.
5. Tetovska-Troeva, M. (ed.) (2016) *Balgarski dialekten atlas* [Bulgarian Dialect Atlas] General Volume 4. Sofia: Marin Drinov.
6. Lameli, A., Kehrein, R. & Rabanus, S. (eds) (2010) *Language and space. Language mapping. An international handbook of linguistic variation*. Pt. 1. Berlin; New York: de Gruyter.
7. Goebel, H. (1982) *Dialektometrie; Prinzipien und Methoden des Einsatzes der numerischen Taxonomie im Bereich der Dialektgeographie*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
8. Goebel, H. (1982) Ansätze zu einer komputativen Dialektometrie. In: Putschke W. et al. (eds) *Dialektologie. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*. Berlin: de Gruyter. pp. 778–792.
9. Prokić, J. (2010) *Families and resemblances*. PhD thesis. Groningen: [s.n.]. (Groningen Dissertations in Linguistics 88).
10. Dombrowski, A. (2014) *A Network Analysis of Macedonian Dialects (A Methodological Experiment)*. A paper presented at the 19th Biennial Conference on Balkan and South Slavic Linguistics, Literature and Folklore. 25–27 April 2014. University of Chicago, Illinois.
11. Rusakov, A.Yu. & Morozova, M.S. (2020) Kolichestvennye issledovaniya balkanskikh yazykov i dialektov: dostizheniya i perspektivy [Quantitative Research on Balkan Languages: Achievements and Prospects]. *S"postavitelno ezikoznanie*. In print.
12. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. (n.d.) *R: A language and environment for statistical computing*. [Online] Available from: <https://www.R-project.org/>.
13. Koner, D.V., Makarova, A.L. & Sobolev, A.N. (2019) Linguistic/Dialectal Profiling of Dialect Speakers: The Method Presented on the Idiolect From Berčinovac, Eastern Serbia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 58. pp. 17–33. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/58/2
14. Makarova, A.L., Sonnenhauser, B. & Vuković, T. (n.d.) *Corpus-based variation analysis in a Timok dialect*. A manuscript.

УДК 81.11-112
DOI: 10.17223/19986645/64/4

Е.И. Зиновьева, Ю.А. Кузнецов

ИДЕОЛОГЕМЫ В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII вв. КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Рассматривается семантика существительных «варвар» и «басурман» в качестве идеологем, вербализующих аксиологические категории религии и образ врага в обиходном языке Московской Руси. Анализируются дефиниции словаря обиходного русского языка XVI–XVII вв., дискурсивная реализация указанных существительных по данным его картотеки. Проводится сопоставление с особенностями употребления лексем в современном русском языке. Делается вывод, что проанализированные идеологемы являются диахроническими.

Ключевые слова: идеологема, аксиологическая категория, макроконцепт, обиходный язык, басурман, варвар.

Под идеологемой, вслед за С.А. Журавлевым [1. С. 7], понимается конкретная цельная единица синкретичной лингвосемиотической природы; знаковое образование идеологического метауровня; дискурсивная единица, значимость которой определяется метаконтекстуально. Идеологемы вербализуют макроконцепт, выраженный оппозицией «свой – чужой», и служат для формирования аксиологических категорий. Идеологема становится «мировоззренческой установкой (предписанием), облеченным в языковую форму» [2. С. 43].

В Московской Руси XVI–XVII вв. проживали и граничили с ее территорией, вступая в торговые и экономические контакты, а порой и военные конфликты, разные этносы, исповедовавшие разные религиозные воззрения, принадлежавшие к различным конфессиям. Особое значение в этой связи приобретают идеологемы «басурман» и «варвар», одновременно эксплицирующие религиозную принадлежность и номинирующие образ врага.

Для современной эпохи исследователи определяют лексему *басурман* как религоним, отмечая его оценочную амбивалентность [3. С. 43]. Это представляется не совсем правомерным для обиходного языка Московской Руси позднего Средневековья, поэтому в статье будем придерживаться термина «идеологема».

Языковым отражением идеологии является дискурсивная реализация. В словарных статьях «Словаря обиходного русского языка Московской Руси

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 18-012-00224-а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков (восьмой, девятый и десятый выпуски)».

XVI–XVII вв.», составленном авторским коллективом Санкт-Петербургского государственного университета, присутствуют заголовочные единицы «БАСУРМАНЕ, мн.; басурман и басурманин, ед. Вар. босурмане, бусормане, бусурмане» [4. С. 86]; БЕСЕРМЕНЫ, мн.; бесерменин, ед. [Там же. С. 141] и «ВАРВАР» [5. С. 22]. Анализ содержания словарных статей этих существительных, а также единиц их словообразовательных гнезд, употреблений, зафиксированных в данных картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», позволяет сделать выводы о месте и роли данных идеологем в картине мира эпохи.

Существительное *басурмане* [кирг., кумык., балкар., *busurman*, тат., кирг. *musulman* ‘мусульманин’ (из перс. *musliman*)] [4. С. 86] используется в деловых памятниках и в фольклорных источниках XVI–XVII вв. с неодобрительной коннотацией в значении ‘нехристиане, мусульмане’.

Конечно, религиозная составляющая является основой негативной коннотации. В некоторых случаях она выступает более эксплицитно: «Всѣмъ Святѣмъ, попремногу благодарение воздаемъ со всѣмъ своимъ воинствомъ, и съ сердечнымъ желаниемъ и вѣрою призываемъ святое имя Его, могущему насъ сотворити въ радости во благодати мира своего, что подароваль намъ и всему воинству нашему и всѣмъ православнымъ хрестьяномъ вашими святыми молитвами избаву и защищение отъ *бесерменъ*» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Е.З., Ю.К.) [6. С. 10].

В ряде случаев к религиозной составляющей присоединяется стереотипное восприятие басурман как чужеземцев, от которых можно ожидать неприятностей: «Как еще там *воры-басурманы* по Казани они гуляли» [7. С. 96]; «А въ уѣздѣхъ, государи, окомъ *чужеземцовъ* и *бусурманей* никоу нѣтъ» [8. Т. 2. С. 397]. Как видно из приведенных цитат, неодобрительную коннотацию усиливает синкретичное по семантике в рассматриваемую эпоху приложение *воры* – ‘кто нарушает законы, нормы морали, преступник’, а также равноположенность чужеземцев и басурман.

Образ чужого, врага, с которым стыдно спорить, нельзя заключать мир и которому нельзя верить, четко проступает в следующих контекстах: «И у них [крымских послов] тѣхъ судовъ царь отнимати не велить, потому что *спороватся съ бусурманомъ въ стыдъ*» [9. С. 57]; «*Нелзя нам миритца или веритца* крестьяном [христианам] з *босурманы*» [10. С. 70].

Противопоставление «свой–чужой» предполагает открытый ряд «чужого», придерживающегося другой веры и находящегося в противостоянии по своим моральным убеждениям, а часто и в военном противопоставлении с христианами. Форма множественного числа существительного – *бесермены* – выступает в данном случае в дискурсе как гипероним к этнонимам *турки* и *татары*. Одновременно православным противостоят и те, кто исповедует католичество и лютеранство. Например: «И вы бѣ пожаловали молили Господа Бога и пречистую Богородицу и великихъ Чюдотворцовъ, чтобъ Господь Богъ оцѣститъ наше согрѣшение и отвратилъ праведный свой гнѣвъ, и милость свою и челоуѣколюбие излиялъ, и милосердиемъ своимъ насъ помиловаль и все православное хрестьянство Росийского

царствия, и не предадь бы насъ и все православное християнство Росийского царствия въ расхищение и въ плѣнь *бесерменомъ*, туркамъ и татаромъ, и Литвѣ, и Латыномъ, и Нѣмцомъ» [6. С. 368].

Кроме того, слово используется бранно, например, в челобитье о бесчестье при наименовании человека басурманом: «Челобитье... в бесчестье... называл *бусорманомъ*» [11. Т. 1. С. 59].

В то же словообразовательное гнездо входят глаголы *басурманить* – ‘принуждать принять мусульманскую веру’ и *басурманиться* – ‘переходить в мусульманскую веру’, а также наречие *басурмански* – ‘не в соответствии с христианской моралью’ и прилагательные *басурманский*, *бесерменский*, а также существительное *бесерменство* [4. С. 86–87].

Последнее существительное может употребляться в значении обобщенного названия мусульманской веры, особенно в контекстах, где оно используется наряду с обобщенным названием католической веры – *латынством*. Оба наименования вероисповедания выступают как чуждые и враждебные вере «русской», православной: «Послалъ бы Господь Богъ Государю нашему, благовѣрному Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Руси, и всему его христоролюбивому воинству свыше помощь, и крѣпость, и храбрость, мужество и одолѣние на вся видимые и невидимые враги его; и возвысилъ бы Господь Богъ его царскую десницу надъ *латынствомъ*, и надъ *бесерменствомъ*, и надо всѣми враги его; и покорилъ бы Господь Богъ подъ нозѣ его всѣхъ враговъ его и сопостатовъ; и устроилъ бы Господь Богъ царство его тихо, мирно и безмятежно» [6. С. 3]. Но в то же время семантика существительного может подразумевать представителей конкретных этносов, с которыми наиболее часто контактировала и воевала Русь, – татар и турок: «А потому ли вам добре жаль Шереметева, что жестоко за него стоите, что братия его и ныне не престанут в Крым посылать да *бесерменство* на християнство наводить?» [12. С. 191].

Лексема *варвар*, заимствованная из греческого, обычно употребляется в форме множественного числа, функционирует в письменных памятниках книжно-церковного характера и имеет значение ‘враг православной веры’. Любопытно, что конкретное вероисповедание при этом не играет роли, варваром называют как язычника, так и мусульманина. Важно только, что маркируется «чужой». По данным картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», *варвар* / *варвары* используются и в значении ‘мусульмане, мусульманин’: «Всем убо явленны суть, какова тогда злая пострадаша от *варвар* православнии, от Крыма и от Казани» [Там же. С. 182]; «Тому лет с двести семьдесят с лишком, *варвар*, Бахмет турской, взял Царьград» [13. С. 202].

Существительное *варвары* используется в сравнениях с отрицательной коннотацией: «Пишешь и зовешься государем хрестыянским, а дела при тебе [Стефане Батории] делаютца не прилишны хрестыянскому обычею: хрестыаном не подобает кровем радоватися и убийством и *подобно варваром* деяти» [12. С. 219]; как обращение в экспрессивном контексте: «Ответ наш

казачей из Азова города... голове яныческому: «О, прегордыи и лютии *варвары!*» [10. С. 65].

Варварами называются народы северной части Африки: «Въ Бранѣхъ купать пудъ по 1 рублю; въ Шпанѣхъ купать пудъ по 2 рубли; въ *Варварѣхъ* купать пудъ по 2 рубля съ половиною» [14. С. 130].

Прилагательное *варварский* в значении 'состоящий из нехристиан' подчеркивает отсутствие дифференциации конкретного вероисповедания, акцент делается на «чужой вере», *варварский* – это состоящий из чужих, в противоположность своим: «И не можеша реши [князь Курбский], яко не облыгани естъ, но сия их [бояр] измены всей вселенной ведомы, аще восхощеши, и *варварскихъ языцехъ* увеси и самовидцев сим злым деянием можеша обрести» [12. С. 42]. В значении 'населенный язычниками' прилагательное встречается реже: «Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране *варварстей*, от твари Бога познал» [15. С. 71].

Устойчивое сочетание *варварские люди* однозначно употребляется в значении 'враги': «И нне предаю [А. Свенсен] тебя гсдря [датского посла О. Пасберга] в сохранение Бгу всемогущему и даи Бгъ чтоб тебѣ гсдрю со всѣми людьми вскоре опростатися от таких *варварскихъ людей*» [16. С. 192].

Таким образом, обе идеологемы (и «басурмане», и «варвары») маркируют «чужих» по отношению к своим, являясь по сути синкретами, нерасчлененно объединяющими в своей семантике религиозную составляющую и номинацию врага, к тому же в исследуемый период данные идеологемы сближаются и используются в ряде контекстов как синонимичные.

Обе идеологемы употребляются для наименования врага, людей другой веры, ср.: «Еще на должность иконописца претендовал вьетнамец Нгуен Дыг Дон; батюшка не возражал, чтобы Спасителя писал *басурманин*, но отклонил кандидатуру, когда выяснилось, что Нгуен получил 17 лет «строгача» за неугодное Богу отрезание голов двум мирянам» (К. Благодаров. Перепись населения строгого режима // Комсомольская правда. 2002. 12 июля); «Что касается слова «*басурманин*» в тексте произведения, то ведь абсолютно понятно, что поэт употребил его для *обобщенного названия врага* и ни в коем случае не имел какую-то конкретную национальность» (Комсомольская правда. 2013. 1 ноября); «Не поверишь. Чему только *варвары* не поклоняются. Оказывается, все шейхи верят в то, что мясо хубары обладает молодильными свойствами» (А. Иличевский. Перс. 2009) [17]. Оба существительных используются также как бранные слова: «Ах / мерзавцы / *варвары*. Скоты!» (Е. Ташков и др. Адъютант его превосходительства, к/ф (1969); «Уходи отсюда зараз же, нечистый дух, *басурманин проклятый!* (М.А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 2. 1959) [Там же].

В современном русском языке наблюдается тенденция к большему использованию исследуемых единиц как средства выражения негативной оценки. Например: «Если бы родитель распустил сопли: ребенку трудно, тренер – *варвар*... Папа же Юли понимал, что эти моменты нужно пережить» (Лысенков П. «Огненная девочка». Тренер чемпионки мира Юлии

Ефимовой Ирина Вятчанина откровенно рассказала о своей ученице // Советский спорт. 2009. 14 авг.) [17]. Ср. также об отрицательной оценочности слова *басурманин* в современном русском языке в работе С. Рагасовой и А.А. Хуснутдинова [18].

Анализ материала обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. в сравнении с обширным современным языковым материалом «Национального корпуса русского языка» показывает, что проанализированные идеологемы являются диахроническими, универсальными. Они не исчезают из общекультурного русского кода со сменой исторических периодов.

Литература

1. Журавлев С.А. Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Казань, 2004. 23 с.
2. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995.
3. Ахметжанова З.К., Мирзоева Л.Ю. Аксиологический потенциал концепта чуждости (на материале религонима *басурман*) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.) / ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. : в 15 т. СПб., 2015. Т. 6. С. 43–48.
4. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Мжельской. Вып. 1 (А–Бязь). СПб. : Наука, 2004. 333 с.
5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Мжельской. Вып. 2 (В–Вопь). СПб. : Наука, 2006. 340 с.
6. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2.
7. Исторические песни XIII–XVI веков (по спискам XVIII–XX вв.) / изд. подгот. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М. ; Л., 1960.
8. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846–1872. Т. 1–12.
9. Котошихин Г.О. Россия в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.
10. «Поэтическая повесть» об азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л., 1949. С. 57–81.
11. Полякова Е.Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII в. Т. I: А–О. Пермь, 2010.
12. Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье ; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л., 1951.
13. Аввакум. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М., 1960. С. 185–294.
14. Торговая книга / предисл. И.И. Сахарова // Зап. Отд. рус. и слав. археологии Археол. об-ва. СПб., 1851. Т. 1, отд. 3. С. 106–139.
15. Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М., 1960. С. 53–122.
16. Вести-Куранты 1642–1644 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина ; под ред. С.И. Коткова. М., 1976.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
18. Рагасова С., Хуснутдинов А.А. Об использовании слов *басурман*, *магометанин* и *мусульманин* в современной русской речи // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 8, вып. 3. С. 224–229.

Ideologemes in the Russian Vernacular of Muscovite Rus in the 16th–17th Centuries as a Reflection of Inter-Ethnic Interaction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 56–62. DOI: 10.17223/19986645/64/4

Elena I. Zinovieva, Yuri A. Kuznetsov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru / y.a.kuznetcov@spbu.ru

Keywords: ideologeme, axiological category, macro-concept, vernacular language, *basurman*, barbarian.

The article analyzes the semantics and usage peculiarities of nouns *basurman* (obsolete, lit. ‘Muslim, unorthodox’) and *varvar* (‘barbarian’) in the Russian vernacular of Muscovite Rus as a reflection of the interethnic interaction of Russians and numerous ethnic groups with whom they were in contact, traded or fought. The aim of the study was to determine the place and role of these ideologemes in the picture of the world of the epoch. The material of the study was the dictionary entries for these nouns and their word-formation derivatives in the *Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries*, as well as the card file data of this dictionary. The materials of Russian written monuments of the 16th and 17th centuries show that the analyzed words cannot be attributed as those denoting religion. It has been revealed that, in the discourses of acts, folklore sources, and journalism, lexemes *basurman* and *varvar* are ideologemes that mark an ‘alien’ in relation to their own people. They are syncretic words that unite a religious component and a nomination of an enemy in their meanings. During the period under study, these ideologemes converge and function in a number of contexts as synonymous. Orthodox Christians do not form an opposition exclusively with Muslims or pagan barbarians. The own vs. alien opposition involves an open series of ‘aliens’ adhering to another faith (for example, Catholicism and Lutheranism) and confronting Christians in their moral convictions, and often in military opposition. The lexeme *varvar*, borrowed from Greek, is usually used in the plural form, functions in written Church monuments, and has the meaning ‘an enemy of the Orthodox faith’. The kind of religion is not significant in this case: *varvar* refers to both a pagan and a Muslim, the key point is that matters is that this word labels a person as an ‘alien’. According to card files of the *Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries*, *varvar* (Sg.) and *varvary* (Pl.) are predominantly used in the meaning of ‘Muslim, Muslims’. The religious component is the basis of the negative connotation, which motivates the usage of the lexemes *basurman* and *varvar* as obscene. In modern Russian, both ideologemes, according to the Russian National Corpus, are also used for a generalized name of an enemy, people of a different faith. However, there is a tendency of using these words for expressing a negative evaluation. As a result, the study concludes that the analyzed ideologemes are diachronic and universal. They do not disappear from the general cultural Russian code with the changing historical periods.

References

1. Zhuravlev, S.A. (2004) *Ideologemy i ikh aktualizatsiya v russkom leksikograficheskom diskurse* [Ideologemes and Their Actualization in the Russian Lexicographic Discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
2. Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Yekaterinburg; Perm: Ural State University.
3. Akhmetzhanova, Z.K. & Mirzoeva, L.Yu. (2015) Aksiologicheskii potentsial kontsepta chuzhdosti (na materiale religionima basurman) [The Axiological Potential of the “Alien” Concept (Based on the Religion-Based Nomination Basurman)]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian Language and Literature in the Space of World Culture]. Proceedings of the XIII MAPRYaL Congress. 13–20 September 2015. Granada, Spain. In 15 Vols. Vol. 6. St. Petersburg: MAPRYaL. pp. 43–48. (In Russian).

4. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
5. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2006) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Vernacular of Muscovite Rus of the 16th–17th Centuries]. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
6. Anon. (1836) *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsieyu imp. Akademii nauk* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 2. SPb: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
7. Putilov, B.N. & Dobrovol'skiy, B.M. (1960) *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov (po spiskam XVIII–XX vv.)* [Historical Songs of the 13th–16th Centuries (According to the Lists of the 13th–20th Centuries)]. Moscow; Leningrad: [s.n.].
8. Anon. (1846–1872) *Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobr. i izd. Arkheograf. komis.* [Supplements to the Historical Acts Compiled and Published by the Archaeographic Commission]. Vols 1–12. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
9. Kotoshikhin, G.O. (1859) *Rossiya v tsarstvovanie Aleksey Mikhaylovicha* [Russia During the Reign of Alexei Mikhailovich]. 2nd ed. St. Petersburg: V Tip. E. Pratsa.
10. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1949) *Voinskie povesti Drevney Rusi* [Military Tales of Ancient Russia]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 57–81.
11. Polyakova, E.N. (2010) *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII v.* [Dictionary of the Vocabulary of Perm Monuments of the 16th – Early 18th Centuries]. Vol. I. Perm: Perm State University.
12. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1951) *Poslaniya Ivana Groznogo* [Epistles of Ivan the Terrible]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Gudziya, N.K. (ed.) (1960a) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [Archpriest Avvakum: The Life written by Himself, and Other Writings]. Moscow: Goslitizdat. pp. 185–294.
14. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Arkheologicheskogo obshchestva.* (1851) *Torgovaya kniga* [Trading Book]. 1 (3). pp. 106–139.
15. Gudziya, N.K. (ed.) (1960b) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [Archpriest Avvakum: The Life written by Himself, and Other Writings]. Moscow: Goslitizdat. pp. 53–122.
16. Kotkov, S.I. (ed.) (1976) *Vesti-Kuranty 1642–1644 gg.* [Vesti-Kuranty, 1642–1644]. Moscow: Nauka.
17. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru>. (In Russian).
18. Ragasova, S. & Khusnutdinov, A.A. (2017) *Ob ispol'zovanii slov basurman, magometanin i musul'manin v sovremennoy russkoy rechi* [On the Use of the Words Basurman, Magometanin and Musul'manin in Modern Russian Speech]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Seriya "Gumanitarnye nauki"*. 8 (3). pp. 224–229.

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/19986645/64/5

М.П. Котюрова, Е.А. Баженова

ЧАСТИЦЫ-ДИСКУРСИВЫ В АСПЕКТЕ КРИТИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ ЖУРНАЛИСТА

Рассмотрены частицы как дискурсивные слова, придающие высказыванию дополнительные ограничительные и усилительные значения. На основе количественного и функционально-семантического анализа наиболее употребительных частиц выявлена тенденция к широкому использованию частиц-дискурсивов в аналитических статьях по экономике, политике и культуре. Интерпретация полученных данных соотнесена с воздействием на текст массовой коммуникации сильнодействующего дискурсивного фактора «критическая направленность мышления журналиста».

Ключевые слова: критическое мышление, частицы-дискурсивы, дискурсивные комплексы, отрицательные частицы, усилительные частицы, ограничительные частицы.

Постановка проблемы

Функционально-стилистическое изучение языка предполагает не только констатацию использования языковых единиц в тексте, но и целесообразное объяснение наблюдаемых речетекстовых явлений в их обусловленности дискурсивными – в терминологии функциональной стилистики экстралингвистическими – факторами.

Изучение употребления отдельных языковых единиц в текстах разного функционального назначения остается актуальной задачей современной лингвистики. Так, до сих пор являются малоизученными служебные части речи, среди которых наш интерес вызывают частицы, хотя в целом ряде работ (см., напр.: [1–3]) уже установлена их значимость как дискурсивных единиц, способствующих воздействию текста на читателя. Так, по мнению Е.Ю. Викторовой, частицы входят в состав вспомогательной дискурсивной системы текста [1]. Вместе с тем дальнейшего исследования требует функционирование частиц в текстах массовой коммуникации. В рамках решения этого вопроса особый интерес вызывает роль частиц в репрезентации критичности мышления журналиста, иначе – влияние критичности мышления журналиста на отбор и употребление частиц-дискурсивов в ограниченном целью анализа материале.

Вслед за Д. Халперн [4. С. 22] критичность мышления применительно к сфере журналистики определяется нами как способность журналиста к логическим умозаключениям на основе интерпретации социально значимых явлений действительности и обоснованной оценке этих явлений. Критичность мышления, по мнению психологов, является одним из важнейших

качеств творчески мыслящего специалиста [5]. Такое мышление предполагает рефлексивное, оценочное отношение автора к явлениям действительности. На наш взгляд, в сфере журналистики критическое мышление наиболее полно проявляется в аналитической статье, которую А.А. Тертычный определяет как «жанр, предназначенный прежде всего для анализа актуальных общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [6. С. 263]. Известный специалист в области теории журналистики подчеркивает, что аналитическая статья, объясняя общественную и личную значимость актуальных событий, воздействует на читателей, побуждая их к размышлениям. Как известно, воздействие текста на адресата в вербальных формах коммуникации осуществляется посредством отбора и употребления разноуровневых языковых единиц. Из всего многообразия таких единиц наше внимание привлечли частицы, ориентированные на выражение значений, дополнительных к основному смыслу высказывания.

Возвращаясь к критичности мышления журналиста, проявляющейся в текстах аналитических статей, отметим, что, будучи свойством когнитивной сферы человека, критическое мышление включает рациональный и эмоциональный компоненты. Можно полагать, что критичность мышления, необходимая для реализации воздействующей функции аналитической статьи, представляет собой один из важных дискурсивных факторов порождения текста в медиакоммуникации. Наряду со специальными речетекстовыми единицами, непосредственно выражающими оценку события и тем самым обеспечивающими прямое воздействие публикации на читателя (типа конструкций с модально-оценочным значением), критичность мышления журналиста проявляется – но опосредованно – в употреблении частиц.

С целью аргументации данного утверждения анализу подвергнуты аналитические статьи на темы политики, экономики и культуры, опубликованные в 2015–2018 гг. в федеральных газетах «Комсомольская правда» (КП), «Аргументы и факты» (АФ), «Российская газета» (РГ), а также в местных газетах Пермского края «Аргументы недели» (АН), «Искра» (И), «Пармановости» (ПН).

Широкоупотребительными частицами в исследованном материале являются *не, и, еще, же, только, даже, ли, именно, вот, всего, лишь, ведь, ни, действительно* и др. Кроме того, зафиксированы единичные случаи употребления частиц *хоть, чуть, разве, пусть, вовсе, практически, -то, почти, да, бы, ну, едва, довольно, исключительно, фактически, неужели, а, якобы, давайте, уж, аж, чисто, как раз, прямо, просто, столь, -ка, будь* и др. Последние используются преимущественно в составе комплексных дискурсивов, например: *еще и, все еще, еще не, да еще, ведь даже, даже и не, ведь именно, ведь не, даже если, ведь тоже, ведь совершенно, только и, да и, ведь и, вот и, хоть и, пускай и не, да что, совсем не, ну и, пусть и, да пусть, и не только* и мн. др.

На основе дискурсивно-стилистического подхода, разработанного в результате объединения принципов функциональной стилистики и дискур-

сивного анализа (см.: [7, 8]), мы рассматриваем такие дискурсивные частицы, которые ориентированы на выражение лишь двух дополнительных к основному содержанию высказывания значений – усилительного и ограничительного. Отметим, что в исследованных текстах аналитических статей выявлен целый ряд частиц-дискурсивов, придающих высказыванию другие значения: вопросительное, указательное, оценочное, побудительное, а также значения добавления, уточнения, убавления. Реализация того или иного значения в контексте конкретной публикации обусловлена воздействием на текстообразование доминирующего компонента критического мышления автора, в нашем понимании – «рационально-критического» или «эмоционально-критического».

Представляется, что анализ выбора и употребления частиц в тексте статьи позволяет определить доминанту критического отношения журналиста к явлениям действительности – эмоциональную или рациональную, каждая из которых проявляется на фоне нейтрального (констатирующего, индифферентного) отношения к описываемым событиям. Усилительное значение частиц, акцентирующих большую и даже крайнюю степень «силы» (качества), соотносится, по нашему мнению, с эмоциональным восприятием явления действительности, в то время как ограничительное значение, т.е., по С.И. Ожегову, «не охватывающее полностью» [9. С. 357], имеет скорее рациональный характер. При этом следует учитывать, что **в системе языка** частицы многозначны и обладают весьма широким «радиусом действия». Доминирующее дискурсивное значение – эмоциональное или рациональное – они получают в **речи**, в процессе медиакоммуникации, т.е. при использовании в конкретном тексте. Именно в речевой системе текста частицы приобретают дискурсивную функцию, связанную с выражением рациональной или эмоциональной доминанты критического мышления журналиста.

Количественный анализ материала

Количественные данные показывают следующее.

Наиболее употребительными – независимо от уровня издания – являются частицы трех лексико-семантических групп: 1) отрицательная *не*, констатирующая наличие или отсутствие явления действительности, независимого от субъекта речи; 2) ограничительные *всего*, *только*, *лишь* и 3) усилительные *и*, *еще*, *даже* (табл. 1). Данный количественный результат будем считать исходным научным фактом.

Как видим, количество употреблений нейтральной (условно говоря) частицы *не* в анализируемых текстах в значительной степени (почти в два раза) преобладает по сравнению с количеством зафиксированных в этих текстах употреблений частиц-дискурсивов. Частица *не* дискурсивом, по существу, не является, так как ее значение в контексте статьи тождественно языковому лексико-грамматическому значению. Поэтому функционирование в аналитических статьях отрицательной частицы можно рассмат-

ривать в качестве показателя, на фоне которого отчетливо выявляются «дискурсивные приращения» других частиц.

Т а б л и ц а 1

Количество отрицательных, усилительных и ограничительных частиц-дискурсивов в федеральных и местных газетах

Частицы-дискурсивы	Газеты		Всего
	федеральные	местные	
Отрицательные	475	479	954
Усилительные	307	241	548
Ограничительные	96	104	200

Представим употребление частиц-дискурсивов в исследованных текстах с учетом тематической направленности газетных статей (табл. 2).

Интерпретация количественных результатов

Влияние констатирующего / индифферентного отношения журналиста к явлениям действительности реконструируем посредством количественного анализа использованной отрицательной частицы *не*. В общей выборке в целом выявлено 954 частицы *не*, причем в текстах федеральных и местных газет ее употребительность почти совпадает – соответственно 475 и 479 единиц. Это не случайно. Как отмечалось выше, отрицательная частица используется для репрезентации объективной констатации отсутствия (или наличия) событий, явлений, их свойств.

Обращение к полученным количественным данным с учетом тематических различий газетных публикаций показывает, что в выборках из текстов на политические и экономические темы также наблюдается количественная близость употребления частицы *не* (соответственно 334 и 322 единицы), в то время как в текстах по культуре отрицательная частица зафиксирована в несколько меньшем количестве (298 единиц). Важно подчеркнуть, что именно такое соотношение количественных данных установлено и в отношении употребления отрицательной частицы в текстах, различающихся тематически, в федеральных (171, 152 и 152 единицы) и местных (163, 170 и 146 единиц) газетах.

Приведенные количественные показатели дают основание говорить об определенной тенденции в употреблении частицы *не*, а именно к стабильному, устойчивому проявлению констатирующего (индифферентного) отношения журналиста к явлениям действительности. Материал подтверждает, что при одиночном употреблении частица *не* реализует свое основное лексико-грамматическое значение отрицания и не придает высказыванию дополнительного дискурсивного смысла. Значит, одиночное употребление отрицательной частицы *не* действительно свидетельствует о проявлении констатирующего, довольно индифферентного отношения журналиста к описываемым событиям. Дискурсивный смысл отрицательная частица при-

обретает благодаря повтору, что будет показано ниже (количественные показатели употребления одиночных и повторяющихся частиц не дифференцированы, так как последние используются почти в единичных случаях).

Таблица 2

Количество частиц-дискурсивов в статьях по экономике, политике и культуре

Тема статьи	Значение частиц	Газеты		Всего
		федеральные	местные	
Политика	Отрицательные	171	163	334
	Усилительные	99	68	167
	Ограничительные	23	42	65
Экономика	Отрицательные	152	170	322
	Усилительные	104	89	193
	Ограничительные	41	39	80
Культура	Отрицательные	152	146	298
	Усилительные	104	84	188
	Ограничительные	32	23	55

В качестве иллюстрации индифферентного (нейтрального, констатирующего) изложения содержания приведем пример из статьи на экономическую тему, в которой автор размышляет о способах преодоления бедности: *Чтобы там появлялись социальные программы для населения, чтобы не давали взвинчивать цены и не душили местных предпринимателей. Госдуме надо помнить об одной простой вещи – Россия не заканчивается на МКАД* (АФ. 29.12.2017). Как видим, выразительность фрагменту придают не только парцелляция и повтор целевых придаточных предложений, но и повтор отрицательной частицы *не* (именно повтор, а не просто ее наличие). Подчеркнем, что в аналитических статьях довольно часты случаи, когда частица *не* используется в предложении неоднократно и тем самым наделяет высказывание дополнительным дискурсивным смыслом. В этом плане показателен пример из статьи на политическую тему: *Депутатов не устраивало то, что глава поселения к ним не прислушивается, не меняет свою работу во благо населения* (ПН. 28.11.2017).

Полагаем, эмоциональная оценка событий и явлений, обладающая сильным воздействующим эффектом, соотносится с эмоционально-критической доминантой мышления журналиста, поэтому анализ частиц-дискурсивов начнем с усилительных частиц *и, еще, даже*. В целом по выборке из текстов федеральных и местных газет данных частиц зафиксировано почти в два раза меньше, чем отрицательных (548 и 954 единицы), но почти в три раза больше, чем ограничительных частиц (548 и 200 единиц). Мы склонны видеть в этом соотношении подтверждение давно установленного, бесспорного в современной стилистической науке, не утрачивающего своей значимости положения об эмоционально-экспрессивной специфике публицистической речи (см. широко известные работы В.Г. Костомарова [10], Г.Я. Солганика [11], Л.Р. Дускаевой [12], Н.И. Клушиной [13], Е.Ю. Викторовой [1] и мн. др.). Не случайно сочета-

ние экспрессии и стандарта в функциональной стилистике признается основным конструктивным принципом публицистического стиля [10; 14. С. 346, 360]). В связи с этим можно считать, что полученные нами данные легко вписываются в доказательный фонд функциональной стилистики, объясняющий функционирование языковых единиц разных уровней.

Обратимся к примерам использования частиц-дискурсивов с усиительным значением в текстах аналитических статей. Частицы *и* и *еще* являются наиболее употребительными в рассматриваемых текстах; кроме того, они характеризуются полифункциональностью. На этом основании возможно отнести их к наиболее значимым среди всех дискурсивных частиц. Так, частица *и* заслуживает особого внимания в высказываниях типа: *Художественному барабанному бою учатся школьники из села Моховое Кунгурского района. И у них это неплохо получается* (И. 23.11.2017); *Так фантазируют дети. И нет этой фантазии никаких преград, она фонтанирует, брызжет невероятными идеями* (И. 21.11.2017). В этих примерах дискурсив *и* находится в анафорической позиции второй части высказывания, устанавливая смысловое соотношение между компонентами единого высказывания. Можно сказать, что в такой позиции дискурсив придает сообщению о факте особое – оценочное – значение.

Дискурсивная частица *еще*, как правило, акцентирует внимание читателя на времени события, произошедшего в прошлом. Например: *В пресс-службе Октябрьской железной дороги нам рассказали, что разрешение на съемку столичная команда получила **еще** в декабре прошлого года* (КП. 25.01.2016). Дискурсивная функция частицы *еще*, связанная с выражением оценочного отношения автора к содержанию высказывания, в этом фрагменте легко выявляется при его сопоставлении с тем же высказыванием без частицы. Вместе с тем нельзя не заметить полифункциональности этой дискурсивной частицы: помимо усиительно-оценочного значения, она выражает также значение уточнения обстоятельства времени.

Приведем примеры использования дискурсивной частицы *даже*: (1) *Церемония вручения «Золотого орла» на этот раз была достаточно лаконичной и **даже** скучноватой* (КП. 30.01.2016); (2) *Подобные голословные оскорбления в адрес главы государства... трудно поддаются какому-то анализу. Для нас это невозможно **даже** представить* (КП. 29.01.2016). В этих примерах частица *даже* усиливает оценку журналистом описываемого события (1) и его переживания по поводу события (2).

Далее рассмотрим употребление частиц-дискурсивов *только*, *лишь*, *все-го*, придающих высказыванию дополнительное дискурсивное значение, связанное с выражением ограничения. С нашей точки зрения, ограничительная функция этих частиц, выявленная в текстах статей аналитического характера, обусловлена влиянием рационально-критического отношения журналиста к предмету публикации.

В целом по выборке можно отметить следующее. Во-первых, в нашем материале зафиксировано всего 200 употреблений ограничительных частиц-дискурсивов, что в 4,5 раза меньше, чем отрицательных (954). Харак-

терно, что такое соотношение поддерживается и данными по выборке из федеральных и местных газет: соответственно 96 и 104 ограничительные частицы сравнительно с устойчиво высокой употребительностью отрицательных – соответственно 475 и 479. Заметим, что отрицательная частица *не* получает дискурсивное, т.е. добавочное, значение в определенных синтаксических позициях, а именно при повторах этой частицы в высказывании, а также в комплексных дискурсивах (см. ниже).

Кроме того, тематические различия между выборками не нарушают выявленного соотношения, поскольку количество ограничительных частиц в выборке из статей на политические темы (65), экономические (80), а также на темы по культуре (55) значительно меньше, чем количество отрицательных частиц в этих же выборках (соответственно 334, 332 и 298). Это наблюдение приводит к мысли, что рационально-критическая (логическая) направленность мышления журналиста, которую мы соотносим с употреблением ограничительных частиц, на фоне констатирующего (нейтрального) изложения актуализируется в значительно меньшей степени.

Приведем примеры частиц-дискурсивов из статей, в которых наиболее отчетливо проявляется влияние рационально-критической направленности мышления журналиста. В частности, показательно в этом плане употребление частицы *только* в статье на экономическую тему: *Чтобы заблокировать реформу, сил одной России не хватит, так как у нее только 2,5 процента голосов в совете директоров* (АФ. 13.11.2015). В другом примере (статья на политическую тему об избрании главы поселения в Кочевском районе Пермского края) наблюдается та же закономерность, см.: *Ранее, 12 апреля, подобное решение вынес и Гайнский районный суд. Только в Гайнском поселении нового главу депутаты должны выбрать до 15 июня* (ПН. 02.05.2017). Наконец, приведем пример статьи «культурной» тематики об итальянском актере Адриано Челентано: *Критика фильм не приняла, в прокате он провалился, и это стало началом прощания Челентано с кинематографом. Впереди у него были только две киноработы и участие в телесериале «Инспектор Глюк»* (КП. 06.01.2018).

Другой частицей, благодаря которой реализуется логическая операция ограничения, является частица-дискурсив *лишь*, также репрезентирующая влияние на стиль изложения рационально-критического мышления журналиста. Приведем примеры употребления этой частицы в контексте статьи на политическую тему. Автор рассуждает о выборах президента в 2018 г.: *Всего о желании стать кандидатами уведомляли 46 человек, но в итоге необходимые бумаги предоставили лишь 15 самовыдвиженцев* (АФ. 08.01.2018). Пример из статьи, рассказывающей о выставке Лукаса Кранаха: *Открывшаяся 4 марта в ГМИИ им. Пушкина выставка «Кранах. Между Ренессансом и маньеризмом» может побить рекорд по посещаемости. Подобный ажиотаж наблюдался лишь на недавней выставке Валентина Серова в Третьяковской галерее* (АФ. 10.03.2016). Из статьи на экономическую тему (обсуждаются региональные законы, которые позволяют наживаться на использовании средств, принадлежащих фонду капре-

монта): *Надо сказать, что сумма в Челябинской области уже скопилась внушительная: по данным регионального минстроя, за март – декабрь прошлого года собственники заплатили в качестве взносов 1,872 миллиарда рублей, при этом подрядчикам за выполненную работу перечислено лишь 180,26 миллиона рублей* (РГ. 04.02.2016).

Следующей по количеству употреблений в исследованных нами газетных статьях группой частиц с ограничительным значением является частица-дискурсив *всего*. Приведем примеры.

«Аргументы и факты» информируют о самых интересных фильмах, которые выходят в России: *Известный музыкант Доктор Дре и основоположник гангста-рэпа Айс Кьюб сами выбирали актеров, которые воплотили их образы на экране, а фильм всего за пару месяцев в мировом прокате собрал почти \$ 200 млн* (АФ. 30.10.2015). Из статьи журналиста О. Потапова на экономическую тему о прибыли банков в России: *Рентабельность каждого рубля в капитале банка достигла 4,3 %, хотя годом раньше составляла всего 2,2 %* (КП. 28.01.2016). Из статьи журналиста А. Потапова на политическую тему об отчете губернатора Иркутской области: *По темпам роста инвестиций в основной капитал Иркутская область в 2016 году заняла первое место в СФО (17,5 %, в то время как общероссийский показатель всего 5 %)* (АН. 06.07.2017).

Все приведенные примеры показывают, что дискурсивы *только, лишь, всего*, способствующие фокусированию внимания читателя на актуальных моментах содержательно-фактуальной информации высказывания, выражают, на наш взгляд, рационально-критическую направленность мышления журналиста.

Представляется важным подчеркнуть **континуальность** дискурсивной семантики частиц, употребляемых под воздействием фактора «критичность мышления журналиста». В этом отношении показательна группа комплексных дискурсивов (*да и, не только, еще не, практически не, так и не, просто не, вряд ли, даже если, все же, всего лишь, все еще и др.*). В контексте аналитической статьи частицы, образующие комплексные дискурсивы, модифицируют свою функциональную семантику. Так, отрицательная частица *не* в комплексе с другой частицей, например частицей *ни*, выражает усиление отрицания, придавая всему высказыванию категоричный характер.

Проиллюстрируем сказанное примером из статьи о подготовке вторжения в Сирию: *По словам генерала, ни одного замечания или претензии о незаконной военной деятельности зафиксировано не было* (РГ. 04.02.2016). Понятно, что частица *ни* здесь усиливает отрицание, репрезентируя намерение журналиста актуализировать единство мнений по обсуждаемому вопросу. Это можно видеть и в примере из статьи, посвященной анализу обвинения России в терроризме, высказанного министром обороны Польши: *Ни одно официальное расследование не нашло свидетельств того, что гибель польской делегации под Смоленском является результатом террористического акта* (АФ. 14.03.2016).

Как видно из приведенных примеров, частица *ни* в стереотипном выражении *ни один* акцентирует крайнюю степень отрицания, что является свидетельством не просто констатации факта, а выражения эмоционального отношения к нему журналиста. См. также: *В его карьере не было ни одной должности, пребывание на которой не оборачивалось бы скандалом всепольского масштаба* (АФ. 14.03.2016).

Естественно, что авторы употребляют дискурсивы по-разному. Приведем примеры, в которых наиболее отчетливо проявляется влияние эмоциональной направленности мышления автора именно благодаря использованию комплексных дискурсивов, усиливающих отрицание. Так, Е. Истомина в местной газете «Пармановости» сообщает о выборах главы Гайнского района: *Но в итоге его так и не утвердили. Не стал главой Гайнского района и Рустам Меметов* (ПН. 25.05.2018). Журналист «Комсомольской правды» А. Козлова размышляет о том, как привлечь к себе финансовую удачу в новом году: *Наверняка, чуть ли не каждый из нас под Новый год загадал себе «побольше денег»* (06.01.2018). В статье о том, «как получить землю в России», Е. Белякова пишет: *Но если ты создаешь какой-то туристический объект, то ты **вовсе не** обязан там жить* (КП. 08.01.2018).

Интересно, на наш взгляд, использование дискурсива *и не* в усилительной функции в статье С. Августовского о юбилейном концерте, посвященном 40-летию оркестра русских народных инструментов Иркутского областного музыкального колледжа им. Ф. Шопена: *Многие из них успешно работают сейчас в лучших коллективах страны: в государственном уральском оркестре Екатеринбурга, да все **и не** перечислишь. Многие из тех, что живут в Иркутске, лично пришли поздравить учебное заведение, откуда в свое время они отправились в мир музыки* (АН. 12.04.2018). Наряду с усилительной функцией комплексный дискурсив *и не* придает высказыванию оттенков разговорности, способствующей интимизации изложения.

Другой пример из статьи В. Кичина в «Российской газете», в которой комментируется фильм «Темные времена»: *Гитлеровцы вторглись в Бельгию и Францию и оттесняли британскую армию к берегам французской Атлантики (трагический Дюнкерк был уже близок), но суть идеологии нацизма **еще не** была ясна многим мировым политикам и мнение о Гитлере как об эффективном менеджере, способном к разумным соглашениям, **еще** оставалось широко распространенным* (РГ. 06.01.2018). Эмоциональный характер оценки гитлеризма здесь выражается не только усилительным дискурсивом *еще не*, но и повтором частицы *еще*.

В статье Я. Яновской о премьере спектакля детской студии при Коми-Пермяцком драматическом театре использован другой комплексный дискурсив, способствующий формированию эмоционального отношения читателя к сообщаемому: *В спектакле задействованы все ребята двух младших групп. У каждого из них есть роли, а у некоторых **даже не** одна роль, а несколько* (ПН. 10.10.2017). Этот же дискурсив находим и в статье, посвященной экономической теме в газете «Аргументы и факты», в которой

обсуждается выпуск купюры в 10 тысяч рублей: *Лунтовский заявил, пока ЦБ даже не обсуждает этот вопрос* (АФ. 12.11.2015).

Обобщая наши наблюдения над употреблением частиц-дискурсивов, можно сказать, что выбор того или иного дискурсива, регулируется динамичным стилем мышления автора – именно динамичным, гибким стилем, предполагающим способность творчески пользоваться системно-языковыми ресурсами. Действительно, собственно отрицательная, «нейтрально-отрицательная», частица *не* как показатель констатации отсутствия (или наличия) какого-либо события, явления, свойства легко приобретает добавочное усилительное значение в составе комплексных дискурсивов *вовсе не, даже и не, далеко не, еще не, еще и не, только не* и др. Эти новые дискурсивные единицы – комплексные дискурсивы – находятся «в компетенции» разных сторон мышления, но непременно «под зонтиком» эмоционально-критической (всегда в высшей степени экспрессивной) направленности мышления. В связи с этим мы придаем особое значение целесообразному употреблению комплексных дискурсивов в газетных статьях, поскольку неуместное использование подобных единиц приводит к речевым погрешностям, обуславливающим неадекватное понимание высказывания. Например: *Новые решения краевой администрации существенно улучшат медицинское обслуживание жителей района. И не только* (И. 25.01.2015). Здесь дискурсивный комплекс *и не только* может относиться к разным компонентам высказывания: 1) *медицинское обслуживание* – и не только (т.е. другие виды обслуживания); 2) *жителей района* – и не только (т.е. жителей других районов).

Заключение

В современных аналитических статьях на темы политики, экономики и культуры – как в федеральных, так и местных газетах – частицы в качестве компонентов дискурсивной системы текста употребляются весьма широко. Закономерности функционирования частиц в аналитических статьях во многом обусловлены влиянием на текстообразование фактора «критическая направленность мышления журналиста». Хотя в данной работе мышление журналиста представлено дифференцированно – с учетом нейтрального / констатирующего, рационально-критического и эмоционально-критического компонентов, в реальной когнитивной деятельности эти компоненты выступают синкретично, континуально, т.е. без четкой дифференциации. Вместе с тем доминанта критического мышления автора проявляет свое действие в качестве дискурсивного фактора, оказывающего влияние на отбор и использование языковых единиц, в том числе частиц, необходимых для создания текста. В отличие от таких дискурсивных факторов, как «статус газеты» (федеральные / местные) и «тематика газетной статьи» (политика / экономика / культура), которые существенного воздействия на употребление частиц-дискурсивов не обнаруживают, доминанта критического мышления (рационально-критическая или эмоционально-

критическая) является, можно считать, сильнодействующим дискурсивным фактором, действие которого отчетливо проявляется во всех исследованных текстах. Выбор конкретных единиц, в том числе частиц, из системы языка осуществляется в соответствии с избираемой автором коммуникативной стратегией, а также его индивидуальными предпочтениями. Благодаря использованию дискурсивных единиц, обусловленных рационально-критической или эмоционально-критической доминантой мышления журналиста, на фоне индифферентно-констатирующего изложения в сознании читателя формируется представление о событии, соответствующее коммуникативному намерению автора.

В качестве перспективы исследования мы считаем целесообразным выявление общих и специфических закономерностей использования частиц-дискурсивов (наряду с другими дискурсивными единицами) в различных текстах той или иной стилистической направленности – научных, деловых, художественных (в том числе беллетристических, сценарных и др.), эпистолярных, устно-разговорных и др.

Литература

1. Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : Наука, 2015. 404 с.
2. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. М. : Флинта : Наука, 2012. 112 с.
3. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.
4. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб. : Питер, 2000. 512 с.
5. Емишин П.С., Худяков В.Л. Оценка качеств творческих кадров. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. 111 с.
6. Тертышный А.А. Аналитическая журналистика. М. : Аспект Пресс, 2010. 352 с.
7. Баженова Е.А. Дискурсивно-стилистический анализ текста // *Stylistyka*. 2014. Т. 23. С. 9–17.
8. Котюрова М.П. Стилистика научной речи. М. : Академия, 2010. 240 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1987. 752 с.
10. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М. : Изд-во МГУ, 1971. 268 с.
11. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М. : Флинта : Наука, 1997. 256 с.
12. Дускаева Л.Р. Культура и стиль: взаимодействие в речевом общении // *Stylistyka*. 2013. Т. 22. С. 9–26.
13. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М. : МедиаМир, 2008. 248 с.
14. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.

Discursive Particles in the Context of the Journalist's Critical Thinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 63–75. DOI: 10.17223/19986645/64/5

Mariya P. Kotyurova, Elena A. Bazhenova, Perm State University (Perm, Russian Federation). E-mail: kotyurova@yandex.ru / bazhenova_e2000@mail.ru

Keywords: critical thinking, discursive particles, discursive sets, negative particles, intensifying particles, restricting particles.

Based on Russian newspaper articles on politics, economics and culture, the authors examine particles as discursive words that perform an auxiliary communicative function in texts. They pay special attention to the role of particles in the representation of the journalist's critical thinking, which is essential for achieving the communicative impact of a newspaper article. Using the discursive and stylistic approach, the authors define particles as markers of the journalist's critical thinking. They state that critical thinking is a strong discursive factor that has an influence on newspaper texts. The use of discursive particles in a particular text is caused by rational and emotional orientations of the journalist's thinking that operates amid indifferent statement of facts and events. For this purpose, the authors use quantitative data collected from analytical articles published in federal and local newspapers in 2015–2018. Irrespective from the newspaper level, the actively used discursive particles include the negative particle "ne", the restrictive particles "vsego", "tol'ko", "lish' " and the intensifying particles "i", "eshche", "dazhe". The authors present the following results of quantitative, functional and semantic analysis of the particles. (1) The single use of the particle "ne" means the journalist's indifference to facts stated, but its repetitions as well as discursive sets with this particle attach an additional discursive meaning to a statement making its negative character stronger. (2) The intensifying particles "i", "eshche" and "dazhe" correlate with the journalist's emotional and critical thinking and assist in creating the reader's emotional attitude to the given information. (3) The discursive particles "tol'ko", "lish' ", "vsego" have semantic restrictions; they correlate with rational and critical thinking and assist in focusing the reader's attention on important parts of the given information. The authors emphasize that different orientations of the journalist's thinking operate within the general framework of the journalist's cognitive activity or without a clear differentiation. However, a critical orientation of the journalist's thinking becomes a discursive factor that naturally determines the selection and use of particles. The discursive factors such as "newspaper status" (federal or local one) or "topic of article" (politics, economics, culture) do not significantly influence the use of discursive particles while the factor "orientation of critical thinking" has a regular and consistent influence. The article demonstrates that representations of the journalist's rational-critical and emotional-critical thinking amid indifferent statements inform readers about events and make readers evaluate them.

References

1. Viktorova, E.Yu. (2015) *Vspomogatel'naya sistema diskursa* [Auxiliary System of Discourse]. Saratov: Nauka.
2. Kolesnikova, S.M. (2012) *Russkie chastitsy: semantika, grammatika, funktsii* [Russian Particles: Semantics, Grammar, Functions]. Moscow: Flinta; Nauka.
3. Starodumova, E.A. (2002) *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisaniye)* [Russian Particles (A Multi-Aspect Description)]. Vladivostok: Far Eastern University.
4. Halpern, D. (2000) *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [Critical Thinking in Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
5. Emshin, P.S. & Khudiyakov, V.L. (1973) *Otsenka kachestv tvorcheskikh kadrov* [Evaluation of the Quality of Creative Personnel]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Tertychnyy, A.A. (2010) *Analiticheskaya zhurnalistika* [Analytical Journalism]. Moscow: Aspekt Press.
7. Bazhenova, E.A. (2014) The Discourse and Stylistic Text Analysis. *Stylistyka*. XXIII. pp. 9–17. (in Russian).
8. Kotyurova, M.P. (2010) *Stilistika nauchnoy rechi* [Stylistics of Scientific Speech]. Moscow: Akademiya.
9. Ozhegov, S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
10. Kostomarov, V.G. (1971) *Russkiy yazyk na gazetnoy polose* [Russian on the Newspaper Page]. Moscow: Moscow State University.

11. Solganik, G.Ya. (1997) *Stilistika teksta* [Text Stylistics]. Moscow: Flinta; Nauka.
12. Duskaeva, L.R. (2013) Kul'tura i stil': vzaimodeystvie v rechevom obshchenii [Culture and Style: Interaction in Communication]. *Stylistyka*. XXII. pp. 9–26. (in Russian).
13. Klushina, N.I. (2008) *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Journalistic Text Stylistics]. Moscow: MediaMir.
14. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2008) *Stilistika russkogo yazyka* [Russian Stylistics]. Moscow: Flinta; Nauka.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/64/6

О.В. Орлова

МЕДИАКОНЦЕПТ НЕФТЬ СЕГОДНЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ПЕТРОЛЕУМНОЙ МЕТАФОРЫ

Рассматривается новейшая стадия дискурсивной эволюции медиаконцепта нефть, связанная с возникновением способности концепта выступать в роли сферы-источника метафорической экспансии. На примере метафорической диады люди / население – новая / вторая нефть доказывается гипотеза о становлении петролеумной метафоры как совокупности регулярно воспроизводимых в медиатекстах метафорических уподоблений различных реалий социально-политической действительности нефти.

Ключевые слова: медиаконцепт нефть, дискурсивная эволюция, сфера-источник метафорической экспансии, петролеумная метафора.

Теоретические презумпции и материал исследования

В разрабатываемой нами теории дискурсивной эволюции *медиаконцептов* – лингвосемантических феноменов особого рода, отличающихся медийной дискурсивно-стилистической субстанциональной детерминированностью, вошедших в мирознание носителя языка с появлением информационного общества и ставших средством формирования и трансформации массового сознания – ключевыми характеристиками анализируемых лингвокогнитивных структур являются два взаимосвязанных параметра: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта. Под *жизненным циклом медиаконцепта* понимается своеобразная траектория его развития от фазы зарождения к фазе спада и нивелирования либо – в случае приобретения концептом стабильных культурно значимых субстанциональных смыслов и оценочных характеристик – к закреплению в национальной концептосфере в качестве константы культуры. *Миромоделирующий потенциал медиаконцепта* определяется как его способность в процессе ассоциативно-смыслового развертывания в массмедийном текстовом континууме выполнять лингвоментально-креативные и трансформативные функции, генерируя постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума [1, 2].

Определены лингводискурсивные факторы, обуславливающие длительность жизненного цикла и мощность миромоделирующего потенциала концепта, среди которых количество и семантическая насыщенность векторов ассоциативно-смыслового развертывания концепта различной аксиологической валентности, его рефлексивная активность, способность инкорпорироваться в прецедентные тексты и мигрировать в немедийные дискурсивные сферы [2].

В качестве доминанты современной отечественной медиасферы подробно описан концепт *нефть*, в настоящее время находящийся в стадии эволюционной зрелости и культурной стабилизации и демонстрирующий сложившуюся семантическую структуру, которая включает в себя два магистральных вектора ассоциативно-смыслового развертывания полярной аксиологической валентности (вектор нефтяной аддикции (зависимости) и вектор идеализации), в свою очередь имеющие неограниченное множество трансформативных субверсий [3].

Наблюдение за дискурсивными инновациями нефтяного медиатопика самых последних лет дает возможность дополнить представленный выше перечень факторов эволюционного развития, эволюционной зрелости и лингвокультурной индоктринации медиаконцепта еще одним немаловажным обстоятельством собственно лингводискурсивной природы. Дело в том, что результатом медийно-текстового преломления новейших социально-политических и экономических обстоятельств, наряду с закономерными трансформациями «нефтяного» фрагмента политической картины мира российского социума, стало, во-первых, изменение когнитивно-семантической структуры метафорического кластера концепта *нефть*, а во-вторых, как следствие этого изменения, зарождение и начинающаяся стабилизация новой разновидности сферы-источника метафорической экспансии.

Речь идет о появлении в палитре вербальных репрезентаций концепта метафорических манифестаций такого уровня текстогенной активности и социомировидческой рефлексивности, который позволяет говорить о формировании данным концептом целостной совокупности регулярно воспроизводимых в медиатекстах метафорических уподоблений различных реалий социально-политической действительности нефти. Мы называем эти метафорические проекции *петролеумной метафорой* по сложившейся в теории когнитивной метафоры, а также в отечественной медиа- и политической лингвистике традиции именовать метафору именно по области источника – активного продуцента, транслирующего и проецирующего свой семантико-метафоризирующий импульс в область цели (по аналогии с описанными А.П. Чудиновым и его последователями *милитарной, морбальной, криминальной* и т. д. метафорой [4–7 и др.]).

Приведем различные примеры метафорической инновации: *Данные – новая нефть. Как же их защитить?* (<http://www.iksmedia.ru/articles/5283545/>); *Блокчейн – новая нефть России* (<https://bitnovosti.com/2017/09/02/participants-in-the-conference-blockchain-new-oil-of-russia-do-not-find-its-name-correct/>); *Зерно – новая нефть России* (<https://www.facebook.com/zerno.rost/>); *Вино – наша новая нефть?* (http://www.aif.ru/money/company/vino_nasha_novaya_neft_otchestvennye_vinodely_gotovyy_potestnit_import); *Интернет – новая нефть России* (<https://nag.ru/news/newslines/29089/internet-novaya-neft-rossii.html>); *Наша культура – это вторая нефть* (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2007/06/25/32995-nasha-kultura-eto->

vtoraya-neft); *Вот люди – новая нефть, мусор – тоже новая нефть* (<https://echo.msk.ru/programs/status/2288090-echo/>).

Однако наибольшую текстогенную активность и способность к ассоциативно-смысловой развертке в новейшем медианарративе демонстрирует метафорическая диада *люди / население – новая / вторая нефть*. Именно на основе анализа текстовых репрезентаций данного варианта нефтеумной метафоры (более 1000 контекстов из различных медийных источников – от официальных СМИ до блогов и сетевой полемики) будет построено дальнейшее исследование.

Гипотеза исследования

Выскажем гипотезу об особой значимости в дискурсивной эволюции концепта факта зарождения и закрепления его способности выступать не только в роли метафоризируемого, т.е. реципиента, цели метафорической проекции (думается, метафорически интерпретируемым / проектируемым в дискурсе может быть любой концепт в той или иной конфигурации его смысловых признаков), но и в роли метафоризирующего, т.е. донора, источника, приобретающего за счет роста своих миромоделирующих ресурсов «право» на «когнитивное отображение структуры источника в структуру цели» и частичное воспроизведение «структуры источника в структуре цели» [8. С. 12].

А.П. Чудинов справедливо замечает, что «сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники» [6. С. 89]. Следовательно, факт проявления в роли сферы-источника свидетельствует о «повышении ранга» концепта в лингвоментальной матрице социума и увеличении его миромоделирующих возможностей. Так, концепт *война*, имеющий в «целевой» своей ипостаси неисчислимый сонм метафорических репрезентаций, именно вместе с ростом собственных метафорико-экспансионистских потенций обретает когнитивно-структурную и лингвокультурную определенность (ср.: «Экспансия военной метафоры, распространяющаяся на различные референтные области, является, как свидетельствуют многочисленные исследования, универсальным признаком языковой объективации концептов разного типа ('Политика', 'Спорт', 'Труд', 'Власть', 'Российская действительность', 'Любовь' и пр.) в русской (и не только русской) языковой картине мира» [9. С. 14]). Под когнитивно-структурной и лингвокультурной определенностью мы имеем в виду стабилизацию и ценностную иерархизацию профилируемых в результате метафорических проекций концепта коммуникативно выдвигаемых смыслов.

Дело здесь не только и не столько в том, что, согласно выделенным Лакоффом и Джонсоном [10] признакам, «область источника – это чаще всего более конкретное знание, а область цели – менее конкретное», а «область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире» [8. С. 13], но и в том, что для обретения концептом способности выступать в роли метафорического до-

нора и в процессе этого обретения в его, концепта, когнитивно-смысловой структуре в результате количественной и качественной его дискурсивной динамики должны явственно обозначиться, обобщиться, закрепиться и категоризироваться становящиеся в этот момент общепринятыми, типизируемыми, аккумулирующими рефлексы того самого «опыта практической жизни человека в мире» смысловые признаки. Те смысловые признаки, которые в их конкретной диспозитивно-структурной соотносительности становятся процедурным основанием для претворения концепта в когнитивную сферу-источник и его метафорической экспансии в различные понятийные сферы.

Для сложившихся конвенциональных метафор: военной, театральной, строительной и др. – проследить дискурсивную историю их конвенционализации и узуализации как процесса обретения ими в ходе суперчастотного употребления в текстах определенной дискурсивной приуроченности (наиболее исследованным в этом отношении является политический дискурс) типичных метафорических проекций представляется маловероятным по причине их длительной укорененности в дискурсивной практике. В то же время концепт *нефть* обнаруживает тенденцию к «метафорическому экспансионизму» в отечественном медиадискурсе буквально в последнее десятилетие, что дает нам нетривиальную возможность описать процесс претворения концепта из метафорически одностороннего (выступающего исключительно в реципиентной функции) в метафорически двусторонний (приобретший способность выступать и в донорской функции).

Ход исследования

Наш анализ русскоязычного медиадискурса 1990–2000-х гг. (до 2012 г.) в его разнообразных вариантах (более 100 000 контекстов центральной и региональной прессы, радио, телевидения, интернет-ресурсов) показал, что концепт *нефть*, наращивая свои миромоделирующие возможности, стремительно развивается по типу концепта-символа, концепта-неомифологемы [3]. То есть активация способности к генерации и генерализации смыслов в ассоциативно-смысловом поле концепта по преимуществу происходит за счет увеличения количества вариативных субверсий его ассоциативно-смыслового развертывания, накала аксиологической конфликтности внутри интерпретационных сценариев концепта, фактов его инкорпорации в прецедентные тексты и в немедийные дискурсы с результирующей приобретения новых (научных, философских, эстетических) смысловых и оценочных модуляций. По сути, концепт осуществлял символическую экспансию, вовлекая в радиус своего ассоциативно-смыслового притяжения и сопряжения все новые, порой весьма семантически далекие от него сферы (см., к примеру, многочисленные образцы глубокой и многомерной социально-философской рефлексии над прецедентной фразой авторства Егора Летова *вечность пахнет нефтью* в сетевой медиакommunikации [11, 12]).

В то же время, по нашим оценкам уже став одним из глобальных символов эпохи, анализируемая лингвоментальная доминанта в первое десятилетие XXI в. еще не обнаруживала столь количественно и качественно значимых метафорических потенций, чтобы говорить об отдельном метафорическом кластере в семантической структуре концепта. Однако в роли реципиентной сферы, сферы-мишени *нефть* все же выступала.

В доказательство тезиса о сравнительно малом удельном весе метафорических номинаций в развертывании нефтяного медиатопика в целом приведем тот факт, что, например, даже в крупном аналитическом очерке «Город-остров в океане нефти» из качественного делового издания «Эксперт Сибирь» (2011. № 4–6 /288/), посвященном нефтяному моногороду Стрежевому Томской обл., на сравнительно большой по объему материал (3088 слов), изобилующий лексемами с корнем нефт- (69 лексем, что составляет беспрецедентную частотность – 2,2%), лишь 3 из них формируют собственно метафорические контексты. Два из них – рутинные публицистические клише (*океан нефти* и *нефтяная игла*), и лишь один, транслирующий свойственную нефтяной символике мифологему конца, содержит элемент метафорической новации (*когда мы выпьем всю нефть*).

Как видим, большая часть не отличающегося высоким разнообразием и креативностью «нефтяного» метафорического фонда участвует в подкреплении магистральных трендов ассоциативно-смыслового развертывания анализируемого концепта, а именно: вектора нефтяной аддикции (это, прежде всего, заезженный штамп *нефтяная игла* с привлечением других элементов семантической сферы «Наркомания»: *Эта коварная нефтяная игла; Соскок с нефтяной иглы; Нефтяная игла вредит России; Нефтяная игла станет длиннее; Укол нефтяной иглы* и др.), а также семантико-аксиологического антипода вектора аддикции – вектора идеализации, варьирующего от метафорики материнского первоначала, истока и основания экономической жизни (*Нефть – матушка; Нефтяные родники экономики; Нефть – кровь экономики*), неотъемлемого атрибута богатства (*нефтяной магнат, нефтяной король, нефтяной барон*) до трансцендентального символа тотальной онтологической детерминанты всего сущего (*Нефть – это наше все*).

В некоторых случаях незаурядные лингвокреативные способности медиарайтера стимулируют более существенное разнообразие метафорики нефтяного медиатопика. Так, в статье «У Путина кончается нефть» (<https://kungurov.livejournal.com/228277.html>) популярного блогера Алексея Кунгурова, автора книги «Нефтяная ломка», наблюдается довольно богатая метафорическая палитра: *нефтедолларовая масленица, нефтяная халява, нефтяная житница страны, обвал нефтедобычи, нефтяное дно, нефтяная отрасль может снизить свою «удойность», жизнеспособность страны-бензоколонки находится в полной зависимости от черной жижи, нефтедобывающая отрасль схлопнулась*. Нетрудно заметить, что все перечисленные метафоры, от практически стертых до инновационно-креативных, не образуют принципиально новых ассоциативно-образных

перспектив и участвуют в семантической аранжировке все тех же стабильно актуальных топосов нефтяной сферы – социально значимых и интерпретируемых в алармистском ключе тем нефтяной зависимости и конца нефти.

Однако в этой же статье, помимо многочисленных случаев метафорической актуализации исследуемого концепта в реципиентной позиции, обнаруживается частотный для медиаконтента буквально последних лет (особенно с момента объявления о предстоящей пенсионной реформе летом 2018 г.) пример метафорической актуализации концепта в позиции источника: *Кремль вынужден был пойти на пенсионный геноцид и вообще реализует стратегический курс на перераспределение налоговой нагрузки с сырьевиков на население, следуя новой доктрине путиномики «Люди – наша вторая нефть»*.

На основе анализа дискурсивной истории данной петролеумной метафоры в процессе обретения ею двусторонности в плане донорско-реципиентного функционала попытаемся проследить процесс семантических трансформаций в когнитивной структуре концепта и комплекс обуславливающих эти трансформации причин и условий. Эти трансформации, в свою очередь, «отвечают» за выработку перспективных в плане метафорического моделирования понятийно-смысловых признаков, тех признаков, которые впоследствии в ходе дискурсивной эволюции обеспечивают формирование типизированных метафорических следствий, фокусирующих направления ассоциирования при метафорической проекции структуры источника в структуру цели.

В случае метафорической диады *люди–нефть* мы имеем возможность с большой долей вероятности назвать непосредственный источник ее медийной актуализации. Выступая на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения ученого-изобретателя Александра Попова 16 марта 2009 г., тогдашний вице-премьер правительства России Сергей Иванов заявил: *Мы признаем, что Россия богата не только углеводородами. Люди – вот наша вторая нефть* (https://polit.ru/news/2009/03/16/human_oil/). Фраза стала ярким образцом коммуникативного коллапса в речи политика и, моментально превратившись в медиамем, подчиняясь закону вирусного распространения [13, 14], получила и получает до сих пор огромное количество дискурсивных реакций.

Для нас в этом довольно комичном факте инициации метафоры важно отметить лежащий в основе комического эффекта феномен коммуникативного обнажения внутренней семантико-аксиологической конфликтности концепта. Обнажения, сделавшего имплицитное – эксплицитным, латентное – наглядным, а до сих пор рассеянное во множестве интерпретационных толкований – сфокусированным.

Безусловно, произнося свою крылатую фразу, политик хотел актуализировать исключительно позитивные модусы нефтяного контента, связанные с семантикой экономического благополучия, технологического прогресса и социальной ответственности государства: *В центр внимания государства должен вернуться человек, и именно крупномасштабные инве-*

стиции в человеческий потенциал – наш главный приоритет (https://polit.ru/news/2009/03/16/human_oil/). Однако «память концепта» (ср. с понятием «память слова» из известной статьи Ю.М. Лотмана [15]), сформировавшийся и семантически определившийся в ходе его дискурсивной эволюции сильный и в основе своей конфликтогенный миромоделирующий потенциал не позволили авторской интенции реализоваться. Буквально в течение нескольких дней метафорическая новация «обросла» множеством рефлексивных толкований в самых различных медиапрактиках – от качественных СМИ до отдельных веток обсуждений в соцсетях. Причем языковое чутье авторов некоторых метаязыковых рефлексивов безошибочно выдвигает именно апелляцию к нефти на место главного виновника коммуникативного провала вице-премьера и двусмысленности его афоризма: *Сравнение вышло, прямо скажем, неоднозначное. Что же получается, если население – это горячее, то, значит, можно его и в топку?* (<https://mt-smi.ru/blog/43973684062/16-marta-vitse-premer-Sergey-Ivanov-izrek-kryilatuyu-frazu:-«Lyu?nr=1»>); *А вообще посыл выступления г-на Иванова был правильный, вопрос только в корявости изложения мыслей <...> Так посыл-то и был: что люди – наше все. Только вот оговорился «по Фрейду», нестати помянув про нефть* (<https://plyazhnikov.livejournal.com/100861.html>).

В результате оговорки «по Фрейду» (ср. в одном из комментариев: *Что у власти на уме, то у Иванова на языке* (<https://www.city-n.ru/view/116317.html>)) ранее метафорически односторонний концепт, выступающий в роли мишени метафорической проекции, приобретает статус сферы-источника, преобразился в двусторонний. В основе когнитивно-дискурсивного механизма этого преобразования лежит, во-первых, его органичная и «лобовая» по смысловой однозначности встройка в магистральный политический нарратив народа и власти, а во-вторых, резкое коммуникативное высвечивание и концентрированная локализация (ср. в одном из комментариев: *[Иванов дал] столь емкую характеристику согражданам* (<https://www.kommersant.ru/doc/1138729>)) доселе рассредоточенных во множестве собственно медийных, аналитико-публицистических, социологических, эстетических интерпретаций смысловых признаков **неправедности, аморальности, этической ущербности, неминуемой истощаемости, конечности, несправедливости и унижительности нефтяного богатства и нефтяной зависимости** (см. об этом наши исследования [16–18] и др.).

Естественно включившись в общую семантическую развертку осевой для политического дискурса оппозиции *народ – власть* (см. о ней: [19, 20]) с ее кардинально поляризованной жесткой смысловой структурой в виде прочно закрепившихся в русском языковом сознании этико-ценностных максим («слабый» народ характеризуется позитивной этической оценкой, а «сильная» («жестокая») власть – негативной» [19. С. 15]; положительные оценки власти «отсутствуют, доминируют общая отрицательная оценка и частнооценочные реакции осуждения власти – злоупотребление, корруп-

ция, недееспособность, негуманность, лживость» [21. С. 54]), новая метафора прочитывается исключительно в контексте безнравственного издевательства власти над народом: *«Люди – наша вторая нефть» – это должно стать для Кремля лозунгом дня, программой их партии, моральным кодексом строителей вертикали. В этом лозунге все их презрительное и потребительское отношение к народу и стране. В этом лозунге вся их неумная страсть и смысл жизни – выжать из всего ценного, что есть в России, максимум выручки; продать, украсть и вложить в надежном месте. Нефть они освоили в первую очередь, теперь осваивают людей* (<https://www.city-n.ru/view/116317.html>).

Поиск вербального и историко-культурного прототипов – одна из обязательных стадий дискурсивного и лингвокультурного освоения медийного концепта коллективным языковым сознанием (см. об этом: [22]). Как показал анализ, в случае появления у концепта новых устойчивых метафорических прочтений рефлексия над прототипами также релевантная процедура: *Население России и раньше подвергалось самым разным сравнениям. Так, Иосиф Сталин называл граждан винтиками, что, впрочем, являлось общей для того времени метафорой. <...> Михаил Лермонтов в романе «Вадим» писал, что «русский народ» – это «сторукий исполин», который «желает быть наказываем, но справедливо, он согласен служить – но хочет гордиться своим рабством». Назвав россиян второй нефтью, Иванов, безусловно, превзошел и Сталина, и Лермонтова. Равным вице-премьеру по силе сравнения может являться разве что царь Иван Грозный. Как писал английский дипломат XVI века Джильс Флетчер в своем труде «О государстве русском», «Иван Васильевич обыкновенно говорил, что народ сходен с его бородой: чем чаще стричь ее, тем гуще она будет расти»* (<https://www.kommersant.ru/doc/1138729>); *Товарищ Сталин с его «Кадры решают все» тихо курит в углу. «Люди – это вторая нефть», а? Даже Пелевин такого не придумал. Все-таки сознавать себя нефтью, хоть и размазанной, как-то приятнее, чем цепками, которые летят в разные стороны при рубке леса. Ничего, вот когда Медведев выступит с обращением «братья и сестры», вот тогда станет впору пугаться всерьез* (<https://plyazhnikov.livejournal.com/100861.html>).

В приведенных комментариях интересен и набор прецедентных имен, и набор прецедентных цитат. Имена властителей (*Сталин* и *Иван Грозный*), при всей неоднозначности по отношению к ним общественного мнения, символизируют политическую деспотию, массовый террор и репрессии, имена же писателей (*Лермонтов* и *Пелевин*) – в первую очередь если не оппозиционность, то диссидентство и вольномыслие, во вторую – дар провидческого предвидения социально-исторической драмы своей родины. Впрочем, упоминание Пелевина здесь, скорее всего, связано с темой нефти как одной из важных в его творчестве (см.: [11, 12]).

Что касается цитат – вербальных прототипов анализируемой метафоры, то на первый план выдвигается идея ничтожности на фоне безликой людской массы отдельного человека и его индивидуальной судьбы перед лицом

власти: люди – винтики, руки в ряду сотни других, волосы на бороде, щепки (Сталину приписывается особая склонность к употреблению поговорки «Лес рубят – щепки летят»). В то же время при упоминании сталинских же precedентов изначально позитивной модальности (*Кадры решают все; братья и сестры*) иронико-скептическая тональность комментариев переворачивает смысл в направлении цинизма власти, ее лживости и исходящей от нее угрозы (когда Медведев (в 2009 г. – президент РФ) выступит с обращением «братья и сестры», вот тогда станет впору пугаться всерьез).

За десятилетие существования прецедентной метафоры обращения к ней стали частотными, нередко – с упоминанием автора и обстоятельств появления. Причем активность этих обращений значительно увеличивается в периоды обострения интерпретируемых исключительно в контексте несправедливой эксплуатации населения проблем экономического неравенства, снижения уровня жизни, увеличения фискальной нагрузки и т.п. Так, на 2018 г. пришелся продолжающийся до сих пор пик этой активности: Чиновники и бюрократы, похоже, буквально понимают слова Сергея Иванова (тогда, в 2009 г., вице-премьера), назвавшего людей «второй нефтью», полагая, что граждане – это источник доходов и благ, но никак не предмет беспокойства и заботы (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/11/20/787000-chto-ne-tak>); о росте цен на бензин: замкнутый круг проблем и противоречий между бюджетом и нефтяными олигархами имеет только одно решение <...> И истинный глубокий смысл высказывания тогдашнего вице-премьера Сергея Иванова – «Мы полностью сознаем, что Россия богата не только углеводородными ресурсами. Люди – вот наша “вторая нефть”...» – по-настоящему начинает пониматься только сегодня, спустя десять лет (<https://www.golosagorodov.info/mnenie/lyudi-vot-vtoraya-neft.html>).

Отметим, что присущий когнитивной структуре концепта мощный заряд латентной конфликтности между позитивным и негативным его модулями диктует логику ассоциативно-смыслового развертывания текстов – логику «открывания глаз», выявления и объяснения истинного смысла лукавой фразы на фоне пресуппозиции архетипического противостояния олигархической / чиновничьей власти и народа.

Для медиарайтеров важно максимально наглядно и доступно раскрыть манипулятивный эффект новой метафоры, продемонстрировать обеспечивающий ее двусмысленность механизм «когнитивного мерцания» (термин А.Н. Баранова). В ряду метаязыковых номинаций (*сравнение, характеристика, слова, крылатая фраза, высказывание, доктрина, мем*) начинает превалировать лозунг, что позволяет актуализировать «советский» подтекст, заложенный в номинации, так как именно лозунг (в отличие, например, от призыва или slogana) прочно связан с советской авторитарно-вертикальной риторической традицией (см. об этом: [23–25]), когда многочисленные лозунги имели целью «в краткой, лаконичной форме сформулировать цели и задачи государственной политики и мобилизовать граждан на выполнение этих задач» [25. С. 181], но воспринимались, особенно

в поздне- и постсовестское время, как исполненные лживости и лицемерия средства государственной агитации и пропаганды.

О скрытой в семантике нового лозунга исходящей от власти угрозе предупреждают заголовки и опорные фразы медиаматериалов: *Лозунг «Люди – новая нефть» таит неявные риски* (<http://businessportal.pro/blogs/lozung-lyudi-novaya-neft-tait-neyavnyie-riski.html>); *Люди – новая нефть. Этот лозунг в России приобрел зловещий смысл* (<http://андрей-юрист.рф/ljudi-jeto-novaja-neft/>); *В этом лозунге все их презрительное и потребительское отношение к народу и стране* (<https://www.city-n.ru/view/116317.html>). В ассоциативно-смысловом развертывании текстов их авторы развенчивают содержащийся в первичном интенциональном послыле лозунга ложный пафос человеколюбия (см. коллокации с социальным поощряемой гуманистической доминантой: *качество человеческого капитала, большая ценность (о людях), особое отношение (к людям), важность квалифицированных и образованных кадров*) и заостряют внимание на семантическом шифтинге в сторону другого измерения, совершенно иного звучания, другого (истинного) смысла: *В России много говорят о качестве человеческого капитала и даже запущен мем, вынесенный в заголовок. Подразумевается, что люди – большая ценность, сопоставимая с углеводородами, и потому требует особого отношения. Но есть и другое измерение. Нефть – источник дохода, ее извлекают из недр и особо-то не дорожат, провозжая миллионы баррелей на экспорт. И в этом смысле люди как нефть – это источник извлечения ренты любым способом; В этом смысле придуманный недавно лозунг о том, что «люди – это новая нефть» (который был призван подчеркнуть важность наличия квалифицированных и образованных кадров), обретает совершенно иное звучание. Поскольку нефть подешевела и не может давать прежних доходов в бюджет, то «качать» будут из карманов обывателей.*

Постепенно концентрируясь в оппозиционном политическом дискурсе, в том числе признанных спикеров как, по преимуществу, правого, так и левого крыла (Е. Шульман, Ю. Латынина, В. Соловей, М. Делягин и др.), обладающая повышенной смысловоемкостью метафорическая инновация, во-первых, прочно утверждается в роли вербально-символического маркера текущей эпохи (*...основной лозунг нашего времени «Люди – это новая нефть» <...> воплощает в себе некий дух исторического момента* (<https://echo.msk.ru/programs/status/2288090-echo/>); *Лозунг «Люди – это новая нефть» это, конечно, лозунг ближайших нескольких лет* (<https://echo.msk.ru/programs/status/2198074-echo/>); *Великий лозунг «Люди – это новая нефть» является, действительно, слоганом эпохи* (<https://echo.msk.ru/programs/status/2300970-echo/>); *Замечательный ведь лозунг в момент появился, да? «Люди – это наша новая нефть»* (<https://echo.msk.ru/programs/personalno/1910780-echo/>), а во-вторых, формирует, простираивает и укрепляет ту конфигурацию собственных метафорических следствий, которая способна стать устойчивой когнитивной структурой в коллективном языковом сознании.

Процесс такого выстраивания линий метафорического проектирования в первую очередь требует регулярной повторяемости дискурсивных реализаций, а также, особенно на первых порах, четкости и наглядности коммуникативного «высвечивания», дидактико-популяризаторского буквализма и смысловой избыточности описательных нарративов. Отталкиваясь от прямых апеллаций к неутешительным реалиям текущего момента, к коим относятся пенсионная реформа, обеднение населения, повышение цен и государственных поборов, падение нефтяных доходов и т.д. (в подтверждение приведем лишь один контекст из множества подобных: *В этом смысле повышение пенсионного возраста укладывается в эту парадигму. Будут другие формы изъятия денег у граждан. Это, прежде всего, налоги на недвижимость и на землю* (<https://echo.msk.ru/programs/status/2198074-echo/>)), медиарайтеры «ведут читателя за руку» с помощью приема вербальной экспликации логических операторов (отметим изобилие в анализируемых текстах оператора *в смысле* в роли ментального конкретизатора, снимающего многозначность в сторону авторской трактовки: *...о лозунге «Люди – это новая нефть» в том смысле, что раньше добывали нефть, теперь цена на нефть меньше, но люди – это тот же ресурс, который точно так же можно добывать* (<https://echo.msk.ru/programs/code/2320770-echo/>)), а также конструкций, максимально подчеркивающих логику суждений. Среди этих конструкций отметим сопоставительно-противительное *раньше – теперь*, причинно-следственное *поскольку – то*, сопоставление на базе синтаксического параллелизма (*Нефть – источник дохода. Люди как нефть – это источник извлечения ренты* (<http://businessportal.pro/blogs/lozung-lyudi-novaya-neft-tait-neyavnyie-riski.html>))), пояснительно-разъяснительное *то есть* (*«люди – это новая нефть», т.е. поборы с граждан должны обеспечить чиновникам и их семьям безбедное существование с «порше», яхтами и виноградниками в Тоскане, заменив выпавшие доходы от сильно подешевевшей нефти* (<https://www.opentown.org/news/153567/>))), а также избыточную вербализацию тема-рематических последовательностей для гарантированного понимания адресатом логики объяснительной цепочки (*Сужение традиционной углеводородной ресурсной базы нашей политической системы побуждает ее искать иные источники дохода. Этим источником дохода являются граждане* (<https://echo.msk.ru/programs/status/2300970-echo/>))).

Что касается содержащихся в когнитивно-смысловой структуре концепта *нефть* признаков, ставших перспективными в плане метафорического моделирования, то этими признаками являются признаки нефти как добываемого, извлекаемого и ценного лишь в материальном отношении жидкообразного ресурса (*ее извлекают из недр и особо-то не дорожат*). Фокусирующий семантику процесса добычи жидкости синонимический ряд глаголов и деепричастий довольно богат: людей (или из людей) можно не только, как нефть в ее непосредственном предназначении, *извлекать, добывать, качать*, но и *выжимать, доить, сосать*. Если последний предикат, вероятно, вследствие его стилистической неоднозначности встретился

в интересующем нас контексте лишь единожды и на страницах частного блога в Живом журнале (<https://damadiluma.livejournal.com/818347.html>), то глаголы *выжимать* и *доить*, а также их дериваты, весьма популярны. В них, как и в их собственно «нефтяных» коррелятах *извлекать*, *добывать*, *качать*, ярко выражена семантика требующего систематических усилий длительного и длящегося процесса, а также односторонней предназначенности результатов этого процесса: увеличение результатов к выгоде для извлекающего безальтернативно оборачивается ущербом для извлекаемого.

В глаголе *выжимать* выдвигается идея постепенности и увеличения интенсивности воздействия (*Теперь можно выжимать из населения деньги* (<https://echo.msk.ru/programs/code/2354523-echo/>)) при гипотетической возможности полного, окончательного изъятия (*выжать из всего ценного, что есть в России, максимум выручки* (<https://www.city-n.ru/view/116317.html>)); *Мы из них выжмем все, что они успели впитать за эти годы относительного благополучия. Народ – это губка. Покрепче нажать – и выжмешь ты все, что успел он впитать* (<https://echo.msk.ru/programs/personalno/1910780-echo/>)).

Глагол *доить* неоднократно входил в радиус ассоциативно-образного взаимодействия с анализируемой метафорой за счет содержащейся в семантике его прямого и переносного (вымогать, выманивать деньги) значений семантики процесса добычи (в переносном значении, добычи этически ущербной, несправедливой) полезной жидкости (жизнеобеспечивающего ресурса). Данный глагол упоминается в контексте устойчивой зооморфной метафоры *дойная корова* – постоянного источника материальных благ, которым кто-либо пользуется в личных целях, не зная меры – и популярной байки о больше доить и меньше кормить: *Люди стали новой нефтью Кремля, и его же дойной коровой <...> фискальный подход к бизнесу и населению как к «дойным коровам», которых можно все больше доить и все меньше кормить* (<http://андрей-юрист.рф/ljudi-jeto-novaja-neft/>); *И главное самое, что поняли, что там, где заканчивается нефть, начинаются люди. И людей надо драть... Доить их. Люди – новая нефть. Есть такая мудрость народная. Чтобы корова меньше ела и давала больше молока – надо ее меньше кормить и больше доить. И вот это наша экономическая программа на оставшуюся пятилетку* (<https://echo.msk.ru/programs/personalno/2343001-echo/>). Данные примеры демонстрируют один из интерпретационно-разъяснительных сценариев метафорической инновации, в котором авторы предпочитают опору на устойчивые метафорические и дискурсивные образцы как основу продуцирования и детализации новых смыслов.

Специальная терминология нефтедобывающей отрасли также служит источником индивидуально-авторских метафорических проекций, продвигающих идею бессовестной эксплуатации населения властью: *Правильно говорят, что люди – новая нефть России. <...> Я не удивлюсь, если очень скоро трубопроводы заржавеют по причине ненужности. Ведь уже сегодня из скважин начнет бить настоящий фонтан штрафов*

(<https://www.forbes.ru/biznes/351697-novaya-neft-rossii-voditeley-stanut-chashche-shtrafovot-pri-pomoshchi-kamer>); *Принцип российских властей «люди – новая нефть». Денег в бюджете становится меньше, а потому пора прибегать «к гидроразрыву пласта»* (<https://xoroshiy.ru/227157-delyagin-moskva-voplotila-princip-lyudi-novaya-neft.html>). В последней метафоре, принадлежащей политику и экономисту М. Делягину, подчеркивается резкий, принудительный и травматичный характер действий власти по отношению к населению.

В настоящий момент происходит стабилизация когнитивной структуры анализируемого варианта петролеумной метафоры, его закрепление в коллективном языковом сознании и узואльном употреблении. Об этом свидетельствуют, во-первых, свершившийся факт отрыва прецедентной фразы от ее источника (автор статьи, в достаточной степени и как читатель, и как исследователь, погруженный в современный медиаконтекст, только уже в ходе реализации замысла, разыскал и описал обстоятельства медийной актуализации начального варианта метафорического выражения); во-вторых, примеры коллективно-медийной квалификации метафорического выражения как устойчивого (*говорят, запущен мем, как известно*), и наконец, учащающиеся случаи его употребления без сопроводительного интерпретативного контекста, что доказывает тезис о развитии и закреплении в его когнитивно-смысловой структуре семантико-кумулятивного заряда, достаточного для самостоятельного, независимого и полноценного дискурсивного существования. Один из ближайших по времени (28 апреля 2019 г.) и медийно заметных примеров тому содержится в ответе недавно избранного президента Украины В. Зеленского на заявление В. Путина о выдаче украинским гражданам российских паспортов: *...не стоит рассчитывать, что многие украинцы захотят стать «новой нефтью», в которую власти России пытаются превратить собственный народ* (<https://lentachel.ru/news/2019/04/28/>). Коммуникативная интенция автора уже не нуждается в ассоциативно-смысловых подкреплениях и развертках и, несмотря на отсутствие в тексте каких-либо пояснений нефтяной метафоры, легко прочитывается адресатом любых политических взглядов.

Итоги исследования

Подведем итоги. Наш анализ русскоязычного медианарратива последнего десятилетия обозначил новую ступень дискурсивной эволюции одной из медийных доминант современности – медиаконцепта *нефть*, что подтверждает гипотезу о продолжающемся росте его миромоделирующей мощности. Из метафорически одностороннего, выступающего только в роли сферы-мишени концепт активно эволюционирует в сторону двустороннего, становясь еще и сферой-источником, развивая свой метафорический экспансионистский потенциал.

Становлению петролеумной метафоры на основе структуры *люди/народ/ население/граждане – вторая/новая нефть* способствует ряд интрадискурсивных и экстрадискурсивных факторов. К интрадискурсив-

ным факторам относятся: 1) уже сформированный предыдущей дискурсивной историей концепта его конфликтогенный миромоделирующий потенциал, базирующийся на противодействии векторов семантико-аксиологического развертывания полярной ценностной валентности; 2) органичная интеграция метафорической инновации в магистральную концептуальную оппозицию медиа- и политического дискурса *народ – власть*; 3) актуализация вербальных и историко-культурных прототипов, транслирующих метафорической инновации информационно-интерпретативные импульсы и прогнозирующие ее «сюжетостроение»; 4) формирование за счет регулярных дискурсивных реализаций и разнообразных вариантов интерпретативной «раскрутки» стабильной структуры метафорических следствий с результирующей закрепления этой структуры в коллективном языковом сознании; 5) привязка к определенным субдискурсам (в нашем случае – к оппозиционному политическому дискурсу), что впоследствии делает метафорическую проекцию легко дешифруемой по причине общественного признания ее дискурсивной «прописки». К экстрадискурсивным факторам относятся происходящие в политической, экономической и культурной жизни социума события текущего момента.

Литература

1. Орлова О.В. Жизненный цикл и миромоделирующий потенциал медиаконцепта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (69). С. 79–84.
2. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 354 с.
3. Орлова О.В. Нефть: дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта. Томск : ТомСувенир, 2012. 224 с.
4. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафоры, которыми мы живем: преобразования прецедентного названия // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 2 (22). С. 99–106.
6. Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 86–93.
7. Чудинов А.П. Динамика российской системы моделей политической метафоры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 74–78.
8. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
9. Малышева Е.Г. Метафорическая модель «спорт – это война» в журналистском спортивном дискурсе (на материале текстов современных печатных и электронных СМИ) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 4–19.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Орлова О.В. Вечность пахнет нефтью как прецедентный текст современной культуры в Интернет-дискурсе (часть 1) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 190–202.
12. Орлова О.В. Вечность пахнет нефтью как прецедентный текст современной культуры в Интернет-дискурсе (часть 2) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 250–257.

13. Кронгауз М.А. Мем в русскоязычном интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии. Школа актуальных гуманитарных исследований. М., 2014. С. 87–95.
14. Гузаерова Р.Р. Интернет-мем как знак современного медиапространства // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 50–54.
15. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 200–202.
16. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал регионально маркированного медиаконцепта: концепт нефть в томской медиасфере // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 4 (12). С. 33–41.
17. Орлова О.В. Семантические трансформации концептов *нефть* и *труд* в малой прессе нефтедобывающих территорий (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 34–37.
18. Орлова О.В. Ассоциативно-смысловая корреляция *нефть* – *еда* в дискурсе русской поэзии революционной эпохи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 3. С. 187–191.
19. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 368 с.
20. Невинская М.Д. Концептуальная оппозиция «народ – власть» в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
21. Карасик В.И. Рец.: Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 52–57.
22. Орлова О.В. Роль культурного и вербального прототипов в дискурсивно-стилистической эволюции медиаконцепта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 3. С. 59–64.
23. Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Языки рус. культуры, 1998. С. 542–558.
24. Осипова А.А., Шулежкова С.Г. Советские лозунги в художественной литературе и в современной публицистике конца XX – начала XXI вв // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4 (64). С. 161–166.
25. Стеклова Т.И., Крылов Ю.В. Новая жизнь старого жанра: к проблеме вариативности жанра (на материале лозунга и слогана) // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 179–188.

The Media Concept Oil Today: The Formation of the Petroleum Metaphor

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 76–92. DOI: 10.17223/19986645/64/6

Olga V. Orlova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.orlova13@yandex.ru

Keywords: media concept oil, discursive evolution, source domain of metaphorical expansion, petroleum metaphor.

The article proves the hypothesis that, in the discursive evolution of the media concept, the fact of the origin and consolidation of its ability to act not only as a recipient, the target of metaphorical projection, but also as a donor, a source that acquires the “right” to metaphorical expansion due to the growth of its semantic-interpretive resources, is especially important. For this purpose, the cognitive-semantic structure of the concept, as a result of its quantitative and qualitative discursive dynamics, should clearly identify, generalize, consolidate and categorize the semantic features that are becoming generally accepted, typified and stable at this moment. These semantic features in their specific dispositive-structural correlation become a procedural basis for the implementation of the concept in the cognitive source domain and its metaphorical expansion into various conceptual domains. The author’s analysis of the Rus-

sian-language media narrative of the past decade has marked a new stage in the discursive evolution of one of the media dominants of our time—the media concept *oil*. This concept actively evolves from a metaphorically unilateral target domain into a bilateral one, also becoming a source sphere, developing its metaphorical expansionary potential and creating a special petroleum metaphor. A number of intradiscursive and extradiscursive factors contribute to the formation of the petroleum metaphor based on the structure *lyudi/narod/naselenie/grazhdane – vtoraya/novaya nefi* (people/nation/population/citizens as another/new oil). The interdiscursive factors include: (1) the conflict-generating world modeling potential of the concept (formed in its previous discursive history) based on the opposition of the vectors of the semantic and axiological development of polar value-based valence; (2) the organic integration of metaphorical innovation into the central conceptual opposition of media and political discourses: people vs. power; (3) the actualization of verbal, historical and cultural prototypes, transmitting information-interpretive impulses to the metaphorical innovation and predicting its “plot-building”; (4) the formation of a stable structure of metaphorical consequences (as a result of regular discursive implementations and various variants of interpretive “promotion”) with the resulting consolidation of this structure in the collective linguistic consciousness; (5) the linking of the metaphorical model to certain subdiscourses (to the oppositional political discourse in the author’s case), which subsequently makes the metaphorical projection easily decipherable because of the public recognition of its discursive “registration”. The extradiscursive factors include current events in the political, economic and cultural life of society.

References

1. Orlova, O.V. (2010) The Life Cycle and World Modeling Potential of Media Concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (69). pp. 79–84. (In Russian).
2. Orlova, O.V. (2012) *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta: zhiznennyi tsikl i miromodeliruyushchii potentsial* [Discursive-Stylistic Evolution of Media Concept: Life Cycle and World-Modeling Potential]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
3. Orlova, O.V. (2012) *Neft': diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta* [Oil: The Discursive-Stylistic Evolution of the Media Concept]. Tomsk: TomSuvénir.
4. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
5. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2007) “Metaphors We Live by”: Transformations of the Precedent Name. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (22). pp. 99–106. (In Russian).
6. Chudinov, A.P. (2008) Russian Political Metaphorics at the Beginning of XXI Century. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (24). pp. 86–93. (In Russian).
7. Chudinov, A.P. (2010) Dinamika rossiyskoy sistemy modeley politicheskoy metafory [Dynamics of the Russian System of Models of Political Metaphor]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 12. pp. 74–78.
8. Baranov, A.N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* [The Descriptor Theory of Metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
9. Malysheva, E.G. (2009) Metaphorical Model “Sport Is a War” in Journalistic Sport Discourse (On the Material of the Texts of the Contemporary Printed and Electronic Media). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 328. pp. 4–19. (In Russian).
10. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow: Editorial URSS.
11. Orlova, O.V. (2013) “Eternity Smells of Petroleum” as a Precedent Text of Modern Culture in the Internet Discourse (Part 1). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 190–202. (In Russian).

12. Orlova, O.V. (2013) "Eternity Smells of Petroleum" as a Precedent Text of Modern Culture in the Internet Discourse (Part 2). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 250–257. (In Russian).
13. Krongauz, M.A. (2014) Mem v russkoyazychnom internete: opyt dekonstruktsii [Meme on the Russian Internet: The Experience of Deconstruction]. In: Guseynov, G.Ch. et al. *Russkiy yazyk i novye tekhnologii* [The Russian Language and New Technologies]. Moscow: NLO. pp. 87–95.
14. Guzaerova, R.R. (2017) Internet Meme as a Sign of Modern Media Space. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (48). pp. 50–54. (In Russian).
15. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannyye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 200–202.
16. Orlova, O.V. (2010) World Modeling Potential of Regional Marked Media Concept: Concept Oil In Tomsk Media Sphere. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (12). pp. 33–41. (In Russian).
17. Orlova, O.V. (2011) Semantic Transformations of Concepts Oil and Work in Oil-Extracting Areas Small Press (By Example of the Newspaper Narymsky Bulletin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 34–37. (In Russian).
18. Orlova, O.V. (2013) Associative-Semantic Correlation Oil – Food in the Discourse of the Russian Poetry of the Revolutionary Era. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3. pp. 187–191. (In Russian).
19. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Volgograd: Peremena.
20. Nevinskaya, M.D. (2006) *Kontseptual'naya oppozitsiya "narod – vlast'" v politicheskoy diskurse* [The Conceptual Opposition "People – Power" in Political Discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
21. Karasik, V.I. (2001) Rets.: Sheygal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Volgograd: Peremena, 2000. 368 s. [Book Review: Sheygal, E.I. (2000) The Semiotics of Political Discourse. Volgograd: Peremena. 368 p.]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie*. 2. pp. 52–57.
22. Orlova, O.V. (2011) The Role of Cultural and Verbal Prototypes in Stylistic and Discursive Evolution of Media Concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3. pp. 59–64. (In Russian).
23. Levin, Yu.I. (1998) *Izbrannyye trudy. Poetika* [Selected Works. Poetics]. Semiotika. Moscow: Yazyki rus. kul'tury. pp. 542–558.
24. Osipova, A.A. & Shulezhkova, S.G. (2015) Soviet Slogans in Fiction and in Modern Journalism at the End of the 20th – the Beginning of the 21st Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4-4 (64). pp. 161–166. (In Russian).
25. Steksova, T.I. & Krylov, Yu.V. (2018) New Life of the Old Genre: To the Problem of Variability in the Genre. *Zhanry rechi – Speech Genres*. 3 (19). pp. 179–188. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-179-188

УДК 811.133.1

DOI: 10.17223/19986645/64/7

В.И. Пинковский

**BÉRÉZINA В РЯДУ ПОЛНЫХ СИНОНИМОВ –
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ
«КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ НЕУДАЧА»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Исследуется группа французских прецедентных онимов со значением «катастрофическая неудача» и ставится вопрос о феномене слова Bérézina – более частом, в сравнении с другими членами синонимического ряда, использовании его в разных областях культуры. Автор приходит к выводу, что причины возникновения указанного явления кроются в образной природе и поле интерпретации синонимичных концептов-онимов. В частности, Bérézina порождает в коллективном сознании носителей французского языка непосредственные физические (телесные) ощущения, что, вероятно, приводит к более сильному переживанию события, а также стыкуется с массовыми представлениями (мифы, предрассудки) о России.

Ключевые слова: Bérézina; Waterloo; Leipzig; Sedan; абсолютно синонимичные онимы; доминирующее слово синонимического ряда; концепт; образы, убеждения и предрассудки национального сознания.

Введение

В настоящей работе рассматриваются синонимы – имена собственные, ставшие, благодаря приобретению метонимического значения, полными синонимами. Само это явление, даже в его наиболее общем виде, нечасто становится объектом филологического рассмотрения. Исследователи указывают на то, что «для проприальной лексики не свойственна синонимия в привычном понимании... для нее характерна ономастическая синонимия» [1], но имеют в виду, как правило, имена собственные в первичном значении, в то время как, наполненные коннотативной семантикой, они представляют собой, видимо, особый класс слов, сочетающих черты онимов и апеллятивов, чем и объясняется тяготение этих лексем к приобретению графических и морфологических свойств последних (написание со строчной буквы, образование множественного числа и, если это позволяет грамматический строй конкретного языка, падежных форм).

В работах ономастической тематики нередко используются примеры с синонимичными прецедентными именами собственными [2. С. 69, 76, 90, 99, 110; 3. С. 53–90], но объектом научной рефлексии в аспекте полной синонимии, за редким исключением [4. С. 68–70; 5. С. 68], эти онимы не становятся. А между тем преимущественное использование одного из них не только свидетельствует о неких общечеловеческих представлениях, но и обнажает этнокультурные особенности носителей языка (предпочтения, убеждения, предрассудки, мифы) в конкретную историческую эпоху.

Цель статьи – определить, почему слово *Bérézina*, входящее в довольно протяженный ряд онимических синонимов, объединенных архисемой «катастрофическая неудача», заняло в речи исключительное положение по частотности и разнообразию использования¹. Работа выполнена в рамках интерпретационного подхода, предваренного функционально направленным лингвистическим анализом словесного материала в нескольких аспектах – от артикуляционно-фонического до семантического. Материалом для наблюдения и оперирования послужили словарные дефиниции лексикографических и иных справочников, а также публицистические, мемуарные, документальные и художественные тексты XIX–XXI вв. на французском языке (всего – около 400).

***Bérézina* во французской и русской лексикографии**

В современных французских словарях *Bérézina* рассматривается как разговорное слово со значением «разгром, крах, урон» (*désastre, perte*) [6. Р. 38], синонимичное, кроме того, таким лексемам, как *catastrophe* (катастрофа, гибель), *échec* (провал), *malheur* (несчастье), *calamité* (бедствие, несчастье, катастрофа), *fléau* (бич, бедствие), *catichysme* (стихийное бедствие, потрясение), *accident* (несчастный случай), *crise* (кризис), *bouleversement* (потрясение, разрушение), *misère* (неудача, невзгода) [7]. Примечательно, что даже в историческом словаре в статье о сражении на Березине автор счел необходимым упомянуть, что «...этот трагический эпизод оставил след в разговорном языке, сделавшись синонимом катастрофы» [8. Р. 80]. Однако наиболее распространенным обозначением крупной неудачи *Bérézina*, похоже, стала только в XX в. В предшествующем столетии это место занято другим онимом – *Waterloo*. По крайней мере, в «Аналогическом словаре французского языка» П. Буасьера, в статье VAINCU (побежденный), упоминается именно последнее сражение Наполеона I, а *Bérézina* вообще отсутствует [9. Р. 1375].

Российский лексикон приводит оба слова, но с оттенками значения: «Березина – катастрофа, провал, неудача, невезение»; «Ватерлоо – полный провал, крах» [10. С. 64, 629]. В исследованиях российских филологов предпринимаются попытки подтвердить обозначенные в словаре различия. Направленность этих усилий определяется в основном одной из двух исходных позиций – рационалистической, когда во внимание принимается разная историческая значимость событий [11. С. 74–83], или психологической, обусловленной эмоциональным впечатлением: «Березина... предполагает некую надежду выхода из... безнадежной ситуации. <...> Ватерлоо же – это символ утраты всякой надежды» [12. С. 218]. Оба представленных подхода закономерны, однако могут быть успешны только при совместном применении и учете всего синонимического ряда, в который входят лексемы.

¹ В статье встречаются две формы написания онима: *Bérésina* / *Bérézina* – вынужденное отражение неунифицированной орфографии слова в цитируемых текстах. В современных словарях, в том числе российских, утвержден вариант *Bérézina*

Bérézina и Waterloo в синонимическом ряду

Группа топонимов, связанных с большими военными неудачами французов в разные эпохи, достаточно велика: *Cresy* (1346 г.), *Poitiers* (1356 г.), *Azincourt* (1415 г.), *Pavie* (1525 г.), *Rossbach* (1757 г.), *Bérézina* (1812 г.), *Leipzig* (1813 г.), *Waterloo* (1815 г.), *Sedan* (1870 г.) и др. Хотя все эти метонимии используются вплоть до настоящего времени (см., например, в тексте 1975 г.: ...*un Sedan intellectuel, un Rossbach artistique, un Azincourt philosophique* [13. Р. 123]), наиболее актуальными являются последние четыре. Их тесная связь в национальном сознании подтверждается множеством источников XIX в. В анонимном тексте 1814 г. представлены еще только два первых топонима: ...*равнины под Лейпцигом тотчас же напминают берега Березины...* [14. Р. 14–15], а в изданиях последней трети столетия вразбивку или даже полностью указывается уже весь «квартет» [15. Р. 19]. Так образовалась номинативная избыточность в экспрессивно-образном обозначении катастрофической неудачи.

Как известно, увеличение количества членов синонимического ряда сопровождается дифференциацией значений между ними. Однако использование всех четырех слов совершенно очевидно регламентируется на протяжении XIX и начала XX в. не стилистическими нормами, или оттенками смысла, или обстоятельствами описываемой ситуации, а личными пристрастиями и привычками говорящих. О дипломатическом провале можно было сказать *un Leipzig diplomatique* [16. Р. 159], а можно и *un Waterloo diplomatique* [17. Р. 46]; крупная политическая неудача удостоивалась наименования *la Bérésina politique* [18. Р. 6], но не было препятствий назвать ее и *ce Sedan politique* [19. Р. 471]. Полнее всего возможность одного из онимов (а значит, и всех остальных) сочетаться с разными определениями продемонстрировал в своем романе «Беспочвенники» (1897 г.) М. Баррес: ...*nous n'avons pas subi seulement un Sedan militaire, politique, financier, industriel; c'est encore un Sedan intellectuel* [20. Р. 321].

Мы можем констатировать, что в сфере социального дискурса все четыре слова выступают как полные синонимы – для обозначения крупной неудачи в политике, спорте, в области культуры и т.д. Однако равные семантические возможности слов еще не обеспечивают одинаковой частотности их употребления. В XIX в. реже всего используется *Leipzig*, чаще всего – *Waterloo*, в XX – на первый план выдвигаются *Bérésina* и *Waterloo*: *La Bérésina des républicains du Congrès* (*Березина республиканцев в Конгрессе*) [21], *Un «Waterloo» de la responsabilité politique* (*«Ватерлоо» политической ответственности*) [22].

Очевидно, что причины выдвижения в XX столетии на первый план двух названных лексем и меньшая востребованность двух других взаимосвязаны.

**«Конкуренция» внутри синонимического ряда:
логико-лингвистический аспект**

Специфику исследуемого синонимического ряда позволяют определить выявленные А.В. Лемовым [23. С. 211–213] факторы сохранения в языке абсолютных синонимов «нетерминологического характера». Мы применим классификацию, предложенную этим исследователем, к нашему материалу.

А) Выбор слова с более понятной внутренней формой. В нашем случае такой выбор неосуществим, потому что обе доминирующие лексемы не являются французскими, кроме того, этимология топонима не имеет отношения к событию, связанному с ним.

Б) Артикуляционно-акустическое преимущество одного из сочленов. Колебания в написании свидетельствуют о том, что наименее удобным для произношения и восприятия на слух французам казалось название немецкого города: *Leipsick / Leipzig*. (См. для сравнения расхождения в графическом облике *Waterloo*, не влияющие на звучание слова: *Waterlot / Waterloo*. То же относится и к отмеченному выше чередованию *Bérésina / Bérézina*: оба варианта произносятся одинаково.) Казалось бы, все преимущества в этом аспекте принадлежат французскому ониму *Sedan*. Однако, кроме логической мотивировки выбора слова, есть и другие. В одном из текстов 90-х гг. XIX в. мы встречаем психологические основания возможного предпочтения слова по его артикуляционно-фоническим качествам: *Ватерлоо! Эти три слога заключают в себе бесповоротный смысл многих судеб. Отныне в воображении они соединены с особенной формой – двойным «в» и удвоенным «о»... Ватерлоо, – повторил он, заставляя мрачные созвучия слова причудливо воздействовать на слух... [24. Р. 154].* Обращаясь к подобным материалам, следует, конечно, учитывать тенденции, распространенные в художественной литературе конкретной эпохи. Конец XIX столетия – поздняя фаза символизма, а это направление уделяло особое внимание звучанию слова, причудливым выражением чего явилась, например, теория Р. Гиля (1886 г.), предлагавшего ассоциировать звуки и их сочетания с определенными музыкальными инструментами [25. Т. 3. Р. 195–252], или более поздняя – «чистой поэзии» – аббата Бремона (1926 г.), который призывал к победе «поэзии над разумом», т.е. к суггестивному внушению неких эмоций и смыслов фоническими средствами в обход значения слов [26. Р. 18–19]. В любом случае, субъективная семантизация звуков не образует закономерности, поэтому невозможно причислить ее к факторам коллективного предпочтения того или иного слова.

В) Ограничения в валентности (сочетаемости, окружении). Как показывают приведенные выше примеры использования слов, этот фактор не является дифференцирующим для членов данного синонимического ряда.

Г) Различная словообразовательная активность и словообразовательная функция дублетов. Относительное преимущество в этом аспекте имеют как раз недоминантные элементы ряда, от которых образуются относительные прилагательные, в том числе субстантивированные: *Leipzig* –

leipzigois, Leipzigois; Sedan – sedanais, Sedanais [27. P. 1603, 1608]. *Bérézina* и *Waterloo* образуют аналогичные значения при помощи предложных конструкций с *de*. Следует заметить, что и те и другие производные имеют отношение к прямому, т.е. топонимическому, значению синонимов, в то время как метонимии дериватов не имеют.

Д) Различная реализация возможности метафорических и других семантических переносов. Способностью образовывать метафорические значения, как мы покажем далее, обладает только *Bérézina*, однако предстоит выяснить, каким образом метафорический потенциал слова создал ему преимущественное положение среди других членов синонимической группы.

Проведенная проверка позволяет сделать следующий вывод: в синонимическом ряду, состоящем из онимов-метонимий, представляющих собой, кроме того, полные синонимы, отношения между элементами (выдвижение в наиболее используемую группу, пребывание в пассивной зоне, вытеснение из ряда) объясняются факторами не логическими и сугубо лингвистическими, а теми, что принадлежат концептосфере.

«Конкуренция» внутри синонимического ряда: концептный аспект

Согласно поздней (2005 г.) дефиниции Ю.С. Степанова, «*концепт* можно определить как *понятие*, но расширенное ситуацией» [28. С. 344]. Под ситуацией логично понимать не только условия формирования концепта, но и обстоятельства его понимания (т.е. интерпретации) и использования. Очень важно, какой силы чувственный образ несет в себе концепт, какие ассоциации он вызовет в воспринимающем сознании. Если такой образ не отличается выразительностью, то связанный с ним концепт оказывается в проигрышном положении.

Именно этой причиной, судя по всему, объясняется уход из активного употребления слова *Leipzig*. Действительно, крупнейшее из всех сражений Наполеона I не отмечено каким-нибудь ярким эпизодом, который мог бы претендовать на статус легендарного, возникать в воображении при упоминании о «Битве народов», не увековечено отточенной фразой, произнесенной кем-либо из участников события, не врезалось в коллективную память ничем, что отличало бы это крупное поражение от подобных ему. Для современников битвы и в некоторой степени для двух последующих поколений память о Лейпцигской битве была актуальной, но уже к концу XIX в. *Leipzig* в значении «военная катастрофа» практически не встречается во французских текстах. (Следует также принять во внимание, что с названием немецкого города на протяжении столетий и по сей день ассоциируется такое ежегодное мероприятие, как Лейпцигская ярмарка (la foire de Leipzig), что делает невозможным однозначное употребление слова.)

Причина нечастого использования слова *Sedan*, видимо, является сугубо психологической. По логическим причинам это слово для обозначения тяжелейшего поражения должно было бы оттеснить все остальные (в плен

попало более 70 тыс. французов во главе с Наполеоном III), но сквозь его основное метонимическое значение проступает еще одно – позор. Это «поражение постыдное», *désastre honteux de Sedan* [29. Р. 5]: *Лейпциг, Ватерлоо – это дни славы (des jours de gloire) по сравнению с Седаном* [30. Р. 70]; *Седан – более ужасное имя, чем эти проклятые имена (ces noms maudits) Лейпциг и Ватерлоо* [31. Р. 163].

Разумеется, речь идет о понимании события в коллективном сознании, поскольку существуют как минимум три позиции в отношении «неприятного» исторического факта. Объективный взгляд представляет (в идеале) историческая наука. Часто встречающаяся позиция власти, заботящейся о репутации и внутренней устойчивости государства, – смягчающе-возвышающая. Наконец, существует реакция *народная*, не только *наивная* и *мифологизированная*, но и самая бескорыстная, ибо ее непосредственность лишена расчета двух первых позиций (на предъявление *истины*, на поддержание *реноме* и прочее). Безотчетность неподдельного переживания придает массовому восприятию произошедшего статус высшей убедительности.

О непохожей трактовке *Седана* в разных слоях общества писал через несколько лет после битвы Ж. Делафос: «Что означает имя Седан в расхожем (*vulgaire*) восприятии? Концентрированный невыразимый стыд (*une accumulation de hontes inexprimables*)... А что такое Седан в глазах историков? Гигантская катастрофа, к упоминанию о которой ни в малейшей степени не примешивается чувство стыда, а те немногие, что принимают ее близко к сердцу, склонны видеть лишь великую жертву (*un grand sacrifice*)...» [32. Р. 25]. Можно предположить, что в массовом сознании употребление онима *Sedan* в значении «крупная неудача» блокируется неприятными ассоциациями.

Совсем другое дело – *Waterloo*. Ф. Жербе восклицает: «Мы были побеждены под Ватерлоо, но не без славы!» [33. Р. 4]. (Ср. название книги современного историка, также утверждающее идею поражения, овеянного славой: «*Napoléon et Waterloo: la défaite glorieuse de 1815 à nos jours*» [34].) Следует различать аналитическое осознание исторического события и его образ. Судя по многим признакам, образ сражения в массовом сознании современников строился по законам эпоса (не рода литературы, а жанра). В первую очередь это проявляется в том, что событие мыслится не как звено в каузальной исторической цепи, а как результат действия неких вечных сил. Эта черта воплотилась в трактовке битвы В. Гюго, который совместил античную идею судьбы и христианскую – «божьей воли»: *Громадная тень десницы божьей простирается над Ватерлоо. Это день свершения судьбы* [35. Р. 55]. Мнение В. Гюго авторитетное, но позднее (1862 г.), к тому же известно присущее писателю тяготение к грандиозному. Однако оно соответствует в данном случае духу эпохи, в которую формировалось представление о сражении. К. Делавинь, обязанный своей литературной славой поздней Империи и ранней Реставрации, первую (1815 г.) из своих знаменитых «мессенских элегий» посвящает именно Ватерлоо и называет павших в битве *воителями, преданными судьбой (ses*

guerriers par le destin trahis) [36. Р. 6]. О популярности такого объяснения катастрофы среди современников поэта свидетельствует фантастическое количество проданных текстов – 21 000 экземпляров (обычный тираж поэтической книги в эту эпоху – от 500 до 2 000 экз.). Читатели были подготовлены к такому отклику на идеи элегии имперской идеологией, для которой осмысление исторических событий в провиденциальном ключе было весьма характерно, что повлияло и на восприятие *Waterloo*.

Типичной чертой эпоса является гиперболизм в широком смысле (в изображении масштаба события, меры проявленных участниками качеств, в патетичности стиля). Ограничимся двумя примерами его проявления. В одной из французских пьес сороковых годов (время нарастания повторного культа Наполеона I) сын наполеоновского ветерана убежденно говорит: *Под Ватерлоо один старый гвардеец бился против десяти союзников* [37. Р. 7]. Аббат Дежарден в посвященной героям Ватерлоо оде напрямую сравнивает их с рыцарями графа Роланда, количественно в разы уступавшими войскам мавров и столь же превосходившими врага доблестью [38. Р. 3].

В эпосе необходимо наличие персонажа, воплощающего национальный героический идеал. По стечению обстоятельств в этой почетной роли оказался генерал П. Камбронн, «граф Роланд» Ватерлоо, а возглавляемые им солдаты гвардии стали «роландовыми рыцарями». Приписываемая генералу фраза (*La Garde meurt et ne se rend pas* – *Гвардия умирает, но не сдается*), произнесенная в ответ на предложение англичан о сдаче, вызывала и вызывает скепсис у сторонников реалистического взгляда на вещи («Хорошая сцена для оперы. С трудом представляю ее на батальном поле» [39. Р. 32]), но эпическому витязю она совершенно необходима для завершения его образа. Даже добавленное героем к этой фразе бранное слово *merde!* (*дерьмо*) не умаляет трагического величия финального эпизода битвы, потому что брань – в духе «ворчунов» (*grognaards* – солдаты Старой императорской гвардии). И вот этому слову посвящает строки в приподнятом тоне В. Гюго в «Отверженных», о знаменитом ругательстве слагаются стихи, в которых, правда, оно не называется, но легко восстанавливается подбором рифмы к *se perde*: *Que ce grand souvenir non jamais ne se perde! // Ils allaient tous mourir!.. Cambrone cria...* [40. Р. 28]. П. Камбронн, по справедливому утверждению одного из его биографов, живет в народном воображении в качестве «персонажа», воплощающего национальный темперамент и символизирующего «героизм... священной когорты» сражавшихся при Ватерлоо [41. Р. 234].

Представляя битву при Ватерлоо как определенное действо, следует помнить, что эстетические вкусы, культивируемые в Первой империи, являются классицистическими (на сцене идут трагедии П. Корнеля и его имперских эпигонов, сам Наполеон – поклонник знаменитого драматурга), а в театре классицизма афористически отточенная речь является не только носителем смысла, но и системой словесных жестов, компенсирующих сравнительную бедность внешнего действия и оживляющих в сознании тот или иной стандартный образ (поза героя, выражение лица и прочее). Эпи-

зод с прославленной фразой Камбронна вписывается в эту систему, на эпическое основание накладывается привычная современникам ампириная трагедийная величавость.

Закрепленность образа *Waterloo* в коллективном сознании, амбивалентность восприятия и переживания этого исторического события, которое Л. Бельмонте удачно определил как *славу, пронизанную печалью* [42. Р. 143], обеспечило слову преимущество в использовании перед такими лексемами, как *Leipzig* и *Sedan*.

Bérézina стоит особняком среди остальных членов синонимического ряда – не столько по масштабу события, не сравнимого с крупными сражениями XIX в., сколько по специфике его восприятия, в котором три обозначенные выше позиции различаются не оттенками, а полной смысловой разнонаправленностью. Власть, в первую очередь в лице самого Наполеона, просто умалчивает о катастрофе, упоминаний о которой нет в письмах императора, отправленных непосредственно после Березины, что объясняется желанием «доставлять парижанам только хорошие новости», внушающие оптимизм [43. Р. 20]. Но и в продиктованных на острове Святой Елены мемуарах о самой переправе сказано буквально в одной фразе: «Армия, завершив переход через Березину, разрушила мосты и продолжила свой марш на Вильну...» [44. Р. 334], основное же внимание уделено предварительным, отвлекающим внимание русских войск действиям.

Историки, оценивая маневры Наполеона, сбившие с толку его русских визави П.В. Чичагова и П.Х. Витгенштейна, обоснованно, хотя и с неуместным пафосом восхваления, пишут, что французский император «вышел победителем из ситуации, которая... казалась безнадежной» [45. Р. 36] и даже что вся Березинская операция была «блистательным и героическим военным успехом» [46. Р. 538]. Целая и взвешенная историческая оценка принадлежит Л.Н. Толстому. Писатель, не преувеличивая значение события, отказывая катастрофической переправе в статусе «решительного эпизода кампании», дает обобщающее объяснение тому эффекту, который произвела *Bérézina*: «...на Березинском прорванном мосту бедствия, претерпеваемые французской армией прежде равномерно, здесь вдруг сгруппировались в один момент и в одно трагическое зрелище, которое у всех осталось в памяти» [47. С. 211]. Что именно осталось в коллективной памяти?

Народное отношение к Березинской переправе сформировалось в обход официального, и оно не менее избирательно: ни ловким тактическим приемам военачальников, ни собственно боевым эпизодам на обоих берегах реки в нем не нашлось места. В мемуарах участников злосчастного перехода есть картины давки перед мостами и на них, есть сцены гибели наиболее слабых и беспомощных (раненых, а также многочисленных некомбаттантов – французов, бежавших с армией из России), описание обстрела переправы русской артиллерией, но в качестве наиболее заметного смертоносного фактора выделен холод, упоминание о котором является единственной чертой, объединяющей и пропагандистские, и историографические, и мемуарные, и художественные источники.

Действительно, какие детали чаще всего встречаются в повествованиях о Березине? Обледенные берега (*les rives glacées*), заледеневшая почва (*les gazons glacés*), ледяные волны (*les flots glacés*), льды (*les glaces de la Bérésina*), снега (*les neiges de la Bérésina*). Реку называют Ахероном для французов [48. Р. 47], ледяной могилой [49. Р. 226]. Т. Готье, описывая ветеранов Старой гвардии, акцентирует внимание на двух чертах в их облике – *припудренных снегами России* волосах и дрожащих от холода Березины руках [50. Р. 85-86]. Несмотря на то, что большинство погибших при переправе утонули, это обстоятельство не перевешивает ужаса перед холодом. Встречающееся в некоторых текстах сравнение Березинской переправы с Нантскими утоплениями (печально известные казни на Луаре во время Французской революции) не привело к распространению названия *Березинское утопление* (*la noyade de la Bérésina* [51. Р. 113]). Это «предпочтение», оказанное холоду, совсем не случайно, в нем нашли отражение как общечеловеческие чувственные впечатления, так и сугубо национальные предрассудки. Начнем с последних.

Е.-М. де Вогюэ, известный историк литературы, проживший в России несколько лет, признавался, что для большинства его соотечественников Россия – это «казак, восседающий на глыбе льда» [52. Р. 14]. Для многих участников похода в Россию суровый климат стал психологическим оправданием поражения, в их мемуарах часто встречается утверждение, что Наполеона победил не Кутузов, а «генерал мороз» (*le général moroze*) [53. Р. 128]. Это расхожее мнение проникает и в художественную литературу. Бонапартистски настроенный молодой Ж. де Нерваль пишет: «О русские... ваш климат скоро отомстит за нанесенные вам обиды. Рассудите: тот, кто побеждал людей, не властен над природой!» [54. Р. 28]. В контексте таких представлений *Bérézina* косвенно возводится в ранг природных катаклизмов, проигрыв в противостоянии с которыми трагичен, однако не постыден для человека.

Уникальная черта событий на Березине: их героями стали не те, кто стреляет, атакует или обороняется, а саперы, возводившие два спасительных моста. Эти самоотверженные солдаты, в большинстве погибшие, пострадали не от пуль, ядер и штыков, а от пребывания в холодной воде. Можно умозрительно, по шаблонам представлений о битвах вообще, вообразить эмблематически эффектные эпизоды других сражений (последний бой Гвардии при Ватерлоо), но Березинская трагедия ощутима, кроме прочего, особенным образом – телесно. Именно это обстоятельство, как нам представляется, оказало решающее влияние на судьбу слова *Bérézina*, потому что телесность *овеществляет* отвлеченное понятие, а кроме того, делает его близким, непосредственно ощутимым и неизбежно способствует его амбивалентной трактовке – возвышенной и грубовато-сниженной, комически-фамильярной.

Об этом свидетельствуют многочисленные тексты XIX в. В романе Э. Ришбура есть персонаж по прозвищу *le père Bérésina* (*напаша Березина*), один из тех, *кто чуть не погиб в ледяной воде этой русской реки.*

Немаловажно признание героя в том, что он *никогда не был женат и не мог иметь детей* [55. Р. 94]. Образ старика трогателен, нравственно возвышен, но прозвище, данное ему в молодости, с грубоватым комизмом намекает на физические последствия пребывания в водах Березины. Эту же функцию выполняет такая деталь внешности *старых вояк (les vieux braves)*, как *нос, отмороженный на Березине (le nez gelé à la Bérésina)* [56. Р. 284; 57. Р. 131]. В женских персонажах, носящих прозвище *Bérésina*, отмечается ситуативная безэмоциональность [58. Р. 58] или холодный нрав в целом [59. Р. 275].

Трагикомической метафоризацией возможности слова не исчерпываются. Оно может означать некое телесное неудобство вообще, например дискомфорт в глазах: *Sa Bérésina, ce fut les... érailements de ses yeux* [60. Р. 162], дрожь от холода: *Brrr!.. Quelle Bérésina..!* [61. Р. 344] и т.д. Наконец, выходя из круга телесных ощущений, *Bérésina* актуализирует иные элементы своей семантики, выражая различные психические состояния, как правило связанные с неприятными ситуациями повседневной жизни. Так, Л. де Сиври, описывая ливень в Риме, называет уличные потоки *cette Bérésina d'une nouvelle espèce (эта в некотором роде новая Березина)*, а чувство беспокойства, вызванное буйством вод, усилено крушением тротуарного дощатого настила, напомнившего мосты через Березину [62. Р. 361]. Еще пример (повествователь в отягчающем предчувствии неких неудач): *Je sais de science certaine que le mars de 1986 sera marqué... par des revers, mais qui ne seront pas waterlos: tout juste de petites bérésinas* [63. Р. 35] (*Я знаю определенно, что март 1986 года будет отмечен неудачами – не ватерлоо, но мелкими березинами*). В приведенной фразе очень показательное проявляющееся именно в бытовом узусе противопоставление апеллированных *Waterloo* и *Bérésina*: первое слово тяготеет к обозначению крупных неудач, второе – текущих неурядиц, в том числе их ожидания и переживания. Широкое использование метафорических значений *Березины* в бытовой сфере позволило слову занять прочное место в разговорном слое французской лексики, благодаря чему и в синонимическом ряду «катастрофическая неудача» оно более востребовано, чем другие члены ряда.

Выводы

Отвлекаясь от деталей эмпирической конкретики, связанной со словом *Bérésina*, можно прийти к следующим обобщениям.

В ряду, состоящем из полных синонимов – имен собственных, наиболее часто и разнообразно используются слова:

- а) обладающие большим образным потенциалом;
- б) не «конфликтующие» с ментальными стереотипами национального сознания;
- в) не вызывающие недопустимо травмирующих психику ассоциаций;
- г) допускающие употребление в личной и бытовой сфере, поскольку явления, наполняющие эту область, разнообразны и многократно повторяются, что позволяет непрерывно актуализировать арсенал значений слова и добавлять к ним новые оттенки.

Литература

1. Складенко О.Н. О лексико-семантических особенностях собственных имен. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/4559/1/170-181.pdf>
2. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 276 с.
3. Мерзлякова А.В. Семантический потенциал топонимов современного французского языка : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015. 19 с.
4. Кудрявцева А.А. Особенности сочетаемости мифонимов, перешедших в имена нарицательные // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 2 (37). С. 67–70.
5. Кудрявцева А.А. Основные типы онимов, способных переходить в имена нарицательные // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 65–68.
6. Caradec F., Pouy J.-B. Dictionnaire de Français argotique et populaire. Paris : Larousse, 2009. 366 p.
7. *Reverso*: dictionnaire. URL: <http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/beresina>
8. Dictionnaire de l'histoire de France / sous la direction de J.-F. Sirinelli. Paris : Larousse, 2006. 1176 p.
9. Boissière P. Dictionnaire analogique de la langue française: répertoire complet des mots par les idées et les idées par les mots. Paris : A. Boyer, 1862. 1439 p.
10. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. М. : Цитадель, 1997. 640 с.
11. Шумакова А.Н. Об особенностях использования лексики с культурным компонентом в современной прессе (на материале топонимов, связанных с некоторыми военными кампаниями Наполеона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 9 (720). С. 74–83.
12. Постникова А.А. Прецеденты Наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро» // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 216–223.
13. Caraco A. Ma confession. Lausanne : L'âge d'homme, 1975. 260 p.
14. *L'agonie* d'un sénateur, et son amende honorable à la nation française. Paris : Chez les marchands de nouveautés, 1814. 16 p.
15. Berthezène A. Waterloo. Paris : E. Leroux, 1892. 20 p.
16. Chambrun J.-D.-A.-P. Fragments politiques. Paris : Garnier frères, 1872. 446 p.
17. Déchalotte J.-B. La France et l'Angleterre d'autrefois et d'aujourd'hui. Paris : Blot, 1858. 47 p.
18. Mague A. Dédicace à Madame la Duchesse d'Uzès. Le Proscrit de Jersey. État actuel de la France, impression de cet état en Europe. Paris : Charles, 1890. 24 p.
19. Teste L. Anatomie de la République (1870–1910). Paris : Librairie du XX-e siècle, 1910. 485 p.
20. Barrès M. Le roman de l'énergie nationale. Les déracinés. Paris : E. Fasquelle, 1897. 493 p.
21. Bussard S. La Bérésina des républicains du Congrès. URL: <https://blogs.letemps.ch/etats-unis/2015/03/04/la-beresina-des-republicains-du-congres/>
22. Neumann L. Un «Waterloo» de la responsabilité politique. URL: http://www.lepoint.fr/invites-du-point/laurent-neumann/neumann-un-waterloo-de-la-responsabilite-politique-13-06-2015-1936119_2449.php
23. Лемов А.В. Тождественны ли дубликаты-синонимы? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 3. С. 211–213.
24. Hervieu P. L'armature. Paris : A. Lemerre, 1895. 325 p.

25. *Ghil R.* En méthode à l'œuvre // *Ghil R. Œuvres complètes.* Paris : A. Messein, 1938. Т. 3. P. 195–252.
26. *Bremond H.* La poésie pure. Paris : B. Grasset, 1926. 321 p.
27. *Le Robert* pratique: dictionnaire d'apprentissage de la langue française. Paris : Le Robert, 2011. 1611 p.
28. *Степанов Ю.С.* Французская стилистика (в сравнении с русской). М. : Книжный дом «Либроком», 2013. 360 с.
29. *Hubbard G.-A.* Le budget des 3 monarchies et le budget de la République. Paris : Société d'instruction républicaine, 1873. 40 p.
30. *Le dernier Empire.* Paris : E. Dentu, 1875. 72 p.
31. *Bigot Ch.* Le petit Français. P. : E. Weill et G. Maurice, 1883. 204 p.
32. *Delafosse J.* Le procès du 4 septembre. Paris E. Lachaud et Cie, 1876. 71 p.
33. *Gerbet Ph.* Un mot sur les catastrophes des armées françaises en 1870–1871. Arbois : Javel, 1871. 10 p.
34. *Largeaud J.-M.* Napoléon et Waterloo: la défaite glorieuse de 1815 à nos jours. Paris : Boutique de l'histoire, 2006. 462 p.
35. *Hugo V.* Les misérables: 5 vol. 2-e partie. Cosette. Paris : Hachette, 1881. 416 p.
36. *Delavigne C.* Première Messénienne, sur la bataille de Waterloo // *Delavigne C.* Trois Messéniennes, élégies sur les malheurs de la France. Paris : Ladvoat, 1818. P. 5–11.
37. *Clairville.* Le retour de Sainte-Hélène: à-propos national en un acte. Paris : Tresse, 1840. 8 p.
38. *Desjardins, abbé.* Roncevaux. Gloire aux vaincus! Melun : A. Hérissé, 1866. 3 p.
39. *Houssaye H.* La garde meurt et ne se rend pas: histoire d'un mot historique. Paris : Perrin, 1907. 61 p.
40. *Fontaubert, É. de.* Le mot de Waterloo // *Fontaubert, É. de.* Chants et chansons de Pourceaugnac II. Limoges: Vve H. Ducourtieux, 1869. P. 27–28.
41. *Sérieux W.* Cambronne. Paris : J. Tallandier, 1931. 253 p.
42. *Belmontet L.* Waterloo // *Belmontet L.* Poésie de l'Empire français. Paris : Impr. impériale, 1853. P. 139–144.
43. *Cain J., François M.* Exposition des 318 lettres de Napoléon à Marie-Louise récemment acquises par le Gouvernement français. Paris : Bibliothèque national, 1935. 47 p.
44. *Napoléon I.* Mémoires de Napoléon, écrits sous sa dictée à Sainte-Hélène, par un de ses valets de chambre. Paris : Philippe, 1829. 428 p.
45. *Pierron É.* Comment s'est formé le génie militaire de Napoléon I? Paris : L. Baudoin, 1889. 39 p.
46. *Zamoyski A.* 1812: Napoleons Feldzug in Russland. München : C.H. Beck, 2012. 720 S.
47. *Толстой Л.Н.* Война и мир // *Собр. соч.* : 12 т. М., 1984. Т. 6. 544 с.
48. *Neuville A.* Bérésina // *Neuville A.* Œuvres d'un désœuvré. Chaumont : Mion, 1837. P. 47.
49. *Delandine de Saint-Esprit J.* Histoire de l'Empire, 1804–1814. Paris : Mallet et Cie, 1843. 544 p.
50. *Gautier Th.* Vieux de la Vieille // *Gautier Th.* Émaux et camées. Paris : G. Crès et Cie, 1913. P. 81–87.
51. *Puech L.* Le despote: abrégé historique du règne de Napoléon I. Castres : A. Fraysse, 1877. 187 p.
52. *Vogüe E.-M. de.* Discours // *Banquet franco-russe du 26 octobre 1893.* Paris : Colin, 1893. P. 14–15.
53. *Les prisonniers français en Russie (1813–1814).* (S. I.), 1859. 240 p.
54. *Nerval G. de.* La Russie // *Nerval G. de.* La France guerrière. Paris : Toquet, 1827. P. 23–29.
55. *Richebourg É.* Histoire d'un avare, d'un enfant et d'un chien. Paris : E. Dentu, 1878. 307 p.

56. *Molènes P. de*. Les souffrances d'un houzard // *Molènes P. de*. Les caprices d'un régulier; Les souffrances d'un houzard; Le soldat en 1709. Paris : Hachette, 1863. P. 241–330.
57. *Wolf A.* La gloriole: mémoires d'un parisien. Paris : Victor-Havard, 1888. 338 p.
58. *Murger H.* Propos de ville et propos de théâtre. Paris : Michel Lévy, 1853. 95 p.
59. *Audebrand Ph.* Romanciers et viveurs du XIX-e siècle. Paris : Calmann-Lévy, 1904. 346 p.
60. *Montagne É.* Le manteau d'Arlequin. Paris : Librairie internationale, A. Lacroix, 1866. 302 p.
61. *Féval P.* La Bande Cadet. Paris : E. Dentu, 1875. 380 p.
62. *Sivry L. de*. Rome et l'Italie méridionale, promenades et pèlerinages suivis d'une description sommaire de la Sicile. Paris : Belin-Leprieur, 1843. 368 p.
63. *Royer J.-M.* Le Prince Jacques et le Roy François: l'an I de la cohabitation. Paris : Le Pré aux Clercs, 1987. 295 p.

Bérézina Among Full Synonyms—Proper Names with the Meaning of a Catastrophic Failure: Linguistic and Cultural Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 93–108. DOI: 10.17223/19986645/64/7

Vitaliy I. Pinkovskiy, North-Eastern State University (Magadan, Russian Federation). E-mail: alennart@mail.ru

Keywords: Bérézina, Waterloo, Leipzig, Sedan, absolutely synonymous proper names, dominant word of synonym cluster, concept, images, beliefs and prejudices of national consciousness.

The article examines a group of French precedent proper names with the meaning of a catastrophic failure (Bérézina, Waterloo, Leipzig, Sedan) and raises the question of the phenomenon of the word Bérézina, about its more frequent (in comparison with other members of the synonym series) use in different domains of culture. The author believes that the study of such issues can reveal a great deal both in the mechanism of the language functioning and in the national psychology of the people using this language in a certain historical period. About 400 texts of various types (publicistic, memoir, documentary and artistic) created in the 19th–21st centuries were used as the material for the study. Finding out the conditions of “competition” between the synonyms, the author considers the words in the context of the advantage of their internal forms, phonic and articulation merits, derivational potential, compatibility, and their propensity to metaphorical and other semantic transfers. It has been determined that, in this case, logical and linguistic factors do not influence the primary provision of this or that word in a synonymic series (otherwise, the words Leipzig and Sedan would have the greatest chance of indicating a major defeat). The conceptual analysis (which considers the historical, psychological, and cultural context of the existence of words) leads to the conclusion that the foundations of the phenomenon under study are in the figurative nature and in the field of interpretation of synonymous concepts. In particular, Bérézina is the only word that raises direct body sensations in the collective consciousness, among which chill is the most frequent. This is in line with the mass ideas of the 19th-century French people about Russia as a country reminding of an icy desert. Furthermore, Bérézina acts as an embodiment of natural destructive forces; and to suffer defeat from such is not shameful. The circumstances mentioned above explain the advantages of the proper name Bérézina over other members of the synonymous series: in comparison with Waterloo, it is a concept perceived to a greater extent by feelings than by reason, and, in comparison with Sedan, the mention of the Bérézina crossing does not raise the feeling of the bitterness of national humiliation. Distancing from the empirical reality connected with the word Bérézina, the author comes to the following conclusions. Among the full synonyms—proper names, the most often and variously used words: (a) have a high figurative potential; (b) do not “conflict” with mental stereotypes of the national consciousness; (c) do not evoke traumatic associations; (d) can be used in the personal and

household sphere as the phenomena filling this sphere are diverse and repeated over and over again, which allows a continuous updating of the arsenal of word meanings and addition of some new senses to them.

References

1. Sklyarenko, O.N. (n.d.) *O leksiko-semanticheskikh osobennostyakh sobstvennykh imen* [On the Lexical and Semantic Features of Proper Names]. [Online] Available from: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/4559/1/170-181.pdf>.
2. Nakhimova, E.A. (2011) *Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya* [Precedent Onyms in Modern Russian Mass Communication: Theory and Methodology of Cognitive-Discursive Research]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
3. Merzlyakova, A.V. (2015) *Semanticheskiy potentsial toponimov sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [The Semantic Potential of Toponyms of the Modern French Language]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
4. Kudryavtseva, A.A. (2011) Peculiarity of Compatibility of the Mythic Proper Names Which Converted to Appellative Names. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo – Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2 (37). pp. 67–70. (In Russian).
5. Kudryavtseva, A.A. (2013) Osnovnye tipy onimov, sposobnykh perekhodit' v imena naritsatel'nye [The Main Types of Onyms That Can Become Common Nouns]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 4 (79). pp. 65–68.
6. Caradec, F. & Pouy, J.-B. (2009) *Dictionnaire de Français argotique et populaire*. Paris: Larousse.
7. *Reverso: dictionnaire*. [Online] Available from: <http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/beresina>.
8. Sirinelli, J.-F. (ed.) (2006) *Dictionnaire de l'histoire de France*. Paris: Larousse.
9. Boissière, P. (1862) *Dictionnaire analogique de la langue française: répertoire complet des mots par les idées et les idées par les mots*. Paris: A. Boyer.
10. Grineva, E.F. & Gromova, T.N. (1997) *Slovar' razgovornoy leksiki frantsuzskogo yazyka* [Dictionary of French Colloquial Vocabulary]. Moscow: Tsitadel'.
11. Shumakova, A.N. (2015) The Peculiarities of Using Culture-Specific Lexis in the Modern Press (As Exemplified by Toponyms Related to Napoleon's Campaigns). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 9 (720). pp. 74–83. (In Russian).
12. Postnikova, A.A. (2014) Precedents of the Napoleonic Era in Communicative Memory of Contemporary France: From “Austerlitz” to “Bistro”. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3 (49). pp. 216–223. (In Russian).
13. Caraco, A. (1975) *Ma confession*. Lausanne: L'âge d'homme.
14. Anon. (1814) *L'agonie d'un sénateur, et son amende honorable à la nation française*. Paris: Chez les marchands de nouveautés.
15. Berthezène, A. (1892) *Waterloo*. Paris: E. Leroux.
16. Chambrun, J.-D.-A.-P. (1872) *Fragments politiques*. Paris: Garnier frères.
17. Déchalotte, J.-B. (1858) *La France et l'Angleterre d'autrefois et d'aujourd'hui*. Paris: Blot.
18. Mague, A. (1890) *Dédicace à Madame la Duchesse d'Uzès. Le Proscrit de Jersey. État actuel de la France, impression de cet état en Europe*. Paris: Charles.
19. Teste, L. (1910) *Anatomie de la République (1870–1910)*. Paris: Librairie du XX-e siècle.
20. Barrès, M. (1897) *Le roman de l'énergie nationale. Les déracinés*. Paris: E. Fasquelle.
21. Bussard, S. (2015) *La Bérésina des républicains du Congrès*. [Online] Available from: <https://blogs.letemps.ch/etats-unis/2015/03/04/la-beresina-des-republicains-du-congres/>.

22. Neumann, L. (2015) *Un "Waterloo" de la responsabilité politique*. [Online] Available from: http://www.lepoint.fr/invites-du-point/laurent-neumann/neumann-un-waterloo-de-la-responsabilite-politique-13-06-2015-1936119_2449.php.
23. Lemov, A.V. (2015) Whether Doublets-Synonyms Are Identical or Not. *Is-toricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Ideas*. 7 (3). pp. 211–213.
24. Hervieu, P. (1895) *L'armature*. Paris: A. Lemerre.
25. Ghil, R. (1938) *Œuvres complètes*. T. 3. Paris: A. Messein. pp. 195–252.
26. Bremond, H. (1926) *La poésie pure*. Paris: B. Grasset.
27. Le Robert. (2011) *Le Robert pratique: dictionnaire d'apprentissage de la langue française*. Paris: Le Robert.
28. Stepanov, Yu.S. (2013) *Frantsuzskaya stilistika (v sravnenii s russkoy)* [French Stylistics (In Comparison with Russian)]. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
29. Hubbard, G.-A. (1873) *Le budget des 3 monarchies et le budget de la République*. Paris: Société d'instruction républicaine.
30. Dentu, E. (ed.) (1875) *Le dernier Empire*. Paris: E. Dentu.
31. Bigot, Ch. (1883) *Le petit Français*. Paris: E. Weill et G. Maurice.
32. Delafosse, J. (1876) *Le procès du 4 septembre*. Paris: E. Lachaud et Cie.
33. Gerbet, Ph. (1871) *Un mot sur les catastrophes des armées françaises en 1870–1871*. Arbois: Javel.
34. Largeaud, J.-M. (2006) *Napoléon et Waterloo: la défaite glorieuse de 1815 à nos jours*. Paris: Boutique de l'histoire.
35. Hugo, V. (1881) *Les misérables*. 5 vol. 2-e partie. Cosette. Paris: Hachette.
36. Delavigne, C. (1818) *Trois Messéniennes, élégies sur les malheurs de la France*. Paris: Ladvocat. pp. 5–11.
37. Clairville. (1840) *Le retour de Sainte-Hélène: à-propos national en un acte*. Paris: Tresse.
38. Desjardins, abbé. (1866) *Roncevaux. Gloire aux vaincus!* Melun: A. Hérissé.
39. Houssaye, H. (1907) *La garde meurt et ne se rend pas: histoire d'un mot historique*. Paris: Perrin.
40. Fontaubert, É. de. (1869) *Chants et chansons de Pourceaugnac II*. Limoges: Vve H. Ducourtieux. pp. 27–28.
41. Sérieyx, W. (1931) *Cambronne*. Paris: J. Tallandier.
42. Belmontet, L. (1853) *Poésie de l'Empire français*. Paris: Impr. Impériale. pp. 139–144.
43. Cain, J. & François, M. (1935) *Exposition des 318 lettres de Napoléon à Marie-Louise récemment acquises par le Gouvernement français*. Paris: Bibliothèque national.
44. Napoléon, I. (1829) *Mémoires de Napoléon, écrits sous sa dictée à Sainte-Hélène, par un de ses valets de chambre*. Paris: Philippe.
45. Pierron, É. (1889) *Comment s'est formé le génie militaire de Napoléon I?* Paris: L. Baudoin.
46. Zamoyski, A. (2012) *1812: Napoleons Feldzug in Russland*. München: C.H. Beck.
47. Tolstoy, L.N. (1984) *Voyna i mir* [War and Peace]. In: *Sobr. soch.: 12 t.* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Pravda.
48. Neuville, A. (1837) *Œuvres d'un désœuvré*. Chaumont: Mion. p. 47.
49. Delandine de Saint-Esprit, J. (1843) *Histoire de l'Empire, 1804–1814*. Paris: Mallet et Cie.
50. Gautier, Th. (1913) *Émaux et camées*. Paris: G. Crès et Cie. pp. 81–87.
51. Puech, L. (1877) *Le despote: abrégé historique du règne de Napoléon I*. Castres: A. Fraysse.
52. de Vogüe, E.-M. (1893) Discours. In: *Banquet franco-russe du 26 octobre 1893*. Paris: Colin. pp. 14–15.
53. Anon. (1859) *Les prisonniers français en Russie (1813–1814)*. [S.l.].
54. Nerval, G. de. (1827) *La France guerrière*. Paris: Toquet. pp. 23–29.

-
55. Richebourg, É. (1878) *Histoire d'un avare, d'un enfant et d'un chien*. Paris: E. Dentu.
56. Molènes, P. de. (1863) *Les caprices d'un régulier; Les souffrances d'un houzard; Le soldat en 1709*. Paris: Hachette. pp. 241–330.
57. Wolf, A. (1888) *La gloriole: mémoires d'un parisien*. Paris: Victor-Havard.
58. Murger, H. (1853) *Propos de ville et propos de théâtre*. Paris: Michel Lévy.
59. Audebrand, Ph. (1904) *Romanciers et viveurs du XIX-e siècle*. Paris: Calmann-Lévy.
60. Montagne, É. (1866) *Le manteau d'Arlequin*. Paris: Librairie internationale, A. La-croix.
61. Féval, P. (1875) *La Bande Cadet*. Paris: E. Dentu.
62. Sivry, L. de. (1843) *Rome et l'Italie méridionale, promenades et pèlerinages suivis d'une description sommaire de la Sicile*. Paris: Belin-Leprieur.
63. Royer, J.-M. (1987) *Le Prince Jacques et le Roy François: l'an I de la cohabitation*. Paris: Le Pré aux Clercs.

УДК 811.161.1; 81'42; 81'22
DOI: 10.17223/19986645/64/8

Т.Г. Скребцова

СМОТРИТЕ И СЛУШАЙТЕ КАК МАРКЕРЫ ВЛАСТИ И СОЛИДАРНОСТИ

Анализируются структурные, сематические и прагматические особенности форм повелительного наклонения глаголов зрительного и слухового восприятия, широко используемых в устной речи в качестве так называемых дискурсивных маркеров. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка. Основное внимание уделено маркерам «смотрите» и «слушайте», которые по своей функциональной семантике могут быть соотнесены с известными социолингвистическими категориями власти и солидарности.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, устная речь, институциональный дискурс, метакоммуникативная функция, власть, солидарность.

Понятие дискурсивного маркера

Становление и развитие дискурсивного анализа, когнитивных и функциональных теорий языка в последние десятилетия способствуют росту интереса к особому классу слов и словосочетаний, выполняющих метакоммуникативную функцию в речи, обеспечивая ее организацию и связность. Для их коллективного обозначения был предложен термин *дискурсивный маркер* (с вариантами *дискурсивное слово*, *дискурсивная частица*), характеризующий соответствующие единицы не по традиционному грамматическому, а по функциональному признаку.

Британский лингвист М. Стаббз, автор известного учебника по анализу дискурса, в качестве типичных примеров упоминает *well, now, right, anyway, you know, I see, hello, goodbye* [1. Р. 68]. В первом специальном исследовании, посвященном дискурсивным маркерам в английском языке, в фокус внимания попали такие слова и словосочетания, как *oh, well, and, but, or, so, because, now, then, I mean, y'know* [2].

В книге [3] в круг дискурсивных слов русского языка включены следующие наречия, частицы, вводные обороты: *едва, еле, с трудом, чуть, немного, почти, действительно, в самом деле, на самом деле, в действительности, вообще, в общем, в целом, в принципе, вовсе, совсем, прямо, просто*. В более поздней публикации того же коллектива [4] дополнительно рассматриваются следующие единицы: *только, лишь, всего, всего лишь, всего-навсего, по крайней мере, по меньшей мере, наоборот, опять, снова, вновь, заново, еще раз, опять же, опять-таки, таки, все же, все-таки, все равно, кстати, впрочем, кроме того, да и, как раз, именно, разве, неужели, наверное, наверняка, авось, небось, пожалуй, что ли, конечно, разумеется,*

естественно. В подходе отечественных авторов отчетливо ощущается влияние грамматической концепции академика В.В. Виноградова, да и сами они отмечают близость рассматриваемых единиц к так называемым «модальным словам» (ср. [5]).

Исследование дискурсивных маркеров расширяется и распространяется на все новые языки по мере накопления корпусов устной речи. Существенный стимул к соответствующим работам на материале русского языка дало создание устного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В то же время лингвистам до сих пор не удается дать приемлемое определение дискурсивным маркерам как особому феномену языка и очертить его границы. Нетрудно заметить, что списки, предлагаемые различными авторами, заметно различаются. Единственное, пожалуй, с чем соглашаются все исследователи, – это то, что дискурсивные маркеры не образуют группировки по какому бы то ни было грамматическому или семантическому признаку. Основанием для выделения столь разных языковых выражений в одну категорию служит функциональный критерий.

По мнению Д. Шифрин, дискурсивные маркеры служат усилению связности устного дискурса. По существу, они представляют собой инструкцию на предмет того, каким образом следует рассматривать поступающее высказывание, – как ориентированное на говорящего или слушающего, на предшествующий или будущий текст, на информацию или оценку и пр. Дискурсивные маркеры образуют своеобразные «контекстуальные координаты» при порождении и интерпретации высказывания [2]. Отечественные исследователи высказываются в схожем духе, отмечая, что дискурсивные слова «обеспечивают связность текста <...> отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего <...> выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом, и проч.» [3. С. 7].

Ряд дискурсивных маркеров образовался в процессе лексикализации тех или иных грамматических форм, в частности глагольных (ср. *значит, знаете, понимаешь, видите ли, скажем*). В толковых словарях русского языка они обычно приводятся при соответствующей вокабуле и сопровождаются пометой «в знач. вводн. слова» или «в знач. межд.».

В настоящей статье рассматриваются лексикализованные формы повелительного наклонения русских глаголов зрительного и слухового восприятия, которые, с нашей точки зрения, можно рассматривать в качестве дискурсивных маркеров. Всех их объединяет функциональная семантика привлечения внимания. Основное внимание уделяется маркерам *смотри(те)* и *слушай(те)*, однако для большей полноты картины также привлекается материал, связанный с употреблением маркеров *посмотри(те)*, *послушай(те)*, а также *видите / видишь, слышите / слышите*. Исследование осуществлено на базе НКРЯ, причем преимущественно его устного корпуса.

Маркер *смотри(те)*

Дискурсивный маркер *смотрите* в значении ‘обратите внимание’ за последние годы получил чрезвычайно широкое распространение в устной речи, однако толковые словари русского языка пока не успели зафиксировать этот факт. В соответствующих словарных статьях можно найти только омонимичные формы с семантикой либо предупреждения, угрозы («*смотрите у меня, не шалите*»), либо удивления («*смотрите, как вырядился!*»), но они нас в данной статье не интересуют. Как маркер привлечения внимания лексикализованная форма *смотрите* начинает употребляться около двух десятилетий назад (первые фиксации в НКРЯ датируются концом 1990-х гг.) и затем быстро получает закрепление в устной коммуникации. Поскольку это преимущественно институциональная коммуникация, реплика с маркером *смотрите* представляет собой обращение «на Вы» к единственному адресату. Наиболее типичными являются следующие два вида коммуникативной ситуации.

Во-первых, это общение в сфере сервиса: разговоры клиентов со специалистом (менеджером, администратором, консультантом и т.д.) турфирмы, клиники, санатория, автосалона, фитнес-клуба, салона красоты, агентства недвижимости и пр., где данный маркер практически всегда звучит из уст представителя соответствующей организации. Приведем несколько показательных примеров.

[Антонина, жен] *Смотрите / на данный момент / если мы рассматриваем с вами Андорру на четырнадцатое марта на неделю на двух взрослых / то у меня минимальная стоимость выходит от ээ шестидесяти тысяч* (Телефонный разговор с менеджером турагентства // Из коллекции НКРЯ. 2015).

[Наталья, жен] *Смотрите / расскажу вам немного о нашем комплексе. Аа мы располагаемся на двух уровнях* (Звонок в фитнес-клуб // Из коллекции НКРЯ. 2015).

[Алена, жен] *Ну вот смотрите / аа я могу вам предложить билеты сектора цэ. Аа они от ээ тысячи рублей до двух с половиной* (Заказ по телефону билетов на концерт // Из коллекции НКРЯ. 2015).

Материал НКРЯ часто ограничен рамками единичного высказывания (в устном корпусе) или предложения (в основном и других корпусах). Тем не менее контекст употребления маркера *смотрите* совершенно понятен: он используется в ответных репликах представителя сервисной организации, следующих за вопросом или просьбой клиента. Реплика с маркером *смотрите* обычно раскрывает подробности той или иной услуги, ее объем и стоимость.

Со структурной точки зрения маркер *смотрите*, как правило, является стартовым, занимающим начальную позицию в высказывании (слова типа ну, вот, так, входящие в ту же ритмическую группу, не имеют в данном случае самостоятельной ценности). Его семантико-прагматическое содержание в самом общем виде определяется метакоммуникативной функцией,

направленной на мониторинг контакта (привлечение и удержание внимания), ср. [6. С. 199; 7. С. 43]. Однако то же справедливо и в отношении других маркеров, в частности маркера *слушайте*, о котором речь ниже. При этом они не взаимозаменяемы. В чем же тогда специфика именно данного маркера?

Характерной особенностью речевой ситуации, в которой употребляется маркер *смотрите*, является неравноправие сторон в плане компетенции, осведомленности в обсуждаемых вопросах. Данный маркер всегда фигурирует в контекстах, связанных с передачей информации. Вероятно, это обусловлено наличием у глагола «смотреть» производных значений, связанных с умственной деятельностью, ср. смотреть объявления; новую пьесу; больного; смотреть другими глазами на кого-что-л.; смотреть легко на жизнь и т.д. В силу феномена вторичной активации [8. Р. 68–69] соответствующая семантика проецируется на лексикализованную форму императива *смотрите*. Употребление маркера *смотрите* в информирующем речевом акте придает ему дополнительный смысловой оттенок: призыв не только обратить внимание, но и подумать, мысленно прикинуть, взвесить сообщаемые сведения и принять решение. Это объясняет его почти исключительное «присвоение» одной и той же стороной в диалоге, в данном случае – представителями сервисных организаций.

Другая разновидность институциональной коммуникации, в которой также широко представлен рассматриваемый маркер, – это интервью, беседа журналиста с известной личностью. Здесь также наблюдается асимметрия, связанная с употреблением маркера преимущественно приглашенным гостем, ср.:

[Юрий Пивоваров, муж] *Причем / смотрите / это ведь очень интересные эпохи – конец восемнадцатого / начало девятнадцатого столетия и середина двадцатого столетия* (Юрий Пивоваров. Русская история в зеркале русской мысли. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)).

[Ю.Д. Мостославский, муж] *Ну / вот смотрите / значит / вот аа мой отец / он в свое время...* (Беседа с директором музея // Из коллекции НКРЯ. 2009).

[И1, муж] *Вот смотрите – мы ушли оттуда / пришли американцы* (Беседа с ветераном афганской войны // Из коллекции НКРЯ. 2009).

Структурные и семантико-прагматические особенности употребления маркера в подобных ситуациях в целом схожи с теми, что описаны выше. Однако следует заметить, что институциональное неравноправие здесь не столь очевидно. С одной стороны, роль компетентного и авторитетного участника принадлежит приглашенному лицу, и поэтому маркер *смотрите* фигурирует преимущественно в его репликах. С другой стороны, общий мониторинг речевой ситуации в различных ее аспектах (ср. [2. Р. 48–50; 6. С. 197–201]) в силу организационных соображений обычно осуществляется журналистом. Распределение этих ролей между участниками (в отличие от рассмотренного выше случая, где обе функции выполняются одной и той же стороной) обуславливает существование некоторого числа

примеров, где данный маркер произносится не приглашенным лицом, а журналистом, ср.:

[Лев Гулько, муж] *Смотрите / значит / наша первая часть с вами закончилась по времени / да / но мы легко можем перейти с темой во вторую часть* (Передача «RESET.ПЕРЕЗАГРУЗКА» с Петром Милосердовым (2013)).

[Алина Азарова, жен] *Смотрите / значит первый вопрос / Дмитрий Анатольевич / следующего характера* (Встреча президента РФ Д. Медведева со студентами факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (2012)).

Разделение указанных функций между приглашенным участником и журналистом фактически означает некоторый баланс между двумя факторами, один из которых – это обладание авторитетом, компетентностью, информированностью (реальной или приписываемой) в обсуждаемых вопросах, а второй – осуществление общего контроля над коммуникативной инициативой (ср. [9. С. 206–227]). Это делает соответствующую институциональную коммуникацию неоднозначной с точки зрения иерархии власти. Но все же первый фактор в подобных контекстах перевешивает – по-видимому, в силу того что маркер *смотрите*, как было отмечено выше, сигнализирует призыв не только слушать, но и вникать, следить за мыслью, стараться понять. В речевых жанрах интервью, пресс-конференции и т.п. такой призыв более уместен в устах известной личности, чем журналиста.

Функционирование рассматриваемого маркера не ограничено рамками институционального дискурса, он также встречается, хотя и реже, в бытовом повседневном общении, причем во всех трех вариантах: *смотри* (обращение «на ты» к единственному адресату), *смотрите* (обращение «на вы» к множественному адресату) и *смотрите* (вежливое обращение «на вы» к единственному адресату). При равенстве собеседников с точки зрения социального статуса и ролей употребление данного маркера означает присвоение текущим говорящим более высокого положения с точки зрения владения информацией, оценки и распоряжения ситуацией, ср.:

[Ира, жен] *Я просто не отписалась / потому что до последнего в институте не знала / када я даже уйду / поэтому я ждала вот момент / када я пойму. Аа ну / смотри / в принципе / я могу там / ну / часам к девяти / к десяти прийти. Аа вот* (Планирование встречи // Из коллекции НКРЯ. 2015).

[Ольга, жен] *Учитывая / что какая / смотрите / какая она умница.* (Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ. 2009).

/ Ну смотрите / если не хотите / Лиде вторую банку отдайте (Микродиалоги // Из материалов Ульяновского университета. 2007)

Употребление маркера *смотрите* со значением ‘думайте, решайте’ в последнем примере фактически является промежуточным случаем между собственно *смотри(те)* и оборотом *смотри(те) сам(и)*, проявлением диффузности значений [10. С. 77]. Для последнего данная семантика является характерной, ср.:

[Наташа, жен, 21] *У меня дома есть диск / но я не уверена тот ли это Лорка.* [Даша, жен, 21] *Ну смотри сам / наше дело предложить.* [Андрей, муж] *Я наверное щас посижу / а потом в гостиницу / спать* (Разговор в клубе // Из коллекции НКРЯ. 2006).

Лексикализация форм повелительного наклонения глагола «смотреть», похоже, способствует аналогичному процессу у глагола «посмотреть», хотя «чистых» примеров, где соответствующие формы выступают в качестве дискурсивного маркера, а не производного значения ‘обратить внимание’, не так много:

[Владимир Путин, муж] *Посмотрите / в некоторых странах после проведения Олимпиады там просто пусто совсем* (Ежегодная пресс-конференция В.В. Путина (2014)).

[Григорий Крейдлин, муж] *Посмотрите / всегда обращаются с просьбой / «Не мог бы ты прислать фотографию?»* (Григорий Крейдлин. Язык тела. Лекции Полит.ру (2011)).

[Ольга, жен] *Ну вот посмотри / сколько ты бываешь в неделю здесь?* (Разговоры за игрой в карты // Из коллекции НКРЯ. 2009).

Завершая рассмотрение функциональной семантики маркеров *смотри(те)* и *посмотри(те)*, уместно вспомнить высказанную И. Свитсер мысль о том, что лексика зрительного восприятия в различных языках имеет выраженную тенденцию развивать значения, относящиеся к области мышления, когниции [11. Р. 38–40] (о том, насколько правомерно такое обобщение, см. [12. С. 92–95]). Примечательно, что лексикализованные словоформы *видите / видишь*, а также *видите ли / видишь ли*, как *видите / как видишь*, сами *видите / сам видишь* (которые вполне можно квалифицировать как дискурсивные маркеры) также встречаются в контекстах, побуждающих не зрительно, а мысленно обратить внимание, представить себе, задуматься, постараться понять, ср.:

[Миронов, муж] *Нет / ну это понятно / но видите / если сильно-то беспокоят / надоедают* (Разговор с милиционером о телефонных хулиганах // Из коллекции НКРЯ. 2009).

[№ 2, жен, 22] *Но / видишь / Стас говорит / что на проект вряд ли придет девушка / которая ему понравится* (Беседа участников реалити-шоу «Дом-2», ТНТ // практиканты, 2005).

А ему, трактористу, видите ли, лень было из кабины вылезать, лень было ворота отпирать (Круши, чтобы не думать (2003) // Криминальная хроника. 2003.07.24).

[Лида, Наталья Тенякова, жен, 22, 1944] *Но / как видишь / мне это не принесло счастья* (Георгий Натансон, Александр Володин. Старшая сестра, к/ф (1966)).

Сами видите, что развитие техники и науки шло так стремительно в бурном XX веке и веке нынешнем, что даже «завтра» непредсказуемо [Аджубей Р.Н. О науке, о жизни и о себе // Наука и жизнь. 2009).

Маркер слушай(те)

Если дискурсивный маркер *смотри(те)* несет в себе семантику неравноправия, связанную с более высоким уровнем компетенции того участника, который его употребляет, то *слушай(те)*, напротив, можно обозначить как маркер равенства, поскольку не существует какой-либо выраженной асимметрии, связанной с его использованием. При отсутствии разницы в социальном статусе и / или роли, *слушай* либо *слушайте* (неважно, при обращении к единственному или множественному адресату) может быть произнесено любым участником в качестве призыва к вниманию.

Для маркера *слушай(те)*, так же как и для *смотри(те)*, характерна стартовая позиция в высказывании. В реактивных репликах он выполняет функцию привлечения внимания, ср.:

[В квартире Фандорина] [по телефону] [Фандорин, Олег Меньшиков, муж, 45, 1960] *Слушайте / поступайте как хотите / вы мешаете мне дедуктировать* (Филипп Янковский, Борис Акунин. Статский советник, к/ф (2005)).

[Первый, Сергей Маковецкий, муж, 49, 1958] *У меня была жена*. [Восьмой, Михаил Ефремов, муж, 44, 1963] *Слушайте / давайте про жен потом*. *У меня три было жены* (Никита Михалков и др. Двенадцать, к/ф (2007)).

[Виктория, жен] *Они в отеле были / да*. [Полина, жен] *Слушай / еще это / еще ниче*. [Виктория, жен] *Я говорю / посмотри / что она... ну / в отеле они такие* [Разговор друг // Из коллекции НКРЯ. 2010).

Однако данный маркер может использоваться не только в реактивной, но и в начальной реплике речевого обмена (в том смысле, как данный термин понимается в трудах бирмингемской школы анализа дискурса, см., например [13]). В таком случае он одновременно служит для привлечения внимания и сигнализирует введение новой темы, ср.:

[Алексей, муж] *Не знаю пока*. [Александра Григорьевна, жен] *Слушай/че-то ветер такой холодный подул*. [Михаил, муж] *Ну да / тучки вон пошли / ну обещали во второй половине дня дождь* (Домашний разговор // Из коллекции НКРЯ. 2008).

[Иван, муж, 18] *Так что еще осталось? Слушайте про маршрутку мы совсем забыли. Нам же еще туда как-то добираться надо / не пешком же!* (О подготовке к дню рождения // Из материалов Ульяновского университета. 2006).

Любопытный пример присутствия в одной реплике двух маркеров с разными функциями демонстрирует следующий пример, где *слушай* используется в реактивном высказывании для привлечения внимания, а *слушайте* служит сигналом смены темы, открывающим новый речевой обмен:

[На стройке] [Артур, Артур Смольянинов, муж, 23, 1983] *Слушай / по-дожди. Слушайте / а че режиссер молчит? Ни «стоп» / ни «снято» / команд никаких!* (Резо Гигинейшвили. Жара, к/ф (2006)).

В условиях институционального или прочего неравенства использование маркера *слушайте* участником с более низким статусом и / или соци-

альной ролью не только служит для привлечения внимания, но и фактически означает заявку на равенство в том, что касается права быть услышанным и понятым. Например:

[Управляющий, Алексей Марченко, муж] *Если получится / если не отвлекаться / не петь...* [Женщина в кимоно, Лия Ахеджакова, жен, 68, 1938] *Слушайте / я же показания даю. Я вон свидетель* (Кирилл Серебренников и др. Изображая жертву, к/ф (2006)).

Особенности функционирования маркеров *послушай* и *послушайте* в целом аналогичны описанным выше типовым употреблением маркеров *слушай* и *слушайте*, ср.:

[Нина, Анна Михалкова, жен, 32, 1974] *Что ты... что ты начинаешь...* [Никита, Дмитрий Шевченко, муж, 42, 1964] *Послушай / не шуми. Я ж не устраиваю тебе сцен* (Авдотья Смирнова. Связь, к/ф (2006)).

[Анатолий Чубайс, муж] *Ну / послушайте / это же был девяносто четвертый год* (Анатолий Чубайс в программе «Познер» (Первый канал) (2008)).

[Джейн Кэллахан, Джулия Ормонд, жен] *Но прошу вас / давайте не будем говорить щас об этом. Послушайте / у вас замечательная библиотека / генерал.* [Генерал Радлов, Алексей Петренко, муж, 60, 1938] *Потише.* (Никита Михалков, Рустам Ибрагимбеков. Сибирский цирюльник, к/ф (1998)).

[Ольга, жен, 30] *Послушайте / вы понимаете / что мне некогда болеть* (В кабинете у врача // Из коллекции НКРЯ. 2006).

Возвращаясь к маркеру *слушайте*, следует отметить, что он вошел в русский язык гораздо раньше маркера *смотрите*; в основном корпусе НКРЯ есть цитата начала XX в. (вполне вероятно, что это не самый ранний пример):

Музыка снова играет, и в ее плавные танцующие звуки вмешиваются отрывки странного, пугающего разговора: – Слушайте, кондуктор, отчего не идет поезд? Юрасов замедляет шаги и вслушивается (Л.Н. Андреев. Вор (1904)).

Несмотря на то, что подобное употребление существует уже более сотни лет, оно не обнаруживает столь высокую степень десемантизации, как у маркера *смотрите*. Это связано, по-видимому, с тем, что развитие значения от зрения (визуального восприятия) до мышления (восприятия информации) предполагает большее «расстояние», чем от восприятия на слух до внимания к словам собеседника, и потому особенно обращает на себя внимание.

Заметим, что маркеры *слышишь*, *слышите*, хотя и встречаются реже, чем *слушай(те)*, тоже служат для привлечения и удержания внимания, подчеркивания важности сообщения, ср.:

[Саша, муж, 22] *Да / слышишь я сегодня присел двести десять на четыре / двести пятнадцать на три / потом двести двадцать на два / вот / а на соревнованиях двести десять не присел* (Телефонные разговоры студентов // Из коллекции Ульяновского университета. 2008–2009).

[по телефону] [Программный директор, Андрей Шарков, муж, 48, 1958]
Але / але / Емельянова / сейчас же / слышите / сейчас же прекратите это!
(Оксана Бычкова, Нана Гринштейн. ПитерFM, к/ф (2006)).

Выводы

В последние годы в русскую речь в качестве нового дискурсивного маркера стремительно вошли формы повелительного наклонения глагола *смотреть* (*смотри*, *смотрите*). Можно предположить, что этому способствовали существовавшие с более ранних времен маркеры, образованные от глаголов *слушать*, *видеть*, *слышать*. Тем самым сложилась законченная система дискурсивных маркеров, производных от основных пар глаголов зрительного и слухового восприятия (доминант соответствующих лексико-семантических полей) и объединенных метакоммуникативной функцией поддержания контакта, привлечения и удержания внимания.

Между данными маркерами существуют различия, связанные как с семантико-прагматическими, так и со структурными характеристиками. Так, маркеры *смотри(те)* и *видите / видишь* акцентируют аспекты, связанные с пониманием сообщения, а *слушай(те)* и *слышите / слышите* делают упор на внимание и готовность его воспринять (тем самым подтверждая мнение И. Свитсер по поводу семантической деривации лексики чувственного восприятия). С точки зрения структуры высказывания, *смотрите* и *слушайте* являются преимущественно стартовыми маркерами, а *видите* и *слышите* не закреплены строго за определенной позицией.

Есть также важный прагматический фактор, обеспечивающий дифференцированное употребление маркеров в зависимости от характера коммуникативной ситуации и статусных отношений между участниками. Маркер *смотрите* (и *видите* тоже, хотя, как кажется, в меньшей степени) используется участником с более высоким статусом компетентности и авторитетности. Это участник, который в рамках текущего общения наделен своеобразной властью (властью знаний, информации) над собеседником. В отличие от него, маркер *слушайте* (и *слышите*) предполагает равные отношения или, по крайней мере, восприятие их в качестве таковых. Сказанное позволяет провести аналогию с социолингвистическими понятиями власти и солидарности, впервые выделенными в статье [14], а позднее занявшими центральное место в исследованиях, посвященных межгрупповым и межличностным отношениям. *Смотрите* в таком случае можно считать маркером власти, а *слушайте* – маркером солидарности.

Литература

1. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Blackwell Publishers, 1983. 274 p.
2. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.
3. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. и др. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 206 с.

4. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 447 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык : Грамматическое учение о слове. М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. 784 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
7. Богданова-Бегларян Н.В. Функционирование некоторых прагматем русской устной речи в коммуникации представителей разных социальных групп // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2. С. 38–49.
8. Langacker R.W. A view of linguistic semantics // Topic in Cognitive Linguistics / ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1988. P. 49–90.
9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд. М. : УРСС, 2003. 284 с.
10. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973. 278 с.
11. Sweetser E. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge : Cambridge University press, 1990. 174 p.
12. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М. : Издательский дом ЯСК, 2018. 392 с.
13. *Advances in Spoken Discourse Analysis* / ed. by M. Coulthard. London ; New York : Routledge, 1992. 272 p.
14. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // *Style in Language*. Cambridge : MIT Press, 1960. P. 253–276.

The Russian Verb Forms *Smotrite* and *Slushayte* as Markers of Power and Solidarity

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 109–119. DOI: 10.17223/19986645/64/8

Tatiana G. Skrebtsova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

Keywords: discourse marker, spoken discourse, institutional discourse, metacommunicative function, power, solidarity.

The study deals with the way imperative forms of Russian visual and auditory perception verbs function as discourse markers in contemporary spoken Russian. The data is drawn from the Russian National Corpus. The article focuses on the forms *smotri(te)* ('look') and *slushay(te)* ('listen') (both formal and intimate), but also extends to analogous forms of other verbs of seeing and hearing that can occur as discourse markers, such as *vidite*, *slyshite*, *poslushayte*, etc. In spoken discourse, all of them perform a metacommunicative function of attracting attention and keeping the interlocutor involved, but there are important differences concerning their position in the utterance, semantic and pragmatic features. Both *smotrite* and *slushayte* are normally placed at the beginning of a clause, which may not be the case with other markers. But while sharing the same position, their functional semantics differs quite noticeably. *Smotrite* is commonly used in institutional communication, whereas *slushayte* is more typical of everyday informal conversations. A rough-and-ready analysis reveals that *smotrite* occurs mainly in informative speech acts. It is produced by speakers who are considered more knowledgeable and competent, their role in communication being to provide information, make explanations, put forward ideas, express opinions. As it stands, such participants are assigned a higher status linked with the notion of power (power of information). The marker *slushayte*, on the contrary, signals equality and is associated with the opposite end of the well-known power–solidarity scale. Its central role is calling for attention, and in some contexts it can also mark the introduction of a new topic. These findings support Eve Sweetser's claim concerning the semantic linkups between vision and intellection, on the one hand, and hearing and receptivity, on the other. The lexicalization process by which the imperative forms in question became discourse markers did not occur at the same time. Thus, while there is evidence that *slushayte*, *slyshite*, *vidite* have been used as discourse markers for many decades, this is not

the case with *smotrite*. The latter did not emerge until quite recently, the earliest occurrences in the corpus dating back to the late 1990s. It may be claimed that it was the systemic need that underlay its coinage. With *smotrite* added to the above units, the system of the Russian verbs of seeing and hearing, as well as the system of corresponding discourse markers, has become complete and well-integrated.

References

1. Stubbs, M. (1983) *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Blackwell Publishers.
2. Schiffrin, D. (1987) *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Baranov, A.N. et al. (1993) *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to Russian Discursive Words]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
4. Kiseleva, K. & Payar, D. (eds) (1998) *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Russian Discursive Words: The Experience of Contextual-Semantic Description]. Moscow: Metatekst.
5. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language. A Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.
6. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: Gnozis.
7. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2016) Pragmatic Items Functions in Russian Everyday Speech of Different Social Groups. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2. pp. 38–49. (In Russian).
8. Langacker, R.W. (1988) A view of linguistic semantics. In: Rudzka-Ostyn, B. (ed.) *Topic in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. pp. 49–90.
9. Issers, O.S. (2003) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 3rd ed. Moscow: URSS.
10. Shmelev, D.N. (1973) *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of Semantic Analysis of Lexis]. Moscow: Nauka.
11. Sweetser, E. (1990) *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Skrebtsova, T.G. (2018) *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive Linguistics: Classical Theories, New Approaches]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
13. Coulthard, M. (ed.) (1992) *Advances in Spoken Discourse Analysis*. London; New York: Routledge.
14. Brown, R. & Gilman, A. (1960) The pronouns of power and solidarity. In: Sebeok, T. (ed.) *Style in Language*. Cambridge: MIT Press. pp. 253–276.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/64/9

И.Ф. Гнюсова

МЕЖДУ СМИРЕНИЕМ И СТРАСТЬЮ: «МЕЛЬНИЦА НА ФЛОССЕ» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ И «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ)

Исследуются пометы Л.Н. Толстого в романе Дж. Элиот «Мельница на Флоссе». Материалом служит издание из яснополянской библиотеки. Доказывается, что внимание Толстого к проблеме смирения юной героини находит отражение в романе «Война и мир». Сопоставляются ключевые образы произведений Толстого и Элиот и связанные с ними «узловые» ситуации, выявляется сходство приемов психологического анализа. Установлено, что важным основанием для сравнения стала книга Фомы Кемпийского.

Ключевые слова: Дж. Элиот, Л.Н. Толстой, «Война и мир», яснополянская библиотека, Фома Кемпийский, смирение.

«Мельница на Флоссе» (1860) – одно из самых известных произведений Джордж Элиот, вершина первого периода ее творчества. История публикации романа в России также свидетельствует о его популярности: до революции «Мельница на Флоссе» выдержала 15 изданий, среди которых были и адаптации для детей, – рекордное число по сравнению с другими произведениями Элиот¹. К числу внимательных читателей романа принадлежал и Лев Толстой: в яснополянской библиотеке хранится издание «The Mill on the Floss» на английском языке с пометами писателя. Цель настоящей работы – проанализировать отчеркнутые Толстым фрагменты и выяснить, какое место занимает знакомство с романом Элиот в истории создания «Войны и мира».

Как и большинство книг английских писателей в библиотеке Толстого, «Мельница на Флоссе» была выпущена в Лейпциге издательством Бернгарда Таухница в серии «Собрание британских и американских авторов» [1]. Стоит отметить, что к моменту выхода второго своего романа Элиот уже была признанным автором: сразу после публикации в Англии «Мельницу на Флоссе» переиздали в нескольких странах, включая Россию. Первый перевод романа был напечатан в приложении к журналу «Отечествен-

¹ Показательно и то, что, несмотря на крайне малый интерес к творчеству Джордж Элиот в советские годы, современный перевод «Мельницы на Флоссе» был создан еще в 1963 г. (самый известный роман писательницы, «Мидлмарч», был заново переведен на двадцать лет позже).

ные записки» за 1860 г., к этому же году относится издание, купленное Толстым.

Писатель впервые упоминает о знакомстве с творчеством Джордж Элиот в письмах и дневнике за 1859 г.: в июне он читает «Сцены из клерикальной жизни», в октябре – роман «Адам Бид». К какому времени относится знакомство с «Мельницей на Флоссе», установить невозможно: в 1860–1861 гг. Толстой путешествует по Европе и перестает делать регулярные записи в дневнике. Нет упоминаний о романе и в его письмах. Однако не менее ценной является работа писателя с текстом оригинального произведения¹. Все шесть помет находятся во втором томе издания и представляют собой вертикальные карандашные подчеркивания отдельных фрагментов текста. Фактически они объединены общей темой: это спор о необходимости самоотречения и непреложного следования своему долгу. Такую позицию отстаивает главная героиня – Мэгги Талливер, один из самых ярких образов в творчестве Джордж Элиот.

Известно, что «Мельница на Флоссе» – роман во многом автобиографический. Как пишет Летиция Купер, события и героев для него Элиот «напрямую берет из своего собственного детства и юности» [2. Р. 16]. Поэтому образ страстной, живой, жаждущей любви Мэгги Талливер, по сути, отражает характер самой писательницы.

Значительную часть романа занимает описание детства Мэгги и ее брата Тома. С самого начала повествования Элиот показывает несоответствие юной героини своему окружению: отец говорит о том, что она «слишком смышленная для женщины» [3. С. 14], а мать называет ее упрямой и «дикаркой». Первая же реплика героини в тексте романа сопровождается знаковой ремаркой: «со страстным протестом в голосе воскликнула Мэгги» [Там же. С. 15]. Почти все свое детство она находится в состоянии бунта против ограниченности и косности своих родных и их попыток удержать ее в границах должной благовоспитанности. Но уже в этот ранний период в Мэгги проявляется и глубоко чувствительная совесть и «способность к самобичеванию» [Там же. С. 57]. Негодуя на жестокость и ограниченность горячо любимого старшего брата, она на протяжении всего романа будет признавать его право на превосходство.

Однако внимание Толстого было приковано не к этой части романа – его пометы относятся к тем главам, которые повествуют о жизни Мэгги после постигшего семью удара: отец разоряется, а мельница переходит в руки ненавидимого им юриста Уэйкема. Бедная и беспросветная жизнь, отсутствие душевного тепла и вообще какого-либо общества заставляют Мэгги искать утешения в религии. Самоотречение и смирение становятся ее спасением, но все меняет новая встреча с Филипом Уэйкемом, который много лет назад увидел в Мэгги родственную душу. Именно две его ре-

¹ Поскольку работа по библиографическому описанию книг из яснополянской библиотеки была начата еще личным секретарем Толстого В.Ф. Булгаковым, принадлежность маргиналий в них определена с высокой степенью достоверности.

плики, произнесенные в попытке разубедить героиню, Толстой отмечает на полях книги¹.

– О, Мэгги, – с жаром произнес Филип, – вы заключаете себя в стены узкого фанатизма и только обманываете сами себя, потому что этим путем избежать страданий можно, лишь притупив все лучшие способности, дарованные вам природой. Радость и мир – не в смирении: смирение – это добровольное приятие боли, которая не утихает и – вы это знаете – никогда не утихнет. Не смирение, а атрофия чувств и мыслей – вот к чему может привести ваше желание ничего не знать, закрыть все пути, которые позволили бы вам познакомиться с окружающей жизнью. Я не хочу смирения: боюсь, жизнь слишком коротка, чтобы выучить этот урок. И вы, Мэгги, вы тоже не достигли смирения, вы просто пытаетесь усыпить свой ум и сердце [З. С. 397–398]².

<...>

– Нет, Мэгги, никому не дано сил делать то, что противно природе. Искать спасения в бестве от всех и вся – не что иное, как трусость. Так не закалить свой характер [Там же. С. 399]³.

Вторую реплику Филипа Толстой выделяет не полностью, хотя дальше герой предсказывает, к чему может привести (и в самом деле приводит позднее) насильственное подавление Мэгги своего характера: «В один прекрасный день вам придется окунуться в жизнь, и тогда каждый зов вашей натуры, на который вы сейчас отказываетесь откликнуться хоть чем-нибудь, станет терзать вас, как лютый голод» [Там же. С. 399–400]. После года тайных встреч с Филипом, который дает героине книги и пытается расширить ее кругозор, Мэгги вновь вынуждена отречься от открывшихся ей радостей: брат заставляет ее прекратить общение с сыном их врага и обидчика, отец умирает, а Мэгги отправляется преподавать в школу для девочек. Вернувшись в город, героиня оказывается в центре светской жизни и против собственной воли увлекается блестящим молодым человеком Стивеном Гестом, ухаживающим за ее кузиной Люси. Пытаясь бороться с охватившим ее чувством, Мэгги решает уехать обратно в школу, и в этот

¹ Текст романа, помеченный Толстым, в тексте статьи приводится в переводе Г. Островской и Л. Поляковой, выполненном в 1963 г. и использованном издательством «Азбука» для публикации романа в 2014 г.

² “Yes, Maggie,” said Philip, vehemently; “and you are shutting yourself up in a narrow, self-delusive fanaticism, which is only a way of escaping pain by starving into dulness all the highest powers of your nature. Joy and peace are not resignation; resignation is the willing endurance of a pain that is not allayed, that you don’t expect to be allayed. Stupefaction is not resignation; and it is stupefaction to remain in ignorance, – to shut up all the avenues by which the life of your fellow-men might become known to you. I am not resigned; I am not sure that life is long enough to learn that lesson. You are not resigned; you are only trying to stupefy yourself” [I. Vol. 2. P. 80].

³ “No, you will not, Maggie; no one has strength given to do what is unnatural. It is mere cowardice to seek safety in negations. No character becomes strong...” [Ibid. P. 82].

момент вновь встречает Филипа. Третий отрывок, отмеченный Толстым, прямо корреспондирует с предыдущими репликами героя:

– *Вы опять возвращаетесь к прежней мысли, Мэгги, – правда, облекая ее в новую форму – к той мысли, против которой я всегда восставал, – сказал Филип с оттенком горечи. – Вы боитесь страдания и ищете покоя в самоотречении, а это значит – искалечить и изуродовать себя. Что было бы со мной, попытайся я избежать страданий? Мне оставалось бы только призвать на помощь презрение и цинизм, если бы, конечно, я не впал в своего рода манию величия, вообразив, что коль скоро я нелюбим людьми, я любимец небес* [3. С. 503]¹.

В четвертой реплике, отчеркнутой Толстым в той же главе, содержится признание Мэгги того, что Филип был прав в своих прежних предостережениях:

– *<...> Если бы вы всегда были со мной, чтобы бранить и поучать меня! Как много сбылось из того, что вы мне предсказывали!*

Мэгги, пока говорила, облокотилась на стол и, опустив голову на руки, смотрела на Филипа с виноватой нежностью, как бы признавая его превосходство; он ответил ей взглядом, выражение которого постепенно обрело для нее свой смысл: ей показалось, что в нем сквозит понимание... Неужели же Филипу удалось проникнуть в то, что сейчас вспомнилось ей? В то, что было связано с возлюбленным Люси? Эта мысль заставила Мэгги содрогнуться, ибо внесла ясность в ее положение и поновому осветила все происшедшее накануне вечером [Там же. С. 504]².

В этом отрывке акцентирован и еще один важный момент: именно Филип становится нравственным ориентиром для Мэгги, ее второй совестью. На протяжении периода мучительной борьбы с «великим искушением» (так озаглавлена шестая часть романа) она постоянно находит новые силы,

¹ “Now you are returning to your old thought in a new form, Maggie, – the thought I used to combat,” said Philip, with a slight tinge of bitterness. “You want to find out a mode of renunciation that will be an escape from pain. I tell you again, there is no such escape possible except by perverting or mutilating one’s nature. What would become of me, if I tried to escape from pain? Scorn and cynicism would be my only opium; unless I could fall into some kind of concealed madness, and fancy myself a favorite of Heaven because I am not a favorite with men” [1. T. 2. C. 198].

² “<...> I had need have you always to find fault with me and teach me; so many things have come true that you used to tell me”.

Maggie was resting her elbow on the table, leaning her head on her hand and looking at Philip with half-penitent dependent affection, as she said this; while he was returning her gaze with an expression that, to her consciousness, gradually became less vague, – became charged with a specific recollection. Had his mind flown back to something that she now remembered, – something about a lover of Lucy’s? It was a thought that made her shudder; it gave new definiteness to her present position, and to the tendency of what had happened the evening before [1. T. 2. C. 199].

думая о Филипе. И именно долг перед ним и кузиной Люси – двумя любящими ее людьми – не позволяет героине стать женой Стивена Геста даже в отчаянных обстоятельствах, когда тот увозит ее на лодке из родного города. Пятый отрывок, очерченный Толстым, является частью финального спора Мэгги со Стивеном, когда героиня вынуждена защищать свои нравственные идеалы вопреки голосу сердца:

– Это неверно, Стивен, – я убеждена, что это неверно. Я без конца думала об этом и поняла, что если бы мы так судили, любое предательство и жестокость имели бы право на существование: мы оправдали бы нарушение самых священных уз. Раз прошлое не связывает нас, в чем же тогда наш долг? Если бы вы были правы, на земле не знали бы иного закона, кроме мгновенных прихотей страсти [3. С. 582]¹.

Мэгги возвращается назад и принимает на себя весь позор за это кратковременное бегство. Брат отрекается от нее, в городе никто не желает общаться с ней, ей не дают никакой работы. Обобщая мучительное положение героини, Элиот размышляет о том, что «никто из людей, способных осознать всю сложность борьбы между страстью и долгом, не в силах точно указать тот миг, когда человек теряет последнюю возможность отринуть свою греховную страсть и предается ей целиком и безвозвратно, ибо нет закона, который можно было бы применить ко всем случаям» [Там же. С. 607]. Этот пассаж завершается словами, которые и представляют шестую, и последнюю, помету Толстого в тексте романа:

Во всем, касающемся сферы нравственной жизни, мы неизбежно придем к заключениям поверхностным и ложным, если не будем постоянно держать в центре внимания те особые обстоятельства, которые отличают жизнь данного человека [Там же]².

Год, когда Толстой, вероятно, познакомился с «Мельницей на Флоссе», 1860-й, был знаковым для писателя: именно к этому периоду относится появление замысла будущего романа-эпопеи «Война и мир». В марте 1861 г. в письме к А.И. Герцену Толстой сообщает, что «затял месяца 4 тому назад роман, героем которого должен быть возвращающийся декабрист» (60, 374)³. Хотя концепция произведения значительно изменилась впоследствии и активная работа над «Войной и миром» началась только в

¹ “It is not so, Stephen; I’m quite sure that is wrong. I have tried to think it again and again; but I see, if we judged in that way, there would be a warrant for all treachery and cruelty; we should justify breaking the most sacred ties that can ever be formed on earth. If the past is not to bind us, where can duty lie? We should have no law but the inclination of the moment” (287).

² <...> the truth, that moral judgments must remain false and hollow, unless they are checked and enlightened by a perpetual reference to the special circumstances that mark the individual lot [1. Т. 2. С. 316].

³ Здесь и далее ссылки на Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого [4] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

1863 г., знакомство Толстого с «Мельницей на Флоссе» и интерес писателя к проблематике романа Элиот дает основание для сопоставления его с «Войной и миром».

Мотив борьбы между смирением и страстью, самоотречением и жаждой земного счастья, долгом и зовом сердца, который Толстой последовательно акцентирует во время чтения «Мельницы на Флоссе», реализуется в «Войне и мире» в трех ключевых образах: Пьера Безухова, княжны Марьи и Наташи Ростовой. То, что составляет суть характера Мэгги Талливер, – горячая, страстная натура, глубокая преданность родным и своим собственным нравственным законам, а также постоянная саморефлексия – оказывается рассредоточено в этих толстовских образах. Первый из них – это, конечно, Наташа Ростова – непосредственная, искренняя, живая, неспособная удержаться в каких-то границах. Второй – княжна Марья как воплощение самоотречения и смирения, под которым, однако, скрывается жажда земного счастья. И третий – Пьер Безухов, искренний, немного наивный герой с добрым сердцем, который после череды ошибок и заблуждений мучительно ищет путь самосовершенствования.

Сопоставить образы Мэгги и Пьера представляется особенно любопытным, поскольку их истории содержат общий сюжетный элемент: прозрение и обращение к новой духовной доктрине в мучительный период кризиса. После дуэли с Долоховым герой Толстого разочарован в своей прежней жизни, остро ощущает ее бессмысленность и пустоту. Сидя на станции по дороге из Москвы в Петербург, он перебирает в уме одни и те же вопросы: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть?» (10, 65). Его главное чувство в этот момент – отвращение: «...все в нем самом и вокруг него представлялось ему запутанным, бессмысленным и отвратительным» (10, 66).

В похожем состоянии находится и Мэгги после разорения отца, когда для нее наступил период «унылого, беспросветного однообразия» [З. С. 333], «не сулящего ничего впереди» [Там же. С. 332]. В один из таких дней героиня находилась «в еще более угнетенном состоянии, чем обычно» [З. С. 339], ее «сильнее томили одиночество и жажда радости» [Там же. С. 345], острее мучил «духовный голод» [Там же. С. 333]: «она хотела найти ключ, который помог бы ей понять, а поняв, легче перенести то тяжкое бремя, что легло на ее юную душу. Если бы ей были преподаны “истинные знания и мудрость, ведомые великим мужам”, она бы сумела, наверно, познать тайны бытия!» [Там же. С. 346].

Очевидно, что оба героя уже внутренне готовы к постижению некоей истины, которая пролила бы свет на смысл их существования. В этом состоянии острого духовного голода любое серьезное внушение может явиться для них откровением. Для Пьера таким откровением становится встреча с одним из руководителей масонского ордена, для Мэгги – визит давнего друга их семьи Боба Джейкина с «пачкой книжек, перевязанных бечевкой» [Там же. С. 340]. И вслед за этим в руках героев оказывается одна и та же книга, которая подкрепляет новые убеждения Пьера и полностью перево-

рачивает сознание Мэгги Талливер. Эта книга – «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (Томаса Хемеркена), немецкого католического монаха и писателя, созданная примерно в 1427 г.

Необходимо отметить, что в одинаковой сюжетной ситуации Элиот и Толстой все-таки по-разному расставляют акценты в отношении того, что стало главной причиной «обращения» героев. Для Пьера решающую роль играет разговор с Осипом Баздеевым, который хорошо понимает, что происходит в душе у Пьера, и прямо указывает на путь его «исцеления»: «Вы не знаете Его, оттого вы и несчастны» (10, 69), «помощь дается токмо от Бога» (10, 72). И уже вслед за этим потрясенный Пьер, приехав в Петербург, «стал целые дни проводить за чтением Фомы Кемпийского, книги, которая неизвестно кем была доставлена ему» (10, 73).

Новая жизнь Мэгги, напротив, начинается именно с чтения «О подражании Христу» – «старой, необычайно толстой книжки» с пометами неизвестного читателя: «...на многих страницах уголки были загнуты, и чья-то рука, давно обретшая вечный покой, жирно подчеркнула отдельные фразы чернилами, уже выцветшими от времени» [З. С. 349]. В лице этого прежнего владельца издания Мэгги также обретает учителя: читать она начинает именно эти «места, отмеченные спокойной рукой» [Там же]. Элиот изображает здесь своеобразный диалог неизвестного наставника и его юной ученицы, поскольку отрывки из книги Фомы Кемпийского, выделенные им, приводятся в тексте романа, перемежаясь с описанием психологической реакции героини. В двух объемных цитатах Элиот передает разрозненные, но точные фрагменты из религиозного труда, которые в совокупности образуют своего рода реферат, краткое изложение ключевых идей автора «О подражании Христу».

Этот безмолвный диалог героини и ее «наставника» весьма близок беседе Пьера с Осипом Баздеевым. В обоих «поучениях», которые получают герои, можно обнаружить одинаковые акценты. Так, с самого начала и «учитель» Мэгги, и «благодетель» Пьера угадывают недовольство молодых людей своей жизнью и указывают, что причина его – себялюбие и забвение истинных ценностей.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
Знай, что, возлюбя самого себя, сам себя наипаче всего уязвляешь... Ежели алчешь ты того либо иного, ежели туда либо сюда влечешься, дабы желание свое исполнить и вкусить уладу, ты не обрящешь покоя, не избавишься от тревоги: всегда чего-то будет тебе недоставать, всюду что-то будет тебе помехой... <...> От сего греха, от того, что человек чрезмерно самого себя любит, едва ли не все проистекает, что тебе надобно преодолеть... [З. С. 349–350].	– Погляди духовными глазами на своего внутреннего человека и спроси у самого себя, доволен ли ты собой. Чего ты достиг, руководясь одним умом? Что ты такое? Вы молоды, вы богаты, вы умны, образованы, государь мой. Что вы сделали из всех этих благ, данных вам? Довольны ли вы собой и своей жизнью? – Нет, я ненавижу свою жизнь, – сморщась проговорил Пьер (10, 71).

В процитированной реплике Баздеева присутствует и еще одна весьма важная идея Фомы Кемпийского, многократно повторяющаяся в его книге «О подражании Христу»: умом, знанием и ученостью невозможно достичь мира в душе. «Он не постигается умом»; «высшая мудрость основана не на одном разуме» (10, 70), – последовательно указывает Пьеру его наставник. Та же мысль из книги «О подражании Христу» процитирована и в романе Элиот: «И ежели он [человек] достигнет всего знания, он еще далек от цели» [3. С. 351]. Показательно, что схожее рассуждение Фомы Кемпийского Толстой поместит позже в сборник мудрых мыслей «На каждый день» (1906–1910): «Лучше овладеть с смирением малой долей здравого смысла, чем с самодовольством величайшими сокровищами наук. Нет ничего дурного в учености, и всякое знание чего бы то ни было приятно само по себе, но добрая совесть и добродетельная жизнь всегда должны быть поставлены впереди знаний» (43, 98).

Одинаково акцентируется в текстах обоих «поучений» и необходимость вспомнить о страданиях других людей. Правда, Толстой, в отличие от Фомы Кемпийского, персонифицирует этих «других», упоминая в речи Баздеева о тяжелом труде крепостных крестьян Пьера. Тем не менее в обоих случаях героев побуждают забыть о собственных муках и обратить свой взор вовне.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
«Страдания твои ничто рядом со страданиями тех, кому выпало страдать так много, кто так сильно искушаем был, кому причиняли столь нестерпимые мучения, кого подвергали всяческим испытаниям. Посему должно тебе вспомнить о более тяжких мытарствах других, дабы легче тебе было вынести не столь тяжкие страдания, выпавшие на твою долю» [3. С. 350].	– <...> Вы получили богатство. Как вы употребили его? Что вы сделали для ближнего своего? Подумали ли вы о десятках тысяч ваших рабов, помогли ли вы им физически и нравственно? Нет. Вы пользовались их трудами, чтоб вести распутную жизнь. Вот что вы сделали. Избрали ли вы место служения, где бы вы приносили пользу своему ближнему? Нет (10, 71)

И наконец, главный пафос обоих наставлений – необходимость отречься от своих желаний, обратиться к Богу и смиренно трудиться над познанием его истин.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
«И внизу и вверх, по какому пути ты ни пойдешь, всюду ожидают тебя испытания и всюду терпение иметь должно, ежели ты ищешь мира души и вечного венца... Ежели жаждешь ты высоты достигнуть, должно тебе преисполниться мужества и с корнем исторгнуть из сердца своего и истребить всю таящуюся там чрезмерную любовь к самому себе и ко всем земным благам. ...И когда зло это превозможешь и подчинишь себе, наступит от того мир великий и спокойствие...» [3. С. 349–350].	– Вы не знаете Его, государь мой, и оттого вы очень несчастны. <...> Только внутренним очищением самого себя я могу до известной чистоты довести воспринимаемую влагу. <...> ...Необходимо очистить и обновить своего внутреннего человека... нужно верить и совершенствоваться. <...> Ты ненавидишь, так измени ее, очисти себя, и по мере очищения ты будешь познавать мудрость (10, 69–71)

Интересно, что речь Осипа Баздеева даже стилистически схожа с текстом книги «О подражании Христу». Труд Фомы Кемпийского, композиционно напоминающий Библию (главы с названиями, относительно короткие пронумерованные параграфы), в то же время изобилует вопросами и восклицаниями, обращенными прямо к читателю: «Что ты здесь вокруг озираешься? не здесь тебе место упокоения. В небесных должно быть жилище твое, и точно страннику в пути надо тебе смотреть на все, что видишь. Все проходит, и ты со всем вместе проходишь. Берегись, не останавливайся: прилепишься и погибнешь! Ко Всевышнему да будет помышление твое, и молитва твоя да восходит ко Христу непрестанно» [5. С. 62]. Очевидно, что эта эмоциональность и своеобразная интимность в обращении к своему потенциальному ученику вкупе со строгой торжественностью проповеди отражены Толстым и в репликах «одного из известнейших масонов» (10, 72). Особенно отчетливо это проявляется в эпизоде, когда Баздеев неожиданно переходит на «ты» в разговоре с Пьером и отстраненно-вежливое общение с графом Безуховым сменяет страстная риторика религиозного обращения: «Кого ты отрицал? – вдруг сказал он с восторженной строгостью и властью в голосе. – Кто Его выдумал, ежели Его нет? Почему явилось в тебе предположение, что есть такое непонятное существо? Почему ты и весь мир предположили существование такого непостижимого существа, существа всемогущего, вечного и бесконечного во всех своих свойствах?..» (10, 69).

Следует отметить, что книга Фомы Кемпийского действительно была одной из «настольных» для масонов. Об этом свидетельствует, например, «систематический список особенно рекомендуемых орденоскими надзирателями книг» [6], о котором пишет в своей диссертации о масонстве Г.В. Вернадский, известный русский историк начала XX в. Автор труда «О подражании Христу» назван здесь первым в списке «Для мастеров». Книга Фомы Кемпийского была также первой частью «Избранной библиотеки», которую в 1784 г. представитель масонов отвез цесаревичу и будущему императору Павлу I в надежде, что он согласится возглавить орден. Можно предположить, что сочинение Фомы Кемпийского особо ценилось среди российских «вольных каменщиков» именно за ту силу эмоционального воздействия, которой удалось достичь средневековому автору. На это главное качество книги «О подражании Христу» указывает и В.А. Захаров: «...она написана простым языком, говорящим и обращенным непосредственно к чувству читателя»¹ [5. С. 24].

Искренность «учителя», его убежденность в своей правоте подкупает и героев Элиот и Толстого. Оба писателя делают акцент на том, что Мэгги и Пьер воспринимают открывшиеся им истины не столько разумом, сколько

¹ В предисловии к современному изданию книги Фомы Кемпийского В.А. Захаров приводит еще один любопытный исторический факт: в 1810-е гг. перевод труда «О подражании Христу» выполнил не кто иной, как М.М. Сперанский, который активно «пользовался ею в практической жизни». В частности, «...с помощью мыслей, выраженных Фомой Кемпийским, он приводил к православию людей... потерявших всякую надежду» [5. С. 19].

чувством. Именно поэтому оказывается схожим психологическое состояние героев в тот момент, когда они осознают, что нашли ответ на вопрос о том, как следует жить.

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
Странный трепет охватил Мэгги, трепет благоговения и страха, словно ее разбудили ночью звуки торжественной музыки, говоря ей о существах, чьи души бодрствуют, в то время, как ее душа погружена в оцепенение. Она читала все дальше и дальше, переходя от одной выцветшей пометки к другой, словно ведомая спокойной рукой, почти не сознавая, что она делает, – ей чудилось, что она слушает чей-то тихий голос... [3. С. 350].	Пьер, с замиранием сердца, блестящими глазами глядя в лицо масона, слушал его, не перебивал, не спрашивал его, а всей душой верил тому, что говорил ему этот чужой человек. Верил ли он тем разумным доводам, которые были в речи масона, или верил, как верят дети интонациям, убежденности и сердечности, которые были в речи масона, дрожанию голоса, которое иногда почти прерывало масона, или этим блестящим, старческим глазам, состарившимся на том же убеждении, или тому спокойствию, твердости и знанию своего назначения, которые светились из всего существа масона и которые особенно сильно поражали его в сравнении с своей опущенностью и безнадежностью; – но он всей душой желал верить, и верил, и испытывал радостное чувство успокоения, обновления и возвращения к жизни (10, 70).

Сходство психологических приемов Толстого и Элиот в этих фрагментах выражается в воспроизведении двух одинаковых физических реакций героев. Во-первых, они оба замирают: «странный трепет», охвативший Мэгги, «замирание сердца» и блеск глаз Пьера – показатели переворота, совершающегося внутри героев. Во-вторых, оба обращены в слух и покорно подчиняются воле своих учителей, воспринимая их слова почти интуитивно, – поэтому Пьер «верил, как верят дети, интонациям, убежденности и сердечности» своего наставника.

Особенно интересна метафора «слушания» в отношении Мэгги, которая в реальности *читает*, т.е. воспринимает новые истины зрительно, – тем не менее «ей чудилось, что она слушает чей-то тихий голос» [3. С. 350]. Более того, слова автора книги уподобляются в ее сознании «звукам торжественной музыки» [Там же] – это почти Божий глас, снизошедший свыше, или церковная литургия, которая свершается для нее одной.

Немаловажно, что в обоих фрагментах вполне определенно очерчен и духовный облик того, что становится учителем героев, – в случае с Мэгги в этом образе сливаются и автор книги, Фома Кемпийский, и ее прежний владелец. Психологической доминантой обоих становятся спокойствие и уверенность в своей правоте. Это качество также определяет силу воздействия на молодых героев: «спокойствие, твердость и знание своего назначения»¹ Баздеева «особенно сильно поражали» Пьера в сравнении с его «опущенностью и безнадежностью» (10, 70).

¹ Здесь и далее в цитатах, помимо отдельно оговоренного, курсив наш.

В «Мельнице на Флоссе» ту же спокойную твердость незримого учителя Мэгги создает целый комплекс мотивов: и «вечный *покой*» [3. С. 349], уже давно обретенный автором помет; и «жирно» подчеркнутые чернилами фразы, что также свидетельствует об уверенности в их важности; и, наконец, прямое указание на то, что Мэгги читала «места, отмеченные *спокойной* рукой» [Там же]. В приведенном выше отрывке этот эпитет повторяется: «словно ведомая *спокойной* рукой» [Там же. С. 350].

Однако если вернуться к содержанию книги Фомы Кемпийского, то можно констатировать то, что герои Толстого и Элиот извлекают из нее разные истины. Пьер, читая «О подражании Христу», «понимал неизведанное еще им наслаждение верить в возможность достижения совершенства и в возможность братской и деятельной любви между людьми, открытую ему Осипом Алексеевичем» (10, 73). Мэгги же «впервые... увидела, что можно иначе посмотреть на исполнение своих желаний, отрешиться от самой себя и взглянуть на свою жизнь как на ничтожную частицу целого» [3. С. 351]. Риторика Фомы Кемпийского устремляет Пьера в общество, к деятельной помощи людям; Мэгги же она приводит лишь к ревностному смирению, не спасая от одиночества: никто из близких не понимает смысла ее крайнего самоуничтожения, а реальная попытка помочь семье путем поиска работы приводит к выговору от брата.

Однако в «Войне и мире» есть еще один герой, который читает Фому Кемпийского и воспринимает его учение так же, как Мэгги. Это княжна Марья. Если для героини Элиот религиозное самоотречение и «ревностное и неусыпное» чтение Библии и книги «О подражании Христу» лишь один из этапов развития, то для Марьи Болконской это неотъемлемая и органичная часть внутренней жизни, основа ее мировосприятия. Симптоматично, что эта черта была зафиксирована Толстым в первой же черновой характеристике героини: «старая дева, спасающаяся *самоотвержением*» (13, 13).

Из окончательного варианта «Войны и мира» факт чтения княжной Фомы Кемпийского был исключен, однако он присутствует в черновике первого тома, а именно в письме Марьи Болконской к Жюли Карагиной. Это письмо, по сути, является первой развернутой характеристикой героини. Комментируя подарок Жюли, книгу «Ключ таинства», княжна выражает свое сомнение в необходимости мистических толкований Библии и добавляет: «Будем читать лучше Апостолов и Евангелие» (9, 114). В черновом варианте Марья Болконская рекомендует Жюли и «другие превосходные книги, чтение которых нам полезно», прибавляя: «Книги эти – ясны, в них пишется только о том, что нам должно знать...» (13, 251). В качестве примера героя называет «превосходное сочинение преподобного отца Иннокентия Каменщика¹», в которое вошли извлечения из ряда религиоз-

¹ Перевод имени дан по Полному собранию сочинений Л.Н. Толстого. Вероятнее, правильное было бы называть автора упоминаемой книги Иннокентий ле Массон (1627–1703, французский священник-картезианец и писатель).

ных трудов, в том числе – «О подражании Христу». Княжна Марья советует подруге «поискать» его «в книжных лавках Петербурга», в случае успеха «купить тотчас же» и «оставить... у себя» (13, 251).

Появление книги Фомы Кемпийского в круге чтения княжны Марьи было обусловлено, конечно, не одним лишь знакомством Толстого с «Мельницей на Флоссе». Издание «О подражании Христу» (1775 г., на французском языке) хранилось в личной библиотеке матери писателя Марии Николаевны Волконской, которая, как известно, и была прообразом героини «Войны и мира». Как отмечает в своей статье Е.П. Гриценко, отец Марии Николаевны стремился дать ей разностороннее образование, и в числе прочего – «привить М.Н. Волконской интерес к чтению религиозно-нравственной и духовной литературы, дававшей ответы на вопросы о смысле жизни и назначении человека» [7. С. 57]. Труд Фомы Кемпийского содержался в каталоге яснополянских книг, составленном матерью Толстого в 1811–1813 гг., и входил, по словам Е.П. Гриценко, в число «философских произведений, изучаемых М.Н. Волконской в то время и повлиявших на ее духовное развитие» [Там же. С. 58].

Толстой и сам не раз обращался к книге «О подражании Христу» на протяжении своего творческого пути: он помещает цитаты из произведения Фомы Кемпийского в сборники «Мысли мудрых людей на каждый день» и «Круг чтения»; кроме того, он упоминает имя средневекового мыслителя в статье «Царство Божие внутри нас», а название его книги – в черновом варианте романа «Воскресение». В письме от 1904 г. писатель указывает, что послал «подражанье Христу» Марии Михайловне Толстой, жене своего брата Сергея. В другом, более раннем, письме от 1889 г. Толстой просит прислать ему дешевых книг, выпущенных издательством «Посредник», попутно высказывая свое отношение к сочинению Фомы Кемпийского: «Кроме того подражанье Христу, Мучеников и еще кое-чего из крупных, хоть не хороших, но безвредных» (64, 331).

Уже эти факты демонстрируют, сколь противоречиво было отношение Толстого к труду средневекового мыслителя. Характерно, что до момента духовного кризиса писатель вообще не упоминает имя Фомы Кемпийского – лишь его появление в тексте «Войны и мира» свидетельствует о раннем знакомстве с книгой «О подражании Христу». Однако и здесь она связывается Толстым, прежде всего, с учением масонов, которое писатель в романе подвергает откровенной критике¹. Симптоматично и то, что труд Фомы Кемпийского исключается писателем из круга чтения княжны Марьи. Вероятное объяснение этому можно увидеть в статье «Царство Божие внутри нас», где Толстой с сожалением замечает: «Все эти добрые люди, –

¹ В процессе подготовки «Войны и мира» писатель еще более откровенно высказывается о российском масонстве. Об этом свидетельствует известный пассаж Толстого в письме к жене от 15 ноября 1866 г.: «После кофею пошел в Румянцевской музей и сидел там до 3-х, читал масонские рукописи, – очень интересные. И не могу тебе описать, почему чтение нагнало на меня тоску, от которой не мог избавиться весь день. Грустно то, что все эти масоны были дураки» (83, 129).

как оба Франциска, d'Assise и de Lobes, наш Тихон Задонский, Фома Кемпийский и др. были добрые люди, несмотря на то, что они служили делу, враждебному христианству, и они были бы еще добрее и достойнее, если бы не подпали тому заблуждению, которому служили» (28, 56). Почти дословно эта фраза повторяется писателем в сборнике «На каждый день», над которым он работал в 1900-е гг. Тем самым Толстой фактически подтверждает, что его отношение к Фоме Кемпийскому осталось неизменным, хотя и размещает три его высказывания в книгах афоризмов¹.

Вероятно, эта диалектическая позиция Толстого связана с его противоречивым отношением к самой идее религиозного смирения. Если в поздний период критика Фомы Кемпийского могла быть связана с той важностью, которая придается в его книге церковным таинствам, отвергаемым Толстым, то в 1850–60-е гг. писателю, видимо, казалась неприемлемой сама мысль о необходимости добровольного отречения от полноценной жизни, радости познания, любви и созидательного труда. Подтверждение тому можно увидеть, например, в черновых вариантах повести «Детство», где герой замечает: «В смирении я всегда нахожу подавленное стремление гордости» (1, 153); или в одной из педагогических статей конца 1850-х, где Толстой саркастически пишет: «...нравственные вопросы и сомнения мучат Федьку, а вы хотите дать ему три рубля, катехизис и историйку о том, как работа и смирение, которых вы сами терпеть не можете, одни полезны для человека» (8, 48). Это объясняет и то, почему писатель выделяет в «Мельнице на Флоссе» именно реплики Филипа, страстно опровергающего слова Мэгги, навеянные чтением Фомы Кемпийского: «Я раньше думала, что не смогу примириться с жизнью, если каждый завтрашний день будет походить на вчерашний... Но, Филип, милый, я думаю, мы всего лишь дети под присмотром того, кто мудрее нас. Не правильнее ли всецело смириться с тем, что нам не все дано? Я нахожу в этом покой последние два-три года... я даже радость нашла в отказе от своей воли» [3. С. 397]. «Радость и мир – не в смирении», – отвечает на это Филип, и с ним, очевидно, соглашается Толстой.

В этом смысле тот факт, что писатель исключает упоминание о книге Фомы Кемпийского из «белового» варианта письма княжны Марьи, может

¹ «Чем глубже спускается человек в самого себя и чем ничтожнее он представляется себе, тем выше поднимается он к богу» (40, 143); «Лучше овладеть с смирением малой долей здравого смысла, чем с самодовольством величайшими сокровищами наук. Нет ничего дурного в учености, и всякое знание чего бы то ни было приятно само по себе, но добрая совесть и добродетельная жизнь всегда должны быть поставлены впереди знаний» (43, 98); «Благо для человека переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечет его в священное уединение его сердца, где он находит себя как бы изгнанником из своей родной земли и обязанным не доверяться никаким мирским радостям. Благо для него также встречать противоречия и упреки, когда о нем дурно думают, говорят, хотя бы намерения его были чистыми и поступки правильными, ибо такой образ действий держит его в смирении и является противоядием пустой славы. Благо же это, главным образом, потому, что мы можем беседовать с свидетелем внутри нас, который есть бог, беседовать тогда, когда нас в миру презирают, не уважают и лишают любви» (45, 432).

быть и своеобразным отголоском помет писателя в «Мельнице на Флоссе». Как и Элиот, Толстой полагал, что отказ юной девушки от полноценной жизни «противен природе» [Там же. С. 399]. Поэтому, создавая образ Марьи Болконской, писатель использует тот же психологический прием, что и автор «Мельницы»: мысли, убеждения и поведение героини развенчиваются комментарием повествователя, обнажающим ее истинные желания, скрытые даже от самой себя.

Именно так описывается процесс преображения Мэгги под влиянием книги Фомы Кемпийского. Вначале Элиот фокусирует внимание на внешнем облике героини, устремленной к новой цели: «Мэгги глубоко вздохнула и откинула со лба тяжелые пряди, точно желая лучше разглядеть представшие ее взору видения» [Там же. С. 351]. Вслед за этим несобственно-прямая речь передает ее мысли в момент потрясения: «Так вот где сокрыт истинный путь, который позволит ей отказаться от всех других поисков – горние выси, коих можно достичь без помощи внешнего мира, вот его провидение, мощь и победа, завоевать которую можно силами, таящимися в ее душе: там высокий учитель ждет, дабы она приклонила к нему свой слух» [Там же].

Но уже через несколько предложений Элиот дает свою оценку обращению героини. Она акцентирует то, что Мэгги парадоксально отдается самоотречению со всей страстью своей души: «Сидя в сгущающихся сумерках, она со всей стремительностью пылкой мысли, которая рвется за пределы настоящего, строила планы самоуничтожения и беззаветной преданности богу, и в экстазе открытия отказ от себя казался ей путем к той внутренней удовлетворенности, которой она так давно и так тщетно ищет» [Там же. С. 351–352]. Финалом этого анализа героини становится однозначный авторский вывод: «Мэгги по-прежнему страстно мечтала о счастье и теперь объята была ликованием, ибо нашла ключ к нему» [Там же. С. 352].

Толстой точно так же показывает, что за внешним стремлением княжны Марьи к религиозному смирению кроется страстное желание земного счастья. Особенно очевидно это в эпизоде молитвы героини перед встречей с Анатолом Курагиным. Перемежая здесь прямую и несобственно-прямую речь княжны с авторским комментарием, Толстой создает психологически точную картину ее внутренних терзаний, противоречий, связанных с вынужденным подавлением своих душевных порывов. Уже в начале эпизода автор-повествователь прямо проговаривает, что «в помышлениях о браке княжне Марье мечталось и семейное счастье, и дети, но главное, сильнейшею и затаенною ее мечтой была любовь земная. Чувство было тем сильнее, чем более она старалась скрывать его от других и даже от самой себя» (9, 270). Однако героиня видит в этом лишь дьявольский соблазн, «злые помыслы» и просит у Бога помощи в том, чтобы «подавить в сердце своем эти мысли» (9, 270).

Ответ, который княжна Марья слышит «в собственном сердце», полностью совпадает с пафосом книги «О подражании Христу» Фомы Кемпийского, как ее цитирует Джордж Элиот в своем романе:

«Война и мир»	«Мельница на Флоссе»
«Не желай ничего для себя; не ищи, не волнуйся, не завидуй. Будущее людей и твоя судьба должна быть неизвестна тебе; но живи так, чтобы быть готовой ко всему. Если Богу угодно будет испытать тебя в обязанностях брака, будь готова исполнить его волю» (9, 270).	«Отрешиться от всего сущего, отрешиться от самого себя, истребить любовь к себе... Не раз я говорил тебе и днесь вновь я скажу сие – забудь себя, послушен будь воле всевышнего, и на душу твою снизойдет покой... Тогда все суетные мечтания, все греховные волнения и тщетные заботы улетят прочь, тогда безмерный страх покинет тебя и чрезмерная любовь умрет» [3. С. 351].

В финале эпизода Толстой точно так же, как Элиот, указывает на тщетность попыток смириться, которые предпринимает княжна Марья. Она выходит из образной с «успокоительной мыслью (но все-таки с надеждой на исполнение своей запрещенной земной мечты)» (9, 270). В этой фразе писатель совмещает два «пласта» сознания героини: «верхний», отражающий ее спокойную уверенность в божественной предопределенности, и «глубинный», где по-прежнему бушует страстное желание любви. Это скрытое желание настолько сильно, что потенциально может возобладать даже над нравственными убеждениями княжны Марьи. Об этом свидетельствует ее внутреннее признание в эпизоде открывшейся интрижки между Анатоном и мадемуазель Бурьен: «Может быть, и я сделала бы то же!» (9, 284). С.Г. Бочаров в своей книге о «Войне и мире» справедливо указывает, что этот порыв в душе Марьи Болконской – «предвестие... того хаоса, который едва не повергнет в свою пучину позднее Наташу Ростову в ее истории с тем же Анатоном Курагиным» [8. С. 63].

Несмотря на то, что образ Наташи Ростовой не содержит никаких прямых отсылок к героине Элиот, именно он при типологическом сопоставлении оказывается наиболее близок образу Мэгги Талливер – и это могло быть еще одной причиной интереса Толстого к «Мельнице на Флоссе». Наташа также проходит через сильнейший жизненный кризис и получает свой урок смирения. Однако сближение двух женских образов, наиболее близких обоим авторам, начинается задолго до этого.

Как и в случае с княжной Марьей, сходство героинь проявляется уже в черновых набросках Толстого. Кратко описывая Наташу в ряду других характеров будущего романа, писатель делает акцент на эпитете «безумный»: «щедро безумно», музыку «понимает и до безумия чувствует», «вдруг грустна, вдруг безумно радостна» (13, 18). И точно так же в первой характеристике Мэгги Талливер, которую дает ей мать, героиня настойчиво сравнивается с «помешанной», «блажной»: «...Право, в некоторых вещах она самая настоящая дурочка; пошлешь ее за чем-нибудь наверх, а она забудет, за чем пошла, усядется на пол на солнышке и давай заплетать косы и петь про себя – как есть помешанная. <...> Не хочу роптать на провидение, а что ни говори, обидно – одна у меня дочь, и та блажная» [3. С. 14].

Обе героини впервые появляются в сюжете в детском возрасте: Наташе тринадцать, Мэгги девять. Схожи их внешние характеристики: «черноглазая» – первый эпитет, определяющий обеих; второй чертой становится не-

подобающая прическа. Элиот акцентирует внимание на «темных прядях, свисавших... на глаза» Мэгги [Там же. С. 15]; Наташа во время своего первого появления перед гостями предстает «с своими сбившимися назад черными кудрями» (9, 47). Однако гораздо важнее внешности общность характера героинь: Наташа – «некрасивая, но живая» (9, 47), а Мэгги – «страстная» героиня.

Важным для определения сущности двух образов является первое их появление в тексте: Наташа выбегает в гостиную с куклой и хохочет «так громко и звонко, что все... против воли рассмеялись» (9, 47). Мэгги входит в дом и сразу же выражает «страстный протест» против «глупого занятия» – шитья лоскутного одеяла, вызывая «громкий смех» отца [3. С. 15]. В седьмой главе и она появляется перед гостями в неподобающем виде, когда обстригает себе волосы с целью одержать победу «над матерью и тетками» [Там же. С. 79]. Но уже эти первые эпизоды из детства героинь показывают и разницу между ними: Наташа – всеобщая любимица, на ее живость и смелость родные смотрят с восхищением, и вплоть до своего взросления она постоянно находится в состоянии счастья и упоения жизнью. Доминантой образа Мэгги, напротив, являются страдание и неудовлетворенная жажда любви. Мать и брат Мэгги скорее равнодушны к ней и при этом нетерпимы к страстным порывам героини и ее неумеренности во всем. Мистер Талливер, хотя и любит свою «маленькую», не понимает всей сложности характера дочери и слишком погружен в свои заботы.

Острая жажда любви появится в характере Наташи Ростовой позже – в период ожидания свадьбы с Андреем Болконским: «Ей жалко было самое себя, жалко было, что она так даром, ни для кого, пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой» (10, 273). Эта вынужденная разлука, во многом, схожа с ситуацией из романа Элиот, когда Мэгги, испытавшая долгожданную радость взаимной любви, тут же вынуждена расстаться с Филипом и провести два долгих года в «захолустной школе» [3. С. 466] для девочек. Страстное желание жить и любить становится причиной последующего увлечения обеих героинь, приводящего Наташу и Мэгги на край падения, обрекающего на публичный позор. И именно эта кульминационная ситуация мучительной борьбы между страстью и долгом наиболее сближает образы героинь¹.

Стивен Гест, разумеется, совершенно иной образ по сравнению с Анатолом Курагиным, однако их привлекательность в глазах главных героинь вызывает одинаковое недоумение читателя. В «Мельнице на Флоссе» эта ситуация была отмечена многими исследователями и критиками. В их числе Б.М. Проскурнин и К. Хьюитт, которые в монографии, посвященной

¹ Не случайно Б.М. Эйхенбаум называл первую половину «Войны и мира» «английской» частью, основанной на традициях английского семейного романа, и отмечал, что «конец этого (второго. – И.Г.) тома доводит «английскую» часть романа до апогея [9. С. 498].

роману, замечают: «...Стивен привлекательный, беспечный молодой человек, ничем выдающимся ни интеллектуально, ни эмоционально не отмеченный... вряд ли хорош для гораздо более глубокой Мэгги» [10. С. 83].

Роковое очарование Наташи Анатолом и Мэгги Стивеном объясняется обоими авторами не только долгим периодом смирения их порывистой, живой натуры, но и неопытностью, незнанием света. Наташа встречается Анатоля в опере, где все происходящее на сцене кажется ей «после деревни... дико и удивительно» (10, 326). Элиот точно так же подчеркивает, что очарование Стивена и его откровенно «дилетантское» пение «не произвело бы сколько-нибудь заметного действия на рассудительную и благовоспитанную молодую леди» [3. С. 466], которая привыкла находиться в свете.

За первой встречей Наташи и Мэгги с героями, потрясшими их воображение, следуют почти аналогичные по содержанию эпизоды, передающие внутреннюю борьбу героинь между чувством и долгом – как перед своими прежними возлюбленными, так и перед родными. Здесь вновь прослеживается близость психологических приемов Толстого и Элиот. Погружение героинь в саморефлексию предваряется описанием физических примет их взволнованного и даже смятенного состояния. Мэгги, вернувшись в свою спальню, «не в силах была сразу раздеться и лечь в постель» [Там же]: «она принялась ходить по просторной комнате твердыми, решительными и быстрыми шагами, которые свидетельствовали о владевшем ею сильном возбуждении» [Там же]. Еще более порывисто реагирует на произошедшее Наташа: приехав домой, она словно опомнилась, «ужаснулась, и при всех за чаем... громко ахнула и покрасневшись выбежала из комнаты» (10, 333). Румянец стыда и нервно сжимаемые руки – второй признак, выдающий внутренние терзания обеих героинь. Элиот указывает, что «в блеске... глаз» Мэгги, «в лихорадочном румянце и в том, как, закинув назад голову, она *судорожно сжимала руки*, можно было прочесть, насколько она поглощена своими чувствами и мыслями» [3. С. 466]. Наташа «долго... сидела, *закрыв покрасневшееся лицо руками*, стараясь дать себе ясный отчет в том, что было с нею» (10, 333).

Второй этап погружения в мысли и чувства героинь – вопросы, которые они задают сами себе. В «Мельнице на Флоссе» Элиот в свойственном ей аналитическом стиле дает этот вопрос как несобственно-прямую речь, акцентируя его важность выделением в отдельный абзац:

«Что же произошло?»¹ [Там же].

Толстой использует прямую речь героини, усиливая драматизм ситуации намеренным нагнетанием целого ряда уточняющих вопросов, на которые Наташа не может найти ответ: «Что это такое? Что такое этот страх, который я испытывала к нему? Что такое эти угрызения совести, которые я испытываю теперь?» (10, 333).

¹ В оригинале этот вопрос усилен еще одним эпитетом: remarkable – выдающийся, замечательный. Буквальный перевод фразы «Had anything remarkable happened?» – «Произошло ли что-нибудь выдающееся?».

Психологически точным является изображение Толстым и Элиот одинаковой реакции героинь на эти вопросы: обе они стараются успокоить себя, уверить в том, что *ничего* не произошло. Это ложное «ничего» явно подчеркивается авторами:

«Мельница на Флоссе»	«Война и мир»
Что же произошло? Ничего, что вы могли бы признать хоть в какой-то мере заслуживающим внимания [З. С. 466].	«Погибла ли я для любви князя Андрея или нет? – спрашивала она себя и с успокоительной усмешкой отвечала себе: Что я за дура, что я спрашиваю это? Что ж со мной было? Ничего» (10, 334).

Вслед за этим обе героини пытаются вернуться к своему прежнему спокойствию. Характерно, что Мэгги пытается воскресить в своей душе прежнюю страсть к самоотречению, навеянную чтением Фомы Кемпийского: «несколько раз» она «мысленно возвращалась к тем временам, когда для нее радостью было бы любое самопожертвование, когда, как ей казалось, в ней угасли все ее стремления и порывы» [З. С. 467]. Обращает на себя внимание авторская ремарка «как ей казалось», указывающая на заблуждение Мэгги. Но сейчас героиня осознает тщетность надежды на спасение: «...это душевное состояние было утрачено безвозвратно, и Мэгги содрогнулась при воспоминании о нем. Ни молитвы, ни внутренняя борьба не вернут ей прежнего, пусть и мертвящего, покоя» [Там же].

Подобный процесс происходит и в сознании Наташи Ростовой. Она сопоставляет свое нынешнее и прошлое душевное состояние, «себя» прежнюю и «себя» после встречи с Анатолем, спрашивая, может ли князь Андрей любить ее «*такою*»¹ (10, 334). И чувствительная, как и у Мэгги, совесть (или «инстинкт», как называет это Толстой) также не позволяет ей обмануть себя: «Наташа успокоивалась на мгновение, но потом опять какой-то инстинкт говорил ей, что хотя все это и правда и хотя ничего не было – инстинкт говорил ей, что вся прежняя чистота любви ее к князю Андрею погибла» (10, 334).

Отметим, что в предшествующей сцене, когда Мэгги еще находится в обществе Стивена, она также пытается бороться с увлечением, вспоминая Филипа и аналогичную Наташиной чистоту своих чувств: «...она вдруг почувствовала себя очень одинокой вдали от Филипа – только он один и любил ее той нежной, преданной любовью, которой ей так не доставало» [Там же].

Рефлексия героинь завершается одинаковым результатом: и Мэгги, и Наташа не могут совладать со своим чувством, они оказываются захвачены страстью, столь органичной для живого и пылкого характера обеих. Еще один общий элемент двух психологических описаний – это воспоминание о восхищенном взгляде героя. В обоих случаях этот взгляд становится ключевым элементом и предшествующих сцен, хотя в «Мельнице на Флоссе» эпизод встречи героев описывается преимущественно глазами Стивена:

¹ Курсив автора.

сначала он «взглядывал... украдкой» на Мэгги [Там же. С. 455–456], а «под конец... уже не смотрел на Люси» [Там же. С. 461]. Но следующая глава показывает, что Мэгги заметила это неотступное внимание и именно оно, наравне с пением Стивена и «необузданно-страстной и прихотливой музыкой Перселла» [Там же. С. 467], оказало столь чарующее воздействие на нее. Восхищенное лицо Стивена все время стоит у нее перед глазами: «она чувствовала, как из-под прямых, четко очерченных бровей на нее неотступно, хотя и украдкой, смотрят глаза, взгляд которых, казалось, перенял у голоса его способность рождать в душе отзвук» [Там же. С. 466].

Состояние «опьянения», в котором оказывается Наташа во время посещения оперы, также вызвано преследующим ее взглядом Анатоля. Этот взгляд – лейтмотив всей первой сцены обольщения: «он, почти улыбаясь, смотрел ей прямо в глаза восхищенным, ласковым взглядом» (10, 329), «не спускал улыбающихся глаз с лица, с шеи, с оголенных рук Наташи» (10, 331), «своими выпуклыми глазами спокойно и упорно смотрел на нее» (10, 332), «блестя своими глазами и нежно улыбаясь, смотрел на нее» (10, 333). И, несмотря на осознание своей «гибели» («Боже мой! Я погибла!») и чувство вины перед Андреем Болконским, Наташа не может избавиться от мыслей об Анатоле: «...и она опять в своем воображении повторяла весь свой разговор с Курагиным и представляла себе лицо, жесты и нежную улыбку этого красивого и смелого человека, в то время как он пожал ее руку» (10, 334).

Проанализированные сцены имеют, однако, и явное отличие. Мэгги еще не чувствует, что совершила что-то дурное: она очарована Стивеном, но не видит необратимости охватившего ее чувства. Ее терзания начнутся позже, когда она убедится, что непозволительная страсть укоренилась в ее душе и, главное, взаимна. Наташа, напротив, переживает в этом эпизоде всю сложность внутренней борьбы со своим увлечением. Позднее сомнений у нее уже не будет: она однозначно решит, что любит Анатоля, что «он добр, благороден, прекрасен, и нельзя было не полюбить его» (10, 343). Стремительность увлечения Наташи, как и очевидное желание Толстого оправдать свою героиню, напоминает о последней помете писателя в «Мельнице на Флоссе», где говорится как раз о необходимости снисхождения и понимания «особых обстоятельств, которые отличают жизнь данного человека».

Ситуация «преступления» героинь также имеет определенное сходство. В обоих случаях это побег: в «Войне и мире» – не осуществленный, а только запланированный; в «Мельнице на Флоссе» – не запланированный, но также не доведенный до конца. Однако для понимания сути сближения двух сюжетов более важным представляется рассмотреть то, как переживают обе героини кризис, последовавший за переломным эпизодом. Наташа оказывается спасена, по сути, тем же средством, что и Мэгги ранее: ее возрождает к жизни чувство религиозного смирения. Но процесс этот описывается Толстым с иными акцентами, чем в романе Элиот. Писатель подчеркивает его естественность и необходимость: это уже не «роль», которую когда-то от безысходно-

сти избрала для себя юная Мэгги, вкладывая «своеволие, гордость и порывистость даже в самоотречение» [3. С. 354].

Работа Толстого над эпизодом приобщения Наташи к церкви еще раз демонстрирует его отношение к самой идее смирения. Во-первых, писатель показывает искренность героини, ее острую жажду быть верной тому идеалу, который она наконец обрела: «Поспешно умываясь и с смирением одеваясь в самое дурное свое платье и старенькую мантилью, содрогаясь от свежести, Наташа выходила на пустынные улицы...» (11, 71). Во-вторых, описывая участие героини в церковной службе, Толстой указывает на источник ее чувства, на преклонение не перед доктриной, искусственно созданным учением, но перед самим Богом, перед великой тайной Бытия: «...новое для Наташи чувство смирения перед великим, непостижимым, охватывало ее, когда она в этот непривычный час утра, глядя на черный лик Божией Матери, освещенный и свечами, горевшими перед ним, и светом утра, падавшим из окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась следить, понимая их» (11, 71).

Особенно очевидными эти акценты становятся при сравнении с черновыми вариантами третьего тома. Там Наташа гораздо больше напоминает юную Мэгги, увлеченную идеями Фомы Кемпийского. Ее смирение («смирennemудрие») несколько нарочито, оно идет не от сердца, а от разума: «Она испуганно – не проспала ли? – вскакивала, озябшая, умывалась, одевалась, и повязавшись платочком – «дух смирennemудрия», – вспоминала каждый раз Наташа, узлом завязывая вокруг себя ковровый платок» (14, 47).

Кроме того, из итогового варианта Толстой полностью исключает практически целый абзац, где делается акцент на аскетизме героини, ее отказе от всего земного: «Наташа со времени своего говения, хотя и с некоторыми отступлениями, продолжала исполнять те христианские обязанности, в неисполнении которых она так раскаивалась: она ела постное, ходила к обедне и старалась исполнять все 10 заповедей и, само собой, не раз отступала от них. Но одна только заповедь и заповедь, которая не была написана в числе 10, была всегда исполняема ею, и она ни разу не изменила ей. Это была заповедь смирения и отрешения от земных радостей» (14, 51).

Корректировка этого эпизода закономерна: идея «отрешения от земных радостей» не была органична мировоззрению Толстого и, конечно, характеру его любимой героини. Писателю важно было подчеркнуть, что искреннее смирение само становится для Наташи радостью: она жаждет «счастья приобщиться» (11, 72), во время службы «радостное и томительное чувство волновало ее» (11, 74). Симптоматично, что в приведенной цитате из черновика изначально фигурировало даже не «смирение»: Толстой исправляет на него слово «печаль». В такой редакции фраза об отрешении становится отсылкой к размышлениям Элиот о том, как Мэгги, внимая словам Фомы Кемпийского, «не видела того, что самоотречение неотделимо от печали – пусть мы несем эту печаль с охотой» [3. С. 352], а также словам Филипа, выделенным Толстым: «Смирение – это добровольное приятие боли, которая не утихает» [Там же. С. 397].

Интересно, что в черновом варианте главы о возрождении Наташи содержится и еще один зачеркнутый фрагмент, в котором Толстой открыто разводит понятия смирения и самоотречения: «Религия, охватывая каждого человека, редко человеку открывается всеми своими сторонами. Для одного – надежда будущей жизни, для другого – самоотвержение, для 3-го – мистическое объяснение всего, для 4-го – смирение» (14, 52). Эта фраза в итоге была заменена на другую: «Одно время жизнь ее была наполнена религией, которая открылась ей стороной смирения...» (14, 52). В этом схематичном описании способа спасения героини уже акцентируется *временность* данного периода в ее жизни. Смирение Наташи, как и масонство Пьера, наполеоновские мечты князя Андрея, война 1812 г. – только этапы в судьбе отдельных людей и большой истории, которые неизбежно сменяются новым жизненным циклом.

Дальнейший путь Наташи – наглядное подтверждение этой концепции Толстого: героиня не изменяет себе, не отдается религии целиком, не начинает видеть в ней единственный способ существования, как это представляется, например, княжне Марье. Смирение лишь позволяет ей вырваться из тупика и дает острое чувство сопричастности народному бедствию. Хотя, безусловно, героиня и вырастает духовно: об этом свидетельствуют и ее примирение с князем Андреем, и сердечная дружба с Марьей Болконской¹.

Совсем по-другому складывается судьба Мэгги Талливер после возвращения в родной город. Обреченная нести бремя людского презрения, героиня, тщетно «призывая на помощь терпение, боролась с собой» [3. С. 626]. Финальным витком этих мучений становится искушение обрести «вместо терпеливой и тяжелой борьбы восхитительную беззаботность» [Там же. С. 628], которое она испытывает, получив письмо от Стивена. В этот момент Мэгги почти готова откликнуться на его призыв, но ее сдерживает внезапное воспоминание о «словах, подчеркнутых спокойной рукой в маленькой старой книжке, которые она выучила наизусть когда-то <...>: “Я несу крест, я получил его из рук твоих, и я буду нести его до самой смерти, ибо ты возложил его на меня”» [Там же. С. 629].

Учение Фомы Кемпийского, которое вновь поддерживает героиню в финале романа, своеобразно «замыкает» ее духовный путь: Мэгги приходит к тому же, что и в детстве, и в ранней юности, – необходимости смирить страстные порывы, составляющие суть ее натуры. Но органичен ли этот дух самоотречения для героини? Да, отказываясь от счастья, Мэгги следует своим нравственным принципам – но не они одни вступают в про-

¹ Интересный анализ работы Толстого над эпизодом сближения Наташи и княжны Марьи предпринят в книге Э.Е. Зайденшнур. Исследователь указывает, что в черновых вариантах романа писатель уделил гораздо больше внимания «религиозной настроенности» [11. С. 259] Марьи Болконской, которая ежедневно читала Евангелие и пыталась подтолкнуть к этому Наташу. Этот эпизод был закономерно исключен Толстым из окончательного текста: писатель вновь выбирает более естественный вариант интуитивного зарождения дружбы и взаимопонимания двух героинь.

тиворечие с ее чувствами и желаниями. Есть еще «трясина» бездуховной, мелочной и глубоко враждебной героине среды провинциального городка – фактор, о котором Элиот будет подробно размышлять в романе «Мидлмарч». И поэтому гибель Мэгги во время наводнения – финал, вызвавший столько негодования первых критиков романа¹, – предопределена не только «логикой развития характера героини» [10. С. 69], о чем справедливо говорят Б.М. Проскурнин и К. Хьюитт. Это еще и поглощение героини органичной ей природной стихией, в которой нет ни нравственных, ни социальных запретов. Разлившаяся река Флосс в финале становится воплощением той же страсти, что бушует в душе Мэгги, и одновременно – естественности, счастья, которое героиня обретает в момент прощального предсмертного объятия с братом². Такое завершение борений Мэгги – отголосок еще одной реплики Филипа, выделенной Толстым: «Никому не дано сил делать то, что противно природе».

Несмотря на разный исход, наводнение можно также сопоставить и с той стихией, которая меняет жизнь героини Толстого, – а именно войной 1812 г. Как Наташа, забыв свое несчастье, «с свойственной ей во всем страстностью» начинает руководить сборами в доме Ростовых, так и Мэгги со спокойствием и бесстрашием спасает семью Боба Джейкина, а затем плывет на мельницу к Тому. Как и Наташу, стихия уводит Мэгги «от той жизни, которой она страшилась» [3. С. 631], дает силы и мир в душе. Однако, в отличие от Толстого, Элиот так и не дает Мэгги реального «избавления» (так называется последняя часть романа) – им становится для героини только смерть.

Разумеется, восприятие Толстым романа Элиот не ограничивалось теми фрагментами, которые писатель выделил в тексте. Однако автору «Войны и мира» была, безусловно, чрезвычайно близка проблема выбора между страстью и требованиями морали, чувством и долгом, которая акцентирована в судьбе Мэгги Талливер. Толстой не мог не обратить внимания на то, что «Мельница на Флоссе», как никакой другой роман Джордж Элиот, сконцентрирована на изображении героини в кризисных ситуациях. Мэгги постоянно вынуждена выбирать, искать свой собственный путь, бунтовать и снова смиряться. Не менее важными для Толстого могли быть и используемые Элиот приемы психологического анализа, склонность писательницы глубоко и тщательно прорабатывать описание внутреннего состояния героини.

¹ В их числе были и авторы рецензий в российских журналах. М.Л. Михайлов, например, на страницах журнала «Современник» делал вывод о том, что «мисс Эванс (Мэри Энн Эванс – настоящее имя Джордж Элиот. – И.Г.) придала своему роману такой примирительный характер только из боязни оскорбить несколько одеревенелые понятия общества, посреди которого она живет» [12].

² Эта символика реки Флосс акцентирована Элиот уже в первой фразе романа: «По широкой равнине, раскинув зеленые берега, спешит к морю Флосс, и прилив, как нетерпеливый влюбленный, стремясь реке навстречу, сливается с нею в пылком объятии» [3. С. 7].

Проведенное исследование свидетельствует о сближении ключевых образов «Мельницы на Флоссе» и «Войны и мира» Толстого, а также связанных с ними «узловых» ситуаций, раскрывающих суть характеров. Как и Элиот, Толстой сначала показывает попытку героев спастись, найти нравственную опору в идее самоотречения и жизни для других, связывая ее с чтением книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Однако первое же столкновение с действительностью разрушает это мнимое смирение. Кульминацией сюжета, как и в «Мельнице на Флоссе», Толстой делает «великое искушение» чувственной страстью, с которой не в силах совладать героиня. При этом характерно, что, осуждая героев за увлечение идеями самоуничтожения, противными их пылкой натуре, оба автора с сочувствием относятся к другому их заблуждению, вызванному жгучей нереализованной потребностью во взаимной любви.

Сопоставительный анализ ключевых авторских идей и способов их художественного воплощения в романах «Мельница на Флоссе» и «Война и мир» существенно дополняет историю создания крупнейшего произведения Толстого, а также вносит весомый вклад в понимание сути своеобразного творческого диалога русского писателя с Джордж Элиот.

Литература

1. *Eliot G.* The Mill on the Floss. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1860. 2 vol. (Collection of British authors; Vol. 509–510).
2. *Cooper L.* George Eliot. Harlow, 1970. 40 p.
3. *Элиот Дж.* Мельница на Флоссе. СПб, 2014. 640 с.
4. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. М. ; Л., 1928–1958.
5. *Фома Кемпийский.* О подражании Христу. М., 2004. 230 с.
6. *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. М., 2014. 267 с. URL: <https://e-libra.ru/read/388297-russkoe-masonstvo-v-carstvovanie-ekateriny-ii.html> (дата обращения: 22.10.2019).
7. *Гриценко Е.П.* Традиции образования в семье Л.Н. Толстого // История. Исторические источники. 2017. № 1. С. 55–64.
8. *Бочаров С.Г.* Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1978. 103 с.
9. *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. 952 с.
10. *Проскурнин Б.М., Хьюитт К.* Роман «Мельница на Флоссе»: Контекст. Эстетика. Поэтика. Пермь, 2004. 92 с.
11. *Зайденинур Е.Э.* «Война и мир» Л.Н. Толстого: Создание великой книги. М., 1966. 403 с.
12. *Михайлов М.Л.* Новый роман Джоржа Элиота // Современник. 1860. № 9. URL: http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_1860_novy_roman_elliota_oldorfo.shtml (дата обращения: 17.10.2019).

Between Humility and Passion: George Eliot's *The Mill on the Floss* and Leo Tolstoy's *War and Peace* (Based on Materials from the Yasnaya Polyana Library)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 120–144. DOI: 10.17223/19986645/64/9

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: George Eliot, Leo Tolstoy, *War and Peace*, Yasnaya Polyana library, Thomas à Kempis, humility.

The aim of the article is the analysis of Leo Tolstoy's marginalia in George Eliot's *The Mill on the Floss*. The novel's edition in English of 1860, stored in the Yasnaya Polyana library, became the basis of the analysis. The highlighted fragments are united by a common subject: this is a debate about the need for renunciation and immutable adherence to one's duty. The author of the article attempts to prove that the writer's close attention to the subject of humility of the young heroine is reflected in the novel *War and Peace*. The essence of the character of Maggie Tulliver—a hot-tempered, passionate nature, constant self-reflection—is dispersed in three Tolstoy's characters: Pierre, Princess Maria and Natasha. An essential basis for the question is Thomas à Kempis's work *The Imitation of Christ*. Both Maggie and Pierre read this book in the period of crisis; the teaching of Thomas à Kempis marks their insight and turning to a new spiritual doctrine. The methods of the psychological description of the characters at the moment of their “dialogue” with mentors are similar. The study of the draft versions of *War and Peace* revealed that originally Princess Mary was also the reader of *The Imitation of Christ*. Tolstoy deletes the mention of this fact, probably because of his complicated attitude towards the idea of religious humility and Thomas à Kempis himself: his critical statements evidence it. The idea of the need of voluntary renunciation of a full life, the joy of cognition and love seemed unacceptable to the writer. Therefore, Tolstoy used the same psychological technique as Eliot, creating the image of Maria Bolkonskaya: the character's convictions are debunked by the narrator's commentary. The character of Natasha Rostova is the closest to the main character of Eliot's novel. Natasha also goes through a severe crisis of life and gets her lesson of humility. The author of the article analyzes in detail scenes of Maggie's and Natasha's reflection after the first meeting with the heroes who caught their imagination. It is also important how both characters get over this crisis. Natasha is saved by the same means that Maggie had previously: a sense of religious humility revives her. Tolstoy's work on the episode of Natasha's rapture to church demonstrates his attitude to the idea of humility: the writer emphasizes its naturalness; the sincerity of the heroine; her adoration not of doctrine, but of God. And, most importantly, Tolstoy shows the temporariness of this period: humility does not become the meaning of Natasha's life. In Eliot's novel, on the contrary, the doctrine of Thomas à Kempis supports the character in the finale of the novel and as if “encloses” her path. However, Maggie's death shows that the path of renunciation is not organic for her. The flooded Floss River becomes the embodiment of the same passion that rages in the character's soul. In the final part of the research, it is concluded that the comparative analysis of the key author's ideas and methods of their creative embodiment in the novels *The Mill on the Floss* and *War and Peace* substantially complements the history of the creation of Tolstoy's largest work.

References

1. Eliot, G. (1860) *The Mill on the Floss*. 2 vol. Leipzig: Bernhard Tauchnitz. (Collection of British authors; Vol. 509–510).
2. Cooper, L. (1970) *George Eliot*. Harlow: Longman Group Ltd.
3. Eliot, G. (2014) *Mel'nitsa na Flosse* [The Mill on the Floss]. Translated from English by G. Ostrovskaya, L. Polyakova. St. Petersburg: Azbuka.
4. Tolstoy, L.N. (1928–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete Works: In 90 Vols]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Thomas à Kempis. (2004) *O podrazhanii Khristu* [The Imitation of Christ]. Translated from Latin by K.P. Pobedonostsev Moscow: Russkaya panorama.
6. Vernadskiy, G.V. (2014) *Russkoe masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II* [Russian Freemasonry During the Reign of Catherine II]. [Online] Available from: <https://e-libra.ru/read/388297-russkoe-masonstvo-v-carstvovanie-ekateriny-ii.html>. (Accessed: 22.10.2019).
7. Gritsenko, E.P. (2017) Educational Traditions in the Tolstoys Family. *Istoriya. Istoriki. Istochniki*. 1. pp. 55–64. (In Russian).

8. Bocharov, S.G. (1978) *Roman L. Tolstogo "Voyna i mir"* [Leo Tolstoy's Novel "War and Peace"]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Eykhenbaum, B.M. (2009) *Lev Tolstoy. Issledovaniya. Stat'i* [Leo Tolstoy. Research. Articles]. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State University.
10. Proskurnin, B.M. & Kh'yuit, K. (2004) *Roman "Mel'nitsa na Flosse": Kontekst. Estetika. Poetika* ["The Mill on the Floss": Context. Aesthetics. Poetics]. Perm: Perm State University.
11. Zaydenshnur, E.E. (1966) *"Voyna i mir" L.N. Tolstogo. Sozdanie velikoy knigi* ["War and Peace" by Leo Tolstoy. Creating a Great Book]. Moscow: Kniga.
12. Mikhaylov, M.L. (1860) *Novyy roman Dzhorzh Eliota* [George Eliot's New Novel]. *Sovremennik*. 9. [Online] Available from: http://az.lib.ru/m/mihajlow_m_l/text_1860_novy_roman_elliota_oldorfo.shtml. (Accessed: 17.10.2019).

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/64/10

Г.Ю. Карпенко

О «МУЖСКОЙ» ПОЭТИКЕ А.С. ПУШКИНА, ИЛИ О СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ОДНОГО УПОДОБЛЕНИЯ: ОЛЬГА ЛАРИНА = ФИЛЛИДА

Раскрываются смыслопорождающие возможности одного «переименования» в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», – уподобления Ольги Лариной Филлиде. Показывается, как «филлидный комплекс» позволяет автору в прикровенной форме выразить самое стыдливое и естественное в человеке. Вывод статьи: Россия в языке Пушкина достигает духовно-нравственной зрелости, той, о которой говорил в поэтических наставлениях Буало, считавший «стыдливость языка» нормативным признаком национальной культуры.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», «мужская» поэтика, Филлида, филлидный комплекс, «стыдливость языка».

Введение

Комплексное комментирование текста является постоянной – первой и последней – задачей литературоведения и филологии в целом [1]. Необходимость таких усилий по прояснению «непроясненных» смыслов особенно очевидна при обращении к произведениям прошедших эпох, когда некоторые (или многие) их «реалии» оказываются «стертыми», функционирующими герметично: они, пассивно участвующие в жизни текста, молчаливо ждут своего истолкования, чтобы отозваться-откликнуться затаенными ценностями культуры, включиться в смыслопорождающий процесс, «самообновиться» [2. С. 117–118] и тем самым обозначить творческую встречу читателя с «новым текстом» в «большом времени», в «вечности идеального» [3. С. 495].

Из произведений русской классической литературы, как небезосновательно считает А.П. Чудаков, «больше всего в таком комментированном чтении нуждается «Евгений Онегин» – чтении сплошном, без пропусков, слово за словом, стих за стихом, строфа за строфой» [4. С. 211].

Постановка проблемы

Предварительных замечаний достаточно, чтобы обратиться к культурно-историческому и структурно-семиотическому комментированию-истолкованию одного слова, точнее – имени «Филлида», прозвучавшему в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» один раз, в начале третьей главы.

Онегин, поддаваясь восторженному настроению своего деревенского соседа и нового друга, неожиданно выражает желание увидеть «предмет»

обожания Ленского – «Предмет и мыслей, и пера, // И слез, и рифм et cetera»: «Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль // Увидеть мне Филлиду эту?» [5. Т. 5. С. 56].

В связи с именем Филлида всплывает целый ряд разного рода вопросов. Что имел в виду или мог иметь в виду Онегин, называя Ольгу Филлидой? Как Ленский мог отнестись к такому именованию? Какие смыслы хотел актуализировать сам автор, вводя в романное пространство имя «Филлида»? И, конечно, возникает естественный – познавательный – вопрос: кто такая Филлида? Вопрос контекстный, он связан с необходимостью обращения к интертекстуальному / интермедiallyному полю воплощения и функционирования в культурной традиции образа Филлиды. И только через отражение в «зеркале культуры», через контекст пушкинско-онегинская Филлида может наполняться какими-то определенными смыслами и влиять если не на сюжет, то на развитие некоторых свободных мотивов пушкинского романа. Другими словами, от того, как мы знаем, понимаем и интерпретируем внетекстовую культурную реальность, что мы из нее извлекаем, зависит семантическое насыщение образа Ольги-Филлиды, его проясненность в читательском сознании и – благодаря этому – обновленная жизнь в «вечном тексте».

Анализ источников и ход исследования

Но прежде чем обратиться к контексту, чтобы потом с новыми «полномочиями» и представлениями о Филлиде вернуться к тексту, узнаем, чем богато литературоведение (филология) в комментировании избранного эпизода.

Все комментаторы романа (от Н.Л. Бродского до В.В. Набокова) единодушно дают какое-то вяло-сдержанное объяснение: Филлида – это персонаж идиллической поэзии.

Н.Л. Бродский уже в 1932 г. в комментариях к роману пишет: «Филлида – обычное имя героини в античных эклогах: например, в 3-й эклоге Вергилия (стихи 76 и 78); в «Словаре древней и новой поэзии» Остолопова (ч. 1, 1821, с. 351) приведена эклога Милона в переводе В. Панаева, начинающаяся стихом: «Как я обрадую Филлиду дорогую». Это имя было популярно в русской поэзии, например у Сумарокова, И. Дмитриева. В переводном стихотворении Батюшкова «Радость» (1810) читаем: «Сегодня – день радости // – Филлида суровая, // Сквозь слезы стыдливости, // «Люблю!» мне промолвила» [6. С. 175].

Ю.М. Лотман в своей комментации к роману дает предельно краткое пояснение: «Филлида – условно-поэтическое имя, распространенное в идиллической поэзии. Ср. «Филлиде» (1790) Карамзина» [7. С. 209].

Л.Я. Гинзбург в косвенном комментарии – в комментарии к стихотворению П.А. Вяземского «К подушке Филлиды» – также лаконична: «Филлида – имя, встречающееся в античной поэзии, откуда оно перешло в поэзию французского классицизма и в элегическую и анакреонтическую лирику начала XIX в.» [8. С. 417].

Более развернутый и оценочный комментарий приводит В.В. Набоков: Филлида – «обобщенный образ, томимая любовью дева «аркадической» поэзии, пасторалей и тому подобных произведений, в которых царит буколическое время и пространство, а изысканные пастухи и пастушки, представив картинным стадам бродить по лугу, усыпанному никогда не увядающими цветами, предаются бестелесной страсти в тенистых беседках у нежно журчащих ручейков» [9. С. 285].

В современном лингвистически основательном комментарии, предложенном И.Г. Добродомовым и И.А. Пильщиковым, собраны обобщающие характеристики имени «Филлида»: «Филлида (лат. *Phyllis*, -idis < греч. *Φυλλίς*, -ίδος) – имя пастушки из «Буколик» Вергилия (не путать с мифологической Филлидой, супругой Демофонта, ср. *Ovid. Heroid. Epist. II*). В X эклоге Галл сравнивает себя с пастухами Аркадии: *Cetrē <...> mihi Phyllis <...> essēt <...> furor* = Наверное, Филлида была бы моей страстью (*Verg. Ecl. X*, 37–38, ср. 41). До этого пастушка Филлида упоминается в III, V и VII эклогах: *Damoetas. Phyllida mitte mihi <...> = Дамет. Ты пришли мне Филлиду <...> (Ecl. III, 76); Menalkas, Phyllida amō ante aliās = Меналк. Филлиду люблю больше, чем других (III, 78; ср. III, 107; V, 10; VII, 14, 59, 63). О Вергилии – певце Филлиды пишет Овидий (*Trist. II*, 537–538). Кроме того, к некой Филлиде обращена XI ода Горация из IV книги: <...> *meōrum // finis amōrum // (nōn enim posthās aliā calēdō // fēminā) = моя // последняя любовь // (ибо отныне я восплаю к другой // женщине) (Carm. IV, 11, 31–34; ср. также II, 4, 14). Имя Филлиды неоднократно встречается во французской и русской легкой поэзии XVIII – первой четверти XIX в. Пушкин использовал его только один раз – в процитированном пассаже из третьей главы «Онегина». В черновой рукописи имеется первоначальный вариант 9-го стиха: Увидеть мне твою Армиду [ПД № 834, л. 48 об.; 6, 304]. Это имя оказалось неподходящим <...>: соблазнительница Армида символизирует активное женское начало, скромница Филлида – пассивное. Кроме того, имя Армиды не вызывает буколических ассоциаций. В окончательной версии онегинской реплики все встало на свои места: если сетования Ленского – это эклога <...> то Ольга, конечно, – Филлида» [10. С. 89].**

К сказанному о филологических толкованиях имени Филлида следует добавить очевидное и лексически необходимое, чего никто из комментаторов почему-то не сделал. Греческо-русский словарь Ивана Синайского содержит такое объяснение нужного нам слова: «*φυλλίς, ίδος, ή, см. φυλλάς и: блюдо из зелени, «φυλλάς, άδος, ή, сукъ, вѣтъвь съ листьями, куча листьевъ, постели изъ листьевъ»* [11. С. 406]. Как видим, древнегреческое женское имя содержательно восходит к сложному семантическому – растительному – комплексу, центрированному словом «зеленый листок». Чуткое ухо, настроенное на «вслушивание» в древнегреческие значения имени Филлида, может уловить ряд тонких ассоциативно-эротических смыслов, порожденных символизацией «ботанического» [Там же]. Впрочем, как справедливо утверждает И.А. Гольский, «практически все деревья, цветы и травы в разных культурах призваны в той или иной степени вызывать эро-

тические ассоциации» [12. С. 16] (ср. фиговый листок в Книге Бытия и растительную символику Песни Песней Соломона).

Примечательно, что древнегреческое слово-имя Филлида без всяких изменений перешло и в латинский язык с семантизацией растительного и женского. «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого дает такое разъяснение: «Phyllis, idis и idos *f* (*греч.* «молодой листок») Филлида: 1) дочь фракийск. царя Ситона (Sithon), превращенная в миндальное дерево О [Овидий. – Г.К.], РМ [Плиний Старший. – Г.К.]; 2) имя девушки V [Вергилий. – Г.К.]; 3) миндальное дерево Pall. [Рутилий Палладий. – Г.К.]» [13. С.768].

В контексте расширенного филологического комментирования имени можно высказать предположение, почему Пушкин в окончательном варианте романа заменил Армиду на Филлиду, Если бы Онегин произнес имя Армида (как в черновом варианте) по отношению к Ольге, то оно недвусмысленно прозвучало бы как оскорбление, как недопустимая пошлость (с вытекающими из данной ситуации последствиями). С именем Филлида дело обстоит сложнее, «амбивалентнее». Его произнесение позволяет Онегину находиться в «нейтральной зоне», не так оценочно явно выразить однозначность своего отношения к Ольге. Пушкину имя «Филлида» подходило по «семантическому созвучию». Дело в том, что с Филлидой связаны «растительные» значения, а Ольга постоянно соотносится в романе с «флористическим комплексом».

И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков, справедливо указывая на закономерность художественной связки «Ольга, конечно, – Филлида», не обратили внимания еще на один возможный источник, соединяющий не Ленского, а Ольгу-Филлиду с эклогой и, более того, содержащий «поэтические подсказки-наставления», которыми вполне мог воспользоваться и пользовался Пушкин, как это убедительно доказал Б.В. Томашевский. Речь идет о «Поэтическом искусстве» Н. Буало: «Буало является хронологически первым французским поэтом, с которым приходится считаться при изучении творчества Пушкина» [14. С. 14].

Б.В. Томашевский в работе «Пушкин и Буало» раскрывает, что значило для Франции конца XVII в. и для России начала XIX в. имя Буало. Буало – символ создания национальной словоцентричной (в слове выраженной и оформленной) культуры. В читательском сознании Франции все (Расин, Мольер, Лафонтен) «были велики лишь потому, что слушались Буало <...> получившего таким образом какое-то титаническое значение. Буало был основателем классических традиций, хранителем вкуса, справедливым критиком, пророком золотого века» [Там же. С. 19]. Для молодой русской литературы, стремящейся к самобытности, Буало был «образцом», и каждый желал «сделать для русской литературы то, что сделал Буало для французской <...> роль русского Буало каждый арзамасец приберегал для себя самого» [Там же. С. 31], а «Пушкин называл себя арзамасцем и после прекращения заседаний «Арзамаса» <...> он был прямолинейным арзамасцем» [14. С. 26, 27], т.е. не оставлял надежд стать «русским Буало», «основателем классических традиций, хранителем вкуса, справедливым критиком, пророком золотого века».

Идиллические свойства образа Ольги-Филлиды могли возникнуть и под влиянием Песни второй «Поэтического искусства» Буало. Буало представляет эклогу / идиллию в олицетворенном – женском – образе: она, «...во всем подобная пленительной пастушке, // Резвящейся в полях и на лесной опушке // И украшающей волну своих кудрей // Убором из цветов, а не из янтарей, // <...> // Блистая прелестью изящной и смиренной, // Приятной простоты и скромности полна» [15. С. 66].

Уже во второй главе романа в соответствии с рекомендациями Буало (и с учетом литературных опытов других поэтов, ориентирующихся, в свою очередь, на Вергилия [9. С. 256]) Пушкин изображает Ольгу буквально до семантически узнаваемых совпадений с пратекстом (пратекстами): «Всегда скромна, всегда послушна, // Всегда как утро весела, // Как жизнь поэта простодушна, // Как поцелуй любви мила, // Глаза как небо голубые; // Улыбка, локоны льняные, // Движенья, голос, легкий стан, // Все в Ольге... но любой роман // Возьмите и найдете верно // Ее портрет: он очень мил, // Я прежде сам его любил, // Но надоел он мне безмерно» [5. Т. 5. С. 46].

Однако при всех очевидных совпадениях (но не это главное) важно обратить внимание на нескрываемое автором ироничное отношение к такой поэтической традиции. Более того, в начале третьей главы Пушкин актуализирует различие двух идиллических традиций, восходящих соответственно к Феокриту и Вергилию.

Как мы помним, Онегин «бранил Феокрита» [Там же. С. 12], родоначальника эклоги / идиллии (III в. до н.э), «бранит» и Ленского: «опять эклога» [Там же. С. 55]. Но «бранит» его по другой причине – за отступничество: не за «вергилианство», а за «феокритианство». Онегин (с подачи Пушкина) поразительно точен в понимании того, что он «бранит», – в понимании особенностей предметно-вещного пространства греческой эклоги. «Предметный словарь эклоги, – замечает Г.А. Гуковский, – ограничен отбором примитивнейших понятий сельского быта» [16. С. 57–58]. В этом вопросе Г.А. Гуковский дополняет тонкий знаток античной культуры М.Л. Гаспаров: «Чем реалистичнее выписывались подробности пастушеского быта – запах козых шкур, циновки убогих хижин, пересчет стад, нехитрые трапезы, крепкие перебранки, песенные переключки, явно производящие подлинные народные заповки, – тем выигрышнее это было для греческой буколки» [17. С. 117].

Следовательно, Онегин «бранит» Ленского за его «феокритовский» дух и стиль «новой» жизни. Пребывая в новом для себя словесно-этическом образе, Ленский действительно отстает от высокого стиля, выработанного в «Буколиках» Вергилием и последующей традицией: «Он [Вергилий. – Г.К.] затушевывает феокритовские подробности низменного быта: утвари вокруг его пастухов меньше, а цветов и трав больше» [Там же. С. 118–119]. Ленский же, наоборот, начинает воспевать «феокритовские подробности», утвари и твари вокруг него становится больше: «Милее мне домашний круг» [5. Т. 5. С. 55].

Буало, описывая канон эклоги, говорит о том, что она не должна впадать в крайности: не должна «высокопарностью оскорблять слуха» и не

должна «яро наигрывать на сельской дудочке», «не превращать Филиду в Туанон» (т.е. в простушку; в тексте «Филида» с одним «л». – Г.К.) [15. С. 66]. Ленский же впадает в жизненно-поэтические крайности, он этими крайностями живет. Онегин, наверное (и скорее всего), не думая об этом, не ведая, непроизвольно уличает Ленского в отступничестве от завещанного Буало для нового времени идиллического канона. Поэт стал у Лариных «каждый вечер убивать» [5. Т. 5. С. 55] («убивать» – вырвалось роковое слово из уст Онегина), «яро наигрывать на сельской дудочке» (домашний круг: варенье, дождь, лен, скотный двор [Там же]), т.е. стал заниматься поэтическим переименованием¹ – прозаизацией метафор, их «убиванием» («локоны льняные» – метафора, а «вечный разговор» про лен – это для Ленского «смерть» его жизненной метафоры).

И Онегин, называя Ольгу Филлидой, действительно «все ставит на свои места», он тоже занялся переименованием: уподобляя Ольгу Филлиде, он тем самым открывает возможность различной ее оценки – от высокопарной (для Ленского) до прозаической, откровенно двусмысленной. С влюбленностью Ленского изменилась жизненная ситуация: стали меняться отношения «друзей» и значения слов. Как и предупреждал Буало, «У слова был всегда двойной коварный лик» [15. С. 71].

В.В. Набоков, характеризуя в целом «тонально-речевое» начало третьей главы, справедливо заметил: «Саркастический Онегин совсем не похож здесь на того снисходительного слушателя, который в гл. 2 XV пытался сдерживать охладительное слово. Теперь Онегин своими колкостями пытается спровоцировать Ленского на взрыв» [9. С. 283].

На «лиственную» семантику образа Филлиды (уже в связи с романом Пушкина «Евгений Онегин») необходимо обратить внимание еще и потому, что после переведенного в России труда К. Линнея «Философия ботаники, изъясняющая первые оной основания» (1800) растительный мир получил научное объяснение и философское описание в категориях «жизненной родственности» («семян общности»), и работа К. Линнея естественно и органично поддерживала практику порождения растительной образности и, более того, «растительно-эротических» настроений. Дело в том, что К. Линней в «Философии ботаники» высказал мысль о том, что под цветком нужно понимать одни только органы, и в главе «Sexus» классифицировал растения по признаку пола: растения – это обнаженная телесность, цветы – органы, выставленные напоказ, а растущие, зреющие и распускающиеся цветы имели свою необходимую семантику в соответ-

¹ Один из глубинных мотивов романа – мотив именовании-переименований – находит воплощение в разных сюжетных изводах. Все потенциально являются творцами мира посредством именовании-переименований: и автор, и герои. «Бытовой пример» – это переименования Лариной своих служанок: «Звала Полиною Прасковью <...> стала звать Акулькой прежнюю Селину» [5. С. 51]. Даже такие переименования имеют отношение к поиску словесно-онтологической идентичности, к «сговору слов», которые и определяют в конечном счете картину мира: «На протяжении всего романа мы ощущаем тайный сговор слов, перекликающихся друг с другом в разных его частях» [9. С. 472].

ствии с органами пола. К. Линней описал функциональное предназначение каждого «органа» цветка, придав названием «органов» волнующий эстетико-психофизиологический смысл «имени», возведя их в образ красоты: «столбик», «стебелек», «чашечка», «волоски», «железки», «венчик», «холок» и т.д. [18. С. 83–92]. Так растения «по К. Линнею» пестовали эротическую эстетику чувств, и мужчина после знакомства с «Sexus» растений совершенно по-другому видел красоту розы, цветка и, даря их кокетливым дамам, томился об ответном даре красоты: и было все, как «по Линнею». Разумеется, утонченности выражению «растительных» чувств придавали и такого рода модные наставления того времени, как «Селам, или Язык цветов» (1830) Д.П. Ознобишина и «Азбука Флоры, или Язык цветов» (1811) Б. Делашене. Но они были возможны и появились только после труда К. Линнея. О формировании «флористического кода» в русской культуре под влиянием французской прозы подробно пишет К.И. Шарафадина [19. С. 12–73].

Исследования недавнего времени значительно уточняют наше понимание символики цветов и растений в пушкинскую эпоху и подтверждают мысль об их эстетико-психофизиологическом восприятии: «Селамный пласт составил неотъемлемую часть исторического бытования русской дворянской культуры и художественной литературы пушкинского времени» [Там же. С. 6; 12, 20].

Комментаторы (даже В.В. Набоков, вскрывший, казалось бы, все возможные и невозможные источники пушкинской интертекстуальности) на редкость сдержанны в своих объяснениях и не учитывают богатства культурной традиции: исходят из узкого круга образных ассоциаций, восходящих в основном к отечественным источникам, к произведениям Н.М. Карамзина, И.И. Дмитриева, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского. В их произведениях Филлида предстает условным персонажем «неясного» желания. Так, стихотворение Н.М. Карамзина «Филлиде» (1790) наполнено символикой идиллического мира: «Взгляни же и на друга, // Который для прелестной // Принес цветов прелестных // И арфу златострунну, // Чтоб радостную песню // Сыграть на ней Филлиде, // В счастливый день рождения // Красавицы любезной, // И в нежной мелодии // Излить желанья дружбы» [21. С. 82–83]¹.

В русской традиции образ Филлиды на поверхностном – вербально нейтральном – уровне действительно в основном сдержанно-стыдливый, и он, как указывают исследователи, восходит в первую очередь к Вергилию. Хотя, как показывают источники того времени, «филлидный образ» закреплялся в поэтическом сознании эпохи под влиянием разных римских авторов: не только Вергилия, но и Горация, Овидия, Марциала [23]². Следовательно, «филлидный» контекст значительно шире и – главное – семантически несколько иной и противоположен «бестелесной страсти», о кото-

¹ Стихотворение К.Н. Батюшкова «Радость» (1810), в котором выводится идиллическая Филлида как воплощение «суровой стыдливости», уже упоминалось [22. С. 125].

² См.: Публий Вергилий Марон – С. 270–274; Квинт Гораций Флакк – С. 275–304; Марк Валерий Марциал – С. 325–335; Публий Овидий Назон – С. 337–349.

рой пишут комментаторы. В этом легко убедиться, если обратиться к античной традиции. В произведениях античных авторов Горация и особенно Марциала и того же Вергилия Филлида предстает и функционирует в другом виде, попадает в иное смысловое поле: и оно не столько картинно идилично, сколько откровенно психосоматично и эротично.

С образом Филлиды связан не только мотив сдержанной стыдливости, но и откровенной страсти. «Чувствительный Гораций», как назвал его Пушкин в «Городке» [5. Т. 1. С. 102], в оде «К Филлиде» (книга 4, ода 11) так выражает свое «возрастное» чувство: «Страстью я к тебе увлечен последней, Больше не влюблюсь ни в кого!» [24. С. 199]. У Вергилия в 10-й эклоге «Буколик» встречаем тот же самый эстетико-психофизиологический мотив: «Страстью б, наверно, пылал я к Филлиде, или к Аминту, Или к другому кому, – не беда, что Аминт – загорелый» [25. С. 65].

Примечательно, что И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков купировали в своем комментарии отрывок из 10-й эклоги, так как в полном виде он бы не поддерживал мысль ученых о скромнице Филлиде.

Более откровенным в передаче страстных отношений с Филлидой выступает Марциал в «Эпиграммах»: «Стоит лишь дряхлой рукой тебе тело мне вялое тронуть, // Тотчас, Филлида, твоим пальцем я жизни лишен. // Ибо, когда ты меня мышонком, глазком называешь, // И через десять часов трудно оправиться мне <...> Этак, Филлида, ласкай; руку же прочь убери» (Книга XI, 29) [26. С. 291].

Вполне очевидно, что Ленский не знал о таких откровенно эротических возможностях Филлиды, иначе в соответствии с правилами дворянского этикета (под гнетом уязвленной чести и произнесенного порочащего слова) он должен был бы незамедлительно вызвать Онегина на дуэль. Его же поведение другое: он обрадовался сравнению Ольги с Филлидой (или пропустил мимо ушей) и желанию Онегина увидеть ее, этот «зеленый молодой листок».

При толковании-осмыслении актуализированного романного эпизода необходимо также учитывать и другие источники, расширяющие «филлидный» контекст. Речь идет о двух легендах: одна из них – история взаимоотношений Филлиды и Демофонта, другая связана с Аристотелем и Александром Македонским. Большинство комментаторов не обращают на них внимания (или их объяснение не включается в процесс эстетического постижения «новых смыслов» романа).

Миф о Филлиде и Демофонте бытовал в России уже в ломоносовскую эпоху. В русском культурном сознании образ фракийской царевны был связан в первую очередь с творчеством Овидия (Письмо II. Филлида – Демофонт) и, предположительно, Данте (Божественная комедия. Рай. Песнь 9. стих 100). Афинянин Демофонт, возвращаясь домой, причалил к фракийскому берегу, где в него влюбилась царевна Филлида. Он женился на ней и стал царем. Когда ему надоела Фракия и он захотел возобновить свои странствия, Филлида оказалась бессильной удержать его. Демофонт поклялся всеми богами Олимпа, что вернется через год. Филлида по исте-

чении срока не дождалась Демофонта – покончила с собой и превратилась в миндальное дерево без листьев. Когда Демофонт, вернувшись, обнял ствол, на нем появились листья [27. С. 182, 578].

По мотивам мифа М.В. Ломоносов написал трагедию «Демофонт» [28. Т. 8. С. 411–486], а А.П. Сумароков – притчу «Филлида» [29. С. 278]. Как показывает С.А. Салова, Сумароков затеял «необъявленный спор с Ломоносовым» по поводу «неправильной» художественной интерпретации мифологического сюжета, и такая «скрытая полемика» способствовало закреплению сюжета-мифа в культурном сознании эпохи [30. С. 1775].

Более того, нетрудно заметить, что уже в художественно-читательском сознании Сумарокова происходит если не соединение, то сосуществование двух образов Филлид. Если в притче «Филлида» речь идет о фракийской царевне, то в «оде анакреонтической» «Люблю тебя, Филлида» [29. С. 76] Сумароковым рисуется условная героиня «неясного» желания: «Люблю тебя, Филлида, // Люблю тебя как душу, // Эротовой я власти // Давно не покорялся <...> // Во сне Филлиду видя, // Целую, обнимаю; // Проснулся и лишаюсь // Филлиды и утеш» [Там же].

Несомненно одно: как мифологический сюжет о Филлиде и Демофонте, так и идиллический мотив «неясного» желания были известны в России, и вероятность читательского ассоциативного сближения Ольги с легендарной героиней и / или с идиллическим образом при первом (и единственном) упоминании имени «Филлида» текстуально ничем не ограничивалась.

В.В. Набоков (как впоследствии И.Г. Добродомов и И.А. Пильщиков) почему-то отказывается в возможности такого соотнесения фракийской Филлиды и Ольги, хотя самому писателю-переводчику-комментатору свойствен в восприятии и оценке романа Пушкина «читательский волюнтаризм»: «Это не та исстрадавшаяся от безответной любви фракийская царевна, что повесилась и была превращена в цветущее миндальное дерево» [9. С. 285].

В комментарии И.Г. Добродомова и И.А. Пильщикова характерна нормативная (полурепрессивная) «оговорка»: «не путать с мифологической Филлидой», – как будто сам Пушкин сузил эстетическое восприятие читателей суждениями ученых и поэтому нельзя «прочитать» романную Ольгу-Филлиду с «наложением» мифологических значений. Читатель вполне может «спутать» и «подставить» ореолы смыслов одной Филлиды к другой или их совместить: тем более что ни сам Пушкин, указавший только имя, ни текст не препятствуют таким возможностям. Кроме того, не совсем ясно, из какого контекста (интертекста) следует выводимое заключение, что Филлида – скромница и символизирует пассивное начало (как будто скромница, «смирница» не может быть соблазнительницей, и рот¹). Как пронзительно заметил В.В. Набоков, «простодушие Ольги ока-

¹ См. стихотворение А.С. Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» [5. Т. 3. С. 390].

зывается не вовсе лишенным некоего стыдливого, но жестокого обмана» [9. С. 256].

Разумеется, Ольга с точки зрения аксиологии античного мифа и романного сюжета (как он развивается) не может претендовать на роль «фракийской царевны», однако подготовленное читательское сознание эпохи вполне могло соотнести (ограничений нет и не было) при первом и единственном упоминании имени «Филлида» образ Ольги с фракийской царевной и ожидать развития сюжета по мифологическому типу: «Пора покинуть скучный берег» – желание, которое могло посетить не только автора, но и «обженившегося» романтика-Ленского [5. Т. 5. С. 31].

Актуально несомненное: «филлидная» – лиственно-растительная – символика связана с образом Ольги и его оформляет. Как показывает роман, образ Ольги вполне соотносим и с растительной символикой, и со знаками чувственной страсти, содержащейся «органологически» в устройстве самого цветка (что после К. Линнея стало очевидным): «Невинной прелести полна, / В глазах родителей, она / Цвела, как ландыш потаенный, / Незнаемый в траве глухой / Ни мотыльками, ни пчелой» [Там же. С. 46]. Или Ленский думает об Ольге в категориях растительной символики: «Буду ей спаситель, / Не потерплю, чтоб развратитель / Огнем и вздохов и похвал / Младое сердце искушал; / Чтоб червь презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек; / Чтобы двухутренний цветок / Увял еще полуоткрытый» [Там же. С. 126]. («Столбик-стебелек»: «Ботаника» К. Линнея и поэзия Пушкина встретились в пространстве романа). Если «в глазах родителей» Ольга «ландыш потаенный» (целомудренно нейтральная символизация), то «в глазах» Ленского она «полуоткрытая лилея» (слишком волнующая символизация).

Приведенный расширительный контекст дает основание прийти к заключению (или интерпретационному предположению), что у Ленского и Онегина разные представления о смысловом насыщении образа Филлиды. Ленский воспринимает имя «Филлида» в высоком значении, а Онегин в амбивалентном (еще раз: а читательское сознание ничем не ограничено). Для Ленского Ольга – фракийская Филлида или условно-возвышенная героиня русских стихов и античных авторов. Онегин же уже первой репликой дает понять, что он видит в Ольге, пока еще не видя ее, нечто другое и, как в дальнейшем убеждаемся, не ошибается. В любом случае, если исходить из интертекстуальных и интерпретационных возможностей, какие предоставляет эпизод, Ольга оказывается в прицеле двойного видения и художественно, повествовательно соответствующим способом оформляется («У слова был всегда двойной коварный лик»).

Принципом двойного видения (сменой точки зрения, отношения) Пушкин пользовался активно, когда об одном и том же явлении, человеке отзывался объемно противоположно, как бы удерживая их в пространстве противоречиво движущейся жизни. Для него такое восприятие – это не только поэтический прием, а выражение видения-понимания двойственности, двуприродности человека и мира: «Так нас природа сотворила, //

К противоречию склонна» [5. Т. 5. С. 102] (см., например, пушкинские эпиграммы о качестве перевода Н.И. Гнедичем «Илиады» Гомера или, что ближе к рассматриваемой теме, его высказывания об А.П. Керн, о грибоводской Софье Фамусовой¹).

При осмыслении рассматриваемого эпизода важно учитывать и психофизическую наполненность (семантику) слов «слушай», «увидеть» («Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Филлиду эту?»), которые переводят текст в объемное резонирующее пространство. Речь прежде всего идет об оптическом видении. Пушкинское время – это эпоха видения, зрения, глаzenia, живописности. Слово ориентировалось на живописность, а восприятие, в свою очередь, обуславливалось рамками «образцового полотна».

Для Онегина в качестве такого «образцового полотна» могли выступать картины с изображением Филлиды и Аристотеля (слухи-анекдоты о них), созданные в эпоху Возрождения по распространенному тогда античному сюжету, в основе которого история спасения «оседланным» Аристотелем Александра Македонского от любовных чар Филлиды. Сюжет этой легенды прост, забавен и поучителен. Любознательный Александр, активно постигая чувственный мир, попал под обаятельную власть гетеры Филлиды. Его страсть к ней была такой сильной, что он забросил государственные дела. Аристотель, будучи наставником юного императора, предвидя пагубные последствия этой связи, просит Филлиду, чтобы она оставила Александра и не губила его карьеры. Филлида соглашается, но при условии, что Аристотель прокатит ее на своей спине: она будет «всадницей», а он «лошадкой». Аристотель, чтобы спасти своего ученика, уступает коварной Филлиде. В самый разгар «скачек» появляется Александр и видит, как мудрый старец на четвереньках играет с Филлидой «в лошадку». Однако смущенный Аристотель не растерялся и сказал Александру: «Вот видишь, если она такое вытворяет со мной, старым, умудренным человеком, то можешь себе представить, во что она превратит тебя». Этого урока Александру оказалось достаточно, чтобы прекратить свои отношения с «пагубной» женщиной.

По словам М. Фуко, легенды подобного рода не нуждаются в авторстве, «их анонимность не вызывала затруднений – их древность, подлинная или предполагаемая, была для них достаточной гарантией» [31. С. 23].

«Аристотелевский» сюжет с Филлидой был популярен у художников Ренессанса, нашел он воплощение и в творчестве немецких художников. А мы помним, что Ленский «из Германии туманной привез учености плоды» [5. Т. 5. С. 38]. Можно предположить, что Онегин («...дней минувших анекдоты // От Ромула до наших дней // Хранил он в памяти своей» [Там же. С. 12]), произнося имя «Филлида», проверяет Ленского на осведомленность. Но Ленский – человек пишущий, но не видящий и «всего» не знаю-

¹ В стихах А.П. Керн и «Мимолетное виденье», и «Гений чистой красоты» [5. Т. 2. С. 267], а в письмах «Вавилонская блудница» [Там же. Т. 10. С. 206] «et cetera» [Там же. С. 242]; «Софья начертана не ясно: не то <...>, не то московская кузина» [Там же. С. 121].

щий, проходящий мимо сущностей жизни. Онегин – герой, обремененный соответствующим опытом видения и знания, в том числе «анекдотов», к которым, безусловно, относится «история» с Аристотелем и Филлидой. Ленский, будучи в Германии, не видел, например, работ Ганса Бальдунга Грина (1485–1545) «Аристотель и Филлида», помещенных в немецких музеях, и не знает о популярности данного сюжета в европейской культуре. Примечательно, что Ганс Бальдунг Грин в традициях Возрождения рисует один и тот же эпизод в разных воплощениях: на его картинах Аристотель и Филлида предстают то в одежде, то обнаженные (подобные изображения «сегодня» легко найти в интернете, как и разные варианты легенды об Аристотеле и Филлиде). Такая традиция «двойного» видения-воплощения Аристотеля и Филлиды сохраняется и в скульптурных композициях «скачек»: герои представлены то обнаженными, то в одежде.

На распространенность «скандального» сюжета в Германии обратил внимание Ф.И. Буслаев. В работе «Общие понятия о русской иконописи» (1866) ученый пишет: «В самых благочестивых произведениях готического стиля XIII в. встречается странная примесь игры фантазии, необузданной должным уважением к святыне; например, в церковных рельефах, рядом с ангелами и святыми, в назидание публики, помещалась скандальная сцена, как любовница Александра Македонского едет верхом на Аристотеле, взнуздав его, будто коня» [32. С. 386].

Соотнесение романного эпизода с античной легендой расширяет «даль свободного романа», при этом не противоречит художественной логике пушкинского творчества, принципу «двойного» видения, пушкинскому «et cetera».

После произнесенного имени по мере развития сюжета «вторая сторона» филлидности – телесность образа Ольги – откровеннее прорисовывается: соматические (и порожденные психофизиологическим) смыслы ее образа нарастают. Ленский, плененный Ольгой, все больше и больше очаровывается ее «расцветшей» телесностью, прелестью ее форм. Телесное ее образа в восприятии Ленского начинает преобладать, и он, хвастаясь перед другом, выставляет ее «напоказ» (в символике мужского видения как «лошадку»): «Ах, милый, как похорошели у Ольги плечи, что за грудь!..» [5. Т. 5. С. 96]. Ленский, восхищенный телесностью Ольги, при этом пребывает в неведении, не видит очевидного: готовности Ольги-Филлиды обрадоваться каждому мужчине. У влюбленного «юноши-поэта» усеченное, «зашоренное» видение.

Онегин же сразу угадал Ольгу и ведет себя в соответствии с этим угадыванием, демонстративно флиртуя с ней во время танца: «И наклонясь ей шепчет нежно // Какой-то пошлый мадригал // И руку жмет – и запыхал // В ее лице самолюбивом // Румянец ярче» [5. Т. 5. С. 118]. Причем Онегин такое «нашептал» «Оленьке» на ушко и так «затанцевал» ее, что и после бала «бесконечный котильон // Ее томил, как тяжкий сон» [Там же. С. 119].

Что же мог шептать Онегин на ушко Ольге, какого содержания мог быть мадригал? Ответить на этот вопрос можно только «в целом», гада-

тельно, приблизительно. Как указал еще Буало, «Изящный, искренний любовный Мадригал // Возвышенностью чувств сердца очаровал» [15. С. 72]. Но это высокий образец, а Онегин произносит Ольге «какой-то пошлый мадригал».

Мадригал, произнесенный в танце на ушко, дополнительно соединяющий мужчину и женщину «поэтической безделкой» [33. С. 10], является и сиюминутным выражением симпатии, провоцирующей на ответный психосоматический отклик, и комплиментарным знаком игрового увлечения партнершей, и словесной «разведкой» возможностей сокращения дистанции (и в перспективе – потом) до предельно дозволительной, – без всяких обязательств. Он может быть в лексическом выражении телесно и «многообещающе» нагружен, а «пошлый мадригал» тем более. Пушкин (чтобы за примерами, снижающими стиль и замысел поэта, далеко не ходить) вполне мог вложить в уста Онегина свою эпиграмму «Нимфодоре Семеновой», построенную, как показывает М.В. Бухаркина, на travestировании мадригала [33. С. 19], что и превращает такую эпиграмму в «пошлый мадригал»: «Желал бы быть твоим, Семенова, покровом. // Или собачкою постельною твоей, // Или поручиком Барковым, – // Ах, он поручик! ах, злодей!» [5. Т. 1. С. 408]. Как известно, в мадригале позволительно «переименовывать», производить замены одного имени на другое, и в данном случае можно легко заменить «Семенова» на «о, Оленька».

Конечно же, если бы Онегину пришлось танцевать с Татьяной, то он бы не позволил себе (и в голову бы не пришло) нечто подобное шептать ей на ушко.

Естественно, что танец Ольги с Онегиным вызывает у Ленского чувства ревности и возмущения. Несмотря на обиду, он пытается развеять недоразумения, поправить-восстановить отношения с любимой и приглашает Ольгу на котильон. Но она ему отказывает, так как уже обещала очередной танец Онегину. Ленский воспринимает податливость Ольги как предательство и измену, а действия Онегина как поступок, заслуживающий вызова на дуэль: «Не в силах Ленский снести удара; // Проказы женские кляня, // Выходит, требует коня // И скачет. Пистолетов пара, // Две пули – больше ничего – // Вдруг разрешат судьбу его» [Там же. Т. 5. С. 118].

Недовольство Ленского обусловлено не только «зримыми», но и подразумеваемыми причинами, точнее – ритуализированными смыслами последовательности танцев. Ю.М. Лотман, рассматривая «грамматику бала» [7. С. 80–81], его эстетику и этику, расписывает последовательность танцев (полонез, вальс, мазурка, котильон) и вскрывает их тайное значение. Ольга с Онегиным танцует мазурку и котильон. Данное сочетание всеми заинтересованно следящими (не только «маменьками») прочитывалось так: она в этот вечер посвящает себя Онегину. Ю.М. Лотман пишет: «Мазурка составляла центр бала и знаменовала собой его кульминацию. Мазурка танцевалась с многочисленными причудливыми фигурами и мужским соло, составляющим «соль» танца. И солист, и распорядитель мазурки должны были проявлять изобретательность и способность импровизировать. «Шик мазурки состоит в том, что кавалер даму берет себе на грудь, тут же ударяя

себя пяткой в centre de gravite [франц. – центр тяжести] (чтобы не сказать задница), летит на другой конец зала и говорит: «Мазуречка, пане», а дама ему: «Мазуречка, пан» <...> Тогда неслись попарно, а не танцевали спокойно, как теперь» (Смирнова-Россет. С.119) <...> Котильон – вид кадрили, один из заключающих бал танцев, – танцевался на мотив вальса и представлял собой танец-игру, самый непринужденный, разнообразный и шаловливый танец...» [7. С. 86–87, 89].

Другими словами, Ленский не мог не вызвать по законам светской (московско-петербургской) этики Онегина на дуэль. Однако зачем Онегину нужно было флиртовать с Ольгой, зачем он разыграл отношения так, что они разрешились дуэлью. По сути скрытым (невольным) инициатором дуэли был Онегин и, как всегда бывает у Пушкина, даже не Онегин, а спровоцировавшее его деревенское «светское общество», «своя семья», в круг которой Ленский ввел своего старшего друга.

Обратим внимание на следующие строки: «Вдруг двери настезь. Ленский входит, // И с ним Онегин. «Ах, творец! – // Кричит хозяйка: – наконец!» // Теснятся гости, всяк отводит // Приборы, стулья поскорей; // Зовут, сажают двух друзей. // Сажают прямо против Тани <...> Чудак, попав на пир огромный, // Уж был сердит. Но, девы томной // Замета трепетный порыв, // С досады взоры опустив, // Надулся он и, негодуя, // Поклялся Ленского взбесить // И уж порядком отомстить. // Теперь, заране торжествуя <...> Конечно, не один Евгений // Смятенье Тани видеть мог...» [5. Т. 5. С. 112–113].

Онегина посадили за стол напротив Татьяны. То, что Онегин – жених Татьяны, в деревне решили сразу, как только он приехал в унаследованное им имение: «Меж тем Онегина явленье // У Лариных произвело // На всех большое впечатление // И всех соседей развлекло. // Пошла догадка за догадкой. // Все стали толковать украдкой, // Шутить, судить не без греха, // Татьяне прочить жениха; // Иные даже утверждали, // Что свадьба слажена совсем, // Но остановлена затем, // Что модных колец не достали. // О свадьбе Ленского давно // У них уж было решено» [Там же. С. 57–58].

Вот этот намек на «смотрины», на свадьбу выводит из равновесия и Татьяну и Онегина. Онегин, воспринимая ситуацию, в какой он оказался, как ситуацию жениха и невесты, вполне предсказуемо решает отомстить Ленскому (ведь Татьяне он уже объяснил, что «не создан для блаженства» [Там же. С. 81], а бесчисленным членам «своей семьи» объяснить это невозможно).

С другой стороны, никакие наличествующие причины (явные или скрытые, прямые или косвенные) не смогли бы привести друзей к дуэли, если бы не «податливость» Ольги, не ее «филлидный» характер и темперамент.

«Отзывчивость» Ольги создает в романе трагически «патовую» ситуацию, из которой в горизонте видения и сюжета героев нет выхода: Ленский, не узревший и не вкусивший подлинной «филлидности» Ольги, надевавшийся связать с ней свою жизнь, обречен быть «в проигрыше». Смерть «спасает» его от нравственного поражения и разочарований: впереди Ленского ожидал незавидный супружеский удел. К яркой примете Ленского – к длинным кудрям («И кудри черные до плеч» [5. Т. 5. С. 39]) – прибавилась бы и

более замечаемая в обществе примета: Ленский был бы «в деревне счастлив и рогат» [Там же. С. 135]. «Рога» замыкают образ и возможную прижизненную судьбу Ленского: если прической – кудрями до плеч – Ленский обязан «туманной Германии» [34. С. 162], то «головным убором» был бы обязан Ольге. Наверное, хорошо, что Ленский об этом не узнал.

Примечательно и символически значимо, что Пушкин завершает «лиственную» сюжетную линию «Ольга–Ленский» «тематическим повтором» – растительной символикой, которая уже соотносится не с Ольгой, а с Ленским. Автор словно «компенсирует» преждевременную смерть «бедного Ленского» намечающимся (акварельно прорисованным) мотивом вечного покоя, вечной жизни, метафорически выраженным, как сказал В.В. Набоков, по литературному трафарету [9. С. 483].

М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Выхожу один я на дорогу» обозначил желание героя упокоиться так, «Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, // Про любовь мне сладкий голос пел, // Надо мной чтоб вечно зеленея // Темный дуб склонялся и шумел» [35. С. 209]. Пушкин «упокоил» Ленского в царстве благоустроенной весны (без всяких отклонений в область природно невозможного – «вечно зеленеющего дуба»), в том пространстве вечности, где, наверное, пожелал бы быть и сам «юноша-поэт»: «Меж гор, лежащих полукругом, // Пойдем туда, где ручеек // Виясь бежит зеленым лугом // К реке сквозь липовый лесок. // Там соловей, весны любовник, // Всю ночь поет; цветет шиповник, // И слышен говор ключевой, – // Там виден камень гробовой // В тени двух сосен устарелых. // Пришельцу надпись говорит: // «Владимир Ленской здесь лежит, // Погибший рано смертью смелых, // В такой-то год, таких-то лет. // Покойся, юноша-поэт!» [5. Т. 5. С. 142–143].

Потенциально и семантически вечность «юноши-поэта!» связана с природным, растительным, в том числе древесным миром: горы, ручеек, зеленый луг, река, липовый лесок, соловей, шиповник и «устарелые сосны» (последние как знак сакрального покрова; ср.: «липы престарелы» из «Городка» Пушкина (1815) [Там же. Т. 1. С. 100]), – не только идиллически выраженное пространство поэтической вечности (в чем пытается убедить нас В.В. Набоков). Как бы ни старался В.В. Набоков, имитирующий художественное письмо, упрекнуть в этом же и самого Пушкина, – в том, что «пушкинские» горы, ручейки, зеленые луга, реки, лесочки, соловьи, шиповники на самом деле «банальность», «общие места», заимствованные им из разных источников, есть «результат внимательного прочтения» поэтом произведений мировой литературы [9. С. 205–207, 376, 378, 473]¹, однако все же несомненным

¹ В.В. Набоков снисходительно замечает: «Обратите внимание на этот скромный ручеек, протекающий через онегинское имение. В кущах западноевропейской поэзии бежит, журчит, струится, стремится, плещет, блещет, лопочет и бормочет бесчисленное множество ручьев, ручейков, речек и речушек, берущих начало в (Вергилиевой) Аркадии, на Сицилии и в Риме и описывающих свои самые сентиментальные загогулины среди аккуратно подстриженной итальянской, французской и английской поэзии XVI, XVII и XVIII вв.; а рядом неизменно прохладная сень листвы. Вот этим-то литературным ландшафтом, завезенным в Россию главным образом из Франции или через Фран-

остается факт их жизненно-поэтической, узнаваемо «вещественной» вечности и в данном случае скрепленности человека с «родным пределом».

Финальная скрепленность образа Ленского с «древесным» (липовый лесок и «вечно зеленеющие сосны») обращает нас к вариативному развитию темы «Филлида – Демофонт», с перестановкой значений и субъектно-объектной закрепленности. В «пушкинском мифе» уже Ленский должен ждать возвращения Ольги как знак собственного воскресения. Правда, ожидание его будет напрасным: «Но ныне... памятник унылый // Забыт <...> Венка на ветви нет <...> Так! равнодушное забвенье // За гробом ожидает нас» [5. Т. 5. С. 143, 144].

Мотив «равнодушного забвения», ставший поэтическим «штампом» и философской очевидностью времени («Река времен» Г.Р. Державина), не получает однозначно мрачного завершения. Высшей ценностью человеческого обетования-упокоения становится, по Пушкину, «милый предел»: «И хоть бесчувственному телу // Равно повсюду истлевать, // Но ближе к милому пределу // Мне все б хотелось почивать. // И пусть у гробового входа // Младая будет жизнь играть, // И равнодушная природа // Красою вечною сиять» [Там же. Т. 3. С. 136].

Ленский покоится в «милом пределе», хотя и за пределами кладбищенской ограды, не в освященной людьми земле, а в земле, сотворенной и освященной Богом и вечной природой, — в родном и одновременно сверхмерном пространстве вечности, открытом для всех.

Более того, Пушкин «дублирует», «страхует» мотив вечности, развивая его уже не на словесно-природном, а на собственно литературном уровне. Автор дважды с восклицательной интонацией называет в VII главе своего героя «Мой бедный Ленский!», текстуально отсылая к У. Шекспиру, к словам Гамлета «Бедный Йорик!»; а в четвертой главе герой также назван «Мой бедный Ленский» (без восклицательной интонации), но уже по другому поводу: «Гимена хлопоты, печали, // Зевоты хладная чреда // Ему не снились никогда <...> // Мой бедный Ленский, сердцем он // Для оной жизни был рожден» [5. Т. 5. С. 97]. Вроде бы получается так, что Ленский повсюду «бедный»: и в жизни, и в смерти.

Но «бедность» в художественном пространстве пушкинского мира – это бедность особого рода: она сродни «евангельской бедности», неотторгаемой бедности («мой бедный»). Троекратный «тематический повтор», выступающий как «семантическая скрепа» [36. С. 33–44] с шекспировским «Бедным Йориком», выводит образ Ленского в пространство поэтической вечности, где все цепляется друг за друга, существует как «модусы бытия в знаке», которые не исчезают и не перекрываются временем [37. С. 4].

Столь же ориентированно прочитывается и вся «могильная ситуация» с «моим бедным Ленским»: идиллическая и элегическая одновременно (с легким ироническим подтекстом), она отсылает к «Певцу» (1811) В.А. Жу-

цию, и подменяет Пушкин в *ЕО* северозападное русское лето...» [9. С. 205]. «Ручьи эти текут из литературного, а не из природного источника» [Там же. С. 479].

ковского, к звучащему в стихотворении рефрену «Бедный Певец» [38. Т. 1. С. 109–111], а также к первому печатному произведению Пушкина «К другу стихотворцу» (1814). Быть «бедным певцом», как показал Жуковский и развил этот мотив юный Пушкин (пусть и пребывающий еще в «школе Буало» [14. С. 26]), – это и удел, и царское достоинство поэта: «Их жизнь – ряд горестей, гремяща слава – сон» [5. Т. 1. С. 32].

«Бедный певец» Ленский [Там же. Т. 5. С. 125] таким образом действительно покоится в «пределе» вечности (онтологически выраженной в слове), творцом которой является Пушкин и к которой посредством «отзывчивого чтения» причастны и будем причастны мы все.

В.В. Набоков – не без едкого сарказма – определил состояние, обретенное Ленским, как бытие «в царстве посмертной метафоры» [9. С. 256].

Итак, Ленский упокоился в растительно-природном пределе поэтической вечности и избежал такого же «вечного прославления», уготовленного ему «резвой, беспечной, веселой, ветреной» попрыгуньей Оленькой («На встречу бедного певца // Прыгнула Оленька с крыльца, // Подобна ветреной надежде, // Резва, беспечна, весела, // Ну точно та же, как была» [5. Т. 5. С. 125]¹).

«Укращения» – «рога» – достанутся другому герою. «Аристотелевский» и «горацианский» мотивы «скачек» и катания верхом «на лошадке» усиливаются, когда мы узнаем о «полковом» будущем Ольги, о том, что она с мужем-уланом ускакала в полк: «Поэт погиб... но уж его / Никто не помнит, уж другому / Его невеста отдалась» [Там же. С. 145]. В параллелях и определениях (Татьяна «отдана» и будет «век верна» [Там же. С. 189], а Ольга «отдалась») Пушкин предельно точен.

В.В. Набоков по другим приметам – по «огню в глазах» и по «улыбке легкой на устах» у Ольги, которая, по его словам, превратилась в «коварного бесенка», – делает убедительное предположение: «Уж не предположить ли нам – я считаю, что так и следует сделать, – что улану несладко придется с такою невестой – хитрой нимфой, опасной кокеткой...» [9. С. 486]. Разные пути анализа-комментирования образа Ольги ведут к одному и тому же результату: только если В.В. Набоков увидел в Ольге «бесенка» в конце ее «сюжетной» жизни, то Онегин (волей Пушкина), как мы пытались доказать, распознал в ней «бесенка» сразу, предугадал в ней ее двусмысленную – притягательно-отталкивающую – «филлидность».

Поэтикой «прикровенно-открывающегося» в совершенстве владел Пушкин, он был одним из ее создателей: и все «филлидные комплексы», получившие разработку в мировой культуре в виде трех фундаментальных сюжетов об «аристотелевской», мифологической и идиллической Филлидах, нашли с разной степени проясненностью гармоничное отражение в романе Пушкина. В конце концов, речь должна идти не о том (и не только о том), какой «мировой» сюжет «отозвался» в образе Ольги-Филлиды, а о

¹ В свете пушкинского мужского видения, восприятия таких натур, как Ольга Ларина, думается, что с такой же резвой беспечностью «прыгнула бы Оленька с крыльца» и навстречу Онегину.

том (и о том), как «мужское сознание» архетипически обречено на вечное кружение-зависание над «женским», на связь с «филлидностью», – на таинство, какое запечатлел в художественном «стыдливом» слове Пушкин.

И последнее высокое сближение. Письмо Пушкина к П.А. Вяземскому (не позднее 24 мая 1826 г.) дает возможность провести еще одно лексико-фонетическое ассоциативное соотнесение образа Ольги с именем «Филлида». Двадцатисемилетний Пушкин (почти ровесник Онегина), на то время убежденный холостяк, завершая главу IV (где его герой отказывает Татьяне в супружестве, так как он не создан для семейного счастья)? пишет князю Вяземскому: «Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум. Законная ... – род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит...» [5. Т. 10. С. 207]. Непропечатанное слово легко и рифмуется с именем «Филлида» и вписывается в интонационно-семантическое снижение онегинских слов «Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне <...> эту», – снижение вполне узнаваемое, поддерживаемое находящимся в постпозиции указательным местоимением «эту».

Выводы

Таким образом, «контекстуальное» чтение эпизода, комментарий даже одного слова-имени (привлечение для его «расшифровки» широкого культурно-типологического контекста) несут и вбрасывают в пространство читаемого произведения дополнительные насыщенные смыслы, расширяют возможности его сюжетного «цветения», сближая (и не закрепощая) тем самым повествовательные ритмы «свободного романа» с движением самой жизни, где все действительно возможно, где все одновременно и сокрыто и приоткрывается. С другой стороны, «эпизод с Филлидой» доказывает, что чувственность была господствующим принципом жизни не только античной эпохи и Возрождения, но и естественной нормой пушкинского времени, сумевшего обуздать «барковскую» лексическую откровенность и в прикровенной форме выразить самое стыдливое и естественное в человеке. Нужно помнить, что Пушкин с поставленной (Богом, Музой, временем) задачей успешно справился, сформировал теоантропный язык выражения самых сокровенных чувств и переживаний. Россия в языке Пушкина обретает себя, достигает самобытной духовно-исторической зрелости, той, о которой говорил в своих поэтических наставлениях Буало, считавший «стыдливость» языка нормативным признаком национальной культуры: «К скабрёзным вольностям латинский стих привык, // Но их с презрением отринул наш язык. // Коль мысль у вас вольна и образы игривы, // В стыдливые слова закутать их должны вы» [15. С. 74].

Как видим, «филлидный» комплекс во всех отношениях – и в языковых, и в сюжетных (откровенных и прикровенных) – заявляет о себе как одно из доминирующих, стимулирующих и эстетико-психофизиологических начал русской литературы, каким он и видится в «магическом кристалле» «мужской» поэтики Пушкина.

Литература

1. *Текст* и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М. : Наука, 2006. 420 с.
2. *Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб. : Блиц, 1999. 190 с.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975. 501 с.
4. *Чудаков А.П.* К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. М. : Три квадрата, 2005. С. 210–237.
5. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957–1958.
6. *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин»: Роман А.С. Пушкина : пособие для учителя. 5-е изд. М. : Просвещение, 1964. 416 с.
7. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» : комментарий. Л. : Просвещение, 1983. 416 с.
8. *Гинзбург Л.Я.* Примечания // Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1958. С. 5–45.
9. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб. : Искусство-СПб. : Набоковский фонд, 1998. 928 с.
10. *Добродомов И.Г., Пильщиков И.А.* Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М. : Языки славянских культур, 2008. 312 с.
11. *Греческо-русский словарь* Ивана Синайского : в 2 ч. М., 1879. Ч. 2. 429 с.
12. *Гольский И.А.* Символика флоры: сущность и формы переживания : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2010. 162 с.
13. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь : около 50 000 слов. М. : Рус. яз., 1976, 1096 с.
14. *Томашевский Б.В.* Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе : сб. ст. Л., 1926. С. 13–63.
15. *Буало.* Поэтическое искусство. М. : Худ. лит., 1957. 232 с.
16. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М. : Языки русской культуры, 2001. 352 с.
17. *Гаспаров М.Л.* Вергилий, или Поэт будущего // Избранные труды : в 3 т. М., 1997. Т. 1. 666 с.
18. *Линней К.* Философия ботаники. М. : Наука, 1989. 451 с.
19. *Шарафадина К.И.* «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2004. 431 с.
20. *Егорова Е.Н.* «Парнасские цветы»: флористическая символика в поэзии Пушкина // Егорова Е.Н. «Принот задумчивых дриад»: Пушкинские усадьбы и парки. URL: <https://lit.wikireading.ru/24538>
21. *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. М. ; Л. : Сов. писатель, 1966. 419 с.
22. *Батюшков К.Н.* Полное собрание стихотворений. М. ; Л.: Сов. писатель, 1964. 353 с.
23. *Античная поэзия* в русских переводах. XVIII–XX вв. : библиограф. указ. / сост. Е.В. Свиясов. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. 399 с.
24. *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М. : Худ. лит., 1968. 472 с.
25. *Вергилий М.П.* Буколики. Георгики. Энеида. М. : Эксмо, 2007. 544 с.
26. *Марк Валерий Марциал.* Эпиграммы. СПб. : Комплект, 1994. 448 с.
27. *Мифологический словарь.* М. : Большая Российская энциклопедия, 1992. 736 с.
28. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1983. Т. 8. 1279 с.
29. *Сумароков А.П.* Стихотворения. М. : Сов. писатель, 1935. 486 с.

30. Салова С.А. «Притчи» А.П. Сумарокова (1762): продолжение русского «спора об Анакреонте» // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 4. С. 1773–1776.
31. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Ка-сталь, 1996. 448 с.
32. Буслаев Ф.И. Общие понятия о русской иконописи (ч. 1, 2) // Буслаев Ф.И. О ли-тературе: Исследования. Статьи. М. : Художественная литература, 1990. С. 349–415.
33. Бухаркина М.В. Поэтика русского мадригала XIX в. : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 184 с.
34. Лебедева О.Б. Из комментария к «Евгению Онегину»: «...И кудри черные до плеч» // Временник Пушкинской комиссии : сб. науч. тр. Л., 1991. Вып. 24. С. 155–162.
35. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений : в 6 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2: Стихотворения, 1832–1841. 388 с.
36. Баевский В.С. Тематическая композиция «Евгения Онегина»: (Природа и функ-ции тематических повторов) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 33–44.
37. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэти-ческого: Избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995. 623 с.
38. Жуковский В.А. Собрание сочинений : в 4 т. М. ; Л. : Худ. лит., 1959–1960. Т. 1: Стихотворения. 1959. 480 с.

On the “Male” Poetics of Alexander Pushkin, or the Sense-Generating Possibilities of One Assimilation: Olga Larina = Phyllida

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 145–166. DOI: 10.17223/19986645/64/10

Gennady Yu. Karpenko, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Keywords: Alexander Pushkin, *Eugene Onegin*, “male” poetics, Phyllida, floristic complex, “modesty of language”.

The article reveals the meaning-generating possibilities of assimilating Olga Larina to Phyllida (Alexander Pushkin’s novel *Eugene Onegin*). The discovery of additional content is ensured by applying cultural-historical and structural-semiotic approaches. Contextual search allows returning forgotten meanings to the reader’s perception zone. The author uses the idyllic tradition in deciphering the name, as previous commentators did, and the myth of Phyllida and Demophon, the legend of Phyllida, Aristotle and Alexander the Great to prove that the image of the ancient heroine is connected not only with the motive of restrained modesty, but also with frank passion (verses of Virgil, Horace, Martial, pictorial, sculptural and even church compositions of the “races” of Phyllida and Aristotle). The considered sources, which served as the basis for the development of plots about the mythological, idyllic and “Aristote-lian” Phyllids in the world culture, were reflected with varying degrees of clarity in Pushkin’s novel. In the course of the structural-semiotic study, attention is drawn to the “leafy” seman-tics of the name of Phyllida, to the “floral” image of Olga and, in this connection, to a number of subtle associative-erotic meanings generated by the symbolization of the flora. Lensky and Onegin have different ideas about Phyllida-Olga. Lensky perceives her in a high sense: she is either the Thracian Phyllida, or the conditionally sublime heroine in Russian poems and in ancient authors’ works. Onegin, by renaming, makes it clear that he sees something different (passionate) in Olga, and, as it turned out, he is not mistaken in her willingness to psycho-physiologically respond (by blush, languor) to a “vulgar madrigal”, to an intimate handshake, and to a playful dance with another man (“his bride gave herself to another”). Olga’s respon-siveness creates a tragic stalemate in the novel; there is no way out of it. Death rescues Lensky from family life disappointments: an unenviable matrimonial fate would await him ahead. But for his bright sign—long black curls, would have another, more noticeable in soci-ety, one: he would be “happy and horned”. Pushkin completes the “leafy” storyline “Olga–

Lensky" with a thematic repetition: plant symbols, which already correlate with Lensky, not with Olga. The author poetically compensates for the premature death of "poor Lensky" by the motive of eternal life. Lensky rested in the "sweet land", in his native and at the same time over-dimensional space of eternity. The article concludes that the "Phyllida complex" allows Pushkin to convey the most modest and natural in a person in a concealed form, to create a language for the expression of hidden feelings and experiences. Russia in the language of Pushkin reaches spiritual and moral maturity, which Boileau, who considered the "modesty of the language" to be a normative feature of the national culture, spoke about in his poetic teachings.

References

1. Val'kov, D.V. & Tsiv'yan, T.V. (2006) *Tekst i kommentariy* [Text and Commentary]. Moscow: Nauka.
2. Likhachev, D.S. (1999) *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the Philosophy of Art]. St. Petersburg: Blits.
3. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Chudakov, A.P. (2005) K probleme total'nogo kommentariya "Evgeniya Onegina" [On the Problem of the Total Commentary of "Eugene Onegin"]. In: Loshchilov, I. & Surat, I. (eds) *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin Collection]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 210–237.
5. Pushkin, A.S. (1957–1958) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 Vols]. Moscow: USSR AS.
6. Brodskiy, N.L. (1964) "Evgeniy Onegin" Roman A.S. Pushkina: posobie dlya uchitelya ["Eugene Onegin", a Novel by A.S. Pushkin: A Teacher's Book]. 5th ed. Moscow: Prosveshchenie.
7. Lotman, Yu.M. (1983) Roman A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin". Kommentariy [A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". A Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie.
8. Ginzburg, L.Ya. (1958) Primechaniya [Notes]. In: Vyazemskiy, P.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–45.
9. Nabokov, V.V. (1998) *Kommentariy k romanu A.S. Pushkina "Evgeniy Onegin"* [A Commentary on A.S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin"]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, Nabokovskiy fond.
10. Dobrodomov, I.G. & Pil'shchikov, I.A. (2008) *Leksika i frazeologiya "Evgeniya Onegina": Germenevticheskie ocherki* [Vocabulary and Phraseology of "Eugene Onegin": Hermeneutic Essays]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
11. Ivan Sinayskiy. (1879) *Grechesko-russkiy slovar' Ivana Sinayskogo: v 2 ch.* [Greek-Russian Dictionary Compiled by Ivan Sinayskiy: In 2 Parts]. Pt. 2. Moscow: Tipografiya T. Ris, na Sadovoy, u Yauzskoy chasti, d. Medyntsevovoy.
12. Gol'skiy, I.A. (2010) *Simvolika flory: sushchnost' i formy perezhivaniya* [Symbolism of Flora: Essence and Forms of Experience]. Philosophy Cand. Diss. Omsk.
13. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latinsko-russkiy slovar'. Okolo 50000 slov* [Latin-Russian Dictionary. About 50,000 Words]. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Tomashevskiy, B.V. (1926) Pushkin i Bualo [Pushkin and Boileau]. In: *Pushkin v mirovoy literature* [Pushkin in World Literature]. Leningrad: GIZ. pp. 13–63.
15. Boileau. (1957) *Poeticheskoe iskusstvo* [Poetic Art]. Translated from French. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Gukovskiy, G.A. (2001) *Rannie raboty po istorii russkoy poezii XVIII veka* [Early Works on the History of the 18th-Century Russian Poetry]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
17. Gasparov, M.L. (1997) *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected Works: In 3 Vols]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

18. Linnaeus, C. (1989) *Filosofiya botaniki* [Philosophia Botanica]. Translated from Latin. Moscow: Nauka.
19. Sharafadina, K.I. (2004) *“Yazyk tsvetov” v russkoy poezii i literaturnom obikhode pervoy poloviny XIX veka* [“Language of Flowers” in the Russian Poetry and the Literary Use on the First Half of the 19th Century]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
20. Egorova, E.N. (2006) *“Parnasskie tsvety”: floristicheskaya simbolika v poezii Pushkina* [“Parnassian Flowers”: Floristic Symbolism in Pushkin’s Poetry]. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/24538>.
21. Karamzin, N.M. (1966) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel’.
22. Batyushkov, K.N. (1964) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel’.
23. Sviyasov, E.V. (1998) *Antichnaya poeziya v russkikh perevodakh. XVIII–XX vv.: bibliograficheskiy ukazatel’* [The Poetry of the Antiquity in Russian Translations. 18th–20th Centuries: A Bibliographic Index]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
24. Quintus Horace Flaccus. (1968) *Ody. Epody. Satiry. Poslaniya* [Odes. Episodes. Satire. Epistles]. Translated from Latin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
25. Virgil. (2007) *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [Bucolics, Georgics, and the Aeneid]. Translated from Latin. Moscow: Eksmo.
26. Martial. (1994) *Epigrammy* [Epigrams]. Translated from Latin. St. Petersburg: Komplekt.
27. Meletinskiy, E.M. (ed.) (1992) *Mifologicheskiy slovar’* [Mythological Dictionary]. Moscow: Bol’shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
28. Lomonosov, M.V. (1950–1983) *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t.* [Complete Works: In 11 Vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.
29. Sumarokov, A.P. (1935) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
30. Salova, S.A. (2012) “Parables” by A.P. Sumarokov (1762): Continuation of Russian “Discussion on Anacreon”. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 17 (4). pp. 1773–1776. (In Russian).
31. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual’nosti* [The Will to Truth: On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality]. Translated from French. Moscow: Kastal’.
32. Buslaev, F.I. (1990) *O literature: Issledovaniya: Stat’i* [On Literature: Research: Articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 349–415.
33. Bukharkina, M.V. (2008) *Poetika russkogo madrigala XIX v.* [Poetics of the Russian Madrigal of the 19th Century]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
34. Lebedeva, O.B. (1991) Iz kommentariya k “Evgeniyu Oneginu”: “...I kudri chernye do plech” [From the Commentary to “Eugene Onegin”: “And Raven Curls of Shoulder-Length”]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii* [The Annals of the Pushkin Commission]. Vol. 24. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. pp. 155–162.
35. Lermontov, M.Yu. (1954–1957) *Polnoe sobranie sochineniy: v 6 t.* [Complete Works: In 6 Vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
36. Baevskiy, V.S. (1989) Tematicheskaya kompozitsiya “Evgeniya Onegina”: (Priroda i funktsii tematicheskikh povtorov) [The Thematic Composition of “Eugene Onegin”: (Nature and Functions of Thematic Repetitions)]. In: *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Studies and Materials]. Vol. 13. Leningrad: Nauka. pp. 33–44.
37. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoetic Studies: Selected Works]. Moscow: Progress; Kul’tura.
38. Zhukovskiy, V.A. (1959–1960) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

УДК 82.02

DOI: 10.17223/19986645/64/11

Л.Г. Кихней, О.Р. Темиршина

**«КАМЕННАЯ» ПАРАДИГМА «ГРИФЕЛЬНОЙ ОДЫ»
О. МАНДЕЛЬШТАМА: К МЕХАНИЗМАМ
СМЫСЛОВОЙ ДЕРИВАЦИИ**

Рассматривается семантическая архитектура «Грифельной оды» с точки зрения механизмов смысловой деривации. Доказывается, что разветвленная сеть смыслов оды обусловлена образом камня и его смысловыми производными, которые фундируют семантические пласты стихотворения. Показано, что мотивно-образный пласт соотносён с первичными физическими признаками камня, сюжетный слой связан с генезисом камня, а интертекстуальный пласт сопряжен с представлением о камне как об инструменте культуры.

Ключевые слова: камень, кремь, интертекстуальность, образ, метафора, морфогенез, семантическая деривация.

К постановке вопроса. О поэтической семантике «Грифельной оды» О. Мандельштама написано огромное количество работ¹. Одним из первых проблему смысловой организации этого текста поднял Д. Сегал [11. С. 253–301]. Подробно разбирая семантику оды, ученый, как и другие идущие вслед за ним исследователи, методологически ориентируются на структурно-лингвистический канон. Однако мы предлагаем рассмотреть смысловую структуру «Грифельной оды» несколько в ином ракурсе. Нам представляется, что семантическая архитектура оды связана с тем, что ее поэтические значения иницированы конкретными предметными образами, которые, в свою очередь, притягивают ряды определенных культурно-исторических парадигм. Мы, таким образом, считаем, что в основе семантических переплетений лежат *предметные смыслы*, которые создают семиотический центр тяжести текста, и первично важный образ – камень и его образно-смысловые дериваты.

В «Грифельной оде» корневая морфема *камен-*, столь часто фигурировавшая в ранней поэзии Мандельштама, встречается лишь дважды. На наш взгляд, этот сдвиг связан с тем, что в этом тексте поэт оперирует не безликими камнями, но их точными обозначениями, связанными с конкретными минералами и горными породами. На лингвистическом уровне это значит, что Мандельштам сужает категориальное значение камня и переходит от родового имени [12. С. 235] к видо-специфичным знакам.

¹ К числу основных отнесем труды В. Терраса [1], Г. Седых [2], М. Гаспарова [3, 4], И. Семенко [5. С. 7–30], Д. Черашней [6], В. Микушевича [7], Я. Левченко [8], Н. Ваймана [9], Т. Прониной [10].

В «Грифельной оде» камень предстает как *кремень*, *сланец* и *мел*. Кремень представляет собой твердое минеральное образование в осадочных горных породах¹. Корневая морфема *кремен-* / *кремн-* повторяется в стихотворении 8 раз в прямом («Кремней могучее слоенье» [14. Т. 1. С. 149]) и иносказательных («кремнистый путь», «кремня... язык», «кремень – ученик воды») значениях и контекстуально связанных с ним ветвящихся образах и мотивах. В каменную парадигму наряду с кремнем входит сланец – вид слоистых горных пород² и мел – осадочная горная порода, имеющая органическое происхождение³. Названия и этих горных образований употребляются Мандельштамом как в метафорическом, так и в прямом смыслах.

Переход от прототипического образа к его конкретным видовым репрезентантам сопровождается акцентированием специфических признаков тех или иных камней. И если «просто камень» представляет собой диффузный образ, не имеющий акцентированных отличительных черт за исключением «энциклопедических значений» (твердый), то разновидности камня имеют свой конкретный облик, который Мандельштам часто чуть ли не с научной точностью вводит в текст своего стихотворения.

Отсюда и основная гипотеза нашей работы, которая заключается в том, что *физические признаки камня и тех его разновидностей, о которых идет речь в «Грифельной оде», играют важнейшую роль в разворачивании стихотворения*. Эта гипотеза ставит перед нами ряд вопросов теоретического порядка, главным из которых является вопрос о том, каковы механизмы символизации предметных образов в тексте стихотворения и какую роль эта символизация играет в разворачивании самой стихотворной ткани.

Символический потенциал предметных образов изучался в этнолингвистике, где было показано, что он соотносен в первую очередь с его внешними признаками (цвет, форма, размер и проч.), генезисом и утилитарной функцией [15. С. 235]. Если же говорить о символизируемых признаках разновидностей камня в «Грифельной оде», то они, на наш взгляд, связываются с теми же первичными признаками камня как конкретной природной субстанции. Таким образом, формируются три поля, в рамках которых происходит символизация признаков камня: *визуально-иконическое* (связанное с внешней физической формой камня), *генетическое* (соотнесенное с происхождением камня) и *концептуально-семантическое* (индуцируемое разнообразной культурной семантикой, сопряженной в первую очередь с представлением о камне как об орудии культуры).

Каждое из этих измерений играет свою роль в развитии образно-семантического строя стихотворения, и наша задача состоит в том, чтобы

¹ Ср. у В. Даля: «Кремень – самый твердый и жесткий из простых камней, служивший прежде особенно для добычи огня» [13. Т. 2. Стб. 485].

² В. Даль определяет сланец как «всякий камень плитками, сланью, слоями, пластинами» [13. Т. 4. Стб. 537].

³ Ср. у В. Даля: «Мел – мягкий, мучнистый известняк» [13. Т. 2. Стб. 962].

показать, как «каменные» образы обуславливают развитие семантики оды, а их предметные смыслы претворяются в плоть и кровь мандельштамовского стихотворения.

Камень как физический объект: визуально-иконические метафоры и морфогенез лирического сюжета «Грифельной оды»

Первичные смыслы «каменных» образов связаны с их физическим обликом. Наиболее важной особенностью физического облика описываемых камней становится их *слоистость*. Слоистыми являются сланцы, на что указывает и сам фонетический облик слова, слоистостью характеризуется и кремень, который образуется в осадочных горных породах.

Семантика слоистости является сквозной в стихотворении, она работает на нескольких уровнях текста. Так, прежде всего семантика слоистости индуцирует некоторые визуальные образы текста. К числу таких образов относится образ облаков, который подспудно содержит эту семантику. Думается, что именно признак «слоистость», связанный первично с камнем, и обуславливает по периферийному визуальному признаку включение облаков в смысловое поле текста. При этом первичный образ камня, индуцировавший семантику слоистости, «всплывает» в метафорическом обозначении облаков: «На мягком сланце облаков / Молочный грифельный рисунок».

Слоистость оказывается общим признаком как камня, так и атмосферного образа, именно на этой общности и создается «обоюдная» метафора (термин А. Потебни), обозначающий и означаемый планы которой семантически эквивалентны. Денотативное содержание текста ускользает, и не ясно, о чем идет речь: об облаках, которые метафорически обозначены через сланец, или же о сланцах, которые визуально напоминают слоистые облака. Смысловое уравнивание камня и облаков становится возможным благодаря исключительному положению признака «слоистость», при этом для сланца этот признак оказывается физически первичным, а для облаков – коннотативным. Связь камня и атмосферы была теоретически осмыслена Мандельштамом в «Разговоре о Данте», где поэт называет камень «дневником погоды», «метеорологическим сгустком» [14. Т. 2. С. 251].

Укажем также и на то, что в ранней версии текста сопряжение воздушной стихии и каменной – через общий признак визуальный «слоистой» структуры – было более выраженным. Ср.: «На мягком сланце облаков / Молочных грифелей зарницы» (цит. по: [5. С. 14]). Зарницы (всполохи молний) как бы «прочерчивают» структуру камня на небе, делая облака еще более похожим и на слоистый сланец. Возможно, что в исходном варианте текста лежало визуальное впечатление о грозе, на что косвенно указывает слово «огневицы» (ср. суждение М.Л. Гаспарова о мотиве грозы в стихотворении [3. С. 167, 173–174, 186–187]). Однако огневую семантику слова не следует сбрасывать со счетов, тем более что оно, находясь в сильной позиции, рифмуется с другим «огненным» словом – «зарницы». «Огневицы» и «зарницы» в последней версии текста исчезают, однако семан-

тика зарницы-грозы, видимо, остается и реализуется в финальной строфе стихотворения, где появляется образ воздушно-кремневого языка «с прослойкой тьмы, с прослойкой света» [14. Т. 1. С. 150], который визуально близок к «молочным грифелям зарницы», ибо по цветовой и световой символике этот овеществленный язык может напоминать грозовые слоистые облака, освещаемые молнией. Примечательно, что подтекстовая грозовая семантика при этом входит в те же смысловые корреляции, что и в первой строфе. Так, она также соотносится с идеями слоистости и сопряжения двух стихий – воздуха и камня¹.

Таким образом, в тексте обнаруживается целая система метафор, которые зиждутся на сопряжении воздуха и камня через общий визуальный признак «слоистой структуры». При этом данный признак, будучи первично связанным с камнем, как бы распыляется в тексте, проецируясь на совершенно иные предметы и феномены.

Этот первичный признак кремня и сланца связывается не только с отдельными образами, но и со всей архитектоникой стихотворения в целом. Так, он мотивирует ключевую поэтическую идею «Грифельной оды» – идею стыка разных пластов вещества, которая в тексте оказывается несущей конструкцией. Взятая в своем метафорическом аспекте, она обуславливает, с одной стороны, отчетливый смысловой бинаризм оды (ибо в одной породе «сопрягаются» разные вещества), а с другой стороны, она же инспирирует снятие этого бинаризма (ибо сама идея стыка предполагает наличие общей границы между слоями). Отсюда и проистекает идея двойственности, пронизывающая текст «Грифельной оды».

Эта семантика слоистости, «стыковости» организует и фоносемантический уровень текста. Мандельштам позже напишет о Данте: «...его стихи <...> сформированы и расцвечены именно геологически. Их материальная структура бесконечно важнее пресловутой скульптурности. Представьте себе монумент из гранита или мрамора, который в своей символической тенденции направлен не на изображение коня или всадника, но на раскрытие внутренней структуры самого же мрамора или гранита. Другими словами, вообразите памятник из гранита, воздвигнутый в честь гранита и якобы для раскрытия его идеи» [Там же. С. 223].

Это суждение справедливо и для поэтики «Грифельной оды» [6. С. 72], она, как показал Д. Сегал с опорой на метафорику Мандельштама из «Разговора о Данте», всем своим строением имитирует горную породу, «структура “Грифельной оды” удивительным образом соответствует структуре камня» [11. С. 264]. Так, семантика стыка, сдвига, слоения становится архитектоническим принципом организации текста и основой лирического сюжета. Фигурально говоря, те «сдвиги» и «провалы», которые Мандельштам констатировал в природном бытии и в самом течении времени, привели к семантике

¹ В этой смысловой перспективе «царапины грифельного лета» реанимируют огневую семантику, визуально сопрягаются с зигзагами молний и одновременно связываются с известными державинскими образами.

«промера» и к смысловым «разрывам» в его поэтике. В итоге поэтика «Грифельной оды» становится принципиально метонимичной. Причем принцип метонимии распространяется и на работу с литературными источниками. Поэтический синтаксис оды также имитирует природные процессы: геологическим стыкам соответствуют такие фигуры речи, как антитеза, антиномия, контрапункт (кремня и воды, дня и ночи и пр.), а качеству *слоистости* горных пород соответствуют такие риторические фигуры, как синтаксический повтор, семантическая гомология, параллелизм и пр. Ср. обнажение этих приемов в <I> редакции: «И я ловлю могучий стык / Видений дня, видений ночи» [14. Т. 1. С. 383]. И наконец, *кремневые стыки* служат еще и композиционным обрамлением, как бы запечатывающим стихотворение в *каменное* кольцо (подкрепленное семантикой *подковы* и *перстня*).

Кроме того, геологические понятия и явления воспроизведены в тексте оды еще и фонетически. На чрезвычайную важность звучащего коррелята образа стыка указывает, во-первых, отсылка к лермонтовской цитате, открывающей стихотворение: «звезда с звездой»; во-вторых, важность фонетического принципа обосновывает эпиграф к «Грифельной оде» (автоцитата, взятая из черновой редакции стихотворения): «Мы только с голоса пойдем, / Что там царапалось, боролось...» [Там же. С. 149, 384, 385]. Этот эпиграф переводит геологическую семантику *стыков* и *сдвигов* в семиотический регистр звучащей речи. Акцентируя «звучащую и говорящую плоть» языка природы, автор актуализирует не только звучащую, но и речевую ипостась, роднящую ее с языком поэзии (ср.: «родник журчит... *речью*» [Там же. С. 149]).

Как здесь не вспомнить авторскую интерпретацию в «Утре акмеизма» тютчевского камня как слова, ибо «голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь» [Там же. Т. 2. С. 143]. Этот контекст показывает неслучайность звукосемантических сближений, пронизывающих «Грифельную оду»: персты – перстень; родник (<река> в I редакции) – речь; пеночка – пенье; строй – стрепет; города – гряда; кремль – кремль (во <II> редакции). Задача подобных фонетических соответствий – объединить язык природы и культуры.

Семантика стыка реализована и на уровне отдельных фонем и их сочетаний. Звуковой рисунок оды построен на сочетаниях «р» – со взрывными, включающими иногда и щелевые, которые передают звук ломающегося мела, камня: *кремнистый, старый, кремль, перстень, грифельный, бред, крепь, страх, проточный, крутые, города, гряда, церковь, проповедь, прозрачный, пресыщенный, пестрый, кориун, стереть, стряхнуть, крутятся, обрызган, горящий, строй, стрепет, кровельщик, корабельщик, двурушник, застрельщик, проточный, прослойка, персты*, ср.: [8]. Отсюда, к слову, и вытекает жанровый принцип восприятия «Грифельной оды»: ее как всякую классическую оду надо читать вслух, декламировать: «Мы только с голоса пойдем...».

Итак, внешний признак камня-кремня – слоистость – играет важнейшую роль в разворачивании визуальной метафорики и фоносемантики «Грифельной оды». Фактически *камень* как природная субстанция в этом тексте Мандельштама распадается на свои первичные признаки-атрибуты,

и они, начиная жить своей отдельной жизнью, коннотируют новые семантические поля, которые по метафорическому принципу сопрягаются с *каменным* полем. Точками стыка (используем терминологию «Грифельной оды») оказываются как раз внешний физический признак, который одновременно приписывается разным субстанциям. Внешний признак, таким образом, в некотором роде оказывается более семантически широким, чем сам предмет: он кочует с предмета на предмет, стягивая отдельные образы в единое концептуально-метафорическое поле.

Этот метод поэтической работы трудно назвать новым, он является таковым лишь относительно модернистской поэзии. Фактически же здесь Мандельштам реанимирует известную особенность архаичного мышления, когда отношения между признаком и объектом становятся обратными: «признак и его носитель как бы меняются местами: не признак оказывается принадлежностью предмета, а предмет (явление, действие) становится обозначением, символом, представителем или даже заместителем одного из своих признаков» [16. С. 10].

Символизация предметного образа может идти не только по линии его физических свойств, но и по линии его генезиса. Именно происхождение предмета часто определяет тот символический потенциал, которым может обладать образ. Это утверждение применимо и к камню в «Грифельной оде», который имеет свою собственную биографию, развертывающуюся в стихотворении. Эта биография подразумевает два уровня существования камня: поверхностный (конкретные топографические привязки) и глубинный (сам процесс образования горных пород).

Верхний слой каменной парадигмы, по нашему мнению, отсылает к крымским реалиям. Думается, что картина, отображенная в оде, напоминает горный ландшафт Крыма, что в подтексте поддержано фонетическим сходством лексем *кремень* – *Крым*. Тогда образ «...И все-таки еще гряда» может быть отсылкой к *грядам* Крымских гор (*Главной, Внутренней и Внешней*), имеющим слоистое строение и обширные меловые пласты. В том же ряду стоят и авторские ассоциации горных очертаний с «крутыми козыми городами», «сотами»¹, равно как и опосредованные упоминания о виноградниках² и т.д.

¹ Ср.: «Из Симферополя наш путь по Севастопольскому шоссе, проложенному по дну широкой долины, разделяющей Внутреннюю и Внешнюю гряды Крымских гор. Впереди слева поднимается Внутренняя гряда с огромным надрезом, созданным рекой Бельбек. Нижняя пологая его часть сложена верхнемеловыми мергелями, верхняя – почти отвесная – белоснежными известняками. Крепкие горные породы неоднородны, и под влиянием выветривания в них возникли разнообразные причудливые фигуры: чудовища, наподобие сфинксов, мощные крепостные бастионы, гигантские соты» [17].

² Связь «виноградных» реалий с горными породами Крыма в «крымских» стихах Мандельштама раскрыта в статье В.П. Казарина, М.А. Новиковой Е.Г. Криштофа, посвященной анализу стихотворения «Золотистого меда струя из бутылки текла...». Ученые, комментируя образ виноградника в этом стихотворении, указывают: «...поэт в 16-м стихе точно зафиксировал «ржавый» цвет почв Южного берега Крыма, образованных из

Глубинный пласт биографии камня связывается с процессом образования горных пород. «Кремней могучее слоенье», как явствует из контекста оды, – это горы как таковые. Связь кремня и гор поддерживается этимологически: *кремень* в переводе с греческого (κρημνός) – гора, крутизна, круча, утес, обрыв. Это смысловое сопряжение камня и гор и этимологические значения кремня масштабно реализованы в «Грифельной оде». Ср.: «Им проповедует *отвес*»; «*крутые* козьи города», «на изумленной *крутизне*» «ледяные *высоты*», «*подошва гор*».

Горная семантика объясняет функции воздуха и воды, чьи образные дериваты в большом количестве присутствуют в тексте. Вода и воздух – это вершители судьбы и биографии камня в «Грифельной оде», ибо осадочные горные породы, к числу которых относятся сланец, кремль и мел, образуются через выветривание, эрозии, вымывания. Ср.:

Вода их учит, точит время,
И воздуха прозрачный лес
Уже давно пресыщен всеми.
(1, 149)

Таким образом, следуя гетевскому канону научной поэзии, Мандельштам фактически реконструирует субаэральный диагенез, воспроизводит метаморфоз минералов и осадочных пород (кремня; кремнистого¹ и глинистого² сланцев, мела), из которых состоят горы Крыма.

В этой предметной перспективе становятся понятны многие органические образы, фигурирующие в оде. Так, в 1-ю редакцию оды Мандельштам метонимически вводит образы, указывающие на реликтовые вкрапления в осадочные породы («*чужих* гармоний *водоросли*», «*мохнатая губка*», «*ястребиный желток*», глядящий «из *каменного* жерла» [14. Т. 1. С. 383]). В окончательной редакции эти органические образы исчезнут, но останется метафора «изнанка образов зеленых», которая может быть интерпретирована как отпечаток древних растений в камне. В тот же реликтовый ряд вписывается и «в бабки нежная игра», отсылающая к похожему мотиву из недавно написанного стихотворения «Нашедший подкову» (1923): «Дети

уплотненных глин и мелкозернистых песчаников (сланцевые песчаники, шиферные почвы). Иначе их еще в геологии называют *коричневые почвы южнобережья*» [18. С. 148].

¹ Ср.: «Кремнистый сланец (лидит) – плотная, очень твердая, роговикоподобная кварцевая горная порода темного цвета, с занозистым изломом, пропитанная глинистым и углистым веществом, а иногда и водной окисью железа» [19. Т. 2 (3) доп. С. 10]. Кремнистый сланец обладает ярко выраженной слоистостью. По всем признакам именно о нем идет речь в стихе 3-й строфы: «Кремней могучее слоенье».

² Глинистый сланец – осадочная порода «сланцеватого сложения, темно-серого, черного, реже красноватого или зеленоватого цвета. Сложен из очень мелких частиц различных глинистых минералов <...> ориентированных, как правило, строго параллельно. <...> В России сорта глинистого сланца, наиболее полезного в техническом отношении, известны в <...> Крыму, на Кавказе, Урале и в Олонецкой губернии» [19. Т. 8 А. С. 850].

играют в бабки позвонками умерших животных» [14. Т. 1. С. 147]. В подобной проекции игра в бабки тянет за собой и семантику останков «умерших животных», то есть реликтовых вкраплений в осадочных породах.

Однако «изнанка образов зеленых» может быть интерпретирована и в ином – динамическом – смысловом регистре. Непрерывное становление бытия с геологической точки зрения – это тектонические сдвиги и катастрофы: «Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг». Поэтому, когда Мандельштам говорит о природном письме как о процессе, он указывает нередко на его катастрофические последствия для человека и его деятельности. Эту мысль поясняет затемненное сравнение: «Как мусор с ледяных высот – / Изнанка образов зеленых – / Вода голодная течет, / Крутятся, играя, как звереныш» [14. Т. 1. С. 149]. Вероятно, здесь имеется в виду сель или горный поток, сходящий с вершин гор вследствие таяния ледников. Тогда «изнанка образов зеленых» – это печальное настоящее аграрных реалий недавнего прошлого («Плод нарывал. Зрел винограда»), которые водный поток сметает на своем пути, превращая в «мусор».

Неожиданное сравнение *воды* в пятой строфе с ползущим пауком («И как паук ползет ко мне»): в горной топике, скорее всего, означает *оползень*, что поддержано звукосемантической аналогией *ползет* – *оползень*, упоминанием «ледяных высот» и лексемой *сдвиг* («...здесь пишет сдвиг...»). Оползневые деформации, указывает Н.Ф. Петров, бывают по типу *сдвига*, когда целый пласт горных пород, почв начинает движение вниз вследствие размывания или таяния *ледников* [20]. В то же время в *классификации оползневых деформаций по типу разжижения* используется термин «оползневой цирк», когда в месте выхода на поверхность склона подземных вод образуется оплывина с суженной горловиной и расходящимися лучами, действительно напоминающая ползущего паука [Там же].

Биография кремня с его метафорическими и метонимическими дериватами репрезентирует геологический архетип природного бытия. Автор разворачивает зоническую картину бытия планеты в единовременном сосуществовании геологических пластов прошлого, настоящего и возможно будущего. Геологическое бытие есть непрерывное становление, представляющее собой не спокойное поступательное развитие, а активное, порой конфликтное взаимодействие субстанций, разнонаправленных энергий и сил. Это и есть «кремнистый путь» бытия, разворачивающийся согласно неким единым закономерностям, действующим по одному и тому же алгоритму во всей вселенной, в физическом, минералогическом, биологическом бытии нашей планеты, в социальном, культурном и духовном мире людей.

Таким образом, Мандельштам в «Грифельной оде» дает (как когда-то это сделал Гете в «Метаморфозе растений») образец «научной поэзии» с точными рецепциями. И если конкретные физические свойства камня как отдельной субстанции инспирировали отдельные образы-метафоры, то генезис камня, понимаемый как наррация о его происхождении, обуславливает философский сюжет оды. Так мы наблюдаем сложный семантиче-

ский процесс превращения камня-сырца, взятого в его конкретной физической ипостаси, в камень-символ, который оказывается смысловым центром стихотворения.

Камень как инструмент культуры: концептуально-семантический аспект каменной парадигмы в «Грифельной оде»

Для того чтобы предмет стал символом, его первичные физические признаки должны быть метафоризированы. Способы метафоризации отдельных физических признаков камня и его генезиса мы рассмотрели выше. Однако камень у Мандельштама выступает не только как определенный предмет, занимающий свое место в бытии природы, но и как орудие, которое повернуто к миру культуры. Орудийная семантика камня радикально обновляет его метафорические смыслы, рассмотрению которых и посвящена третья часть работы.

В «Грифельной оде» камень в своей орудийной ипостаси выступает как орудие письма, ибо грифель представляет собой палочку из глинистого сланца¹. Слоистость как физический признак сланца и кремня, оказываясь местом стыка атмосферной и каменной стихии, порождает ряд сложных обоюдных метафор, где неразрывно сплетались значения воздуха и камня. Орудийная же функция грифеля, являясь точкой соприкосновения полей культуры и природы, также индуцирует целый ряд метафорических конструкций.

Основа этих конструкций – смысловое отождествление природы и культуры, которое являлось своеобразной константой поэзии Мандельштама. Еще раз обратим внимание на то, что в «Грифельной оде» метафоры, появляющиеся в результате этого уравнивания, близки к древним тропам, составляющие компоненты которых синкретично тождественны, *еще не* разделены (в этом аспекте несомненный интерес представляет мотив сна в оде, маркирующий регресс-возврат к неким пралогическим состояниям).

Для осуществления этой слитости необходимы образы-медиаторы, которые бы соприкасались одновременно с двумя полями, и роль таких образов играют камни (кремни и сланцы), которые теперь являются не архитектурным материалом (как камень в ранней поэзии Мандельштама), а непосредственно средством творения.

В «Грифельной оде» разветвленная каменная (кремневая) парадигма с самого начала переплетается с семантикой языка и письма. Уже в первой строфе Мандельштам переводит горную панораму в лингвосемантический регистр: «кремня и воздуха *язык*». Перед нами семиотическое двоение, обратимая метафора: *горный ландшафт* в смысловом пространстве оды позиционируется как *письмо*, написанное тем же горным ландшафтом. То есть реальное бытие и письмо синкретично слиты, означаемое и означающее перетекают друг в друга.

¹ Ср.: «Грифельный сланец – мягкий, серый, колется на длинные столбики» [19. Т. 8А. С. 850].

Письмена природы могут исчезнуть через мгновение, а могут остаться на века. Автор демонстрирует оба случая, при этом первый соотнесен с атмосферной семантикой, а второй – с геологической. Эта двойственность коррелирует с разобранными выше каменно-воздушными метафорами, которые первоначально уравнивались на основе визуального сходства, теперь же это смысловое тождество доказывается в ином – творческом – семантическом регистре.

Первый вид *природного письма*, связанный с воздушной стихией, представляет собой импрессионистический набросок очертаний облаков. Этот набросок воплощается в метафоре, в рамках которой облака уравниваются с грифельной доской, на «мягком сланце» которой и возникает мгновенный отпечаток бытия, «молочный грифельный рисунок», через минуту исчезающий. Визуальный абрис облаков угадывается и в загадочном образе «бреда овечьих полусонок», где овечья семантика, несомненно, инспирирована образом облаков-туч. Второй вид письма – каменный – представляет собой горный рельеф. При этом Мандельштам дает образ геологического письма как статичного текста (уже когда-то написанного), так и разворачивающегося здесь и сейчас процесса письма-творения, что подчеркнуто настоящим временем соответствующих глаголов и трижды повторенным обстоятельством места («здесь пишет... здесь пишет... здесь созревает черновик» [14. Т. 1. С. 149]).

Сам процесс письма предполагает наличие орудийных средств письма (чем и на чем писать), субъекта письма (пишущего) и самого письменного сообщения. Давно уже отмечено, что при моделировании орудийных средств Мандельштам воспользовался державинской метаописательной семантикой [11. С. 268–269; 4. С. 50–51; 8. С. 198–199]. Так, в пространстве оды мы, во-первых, находим образы, связанные с грифелем как орудием письма: это собственно сам грифель, мел, «свинцовая палочка». Во-вторых, в «Грифельной оде» появляются «иконаборческая доска» (двойник *грифельной* доски, на которой Державин начертал свое последнее стихотворение) и другие достаточно неожиданные природные поверхности, на которых можно писать, будь то «мягкий сланец облаков» или «крутизна» кремниевых гор. В-третьих, в тексте стихотворения мы видим само письмо – и как процесс («грифельные визги», «здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг»), и как результат («молочный грифельный рисунок», «дневник царапин грифельного лета», «кремня и воздуха язык», «черновик»).

Однако все эти орудийные средства в рамках выстраиваемой Мандельштамом семантической системы наделяются иными по сравнению с метафорическими коннотациями в оде Державина. Обновление смыслов происходит за счет наложения двух смысловых областей, при котором *семантика геологического творения воплощается в смысловом фрейме письма*. Именно так и происходит перенос грифельных образов как орудийных средств языка и культуры – на природу, при котором процесс морфогенеза горных пород уподобляется процессу письма: «Здесь *пишет* страх, здесь *пишет* сдвиг / Свинцовой палочкой молочной, / Здесь созревает черновик / Учеников воды проточной» [14. Т. 1. С. 149].

Воплощение морфогенеза геологических пластов во фрейме письма приводит к тому, что специфические термины, связанные с культурой, используются для обозначения природных процессов. Так, в текст вводится мотив «ученичества» природы, который реализуется в поэтике оды через «грифельный» код. Семантика грифеля, связанная со сланцем генетически (как культурный продукт с природным материалом), входит в заголовочный комплекс мандельштамовской оды, а затем четырежды повторяется в тексте, образуя семантическую парадигму, в которую втягиваются родственные понятия (мел, свинцовая палочка). Так складывается смысловое пространство ученичества, основными семиотическими показателями которого являются грифель / мел и доска. При этом природное (в контексте оды – воздушно-каменно-водное) бытие выступает и в роли грифельной доски, и в роли ученика («кремнь – ученик воды проточной»), и в роли учителя («вода их <крутые козьи города. – Л.К., О.Т.> учит»).

Смысловое отождествление природного и культурного кодов в стихотворении Мандельштама имеет под собой глубокое философское обоснование, связанное с тем, что культура и природа понимаются автором как части глобального круговорота: культура возвращается к своим природным истокам, но со временем природный мир снова трансформируется в культуру. И этот круговорот превращений постоянен и неизменен, именно он позволяет Мандельштаму интерпретировать путь, по которому движется бытие, как творческую эволюцию.

Аргументом, доказывающим этот тезис, становятся опять же горные породы, которые в оде присутствуют одновременно и как природные объекты, и как продукты культурного строительства. Так, например, *природная* кремневая семантика реализуется в таких *культурных* «образных производных», как «горящий мел», ассоциативно связываемый с высеканием огня с помощью двух кусков *кремня*. В том же ряду стоят и образы *стрел* вкупе с их корневым дериватом – *застрельщиком*, вызывающим в памяти *кремневые* наконечники стрел или *кремневые* ружья.

Еще интереснее ситуация со сланцем. Мандельштам ухитрился (может быть, невольно) дать в оде целую парадигму видов глинистого сланца (грифельного, рисовального, аспидного, точильного, кровельного, горючего [19. Т. 8 А. С. 850]), используемых в быту и в культуре. Так *грифельный* сланец реализовался, как мы уже отметили, в заглавном образе оды. *Рисовальный* сланец (мягкий черный, насыщенный углеродом) отразился в микроконтексте первой строфы («На... *сланце* облаков... *грифельный рисунк...*»). *Аспидный* сланец, служащий материалом для изготовления грифельных досок, вызвал к жизни образ «иконоборческой доски», ср.: «С *иконоборческой* *доски* *стереть* дневные впечатленья». В этом микросюжете мы видим семантическое скрещивание мотива иконоборчества (примечательно, что *иконоборцев* византийские ревнители ортодоксального православия называли *аспидами*) и мотива уничтожения иконоборцами икон (посредством буквального стирания святых ликов с иконных досок). *Точильный* сланец, служащий для изготовления точильных камней, ото-

звался в стихе: «вода их учит, *точит* время...». Даже *кровельный* сланец (используемый для изготовления кровельных покрытий) отозвался в оде в достаточно редкой (и слабо мотивированной общим контекстом) лексеме *кровельщик*: «Кто я? Не каменщик прямой, / Не *кровельщик*, не корабельщик...».

И наконец, очень любопытен и на первый взгляд темен образ «горящего мела». Думается, что в рамках системы семантических соответствий, которые Мандельштам выстраивает в своей оде, он может иметь несколько возможных толкований. Сам процесс горения мы выше связали с кремнем как инструментом высекаания огненных искр. Но остается вопрос: почему мел (не самый горючий материал) у Мандельштама позиционирован (причем дважды) как горящий? Оказывается, кроме белого, обычного мела, есть еще «черный мел» («французский мел»), который изготовлялся из *горючего* (глинистого) сланца. Его отличительная особенность – высокое содержание угля. Но в таком случае «горящий мел» как писчий инструмент оказывается парафразом «пушкинского угля, пылающего огнем». А в свете пушкинского претекста становится понятным, почему «ночь-коршуница несет горящий мел и грифель кормит». «Угль, пылающий огнем» [21. С. 340] = «горящий мел» – это именно та пища, которая утоляет «духовную жажду» поэта.

Визуально образ «горящего мела», который несет ночь, может быть истолкован и как явление яркой звезды или кометы, оставляющей огненный след на *грифельной доске* ночного неба. Эта версия подтверждается звездным микроконтекстом первой строфы (с отсылкой к лермонтовскому «разговору звезд»), а главное, тем, что одна из самых ярких звезд Северного полушария – Вега (входящая в созвездие Лиры) – переводится с арабского как «падающий коршун»¹, а само созвездие Лиры (символ поэзии в Древней Греции) в старинных атласах изображалось в когтях у коршуна [22].

Таким образом, в структуре *каменных* образов и в принципах их соединения явно проступает геолого-минералогическая составляющая. Но одновременно эта геологическая (с астральными коннотациями) семантика оказывается культурным семиотическим кодом. Запечатлеть тектоническую биографию планеты (ср.: [23. С. 151–156]) и отождествить процессы природного творения и письма Мандельштаму позволяют символические коннотации камня, который предстает в тексте как «двуликий Янус», лики которого повернуты к природному и культурному бытию. И если физические признаки камня мотивировали появление отдельных метафорических образов, то генезис камня обуславливает осевой сюжет стихотворения (вечное возвращение, колебание между природными и культурными полюсами).

¹ «Есть свидетельства, что это название восходит к еще догреческому, финикийскому прототипу созвездия. Так что Лиру называли также *Падающий Коршун*, *Падающий Ястреб* или *Падающий Грифон*» [22]. Любопытно, что в корпусе мандельштамовской оды задействованы все три астрономических орнитонима: «ночь-коршуница», «*ястребиный* твой желток» (в 1-й редакции [14. Т. 1. С. 383]) и «*грифель*», который, по точному замечанию И. Семенко, созвучен с названием хищной птицы (гриф) [5. С. 21].

**«Геологософия» «Грифельной оды»
в свете научных концепций В.И. Вернадского**

Идея письмен природы и камней как его алфавитных знаков в некотором роде типична для западной культуры: через средневековую символику она была воспринята ранним немецким романтизмом в лице Новалиса. Однако инкарнация этой идеи у Мандельштама может иметь совершенно иной, научный источник. Весьма вероятно, что разработка каменной символики в ракурсе научной поэзии И.В. Гете была инспирирована идеями В.И. Вернадского. Видимо, Мандельштам к 1923 г. был знаком с биогеологическими теориями ученого, который, кстати, в конце 1910-х гг. вел интенсивную научную работу в Крыму.

В мандельштамовской оде отзвуки научных идей Вернадского обнаруживаются непосредственно на уровне его ключевых образов. Так, по утверждению ученого, земная кора на 85 процентов состоит из соединений кремния. А Мандельштам кремнь (фонетически и геологически родственный кремнию) называет земным основанием («подошвой гор»). А в выражении «здесь пишет сдвиг» можно усмотреть аллюзии на кристаллографические идеи Вернадского, обосновавшего явление сдвига в кристаллическом веществе [24]. Кроме того, В.И. Вернадский развил генетическую минералогию: он учил рассматривать минералы как закономерные продукты физико-химических процессов, происходящих в земной коре и космосе. Он указал на необходимость изучать не только минералы, но и минералообразующие процессы и выдвинул парагенезис минералов как важный критерий в познании их происхождения [24].

Но самое главное, геологософская концепция «Грифельной оды» заставляет предположить, что на Мандельштама повлияли не только минералогические суждения Вернадского, но и в целом его учение о биосфере. Оно разрабатывалось Вернадским как раз в начале 1920-х гг. и было изложено в его работах: «Химический состав живого вещества» (1922) и «Начало и вечность жизни» (1922), «Биосфера» (1926). Согласно Вернадскому «земная кора <...> не инертная каменная масса, а сложный механизм, где <...> осуществляются разнообразные геохимические круговороты в значительной степени определяемые деятельностью живого вещества <...>. В земной коре сохраняются свидетельства всплесков, волн жизни в виде скоплений биогенных карбонатов, горючих сланцев, угля, нефти, писчего мела и других минеральных образований, связанных с деятельностью живого вещества, с проявлением организации биосферы» (цит по: [Там же]).

А «выявление роли биосферы, – замечает Вяч. Вс. Иванов, – в дальнейшем своем развитии приводит к ноосфере» [25. С. 76] – высшей стадии эволюции, при которой, согласно В. Вернадскому, человечество становится основной планетарной геологообразующей силой, обусловленной творческим воздействием человека на природное бытие. Тейяр де Шарден, развивший идеи Вернадского, определяет ноосферу как «сферу размышления, сознательного изобретения, осязаемого объединения душ» (цит. по: [25. С. 76]).

Мандельштам, проштудировавший еще в эпоху «Tristia» «Творческую эволюцию» Анри Бергсона, не мог остаться равнодушным к подобным идеям [9]. Думается, что один из магистральных мотивов оды – мотив онтологического «ученичества» может быть истолкован как поэтическая инверсия теории ноосферы с ее культом перманентного творческого становления, с той лишь оговоркой, что Мандельштам моделирует собственную – антиутопическую – версию «ученичества миров».

Суть этой версии в том, что природное бытие и репрезентирующий его горный рельеф образовался вследствие геологических потрясений, тектонических сдвигов вселенских масштабов (ср. «звезда с звездой – могучий стык»), воздействия атмосферы (воздуха, воды), времени. Кремневые гряды хранят память о своем прошлом (в осадочных породах содержатся реликтовые структуры)¹, а каменные отложения представляют собой спрессованное время². Не случайно ведь страх / сдвиг «пишет» «свинцовой палочкой». Примечательно, что *свинец* как металл мифологически коррелирует с Сатурном (временем).

При этом становление природного бытия, по Мандельштаму, предполагает разрушение культурного бытия, его регресс к неким первичным сновидческим формам. Так, размышляя над державинским тезисом о тленности всего сущего, Мандельштам утверждает, что энтропии в большей степени оказываются подвержены феномены, относящиеся к сознанию, которое понимается им как механизм, формирующий культурную «ойкумену»:

С иконоборческой доски
Стереть дневные впечатления
И, как птенца, стряхнуть с руки
Уже прозрачные виденья!

[14. Т. 1. С. 150]

Дневной мир сознания оказывается побежденным ночной сферой бессознательного. При этом бессознательное в своей глубине неразруσιμο, а посему сохраняет творческий потенциал («ночь-коршунница несет / горящий мел и грифель кормит»). Согласно авторской логике ничто не исчезает окончательно. Дневные видения и впечатления, относящиеся к сфере сознания / культуры не развоплощаются, а, спрессовываясь наподобие геологических пластов, уходят в подсознание («изнанку» сознания), т.е. в природный, «ночной мир»:

День бушевал, как день бушует
<...>
Как мусор с ледяных высот –

¹ Например, главная масса известковых гор сплошняком «состоит из мелких раковин простейших животных <...> моллюсков, игольчатых губок» [18. Т. 20. С. 315].

² Ср. в «Разговоре о Данте»: «Камень – импрессионистический дневник погоды, накопленный миллионами лихолетий; но он не только прошлое, но и будущее» [14. Т. 2. С. 251].

Изнанка образов зеленых –
Вода голодная течет,
Крутясь, играя, как звереныш.
[14. Т. 1. С. 150]

Возврат к стихии подсознательного связывается Мандельштамом с мотивом времени, обращенного вспять, и образом культуры, которая возвращается к своему первично-природному бытию. Эти смыслы индуцируются образом «воды голодной», которая в контексте «Грифельной оды» также оказывается родником, текущим к своим истокам – «обратно в крепь» (ср. образ «голодного времени» в статье «Слово и культура»). Родник, текущий в обратном направлении, становится всеобъемлющим символом времени, обращенного вспять: времени, которое не уничтожает культуру, а как бы возвращает ее в родовое, природное лоно, где содержатся лишь прообразы культуры, ее наброски-черновики.

Мандельштамовские отождествления геологических явлений с жизнью человеческого духа, генетическое или морфологическое единство природных и культурных структур также вполне вписываются в ноосферическую парадигму. Вспомним одну из ключевых идей Вернадского, подчеркнутую Вяч. Вс. Ивановым, о «единстве вселенной и происходящих в ней процессов» [25. С. 75]. Эта идея впоследствии трансформировалась в один из ключевых методологических принципов ученого, утверждающий, что «в песчинке или капле как микрокосме отражается общий состав космоса» (цит. по: [Там же]).

Означенные натурфилософские идеи мотивируют метафорические ряды «Грифельной оды», связанные с отождествлением природных и культурных реалий. Так, горный рельеф в оде предстает как архитектурный прототип готических соборов¹. А «кремней могучее слоенье» становится прообразом городского пейзажа, что реализуется в образе «крутых козьих городов», в самой семантике которого заложено соположение культурного и природного кодов. Интересно, что «козьи города» оказываются опосредованной отсылкой к собственной античной «аллюзии», крымскому стихотворению 1915 г. «Обиженно уходят за холмы...», в котором есть образы «овечьего Рима с его семью холмами», «собачьего лая» и овечьего руна, висящего «тяжелою волной» [14. Т. 1. С. 105].

Таким образом, первоначальным импульсом возникновения базовой метафорической модели «Грифельной оды» могли стать идеи Вернадского о единстве живого и неживого, которые и обусловили саму структуру обратимых «природно-культурных» метафор Мандельштама. Однако Мандельштам выходит далеко за пределы учения Вернадского, выстраивая свою систему доказательств изоморфизма природы и культуры. Главным доказательством становится сама структура «Грифельной оды», где, как в

¹ Подобный метафорический ход был опробован Мандельштамом в стихотворении «В хрустальном омуте какая крутизна!...».

горных породах, сосуществуют разные реминисцентные вкрапления из поэтических текстов, созданных в прошедшие исторические эпохи.

«Поэзия, завидуй кристаллографии...» Структура интертекста «Грифельной оды»

Если идеи Вернадского оказываются источником глобальной символической «схемы», которая обуславливает смысловую архитектуру стихотворения, то многочисленные литературные ассоциации как бы «поясняют» отдельные его образы. Интертекстам «Грифельной оды» посвящено значительное количество работ (см. труды, указанные в списке литературы: [1–11, 26–28]), где подробно выявляются и каталогизируются основные цитаты, аллюзии и отсылки, которые использует Мандельштам в своем стихотворении. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы показать, что интертекст «Грифельной оды» – это не случайно-хаотичный набор цитат, но система, выстроенная по определенным – геолого-минералогическим – закономерностям.

Так, во-первых, интертекстуальные отсылки, содержа в себе первичную авторскую семантику источника, тем не менее как бы надстраиваются над сугубо мандельштамовскими смыслами. Цитата в этом случае фактически становится формой авторского смысла, и часто функции текста-реципиента и текста-источника меняются: не цитата поясняет текст, а текст – цитату.

Во-вторых, выбор цитат мотивируется исходной семантикой ключевых субстанциональных образов оды и в первую очередь – *камня, горных пород, гор*. Именно эти «предметные» символы притягивают интертексты из разных литературных источников и оказываются «центрирующим» элементом подвижной системы мандельштамовского интертекста.

В-третьих, сосуществование разных цитат осуществляется по тем же геологическим принципам стыков и напластований, которые были описаны нами выше. При этом смысловые противопоставления между семантическими значениями разных претекстов часто не снимаются Мандельштамом, они остаются в стихотворении как некая память об источниках его происхождения.

Наконец, в-четвертых, технология интертекстуальности, использованная в «Грифельной оде», принципиально отличается от простой схемы, постулирующей одно-однозначные соответствия между текстом-донором и текстом-реципиентом. «Грифельная ода» построена как сложное смыслопорождающее устройство, которое предполагает не только поливалентность ключевых образов текста, но и – в некоторых случаях – *поливалентность источников*, к которым эти образы могут восходить. Огромное количество интертекстуальных отсылок, обнаруживаемое исследователями, косвенно этот факт подтверждает.

Главным механизмом такой поливалентности становится использование в «Грифельной оде» образов, характеризующихся семантической гло-

бальностью и тяготеющих к архетипическим образованиям. С этой точки зрения поиск конкретных источников многих образов, по нашему разумению, является лишь первым этапом исследования, описательно-идеографическим, ассоциирующимся со сбором первичных данных. На втором же этапе, аналитическом, должны выявляться принципы встраивания цитат-отсылок в сам мандельштамовский текст. Говоря иначе, здесь необходимо показать, как работает механизм наращивания значений, как архетипическое содержание накладывается на тот или иной культурный текст и как, наконец, в результате всех этих смысловых трансформаций возникает своеобразная «полицитата», которая отсылает сразу к множеству претекстов.

Наиболее очевидные и многократно прокомментированные литературные ассоциации связаны с лермонтовским стихотворением «Выхожу один я на дорогу...» и державинской неоконченной одой «На тленность». С лермонтовским претекстом («Сквозь туман *кремнистый* путь блестит <...> И звезда с звездою говорит» [29. С. 127]) коррелируют кремнево-астральные образы мандельштамовской оды. А с державинской «Рекой времен в своем стремлении...» ассоциируется сланцево-грифельная семантика, восходящая к способу написания державинского стихотворения на грифельной доске (изготовленной из аспидного *сланца*).

Однако на идейном уровне эти литературные произведения прямо не связаны с каменной тематикой, более того, в аксиологическом плане они противопоставлены друг другу. Так, смысл стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» – в попытке преодоления смерти через слияние с природой, идея же державинского текста прямо противоположна – все уничтожается временем: «А если что и остается <...> то вечности жерлом пожрется» [30. С. 360]. Таким образом, обе литературные отсылки не столько синтезируются в лирическом пространстве «Грифельной оды», сколько противопоставляются друг другу, подспудно играя роль идейной контрверзы.

Чью позицию разделяет Мандельштам? Казалось бы, державинскую. В статье «Девятнадцатый век» поэт буквально воспел державинское восьмистишие, ср.: «Здесь на ржавом языке одряхлевшего столетия со всей мощью и проницательностью высказана потаенная мысль грядущего – извлечен из него высший урок, дана его моральная основа. Этот урок – релятивизм, относительность» [14. Т. 2. С. 196].

И в самом тексте «Грифельной оды» можно найти аргументы в пользу точки зрения Державина. Так, «молочный грифельный рисунок» на «мягком сланце облаков» отсылает к державинской записи на грифельной доске, и эта аллюзия экстраполирует пессимистическую мысль Державина о губительной власти времени над любой людской деятельностью. Отсюда сравнение грифельного рисунка с «бредом овечьих полусонок» (метафора зиждется на сходстве облаков и овечьего руна). Эта странная метафора распадается на два взаимосвязанных образа, скрепленных «овечьей» семьей: сна человечества («Мы стоя спим в густой ночи / Под теплой шапкою овечьей», т.е. под небесным, облачным покровом) и горного пейзажа, ко-

торый может быть истолкован как возвращение цивилизации в природу («Обратно в крепь родник журчит <...> Крутые козьи города <...> Овечьи церкви и селенья»).

Однако последующие смысловые ходы «Грифельной оды» говорят о потаенном споре Мандельштама с Державиным. И в этом споре автор выдвигает два аргумента, связанные с *каменной* семантикой.

Первый аргумент в споре Мандельштама с Державиным – **теологический**. Мировой хаос можно теургически подчинить, преобразить через творчество-творение, мотив которого сопрягается с библейскими аллюзиями. Большинство из них отмечено исследователями. Так, анафорический зачин «блажен, кто», присутствующий в седьмой строфе отсылает к *Заповедям блаженства в Нагорной проповеди* Иисуса Христа¹ (см.: [З. С. 174; 10. С. 88]. Подтверждением этому служит и семантика *проповеди* в следующем двустии: «Им <овечьим церквям и селеньям> *проповедует* от-вес...»). Мотив завязывания ремня в стихе «Блажен, кто завязал ремень» вписывается в ту же евангельскую парадигму, ибо представляет собой инверсию известного речения Иоанна Крестителя [З. С. 174]. Ср.: «Иоанн всем отвечал: я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Лк. 3 : 16, ср. с Мк.: 1 : 7–8).

Если же вспомнить, что сам Иисус – «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мф. 21 : 42), то в процитированном отрывке можно угадать отсылку к новозаветному ритуалу Крещения. Вот его семиотические показатели: а) инверсированные слова Иоанна Крестителя во время Крещения; б) мотив религиозного ученичества (Иисус – Иоанн); в) мотив проточной воды (крещение в водах Иордана) как материальной субстанции христианского учения и магической основы обряда; г) кремень как метафора Иисуса (в свете вышеприведенной отсылки к евангельской цитате).

Камень в Евангелии – это еще и метафорический образ Христианской церкви. Так, в разговоре с Петром Иисус объявляет краеугольным камнем своего учения божественную истину (а именно: что Он – это Христос, Сын Бога Живаго). И на этой истине Иисус Христос собирается построить свою Церковь: «...и на сем камне (напомним, что петра – в переводе с греческого – каменная глыба. – Л.К.) *Я создам Церковь Мою*» (Мф. 16 : 18).

В свете библейского отождествления Иисуса Христа и его учения с краеугольным камнем авторская метафора *каменных гряд* как «овечьих церквей» обретает не только архитектурный, но и сакральный смысл, да и сама овечья семантика, облучаемая новозаветными коннотациями, прочитывается по-другому.

Кроме того, развертываемые в дальнейшем виноградно-плодоносные мотивы («Плод нарывал. Зрел виноград»), казалось бы, неожиданно появ-

¹ Ср.: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся...» (Мф. 5 : 3–4).

ляющиеся в тексте оды, могут быть мотивированы все тем же претекстом главы 21 Евангелия от Матфея, в которой рассуждения о камне, отвергнутом строителями, предваряет притча о виноградарях («Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям, взять плоды», Мф. 21 : 34).

Укажем еще один неявный, но весьма значимый новозаветный претекст процитированного фрагмента: «Блажен, кто завязал ремень / Подошве гор на твердой почве». На наш взгляд, семантика гор здесь еще одно напоминание о *Нагорной проповеди*. Завершая Нагорную проповедь, Иисус рассказывает притчу о двух домах: «Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7 : 24–27).

Разлив рек, разрушающий построенный на песке дом, в этой притче перекликается с державинской «рекой времен», топящей все сущее. Таким образом, контраргументом в споре с Державиным может служить эта евангельская цитата, отраженная в образной парадигме кремня как той нерушимой, «твердой почвы», которая служит основанием материального и духовного строительства. Ср.: «И сами, как *живые камни*, *устройте* из себя дом духовный» (1 Пет. 2 : 5).

Обратим внимание, что никакого прямого религиозного смысла «Грифельная ода» не несет: все библейские интертексты последовательно инверсированы. Почему? Ответ на этот вопрос дает финал «Грифельной оды», также содержащий явную аллюзию на евангельский текст и указывающий на имплицитное соотнесение лирического героя с апостолом Фомой. Ср.: «И я хочу *вложить персты* / В кремнистый путь из старой песни, / Как в язву...». В Евангелии от Иоанна Фома, узнав о воскресении Иисуса, говорит: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не *вложу перста* моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20 : 25).

Отождествление лирического «я» с апостолом Фомой чрезвычайно любопытно. Оно, по сути дела, знаменует новое мировоззрение поэта, новую систему философских ценностей, базирующуюся и на строго научном подходе, заложенном геофизическими и геохимическими изысканиями Вернадского, и на религиозно-философских воззрениях в духе Плотина или о. Павла Флоренского. Последний в письмах В.И. Вернадскому в конце 1920-х – начале 1930-х гг., развивая его идеи о ноосфере, обосновывает учение о «пневмосфере – сфере Духа», в которую втягиваются «не только произведения науки, философии, религии, искусства, входящие в ноосферу, но и нужные для их воплощения материалы» [25. С. 77]. Думается, что воплощение похожих идей, возникших независимо от влияния о. Флоренского, мы можем наблюдать в «Грифельной оде».

Второй довод Мандельштама в полемике с Державиным – *интертекстуальный*. Текст «Грифельной оды» изобилует отсылками к текстам предшественников, большинство из которых, как мы уже указали, выявлены. Поэтому, продолжая этот реминисцентный поиск, подчеркнем, что важно не просто найти ту или иную еще не указанную аллюзию, но вписать ее в онтологическую концепцию автора, реализованную в поэтике стихотворения. Суть ее состоит в следующем. Природные, социальные и культурные смыслы, отраженные в речи поэтов, образуют в диахронном развитии семиотические пласты, наподобие геологических пород. При этом, как мы декларировали выше, одна и та же цитата может восходить к разным источникам, вертикально организуя интертекстуальные слои оды. Достигается этот эффект благодаря тому, что цитатные образы, которые использует Мандельштам, являются семантически широкими, тяготеющими к архетипическим значениям. Эта техника работы с цитатами-отсылками создает эффект, который мы называем «слоение интертекста», при котором один и тот же образ может быть полигенетичным, восходить к разным источникам.

Державинский пласт, на который указывали сам Мандельштам и исследователи оды, возможно, самый нижний. В него входят помимо грифельной семантики «Реки времен...» и отсылок к заглавиям державинских стихов («Пеночка» и «Цепочка»), отмеченных М.Л. Гаспаровым [3. С. 176], вкрапления из образной структуры оды «На переход Альпийских гор» (1799), в котором мы видим те же семантические индексы, что и в стихотворении Мандельштама: образные комплексы камня – воды – ледяных высот, горения – ломки – кручения – стрел, проективные описания душевных и физиологических проявлений, спроецированных на природу (гневливость, страх / ужас, голод); амбивалентное отождествление дня и ночи («День – ночь ему среди туманов, / Ночь – день от громовых пожаров»); уподобление гор – сакральным объектам («Дымящи холмы – алтари») [31. С. 282].

Более того, связь «Грифельной оды» и оды «На переход Альпийских гор» поддерживается живописными отсылками, которые, на наш взгляд, оказываются более важными для развертывания оды, чем уже многократно указанное соотнесение ее ключевых образов с портретом Державина работы Тончи [3. С. 161–162]. Речь идет о рисунке, приложенном к оде при ее первом издании и воспроизведенном в академическом издании с комментариями Я. Грота (с этим изданием О. Мандельштам с большой вероятностью был знаком). Этот рисунок, предпосланный тексту державинского стихотворения, изображает отвесные утесы, горные уступы, водопады, колоны и Геркулеса, предводительствуемого орлом [31. С. 278]. Фактически рисунок содержит в себе ключевые образы и мотивы «Грифельной оды»: соотнесение каменных уступов и воды, изоморфизм природных (горы) и культурных (колоны – геркулесовы столбы) образов. Кроме того, он объясняет появление «ночи-коршунницы», которая может быть генетически связана с образом орла на гравированном рисунке. Таким образом, интер-

текстуальный державинский пласт включает в себя и визуальный компонент, который разыгрывает образы и идеи «Грифельной оды» на живописном материале.

Цитатный державинский пласт сопрягается с «геологическим» пластом пушкинского творчества через архетипические образы дня и ночи. Так, «Прозрачный лес» Мандельштама, несомненно, связывается с пушкинским «прозрачным лесом» из «Зимнего утра» [21. С. 98–99]. Этот образ тянет за собой связку других образов из того же стихотворения, корневые морфемы которых коррелируют с образами мандельштамовской оды (ср. в «Зимнем утра» – «лед», в «Грифельной оде» – «ледяных» и далее: «речка» – «родник», «зеленеет» – «зеленых», «тучи мрачные» – «облаков», «звезда» – «звезда с звездою», «луна» – «луна», «дремлешь... проснись» – «спим», «злилась» – «злых»).

Кроме того, в смысловой организации обоих текстов играет роль антитеза *дня и ночи*, которая, отметим, может ассоциироваться и с державинской одой «На переход Альпийских гор» и лермонтовским стихотворением «Выхожу один я на дорогу...», где тоже есть игра этими антитетическими понятиями.

«Минеральным» вкраплением семантики дня и ночи в семантическую «толщу» оды помимо пушкинско-державинских реминисценций являются отсылки к Ф. Тютчеву, которые также связаны с архетипической семантикой ночи и дня. Так, мандельштамовская контрастность этих образов проецируются на ряд тютчевских стихотворений («День и ночь», «Святая ночь на небосклон взошла...», «О вещая душа моя...», «О чем ты воешь, ветр ночной?..», см.: [7]), которые, с одной стороны, служат поэтико-философским комментарием к «Грифельной оде», контекстом для ее истолкования, с другой стороны, обнажает амбивалентное мировосприятие лирического героя, балансирующего «на пороге как бы двойного бытия» [32. С. 202]. Тютчевская антиномичность дневной и ночной ипостасей собственной души у Мандельштама беспредельно усложнена, нераздельность и неслиянность этих граней для него трагедийна.

Итак, день и ночь в «Грифельной оде» – образы, стягивающие разные интертекстуальные пласты в единое целое, эти образы как бы «пронизывают» семантические слои оды, являются структурообразующими для них, вокруг них формируется семантический ореол, притягивающий исторические разные претексты.

Но вернемся к Пушкину. Семантическое сопряжение воды и камня в «Грифельной оде» напоминает о «Медном всаднике». Ср.: «Нева <...> как зверь остервенясь, / На город кинулась» [21. С. 322], «...место, где потоп играл» [21. С. 325]; «Наводнение / Туда, играя, занесло / Домишко ветхой...» [Там же]. Та же семантика воды в «Грифельной оде»: «Вода голодная течет, Крутясь, играя, как звереныш». В «Медном всаднике» осмысление воды как «игры стихий» осложняется ее связью с мотивом «обратного течения», который также присутствует в «Грифельной оде». Ср. у Пушкина: «Но вот, насытая разрушением, / Нева обратно повлеклась...» [Там

же. С. 323], и у Мандельштама: «Обратно в крепь родник журчит». Кстати, указанный пушкинский контекст проясняет генезис эпитета «голодная» по отношению к воде: ведь в микроконтексте 5-й строфы «Грифельной оды» вода также насыщается разрушением.

Некоторые из ключевых образов оды – кремня, потока – обнаруживаются в неоконченной пушкинской поэме «Вадим». Скалистый пейзаж в поэме, как и в мандельштамовской оде, – результат взаимодействия камня, воды и атмосферных явлений: «...скалы, стремнины, / Везде хранят клеймо громов / И след потоков истощенных...» [33. Т. 4. С. 158]. Образ кровельщика (достаточно редкий в русской поэзии) появляется в пушкинском наброске и «И ты тут был» («Я Гаспар Дик, кровельщик, готовый к вашим услугам, милостивый граф» [Там же. Т. 5. С. 505]), а «корабельщик», возможно, инициирован «Сказкой о царе Салтане» (ср. «Корабельщики в ответ...» [21. С. 334]).

Формула «блажен, кто» также может быть полигенетичной. Так, она, очевидно, отсылает не только к Евангелию, но и к стихотворению Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (ср.: «Блажен, кто про себя таил <...> / Блажен, кто молча был поэт» [Там же. С. 53]) и роману «Евгений Онегин» («Блажен, кто смолоду был молод / Блажен, кто вовремя созрел» [21. С. 410]; ср.: [28]). «Пенье стрел» в «Грифельной оде», возможно, иницировано пушкинским стихотворением «Конь» (из «Песен западных славян»), где этот образ предвещает войну: «Слышу... трубный звук и пенье стрел» [21. С. 137]. Кстати, в том же стихотворении два раза повторяется образ «подков», который, как мы помним, также дважды повторен в начале и в финале «Грифельной оды» в словосочетании «с подковой перстень». Второй компонент этого словосочетания – отсылка к стихотворениям Пушкина «Храни меня, мой талисман» и «Сожженное письмо» и к стоящей за этими стихотворениями реалии – перстню, подаренному Пушкину Елизаветой Воронцовой. Любопытно, что рисунок на камне (сердолике), вделанном в перстень, воспроизводил виноградные гроздья (не отсюда ли образ «зреющего винограда» в «Грифельной оде?»), а сам минерал и надпись на камне свидетельствуют о крымско-караимском происхождении перстня.

«В бабки нежная игра» в пушкинской вселенной проецируется на экфрастический текст – «На статую играющего в бабки», посвященный скульптуре Н.С. Пименова, и опосредованно – на трагедию «Борис Годунов», поскольку гибель царевича Дмитрия, по мнению Мандельштама, произошла во время игры в бабки (ср.: в его стихотворении 1916 г., навеянном этим историческим сюжетом: «А в Угличе играют дети в бабки...» [14. Т. 1. С. 110]).

И наконец, самый верхний цитатный слой – аллюзии на поэзию Серебряного века. Здесь возникает поэтологическая отсылка к стихотворению Гумилева «Слово», где «мертвые слова» уподобляются пчелам «в улье опустелом» [34. С. 291]. Ср. у Мандельштама «Как мертвый шершень возле сот / День пестрый выметен с позором» [14. Т. 1. С. 149].

Вероятно, что в этой строке одновременно возникает и имплицитная отсылка к В. Шершеневичу, поддержанная звуковым сходством лексем *шершень* – *Шершеневич*¹. С Вадимом Шершеневичем у Мандельштама были сложные отношения, не вызывал у него симпатии и имажинизм, главой которого тот был (см. «Письмо о поэзии», где Мандельштам ругает имажинизм: «Молодые московские дикари открыли еще одну Америку – метафору, простодушно смешали ее с образом <...> Право же, дурная поэзия изнурительна для культурной почвы, вредна, как и всякая бесхозяйственность» [Там же. Т. 2. С. 266]). Вероятно, поэтому в тексте «Грифельной оды» сразу после образа *мертвого шершня* появляется синтаксически связанный с ним мотив «выметания», а затем и «мусора» – в сопряжении с лексемой «образ» («Как мусор с ледяных высот / Изнанка образов зеленых»), этимологически соотносимой с именованнием течения (*imago* в переводе с латинского – образ). Значительно, что эта довольно злая, хотя и скрытная, критика Шершеневича подкреплена цитатно: мотив *выметания* / *мусора* в оде Мандельштама перекликается с образом «опричника с метлою», который появляется в стихотворении Шершеневича «Принцип растекающейся темы» [35. С. 115]. Можно было бы предположить здесь случайное совпадение, если б не начало означенного стихотворения: «Заблудился вконец я и вот обрываю...». Именно этот стих позже эхом откликнется в знаменитой «двойчатке» Мандельштама «Заблудился я в небе – что делать?..» [14. Т. 1. С. 248].

Таким образом, архитектоника интертекста в «Грифельной оде» Мандельштама метафорически обусловлена геологической семантикой. Цитатные слои в мандельштамовской оде подобны геологическим пластам, они существуют в стихотворении по принципу стыков и напластований, включая в себя самые разнообразные «минералогические» вкрапления культуры, от Державина до современной Мандельштаму поэзии.

Итак, Мандельштам как будто бы совершает «клавишную прогулку» по горным вершинам русской поэзии – от Державина до Шершеневича. При этом его метонимические отсылки к знаковым поэтическим текстам русской культуры сплавляются с прозрачными отсылками к новозаветным текстам. Эта техника работы с реминисцентными пластами позволяет рассмотреть геологическую метафору применительно к интертексту в ином ракурсе. Мы полагаем, что Мандельштам в «Грифельной оде» воплощает глубинные механизмы развития культуры, используя *принцип образования кристаллических тел*.

Так, собирание смыслов интертекста в «Грифельной оде» осуществляется по кристаллическому типу, когда архетипический смысл исходных цитатных образов оказывается кристаллообразующим фактором, который, формируясь в насыщенном растворе культуры, притягивает к себе разнообразные претексты. При этом сам интертекст состоит как из «литературно-геологических» слоев (от XVIII до XX в.), так и из кристаллических вкраплений в эти слои, как бы разбросанные в «толще» самого стихотворения.

¹ На созвучие этих лексем обратил наше внимание А.Н. Мурашов. Благодарим его за это.

Подводя итог, отметим, что каменная парадигма оказывается центральной для семантики «Грифельной оды». Ее основные семантические пласты оказываются мотивированными специфическими признаками камня, который предстает в стихотворении в трех основных ипостасях: физической, генетической, культурно-орудийной.

Физическое измерение камня обуславливает ключевые визуальные метафоры оды, связанные с взаимопроникновением природных стихий. Генетический аспект камня связывается с развертыванием основного лирического сюжета оды, соотносённого с культурным, биологическим и геологическим морфогенезом. Культурно-орудийный аспект камня сопрягается с базовой философской идеей Мандельштама об изоморфизме явлений природы и культуры. Так, семантика стыка, являясь архитектурным принципом оды, реализуется на ее фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

Думается, что идея организации поэтического текста как минералогического образования была нащупана на уровне поэтической практики в «Грифельной оде»; теоретически же Мандельштам осмыслит ее позже в «Разговоре о Данте», где он сформулировал закон «формообразующей тяги». Он пишет: «Поэму насквозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга. Она есть строжайшее стереометрическое тело, одно сплошное развитие кристаллографической темы» [14. Т. 1. С. 224–225]. Именно по принципу развития кристаллографической темы выстраивается и текст «Грифельной оды», когда вокруг исходных смыслов образуются новые структуры, которые располагаются в таком порядке, какой соответствует «кристаллической решетке» культуры. При этом именно камни (кристаллы) оказываются центрами метафорообразования, так как они содержат «двойную» семантику: природную (в силу своего происхождения) и культурную (реализующуюся через смысловое поле письма).

Таким образом, формообразующая тяга природных и культурных феноменов организует глубинные интертекстуальные пласты оды, которые здесь выполняют не только классическую функцию отсылки к претекстам, но и, вписываясь в авторскую структуру значения, формируют «кремневые гряды» совершенно иных философско-эстетических смыслов.

В сущности, поэт делает вывод, что все потрясения и сдвиги в мире сродни геологическим процессам, которые не уничтожают мир, а трансформируют его, причем предыдущая модель развития воспринимается как черновик нынешней модели. И нет никакого «жерла вечности», а есть «геологические слои», хранящие «сухой остаток» бытия. Надо только научиться читать этот природный, в том числе, минералогический, код.

Таким образом, камень и его дериваты (кремень, сланец / грифель), не теряя своей материальной фактуры, становятся гносеологическими символами и инструментами познания. Благодаря геологической аналогии само бытие в истолковании Мандельштама предстает как глобальная метафора

перманентного ученичества – как у природы, так и у культуры. При этом «грифельная семантика» ученичества у Мандельштама обретает вселенский размах, втягивая в свою орбиту небо, землю, геологическое и историческое время, предшествующие этапы мировой культуры и отечественной литературы... Все это для поэта – письмена бытия, которые, будучи записаны единожды, уже никогда никуда не исчезают.

Литература

1. Террас В.И. «Грифельная ода» О. Мандельштама // Новый журнал. 1968. Кн. 92. С. 163–171.
2. Седых Г.И. Опыт семантического анализа «Грифельной оды» О. Мандельштама // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 2. С. 13–25.
3. Гаспаров М.Л. «Грифельная ода» Мандельштама: история текста и история смысла // Philologica. 1995. Т. 2, № 3/4. С. 153–198.
4. Гаспаров М.Л. Природа и культура в «Грифельной оде» Мандельштама // Арион: Журнал поэзии. 1996. № 2. С. 50–56.
5. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту. 2-е изд., доп. М. : Ваш выбор ЦИРЗ, 1997. 144 с.
6. Черашня Д.И. О двух «Грифельных одах» в русской поэзии // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово, 1998. С. 66–74.
7. Микушевич В. Двойная душа поэта в «Грифельной оде» Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 3, ч. 1. М., 2000. С. 55–62.
8. Левченко Я. «Грифельная ода» О.Э. Мандельштама как логодицея // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 197–212.
9. Вайман Н. К вопросу о «Грифельной Оде»: Мандельштам и Жирмунский // Russian Literature. 2012. Т. 72, вып. 3–4. С. 545–600.
10. Пронина Т.Д. Одическая традиция в «Грифельной оде» О.Э. Мандельштама // Новый филологический вестник. 2015. № 1 (32). С. 82–99.
11. Сегал Д. О некоторых аспектах смысловой структуры «Грифельной оды» О.Э. Мандельштама // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 253–301.
12. Ахутина Т.В. Проблема строения индивидуального лексикона человека в свете идей Л.С. Выготского // Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М., 2014. С. 234–249.
13. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Терра – Книжный клуб, 1998.
14. Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1990.
15. Толстая С.М. Предметные оппозиции и их символические функции // Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015. С. 234–243.
16. Толстая С.М. Категория признака в символическом языке культуры (вместо предисловия) // Признаковое пространство культуры. М. : Индрик, 2002. С. 7–21.
17. Лебединский В.И. Геологические экскурсии по Крыму: путеводитель. Симферополь: Таврия, 1988. URL: http://kimmeria.com/crimea_placenames/repository/crimea_geology_16.htm (дата обращения: 10.03.2019).
18. Казарин В.П., Новикова М.А., Криштоф Е.Г. Стихотворение О.Э. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (Опыты реального комментария) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». 2018. Т. 29 (68), № 1. С. 142–152.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

20. Петров Н.Ф. Оползневые системы: Простые оползни (аспекты классификации). Кишинев : Штиинца, 1987. 161 с. URL: <http://opolzni.ru>
21. Пушкин А.С. Сочинения. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 799 с.
22. Лира // Астромиф: История и мифология созвездий : сайт. URL: <http://www.astromyth.ru/Constellations/Лыр.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
23. Иогансон Л.И. Научные реминисценции в творчестве О. Мандельштама // Пространство и время. 2012. № 4 (10). С. 151–156.
24. Баландин Р.К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М. : Знание, 1979. 176 с. URL: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/balandin.html#410_5 (дата обращения: 10.03.2019).
25. Иванов Вяч.Вс. Первая треть двадцатого века в русской культуре: Мудрость, разум, искусство // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4, ч. 1. М., 2007. С. 8–117.
26. Тарановский К. Очерки о поэзии О. Мандельштама // Тарановский К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 13–208.
27. Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. 396 p.
28. Прошутейн Я. «Пространством и временем полный...»: История, реальность, время и пространство в творчестве Мандельштама // Семь искусств. 2014. № 1. URL: <http://litbook.ru/article/5943/> (дата обращения: 10.03.2019).
29. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1964.
30. Державин Г.Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. 469 с.
31. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота : в 9 т. СПб., 1865. Т. 2. 736 с.
32. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1957. 422 с.
33. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1951.
34. Гумилев Н. Сочинения : в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Худож. лит., 1991. 590 с.
35. Шершеневич В. Стихотворения и поэмы. СПб. : Академический проект, 2000. 361 с.

The “Stone” Paradigm of Mandelstam’s “The Slate Ode”: On the Mechanisms of Semantic Derivation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 167–196. DOI: 10.17223/19986645/64/11

Lyubov G. Kikhney, Olesya R. Temirshina, Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov (Moscow, Russian Federation). E-mail: lgkikhney@yandex.ru / olesja@temirshina.ru

Keywords: stone, flint, intertextuality, image, metaphor, morphogenesis, semantic derivation.

The main aim of the article is to identify the mechanisms of meaning-generation of Osip Mandelstam’s “The Slate Ode”. The hypothesis of the work lies in the fact that at the basis of the semantic structure of the poem there are semes associated with the image of the stone and its derivatives. The theoretical basis of the work was the idea of the semiotic potential of images that are correlated with the *shape* of the object, its *genesis* and *instrumental function*. In this aspect, the primary signs of the stone as a specific natural phenomenon are the basis for meanings of a semiotic order. The article shows that the physical aspect of the stone (its shape and external features) determines the key visual metaphors of the ode and the patterns of the development of its plot. Thus, the common seme “layering”, turning out to be a place of a semantic junction of air and stone paradigms, gives rise to a number of reversible metaphors. At the same time, the external feature of the stone is disconnected from the carrier-object, connecting individual images into a single conceptual and metaphorical field and causing new meanings of the text. The genetic aspect of the stone as a physical object is associated with

the development of the lyric plot, which is the plot of natural morphogenesis. The top layer of this plot refers to the Crimean realities, the deep geological stratum to the processes of rock formation. The stone viewed as a tool in culture organizes the conceptual-semantic structure of the ode and initiates a system of metaphors, the basis of which is the semantic isomorphism of nature and culture. Thus, in "The Slate Ode", the flint paradigm is intertwined with the semantics of language and writing. It is hypothesized that the "geological philosophy" of "The Slate Ode", associated with the isomorphism of nature and culture, was inspired by Vernadsky's noosphere concept, which Mandelstam could be familiar with. The ontological similarity of nature and culture is proved by the very complex intertext of "The Slate Ode", the stone paradigm becomes its centering component since it is the stone that attracts quotes from various literary sources. The structural analogue of the intertext of the ode is the structure of a stone-crystal. The article shows that the quotational images of the poem have a wide archetypal content (day, night, stone, water, etc.) and therefore can be associated with different sources, which leads to the polygenetic quotation. This "intertext foliation" can be metaphorically explained through the formative crystal power, in which the archetypal meanings of the citation images turn out to be a crystal-forming factor. The idea of organizing a poetic text as a mineralogical entity was theoretically interpreted by Mandelstam in his "Conversation about Dante". However, its poetic embodiment in "The Slate Ode" preceded this famous essay. It is in "The Slate Ode" that specific mechanisms for the growth of the poem's meanings associated with the implementation of archetypal motifs in cultural and literary fields are revealed.

References

1. Terras, V.I. (1968) "Grifel'naya oda" O. Mandel'shtama ["The Slate Ode" by O. Mandelstam]. *Novyy zhurnal*. 92. pp. 163–171.
2. Sed'kh, G.I. (1978) Opyt semanticheskogo analiza "Grifel'noy ody" O. Mandel'shtama [The Experience of a Semantic Analysis of "The Slate Ode" by O. Mandelstam]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 2. pp. 13–25.
3. Gasparov, M.L. (1995) "Grifel'naya oda" Mandel'shtama: istoriya teksta i istoriya smysla [Mandelstam's "The Slate Ode": History of the Text and History of Meaning]. *Philologica*. 2 (3/4). pp. 153–198.
4. Gasparov, M.L. (1996) Priroda i kul'tura v "Grifel'noy ode" Mandel'shtama [Nature and Culture in Mandelstam's "The Slate Ode"]. *Arion: Zhurnal poezii*. 2. pp. 50–56.
5. Semenko, I.M. (1997) *Poetika pozdnego Mandel'shtama. Ot chernovykh redaktsiy – k okonchatel'nomu tekstu* [Poetics of Late Mandelstam. From Draft Editions to the Final Text]. 2nd ed. Moscow: Vash Vybor TsIRZ.
6. Cherashnyaya, D.I. (1998) O dvukh "Grifel'nykh odakh" v russkoy poezii [On Two "Slate Odes" in Russian Poetry]. In: Tyupa, V.I. (ed.) *Literaturnoe proizvedenie i literaturnyy protsess v aspekte istoricheskoy poetiki* [Literary Work and Literary Process in the Aspect of Historical Poetics]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 66–74.
7. Mikushevich, V. (2000) Dvoynaya dusha poeta v "Grifel'noy ode" Mandel'shtama [The Dual Soul of the Poet in "The Slate Ode" by Mandelstam]. In: Lekmanov, O., Nerler, P., Sokolova, M. & Freydin, Yu. "Sokhrani moyu rech'..." ["Save My Speech . . ."]. Is. 3. Pt. 1. Moscow: RSUH. pp. 55–62.
8. Levchenko, Ya. (2005) "Grifel'naya oda" O. E. Mandel'shtama kak logoditsey [The Slate Ode" by O.E. Mandelstam as a Logodicy]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 8. pp. 197–212.
9. Vayman, N. (2012) On the Problem of 'Slate Ode': Mandel'shtam and Zhirmunskii. *Russian Literature*. 72 (3–4). pp. 545–600. (In Russian).
10. Pronina, T.D. (2015) Odic Tradition in "Slate Ode" by O. Mandelstam. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 1 (32). pp. 82–99. (In Russian).
11. Segal, D. (2006) *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a Security Certificate]. Moscow: Vodoley Publishers. pp. 253–301.

12. Akhutina, T.V. (2014) *Neyrolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neuro-Linguistic Analysis of Vocabulary, Semantics and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 234–249.
13. Dahl, V. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 Vols]. Moscow: Terra – Knizhnyy klub.
14. Mandel'shtam, O. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Tolstaya, S.M. (2015) *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke. pp. 234–243.
16. Tolstaya, S.M. (2002) *Kategoriya priznaka v simvolicheskom yazyke kul'tury (vmesto predislaviya)* [The Category of the Attribute in the Symbolic Language of Culture (Instead of the Preface)]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Priznakovoe prostranstvo kul'tury* [The Attribute Space of Culture]. Moscow: Indrik. pp. 7–21.
17. Lebedinskiy, V.I. (1988) *Geologicheskie ekskursii po Krymu: Putevoditel'* [Geological Tours Around the Crimea: A Guide]. Simferopol: Tavriya. [Online] Available from: http://kimmeria.com/crimea_placenames/repository/crimea_geology_16.htm. (Accessed: 10.03.2019).
18. Kazarin, V.P., Novikova, M.A. & Krishtof, E.G. (2018) Poem by O.E. Mandelstam “Golden Honey From the Bottle Streamed . . .” (Experiences of Real Commentary). *Vcheni zapiski Tavriys'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. I. Vernads'kogo. Seriya “Filologiya. Sotsial'ni komunikatsii”*. 29 (68):1. pp. 142–152. (In Russian).
19. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1890–1907) *Entsiklopedicheskiiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t.* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: In 86 Vols]. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron).
20. Petrov, N.F. (1987) *Opolznevye sistemy. Prostye opolzni (aspekty klassifikatsii)* [Landslide Systems. Simple Landslides (Classification Aspects)]. Kishinev: Shtiintsa. [Online] Available from: <http://opolzni.ru>.
21. Pushkin, A.S. (2002) *Sochineniya* [Writings]. Moscow: OLMA-PRESS.
22. Astromyth. (n.d.) *Lira* [Lyra]. [Online] Available from: <http://www.astromyth.ru/Constellations/Lyr.htm>. (Accessed: 10.03.2019).
23. Ioganson, L.I. (2012) Scientific Reminiscences in Works of Osip Mandelstam. *Prostranstvo i vremya – Space and Time*. 4 (10). pp. 151–156. (In Russian).
24. Balandin, R.K. (1979) *Vernadskiy: zhizn', mysl', bessmertie* [Vernadsky: Life, Thought, Immortality]. Moscow: Znanie. [Online] Available from: http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/balandin.html#410_5. (Accessed: 10.03.2019).
25. Ivanov, V.V. (2007) *Pervaya tret' dvadtsatogo veka v russkoy kul'ture. Mudrost', razum, iskusstvo* [The First Third of the Twentieth Century in Russian Culture. Wisdom, Reason, Art]. In: *Russkaya antropologicheskaya shkola. Trudy* [Russian Anthropological School. Proceedings]. Is. 4. Pt. 1. Moscow: RSUH. pp. 8–117.
26. Taranovskiy, K. (2000) *O poezii i poetike* [On Poetry and Poetics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 13–208.
27. Ronen, O. (1983) *An Approach to Mandel'shtam*. Jerusalem: Magnes Press, Hebrew University.
28. Probshteyn, Ya. (2014) “Prostranstvom i vremenem polnyy...” Istoriya, real'nost', vremya i prostranstvo v tvorchestve Mandel'shtama [“Full of Space and Time”. History, Reality, Time and Space in the Works by Mandelstam]. *Sem' iskusstv*. 1. [Online] Available from: <http://litbook.ru/article/5943/>. (Accessed: 10.03.2019).
29. Lermontov, M.Yu. (1964) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 Vols]. Moscow: Pravda.
30. Derzhavin, G.R. (1957) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
31. Derzhavin, G.R. (1865) *Sochineniya Derzhavina s ob'yasnitel'nyimi primechaniyami Ya. Grot: v 9 t.* [Works by Derzhavin with Explanatory Notes by Ya. Grot: In 9 Vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

-
32. Tyutchev, F.I. (1957) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
33. Pushkin, A.S. (1950–1951) *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 Vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
34. Gumilev, N. (1991) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: In 3 Vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura
35. Shershenevich, V. (2000) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

УДК 82:1+801.73+130:2
DOI: 10.17223/19986645/64/12

О.А. Коваль, Е.Б. Крюкова

«ТОДТНАУБЕРГ» ЦЕЛАНА: ПОПЫТКА РАЗГОВОРА МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ПОЭЗИЕЙ¹

Одно из самых комментируемых стихотворений Пауля Целана «Тодтнауберг» возникло как отголосок встречи поэта с философом Мартином Хайдеггером. В первой части статьи предпринимается попытка восстановить хронологию этой встречи и очертить контекст написания «Тодтнауберга», выступающего своеобразным символическим обращением поэзии к философии. Во второй части статьи предлагается детальный анализ самого стиха с привлечением наиболее авторитетных или оригинальных из существующих интерпретаций.

Ключевые слова: стихотворение «Тодтнауберг», Пауль Целан, Мартин Хайдеггер, конвергенция философии и поэзии, память, язык.

Стихотворение тянется к Другому. Оно нуждается в этом Другом, нуждается в собеседнике. Оно разыскивает его, чтобы, обращаясь к нему, выговорить себя. <...> Возникает разговор, зачастую он полон отчаяния. <...> в этой непосредственности и близости позволяет стихотворение и тому, Другому, со-высказать самое собственное-свое: его – Другого – время.

Пауль Целан. «Меридиан»

Творчество Пауля Целана по праву относится к наиболее значительным событиям культурной истории второй половины XX столетия. Бесчисленные интерпретации его необычной поэзии продолжают появляться с завидной регулярностью даже спустя без малого полвека после смерти автора. И сам процесс возникновения все новых и новых перепрочтений удивителен тем, что совершается он не благодаря изначальной интенции целановских стихотворений, а словно бы вопреки ей: по верному замечанию Лаку-Лабарта, «эти стихи абсолютно не переводимы ни на один язык, включая тот, на котором они написаны, и потому не подлежат комментированию» [1. С. 23]. Аналитический подход к поэтическому произведению в принципе таит в себе опасность расколдовывания стиха, его обезоруживания, лишения ауры. Однако существует особого рода рассмотрение, которое не ставит своей целью расшифровать авторский замысел, чтобы дать окончательный ответ, а стремится заострить поднятый вопрос, чтобы позволить ему еще раз прозвучать. Таково философское рассмотрение, наиболее востребованное в случае Целана.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции».

Стихотворение «Тодтнауберг», написанное в 1967 г., вызывает к метафизическому размышлению по целому ряду причин. Во-первых, оно адресовано Хайдеггеру, провозгласившему родство философии и поэзии и ставшему для Целана олицетворением как гениальных прозрений в области природы языка, так и неспособности расслышать в нем живые человеческие голоса. Во-вторых, здесь по нескольким скупым и обрывочным штрихам может быть воссоздана экзистенциальная ситуация уцелевших после войны, после катастрофы. В-третьих, в стихе поднимается проблема осмысления немецкой вины и, шире, моральной ответственности каждого за случившееся, что, в-четвертых, вводит в горизонт теоретического исследования феномен памяти. Необходимость воскрешения прошлого соотносится, в-пятых, с вопросом о будущем: так стихотворение затрагивает тему времени, принципиальную и для онтологических разысканий Хайдеггера. В-шестых, материя этого поэтического текста запечатлевает современное состояние языка – превращенного в руины «дома человеческого бытия». И наконец, в целановских строках настойчиво звучит мотив пути, резонирующий с «неторными тропами» мысли XX в.

Если взглянуть на это литературное свидетельство из перспективы личностных ожиданий Целана, то следует признать, что его надежды, связанные с открытостью маститого ученого к диалогу, не оправдались. Однако чего Целан не мог предвидеть, так это того, что стихотворение «Тодтнауберг», превзойдя рамки вступительной реплики, само превратится в предмет бесконечно длящейся беседы, вовлекающей в свою орбиту равным образом философов, литературоведов, поэтов и писателей. Что касается фактической стороны дела, то поводом для создания «Тодтнауберга» послужила первая встреча Целана с Хайдеггером, много лет предвосхищаемая обоими участниками, заочно проявляющими друг к другу большой интерес¹. Мыслитель узнал о скором визите поэта во Фрайбург от своего бывшего студента Герхарта Баумана, профессора германистики и организатора целановских чтений в *alma mater* Хайдеггера. В ответ на его приглашение присутствовать на этом мероприятии в качестве почетного гостя философ откликнулся проникновенными строками: «Я давно хочу познакомиться с Паулем Целаном. Он стоит впереди всех, но чаще держится в стороне. Мне известно о нем все, я даже знаю о тяжелом кризисе, из кото-

¹ Предположительно Целан впервые услышал о Хайдеггере в 1946 г., когда находился в Румынии (см.: [2. S. 159]), а знакомство в 1948 г. с Ингеборг Бахман, которая в то время писала диссертацию о Хайдеггере, еще больше пробудило его любопытство. Начиная же с 1951 г. его штудии трудов немецкого мыслителя стали носить регулярный характер. То, что и в поле зрения философа стихи поэта оказались достаточно рано, подтверждает отправленное Целану письмо Рене Шара от 30 августа 1955 г.: «На прошлой неделе я имел удовольствие долго разговаривать с Хайдеггером, который был в Париже проездом. <...> Он очень ценит Вашу поэзию и является большим знатоком Вашего творчества» (письмо находится в Немецком литературном архиве, документ D.90.1.1295; цит. по изд.: [3. S. 25]). С 1959 г. Целан и Хайдеггер посылают друг другу дарственные экземпляры своих работ по мере их выхода в свет.

рого он сам себя вытаскивал, насколько это вообще в человеческих силах»¹. Под «тяжелым кризисом» Хайдеггер имеет в виду попытку самоубийства, предпринятую Целаном 30 января 1967 г., и последовавшее за этим многомесячное лечение в психиатрической клинике, продлившееся до октября. Собственно, путешествие Целана во Фрайбург, а затем во Франкфурт (для разговора с издателем Зигфридом Унзельдом) заранее согласовывалось с лечащим врачом поэта Жаном Деле. В этом контексте фраза из письма Хайдеггера Бауману: «Благотворно подействовали бы на Пауля Целана и виды Шварцвальда» выглядит искренним проявлением участия. Хайдеггер позаботился и о том, чтобы пребывание во Фрайбурге доставило поэту приятные переживания: с этой целью он договорился со своим приятелем Фрицем Вернером, крупным книготорговцем, чтобы сборники целановских стихов были выставлены на видное место в книжных лавках города. И Целан действительно обрадовался, увидев в витринах свои работы (то, что это было инициировано Хайдеггером, он так и не узнал) [4. S. 66].

Для обосновавшегося в Париже лирика поездка во Фрайбург была настолько неразрывно связана с фигурой Хайдеггера, что трудно сказать, что его больше волновало: собственное появление перед широкой публикой или знакомство с философом. За месяц до начала описываемых событий Целан сообщает жене: «Чтения... состоятся 21 или 24 числа – это зависит от присутствия Хайдеггера» (письмо от 20.06.1967) [5. Bd. 1. S. 472]. После согласования с последним поэтический вечер был запланирован на 24 июля 1967 г. и проходил в Auditorium maximum, одном из самых вместительных залов Фрайбургского университета, где задолго до начала уже не было найти свободного кресла. Такое многолюдное собрание тоже удивило и вдохновило Целана. Хайдеггера представили ему незадолго перед выступлением, однако, несмотря на всеобщее оживление, момент знакомства был несколько омрачен спонтанным отказом Целана от совместной фотографии: он решительно произнес, что не желает быть на одном снимке с философом. Хайдеггер, надо отдать ему должное, вел себя достойно, ничем не выдав обиды или разочарования. (Благодаря Отто Пеггелеру, ставшему к тому времени доверенным лицом мыслителя и близко общавшемуся с Целаном, он был осведомлен, что родители поэта погибли в концентрационном лагере, и посещение Германии всякий раз переживается им как травмирующий опыт²; Хайдеггер понимал, что автор «Фуги смерти» не в силах простить ему печально известный период ректората.) Целан, одолеваемый болезненной нервозностью, тут же передумал насчет фотографий, что недвусмысленно донес до присутствующих, но ситуация уже не располагала к запечатлению на пленке.

¹ Данное письмо Бауман приводит в своих воспоминаниях: [4. S. 59–60].

² Пеггелер настаивает на том, что сам информировал Хайдеггера обо всем, и специально оговаривает, что сообщение, отправленное жене Целана из Фрайбургского центра распоряжения хайдеггеровским наследием, в котором утверждается, будто философ до самой смерти Целана не знал даже, что тот еврей, не соответствует действительности. См.: [2. S. 162].

Гость выбрал для представления немецким слушателям свои новые сочинения и преимущественно читал стихи из сборника «Поворот дыхания», недавно вышедшего в свет. «Он стоял на том месте, – обращает внимание Пегтелер, – где в 1929 г. Хайдеггер, приглашенный во Фрайбург занять кафедру Гуссерля, держал свою вступительную речь “Что такое метафизика?”, а затем в 1933-м говорил как ректор» [2. S. 170]. Декламация имела огромный успех и произвела столь ошеломляющее впечатление, что на обратном пути в отель никто из сопровождавших Целана не осмеливался нарушить молчания. Среди тех, кто оказался тогда с ним рядом, помимо Хайдеггера, Баумана и некоторых коллег-филологов, была дочь знаменитого издателя венского журнала «Бреннер» Людвиг фон Фикера, открывшего в свое время Георга Тракля и всячески его продвигавшего и поддерживавшего (кроме прочего, благодаря и стипендии Витгенштейна). Разговор о ее недавно скончавшемся отце сблизил собеседников и навел их на мысль как-нибудь вместе посетить могилы Тракля и самого Фикера, которого похоронили на том же кладбище под Инсбруком. Под конец вечера Хайдеггер предложил Целану навестить в Тодтнауберг, что отчасти отвечало желанию поэта совершить экскурсию по живописным местам вблизи Хорбахского болота. Поездку наметили на следующее утро, но не успел Хайдеггер откланяться, Целана снова стали одолевать сомнения. Он старался придумать подходящий предлог, который позволил бы ему избежать этого путешествия, признавшись Бауману, что на самом деле его смущает политически небезупречное прошлое Хайдеггера, его двусмысленная позиция во времена национал-социализма [4. S. 68–69]. Щепетильность Целана в вопросах антисемитизма или причастности его современников к поддержке фашистского режима была доведена до предела и порой граничила с мнительностью. Так что когда после настойчивых увещаний Баумана он все-таки отправился в Шварцвальд, это означало, что поэт готов сделать для Хайдеггера исключение. Но и философ, пригласив Целана к себе, оказал ему особое доверие.

В Тодтнауберг оба поехали на машине, за рулем которой находился Герхард Нойман, ассистент Баумана¹. Целан вывел его в стихе в качестве молчаливого свидетеля, слушающего разговор мыслителя и поэта, и поначалу отзывался о нем весьма высоко. В послании от 25 августа 1967 г., адресованном близкому другу, лирику и переводчику Францу Вурму, он аттестовал его так: «Доктор Нойман – кстати, именно он доставил нас с Хайдеггером к хижине раздумий в (точнее на) Тодтнауберг, – очаровательный человек, пожалуйста, при возможности посодействуйте ему» [6. S. 63]². Все утро Целан и Хайдеггер провели вдвоем: осматривали окрестности, заглянули в домик философа, где Целан сделал в гостевой тетради

¹ Сам Бауман ввиду необходимости принимать экзамены не смог отправиться с ними, но обещал присоединиться позже.

² Отношение Целана к Нойману резко изменилось после того, как он ознакомился со статьей последнего «Абсолютная метафора: попытка разграничить Стефана Малларме и Пауля Целана», напечатанной в 1970 г. в журнале «Poetica».

запись, являющуюся письменным скреплением этой встречи. Согласно Отто Пеггелеру, оставленное Целаном пожелание звучит так: «В книгу для гостей, глядя на колодезную звезду, с надеждой на грядущее слово в сердце. 25 июля 1967 г. Пауль Целан» [7. S. 259] (что почти слово в слово продублировано и в стихотворении). Позднее тот же Нойман повез их в расположенный неподалеку маленький городок Санкт-Блазиен, где они договорились встретиться с Герхартом Бауманом. Видимо, именно тогда и произошел тот важный разговор, на который рассчитывал Целан. О том, какие упования он с ним связывал, говорится в письме к Жизель Целан-Лестранж, написанном сразу по возвращении в Париж: «Потом, в машине, между нами состоялся серьезный диалог, с моей стороны были произнесены ясные слова. Г-н Нойман, бывший тому свидетелем, позже сказал мне, что, как ему показалось, беседа эта носила эпохальный характер. Надеюсь, Хайдеггер теперь возьмется за перо и напишет неск[олько] страниц отклика, да и предупреждения тоже, по поводу возрождающегося нацизма» (письмо от 02.08.1967) [8. С. 619]. Несмотря на заверения Целана, Нойман, к которому не раз обращались за разъяснениями, впоследствии твердил, что ничего не помнит из сказанного между именитыми пассажирами, кроме того что большую часть пути царила гнетущая тишина.

Бауман уже поджидал Целана с Хайдеггером. К компании присоединился и Сильвио Вьетта, немецкий литературовед, тоже входивший в окружение философа. Вспоминая об этом эпизоде, оба филолога отмечают, что настроение поэта не было подавленным; напротив, он пребывал в спокойном, даже радостном расположении духа [4. S. 70; 9. S. 82]. Хотя погода оставалась пасмурной и вот-вот грозил разразиться дождь, прогулку вокруг Хорбахского болота все-таки решили не отменять. Однако вскоре стало понятно, что из этой затеи ничего не выйдет: тропинки были размыты, передвигаться приходилось с трудом и обувь, особенно у Целана, совсем не годилась для подобной вылазки. Поскольку время близилось к полудню, Бауман предложил перекусить здесь же, на постоялом дворе. Обсуждение за трапезой касалось на первый взгляд предметов необязательных: местных обычаев и нравов людей, природы, окружающего ландшафта и его своеобразной фауны, тех или иных растений; причем Целан выказал в вопросах ботаники недюжинную эрудицию. (Но и стихотворение начинается с упоминания трав, произрастающих в тех краях: поэт превратил их названия в сильную метафору.) По причине того, что Хайдеггеру ко второй половине дня нужно было вернуться во Фрайбург, в обратный путь отправились сразу после обеда. Целан не переставал восторгаться открывавшейся из окна машины панорамой, которая пробуждала в нем воспоминания о родных местах, о Буковине¹.

¹ По многочисленным сведениям, Целан всегда чувствовал себя связанным с природным и культурным хронотопом своего детства и даже всерьез задумывался о том, чтобы вернуться в Черновцы. См., например: [10. S. 37; 4. S. 19].

Хотя следующая неделя оказалась для Целана насыщенной событиями: пребывание в Вюрцбурге в гостях у Беды Аллемана, специалиста по творчеству поэта и в будущем редактора собрания его сочинений, деловые совещания с Унзельдом и другими сотрудниками издательства «Зуркампп», встречи с приятелями¹, – он не забывает о поездке с Хайдеггером и 1 августа, еще находясь во Франкфурте, пишет стихотворение «Тодтнауберг». По приезду в Париж короткий отчет Вурму: «Я несколько дней назад вернулся из Германии, где все прошло хорошо, в том числе свидание с Хайдеггером, с которым я имел весьма долгий и весьма откровенный разговор и которому я передал Ваши приветы» (письмо от 07.08.1967) [6. С. 87]. Уверенность Целана, что он выполнил свою миссию во Фрайбурге, подтверждает и тот факт, что поэт загорелся идеей немедленно напечатать «Тодтнауберг» отдельным оттиском. И действительно, тираж в 50 экземпляров вышел в свет особым факсимильным изданием благодаря Роберу Альтману, который в 1965 г. уже содействовал автору в выпуске цикла из двух десятков лирических текстов, озаглавленного «Кристалл дыхания». Разумеется, это предприятие задумывалось Целаном исключительно для того, чтобы преподнести стихотворение в качестве подарка друзьям и знакомым, и прежде всего Хайдеггеру. Еще пахнувший типографской краской первый номер был отослан философу 12 января 1968 г. (второй экземпляр, что немаловажно, Целан отправил Нойману, очевидцу, призванному удостоверить состоявшийся разговор).

Хайдеггер медлил с ответом две недели². После визита лирика во Фрайбург он передавал ему в Париж свою книгу «Что такое мышление?» с дарственной надписью: «В благодарность за чтения 24 июля 1967 г.», но на столь широкий жест со стороны Целана никак не рассчитывал. «Как я должен Вас благодарить за этот неожиданный огромный подарок? – начинает он свое послание. – Слово поэта, которое звучит в “Тодтнауберге”, называет место и ландшафт, где мышление попыталось сделать шаг назад в малую малость, – слово поэта, которое является одновременно поощрением и призывом и которое хранит память о дне, проведенном в Шварцвальде в разном настроении. Это произошло уже в тот вечер Ваших забываемых чтений, при первых приветствиях в отеле. С тех пор мы о многом молчали друг с другом. Я думаю, что однажды кое-что еще высвобо-

¹ Ссылаясь на Баумана, Сафрански приводит слова немецкой поэтессы и писательницы Марии Луизы Кашниц, которая, в кои-то веки увидев Целана бодрым и жизнерадостным, искренне недоумевала: «Да что они там во Фрайбурге с ним сделали, что там с ним случилось? Его прямо не узнать» [11. С. 559].

² В качестве оправдания он сошлется на сваливший его грипп; Целан в нетерпеливом предвкушении и в самом деле начнет недоумевать относительно запаздывающей реакции Хайдеггера. Со своим конфиденнтом Вурмом он делится уже поступившими предложениями на публикацию стихотворения: «Вернер Вебер, которому я отправил “Тодтнауберг”, хочет напечатать эту вещь в NZZ (Neue Zürcher Zeitung) – позволить ему? Или подождать, пока откликнется хоть словом “тот, с горы”?» (письмо от 24.01.1968) [8. С. 625].

дится в разговоре из непроговоренного» (письмо от 30.01.1968)¹. Для обозначения необычных отношений, которые установились между ними, Хайдеггер изобретает глагол *zuschweigen* – молчать, но адресуя свое молчание собеседнику и сообщая таким образом больше, чем способны выразить любые слова. Философ нередко использовал близкое по значению понятие *erschweigen*. В лекциях о Ницше он раскрывает его смысл: «Высшее речение мысли состоит в том, чтобы в сказываемом не просто умалчивать о подлинно сказуемом, но говорить о нем так, чтобы оно звучало в не-сказывании: речение мысли есть сказующее немотствование (*Erschweigen*). Это речение соответствует глубочайшей сущности языка, который берет начало в молчании. Как сказующе немотствующий, мыслитель в своем делании и предстоянии становится сродни поэту и все-таки остается вечно отъединенным от него, равно как и поэт от мыслителя» [13. С. 407]. (В стихотворении «Громоздкое завтра» из сборника «Бремя света» (1970) Целан задействует схожий образ: «Громоздкое завтра, / Я вгрызаюсь в тебя, я безмолвствую, обращаясь к тебе» [14. С. 301].)

Сообщение Хайдеггера выдержано в доверительном тоне. Он прилагает к нему сделанную его сыном фотографию своей заснеженной хижины – «не как иллюстрацию, а как малую помощь для взгляда поэта в зимнее одиночество» [3. С. 215]. И хотя письмо философа к Целану до сих пор остается единственным из обнаруженных (не считая книжных автографов), оно написано словно бы в привычном стиле давно налаженного эпистолярного общения и лишь намекает на событие встречи. Но это совсем не то, чего ожидал Целан, до сих пор свято веривший, что разговор в Тодтнауберге подвигнет Хайдеггера открыто высказаться о преступлениях фашизма. Скорее всего, именно тогда, а не – как полагают многие исследователи – в момент написания стихотворения, или даже во время самой поездки², ему стало очевидно, что его упования были напрасны. О том, что разочарование имело место, можно заключить на основании найденного в бумагах Целана недатированного наброска письма к Хайдеггеру: «...своей позицией Вы решительным образом ослабили существо поэзии и, осмелюсь предположить, мышления, причем обладая волей к серьезному ответственному отношению к ним обоим» [5. Bd. 2. С. 494]. В вышедшем уже после смерти поэта сборнике «Бремя света», куда им был включен «Тодтнауберг», текст стиха оказался несколько видоизменен: Целан убрал из

¹ Впервые письмо целиком было приведено в статье Стефана Красса: [12]; цит. по изд.: [3. С. 215].

² Друг поэта Жан Боллак, французский эллинист, в своей интерпретации «Тодтнауберга» и реконструкции истории его создания и вовсе исходит из того, что Целан прибыл в Шварцвальд в роли судьи и обвинителя – с намерением провести Хайдеггера по местам массовых захоронений, см.: [15. С. 377–411]. Однако состоявшаяся годом позже поездка Хайдеггера с Целаном по тем же Хорбахским топям и последняя, третья их встреча во Фрайбурге в марте 1970 г., куда поэт направился после провального для него симпозиума в Штутгарте, приуроченного к 200-летию Гельдерлина, свидетельствует, скорее, против точки зрения Боллака.

него одну строку – во фрагменте, воспроизводящем запись в гостевой книге Хайдеггера, где говорится о «надежде, сегодня, на грядущее слово мыслителя в сердце», прежде в скобках стояло: «без- / отлагательно грядущее» (un- / gesäumt kommendes). И в этом «безотлагательно» чувствовалось как нетерпение, так и уверенность Целана в скором откровении философа¹. Хрестоматийная же версия стихотворения выглядит так:

TODTNAUBERG

Arnika, Augentrost, der
Trunk aus dem Brunnen mit dem
Sternwürfel drauf,

in der
Hütte,

die in das Buch
– wessen Namen nahms auf
vor dem meinen? –,
die in dies Buch
geschriebene Zeile von
einer Hoffnung, heute,
auf eines Denkenden
kommendes
Wort
im Herzen,

Waldwasen, uneingeebnet,
Orchis und Orchis, einzeln,

Krudes, später, im Fahren,
deutlich,

der uns fährt, der Mensch,
der's mit anhört,

die halb-
beschrifteten Knüppel-
pfade im Hochmoor,

Feuchtes,
viel.

ТОДТНАУБЕРГ

Арника, очей очанка,
из колодца, поверх звездой от-
меченного, напиться,

под кровом
Хижины,

где в книгу –
чье ж имя
в ней перед моим? –
в ту книгу
запись
о надежде
сегодня в сердце
на мыслящего
слово,
что грядет,

проплешины в лесу, буграми, ржавь,
ятрышник да ятрышник порознь,

смутность, в дороге после,
явственная,

он, кто везет нас,
со-внимает то же,

недо-
торенные, лесом
поваленным тропы в топях,

сыро,
сиро

[16. С. 236–237].

¹ Пеггелер, правда, полагает, что «ему (Целану. – О.К., Е.К.), очевидно, показался неуместным грозящий указательный палец, когда речь шла о разговоре» [2. С. 171].

Как часто бывает в случае целановских стихов, варианты прочтения «Тодтнауберга» сильно расходятся: в попытке разгадать настроение поэта исследователи высказывают иногда диаметрально противоположные мнения. Взять хотя бы толкования таких авторитетных философов, как Ханс-Георг Гадамер и Филипп Лаку-Лабарт. Когда последний ознакомился с докладом своего немецкого коллеги, в котором тот нарисовал пасторальную картину встречи Хайдеггера с Целаном и в таком же духе трактовал смысл стиха, он пришел в ярость. Больше всего Лаку-Лабарта возмутило то, что философ представал здесь в образе чуть ли не святого, поэт же внимал ему и старался соответствовать по мере сил. «Его (Целана. – О.К., Е.К.), должно быть, приняла отрада этого маленького крестьянского двора со струящимся источником (“со звездой-игральным камнем внутри”) – так это визуализирует Гадамер. – Его встретил маленький, похожий на крестьянина человек с сияющими глазами. Поэт писал свое имя в книгу хижины, как и многие другие, строкой надежды, которая лежала у него на сердце. Вместе с мыслителем он шел размеренным шагом по мягкому лугу, там, наверху, оба порознь, словно отдельно стоящие цветы... И лишь позже, по пути домой ему стало ясно то, что Хайдеггер бормотал себе под нос и что сперва ему показалось неотесанным и грубым – он начал понимать. Он понял рискованность мышления, свидетелем которого другой (“человек”) может стать невольно, сам того не понимая, он понял рискованность продвижения по зыбкой почве, словно по жердочке-стеже, по которой нельзя дойти до конца» [17. С. 137]. Для Лаку-Лабарта «Тодтнауберг» призван стать напоминанием «о языке, которым говорил Освенцим, языке, который договорился до Освенцима» [1. С. 50]. Его видение, особенно по контрасту с гадамеровской гармонией, полнится безысходностью утраченных иллюзий: «Целан, поэт, причем поэт-еврей, пришел к Хайдеггеру, философу, причем философу-немцу, с единственной, но отчетливой просьбой: чтобы этот философ, который слышит поэзию, но который скомпрометировал себя... причастностью к тому, что привело к Освенциму, а позже... не сказал об Освенциме решительно ничего, – чтобы этот философ произнес хоть слово, хоть словом упомянул о той боли. И тогда, после его слова, все было бы еще возможно. Не “жизнь”... а существование, поэзия, язык» [Там же].

Несмотря на то, что объяснение Лаку-Лабарта намного более созвучно поэтике Целана, Гадамера тоже нельзя назвать дилетантом в экзегезе его стихов (за год до упомянутого доклада, в 1973 г., он выпустил книгу развернутых комментариев к «Кристаллу дыхания» под названием «Кто Я и кто Ты?»). Позже, в статье «В тени нигилизма» (1990), где им будет предпринято сопоставление «лирической семантики» Готфрида Бенна и Пауля Целана, Гадамер еще раз вернется к «Тодтнаубергу». Не сильно отступая от первоначальной версии, он приведет обоснования своему толкованию. Однако сама теория философской герменевтики в качестве исходного принципа выдвигает идею открытости художественного произведения, что предполагает плюрализм мнений и провоцирует на разговор. В заданной

Гадамером парадигме диалога могут быть рассмотрены и другие стратегии существующих прочтений целановского стихотворения.

В пользу подхода Лаку-Лабарта, казалось бы, свидетельствует первый набросок к «Тодтнаубергу», сохранившийся в записной книжке Целана:

Seit ein Gespräch wir sind,
an dem
wir würgen,
an dem ich würge,
das mich
aus mir hinausstieß, dreimal, viermal

Im Ohr Wirbelnde
Schläfenasche, die eine, letzte
Gedankenfrist duldend,

Feuchtes, viel.

С тех пор как разговором мы стали,
которым
мы давимся,
которым я давлюсь,
так что меня
из меня выгаливало, трижды, четырежды.

В ухе вихрящийся
височный пепел, одну, последнюю
мыслеоотсрочку выдерживая,

Влажное, много

[18. С. 455].

Безусловно, речь здесь идет о сложности коммуникации. Тем не менее говорить о том, что этот черновик выражает разочарование Целана, было бы опрометчиво. В качестве зачина поэт выбирает строку из неоконченного произведения Гельдерлина «Праздник мира» (1801). В 1936 г. в статье, посвященной романтику, Хайдеггер подробно разбирал в свойственном ему онтологическом ключе именно эти фрагменты Гельдерлина: «Мы, люди, – разговор. Бытие человека основывает себя в языке, но происходит это, собственно, лишь в разговоре. <...> Мы – разговор, и это значит, что мы можем услышать друг друга. Мы – разговор, и это всегда значит также, что мы – *один* разговор. Но единство разговора состоит в том, что в собственном слове всякий раз открывается одно и то же, – то, на чем мы объединяемся, то, на основе чего мы едины и, таким образом, собственно являемся сами собой» [19. С. 75–77]. Свой разговор с Хайдеггером Целан представляет себе как раз в таком духе. Он знает, что для философа творчество Гельдерлина является не менее значимым, чем для него самого. В свою очередь, Хайдеггер ставит поэзию Целана и немецкого классика в один ряд. Оттого апелляция к Гельдерлину в эскизной записи Целана скорее должна расцениваться как шаг навстречу Хайдеггеру, как констатация фундаментальной связи между ними¹.

Заключить из продолжения стиха, что разговор этот дается тяжело обоим участникам, можно. Глагол «давиться» (würgen), который Целан выби-

¹ С другой стороны, литературовед Алекс Гельхауз задается вопросом, не было ли у Целана умысла этой цитатой из гимна Гельдерлина провести параллель хайдеггеровским симпатиям к Гитлеру, потому что некоторые специалисты считают, что Гельдерлин имел в виду под князем мира, несущим поворот времен, Наполеона, а не Иисуса; см.: [20. С. 166].

рает для описания внутреннего состояния лирического героя и его собеседника и который звучит крайне отталкивающе, поэт уже однажды использовал применительно к Хайдеггеру, но не для того, чтобы подчеркнуть свое отвращение, а, напротив, чтобы показать глубину раскаяния мыслителя. В переписке с Ингеборг Бахман, непреклонной в своем осуждении Хайдеггера, Целан оправдывает последнего, прибегая к довольно надуманным аргументам: «Я, как ты наверняка понимаешь, менее всех других склонен закрывать глаза на фрайбургскую ректорскую речь и кое-что другое; но я говорю себе – по крайней мере теперь, после того как имел более чем конкретный опыт общения с такими патентованными антинацистами, как Белль и Андерш: тот, кто *давится* своими ошибками, кто не делает вид, будто никогда не ошибался, не старается обелить себя, лучше того, кто комфортно и с выгодой окопался в своей давнишней непогрешимости <...>. Иными словами: я могу сказать себе, что Хайдеггер, вероятно, кое-какие свои ошибки все-таки осознал...» (письмо от 10.08.1959; курсив наш. – О.К., Е.К.) [21. С. 124].

Следующий смысловой блок: «В ухе вихрящийся / височный пепел...» – взывает к навязчивой теме всего творчества и личной судьбы поэта, к неизменно стоящему у него перед глазами образу жертв геноцида. Но в строке о «последней мыслеотсрочке» прорывается та же надежда, то же самовнушение, что и позже в «незамедлительно грядущем слове», высказав которое, Хайдеггер якобы положит конец всем сомнениям. Мотив влаги, как отмечают многие, остается фоном и в финальной версии «Годтнауберга»: стихотворение начинается с изображения родника у хайдеггеровской хижины и заканчивается аллюзией на «неторные тропы» мыслителя, неожиданно обрывающиеся в топях стоячей воды (слова «Влажное, много» – единственное, что вошло в итоговый текст)¹.

Еще одно расхождение между подготовительными материалами и окончательным видом стиха – это его название. Оно появилось не сразу: поначалу Целан хотел обыграть в заглавии сюжет восходящей над источником звезды. Остановившись на обозначении местности, в которой разворачивается описываемое событие, поэт не только фиксирует географический топос: внутренняя структура слова и его звучание – Todt-n-au-berg – позволяет слышать и дополнительные коннотации. Помимо самых очевидных – «смерть» (Tod), «гора» (Berg), соединяющихся в «гору мертвых, огромное беспокойное кладбище» [20. S. 162]², – некоторые интерпретаторы улавливают здесь отсылки к Аушвицу или к наименованию специального техниче-

¹ В качестве одного из сквозных образов целановской лирики вода чаще всего символизирует коловращение жизни и смерти. В стихотворении «Прибой» из раннего сборника «Мак и память» (1952) высказывается надежда: «Где есть вода, там можно жить еще раз», ср. в том же контексте строки из стихотворения «Вверху, бесшумно» в сборнике «Решетка языка» (1959): «Вода: что за / слово. Мы понимаем тебя, жизнь» (пер. с нем. М. Белорусца.).

² «Мертвая гора» Целана может выступать и своеобразным антиподом «Волшебной горе» Томаса Манна, книге, которая в молодости произвела на лирика большое впечатление.

ского подразделения Organisation Todt, распределявшего заключенных концлагерей на дорожные работы, в которых были задействованы и родители Целана¹. Все произведение, даже в своей последней редакции, не перестает оставлять ощущение недоговоренности, обрывочности. Как характеризует его Лаку-Лабарт, «“Тодтнауберг” и стихотворением-то можно назвать с натяжкой: это одна-единственная фраза, раздробленная, бессвязная, иносказательная, грамматически неправильная. Не набросок, а остаток – осадок – несостоявшегося рассказа: какие-то заметки, зарубки, словно сделанные наспех, в надежде когда-нибудь облечь в стихи, коротельные обрывки, понятные только тому, кто их задумал и записал» [1. С. 47].

В начальной строфе: «Арника, очей очанка, / из колодца, поверх звездой от- / меченного, напиться» – через описание того, что открывается взгляду вокруг хижины, задается общий горизонт повествования. Первое из упомянутых растений – *arnica montana* – используется как снадобье для заживления ран, второе – очанка (*Augentrost*) – для лечения глаз². Оба эти названия не случайны. Они намекают на пережитую травму, но с другой стороны, и на возможность исцеления. То, что у Целана очанка ассоциировалась с тяжелым юношеским опытом в трудовом лагере, подтверждает его письмо жене, в котором подробно рассказывается об одной прогулке в горах: «...когда я свернул на Козью Тропу, возник другой цветок: очанка – *Augentrost*, *Euphrasia* – о котором я говорил тебе, кажется, очень часто. Во время войны, в Молдавии, нагруженный двумя ведрами (с водой? с супом?), за которыми ходил до полудня в одну маленькую деревню, чтобы потом принести их на “стройплощадку”, я встречал его, это “утешение очей” – *Augen-Trost*» (письмо от 30.09.1962) [8. С. 555]. Не исключено, что встреча с Хайдеггером виделась поэту своего рода терапией, если и не сулящей полного избавления от душевной боли, то хотя бы способной ее унять.

Говорящие имена перечисленных трав действительно склоняют к тому, чтобы воспринимать их как аллереорию животворной силы. Но такой смысл не является единственно возможным. Боллак делает акцент на желтом цветке арники, напоминающем по форме звездный лоскут на одежде евре-

¹ См.: [15. С. 378]. Возражая Боллаку, выстраивающему свое радикальное толкование вокруг образа суда, который мертвецы при посредничестве Целана вершат над Хайдеггером, и различающему в заголовке стиха – Toten-Au – прямое указание на самый знаменитый лагерь смерти, Пеггелер утверждает, что оба пунтика с их пресловутым пристрастием к этимологическим изысканиям не могли не знать, что в тех местах словом Au (укороченное Aue) называют пойменный луг, заболоченную местность, и подкрепляет свою теорию фонетическими и морфологическими трансформациями немецкого языка, что позволяет ему и в корне tot (мертвый) опознать тоог (трясина), см.: [2. С. 186]. Правда, болото как античный образ, который символизирует переходную зону между этим миром и Аидом, не меньше подходит Боллаку, излагающему свою трактовку «Тодтнауберга» как пятиступенчатую картографию путешествия в царство мертвых. Возможно, его прочтение навеяно образами стихотворения «Чувствующая погоду рука» из сборника «Бремя света».

² Часто их принимают за тот же самый цветок, полагая, что одно обозначение научное, а другое обиходное.

ев в «смутные времена», а очанку расценивает как утешение, исходящее от самих глаз, заглядывающих в колодец смерти, и в русле своей концепции принимает их за «вестников из хтонической глубины» [15. S. 379]. Целановед Аня Лемке обращает внимание на то, что указанные растения ввиду особой структуры их корневой системы питаются за счет своих соседей (как и встречающийся ниже в стихе ятрышник, который относится к семейству орхидей) [22. S. 330]. Поскольку она считает, что стихотворение держится на контрасте между «укорененностью» фрайбургского философа в своей почве и «лишенностью корней» буковинского лирика, введение с самых первых строк содержательно значимого ряда растений определяет дальнейшую семиотику стиха. Утоляющий жажду глоток из источника продолжает цепь ассоциаций с чудодейственным и приносящим облегчение снадобьем. Используемое здесь Целаном несколько старомодное слово *Trunk*, основные значения которого – «глоток», «напиток», «опьянение» – метонимически переходят друг в друга, намекает на совершение некоего священного таинства или ритуала инициации. Что касается самого родника, то венчающий его «звездный куб» (*Sternwürfel*) позволяет опознать в нем колодец перед хайдеггеровским домом в Шварцвальде. Несмотря на такую очевидную связь, сочетание звезды и кубика открывает широкие возможности для интерпретации: это и магендовид, и царственное дитя Гераклита, создающее время игрой, и свет потухшей звезды, олицетворяющий присутствие мертвых в мире живых, и «Каждая Мысль – это Бросок Костей» из поэмы Малларме, и «звездный язык» Хлебникова¹.

Гадамер, некогда упрекавший Сонди за чрезмерную увлеченность биографическими деталями², в анализе «Годтнауберга» сам воссоздает реальную картину того, как выглядела хижина Хайдеггера, где ему доводилось не раз бывать; описание маленького сруба вокруг горного источника он заключает словами: «На колодезном столбе деревянный куб с резным ор-

¹ Звезда у Целана – один из самых частых и многоплановых символов, ср., например, стихотворение «Деревянная звезда» из сборника «Решетка языка». К поэтической констелляции звезды, слепящих глаз и слов-имен см. посвященное швейцарской писательнице Маргарет Зусман стихотворение «Из огромного безглазого» в сборнике «Поворот дыхания» (1967). К образу кубика, определяющего судьбу, ср. также стихотворения «Вдвоем» из сборника «От порога к порогу» (1955), «Внизу» из сборника «Решетка языка», «Масляно» из сборника «Нити солнц» (1968); наряду с существительным *Würfel* Целан использует и глагол *würfeln* (бросать жребий, играть в кости) или производные от него, см. «Пепельный ореол» и «Отправляясь от ятрышника» из сборника «Поворот дыхания». К теме колодца см. также стихотворения «Вверх, бесшумно» из сборника «Решетка языка» и «Бледно-серые» из «Поворота дыхания». В лирическом послании «Ты стала вдруг такой» из первого сборника Целан именует свою родину «страной колодцев».

² Речь идет о статье «Что должен знать читатель?» (1990), где Гадамер дискутирует с Петером Сонди, теоретиком литературной герменевтики и близким другом Целана, предложившим собственную методику толкования его поэзии, по поводу стихотворения «Ты лежишь в глубоком внимании...» (1967) об убийстве Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

наментом в форме звезды. Нет, естественно, никакой нужды в подобной осведомленности, но хочется распознать в этом обстоятельстве что-то важное, о счастливой звезде, о судьбоносном броске, что-то вроде доброго знака. Как и все небольшое хозяйство, это “утешение для глаз” (Augentrost). Стихотворение вызывает подобное чувство, возглашая в начале стиха имя “арника”, по-немецки “Augentrost”, тамошнего высокогорного лекарственного растения» [23. S. 376]. Все в начале как будто бы настраивает на умиротворенный лад. Но в этой идиллии можно усмотреть и вот-вот грозящую разверзнуться пропасть. «Звездный кубик и источник прочерчивают вертикаль неба и земли и раскрывают текст для его собственной бездны, которая в “Тюбинген, январь” вымеряется через движение погружения, а в “Тодтнауберге” – через пошаговое вступление-в и выступление-из становящейся все уже сферы внутреннего» [22. S. 329]. Для Лемке два этих целановских текста неразрывно связаны, и не в последнюю очередь благодаря незримо присутствию Хайдеггера, чье влияние на поэта в плане восприятия творчества Гельдерлина было несомненным. Посвященный Гельдерлину «Тюбинген, январь» (1961) начинается словами «Со слепотой со- / гласные глаза», которые, по мнению исследовательницы, переключаются с зачином «Тодтнауберга», составляя в итоге пару противоположностей: прозреть / оставаться незрячим.

Следующие две строчки: «под кровом / Хижины» – вынесены отдельно и представляют собой нечто вроде ремарки или, скорее, монтажной склейки, соединяющей два плана – внешний и внутренний. Бесконечно простирающийся горизонт природного ландшафта сменяет замкнутый интерьер жилого дома. Перенесение в хижину служит и некоторой прамбулой к ключевому сообщению стихотворения, к главной цели визита поэта: «...где в книгу – / чье ж имя / в ней перед моим? – / в ту книгу / запись / о надежде / сегодня в сердце / на мыслящего / слово, / что грядет». Лемке продолжает смысловую линию непрерывного движения извне гораздо дальше видимого порога: в хижину – в книгу – в сердце. Помимо этого вектора, который условно можно обозначить как парадигматический, в стихотворении присутствует и синтагматический срез. Он задан осью времени: прошлое, которое выражено вопросом о предшественниках, настоящее, которое сконцентрировано в отчетливости фиксируемого момента – «сегодня», и будущее, которое заключено в «грядущем слове». Хотя здесь фигурирует конкретная книга, в которой, по сообщению Гадамера, каждый гость Хайдеггера оставлял памятную запись, у Целана она перестает быть единичной вещью и превращается в безымянный фолиант времени, разворачивающегося как стихия языка. В ней растворяется реальность окружающей обстановки и открывается нелокализуемый топос – у-топия, истинная родина поэзии. Гость и хозяин меняются ролями, и уже не Хайдеггер принимает у себя Целана, а поэт приглашает философа к разговору, переводя их встречу в иное, экзистенциальное измерение. «“Тайна встречи” отыскивается лишь в невозможном месте. Об этом месте знает только поэзия» [10. S. 160]. Не шварцвальдская деревушка Тодтнауберг, не хижина в горах, а

символическая книга оказывается подлинным пространством происходящих событий.

Спрашивая, кто прежде оставил там свои имена, поэт предъявляет счет минувшему, сомнительность которого отражается даже в вопросительном знаке¹. Думает он о палачах или о жертвах – на этот счет мнения расходятся. Но как бы там ни было, то, что вписано в книгу, нельзя стереть – таково свойство прошлого. Настоящее же радикально иное: каждый момент «сейчас» дарит свободу выбора. Когда Целан говорит «сегодня», он намеренно допускает тавтологию, поскольку стих и так всегда сбывается в «сегодня» («Здесь и Сейчас стихотворения – ведь у самого стихотворения всегда бывает только такое, одно, однократное, точно точное настоящее», – сказано в программной речи «Меридиан» [24. С. 430]). Это повторение вместе с автоцитированием, к которому поэт прибегает, почти дословно включая в ткань поэтического произведения строки, внесенные им в гостевую книгу, собирает на себя фокус всего текста. Сегодня, ставя под длинным списком свое собственное имя, Целан учреждает жесткую антитезу мрачному вчера. Аня Лемке, апеллируя к индогерманскому корню слова *Zeile*, «строка», который означает разграничительную линию, борозду, увязывает оставляемое поэтом свидетельство с решительным жестом размежевания: «Целан вписывает себя, пролагая словесную просеку, брешь, разделяющую континуальность имен, последовательность подписей, которые стоят за непрерывным течением исторических дат. Тем самым он маркирует “сегодня” стихотворения как момент, с которого ничем не прерываемый взгляд назад, на историю больше невозможен, ибо взгляд в прошлое обнаруживает сам разрыв» [22. С. 332]².

Надежда, которую лирик возлагал на ответ мыслителя, пожалуй, не такого общего характера, который ей хочет придать Гадамер, предполагающий, что Целан обращается к Хайдеггеру как к тому, кто знает будущее слово сегодняшней надежды [23. С. 376–377]³. Поэт не рассчитывает на тайное знание и идет к философу не за эзотерическим откровением, да и сам вряд ли выступает в роли вершителя справедливости. Он ждет простых, но ясных слов, называющих зло по имени, ждет их от человека, который некогда поддался соблазну этого зла. Истовая вера Целана, что публичное выступление Хайдегге-

¹ Не только Боллак, но и другие комментаторы нередко видят адресатом завуалированного в этих строчках осуждения непосредственно самого Хайдеггера. Срединную позицию занимает Гельхауз, который констатирует в вопросе, зажатом в тиски двойного упоминания книги, противоречивые чувства лирического Я, разрывающегося между осознанием особого отличия, оказанного ему философом, и подозрением, что тот не вправе выносить ему оценку, хоть бы и самую высокую, см.: [20. С. 170].

² К образу строки ср. также адресованное Кафке стихотворение «Глядя на дроздов» из «Поворота дыхания»; к образу имени – стихотворение «Solve» из того же сборника.

³ Похожую позицию занимает и Пеггелер. Он обращает внимание на одну цитату из Клейста, с помощью которой Хайдеггер охарактеризовал собственные теоретические наработки как всего лишь подготовку к появлению мышления будущего. В этом плане «и в стихотворении Целана слово в сердце, пожалуй, касается того, что скажет однажды долгожданный будущий мыслитель» [2. С. 186].

ра, однозначно осуждающее и клеймящее нацизм, положит конец любым попыткам его возрождения в Германии, демонстрирует, насколько весомым он считал авторитет мыслителя в немецком обществе.

Прилагательное «грядущее» многие исследователи наделяют большим смыслом. Помимо того, что это индикатор будущего, и у Целана, и у Хайдеггера оно имеет некоторую сакральную окраску: поэт в «Меридиане» вспоминает речь Бюхнера о грядущей религии, философ вслед за Гельдерлином уповает на приход грядущего бога. Однако не исключено, что всю свою надежду Целан без всякого посредничества, напрямую вкладывает в само слово, в язык. Вербальное пространство, особенно в случае поэтики Целана, оказывается единой формой времени, памяти и письма¹. Иллюстрацией к такому пониманию может стать прочтение «Тодтнауберга», которое приводит в своем романе «Писать или жить» (1994) бывший узник Бухенвальда Хорхе Семпрун. Главный герой этого автобиографического сочинения, приняв предложение немецкого журналиста поучаствовать в телевизионной передаче о Веймаре, «городе культуры и концлагеря», возвращается спустя сорок лет в места своей трагической юности. С собой у него томик Целана, который он наугад открывает на странице с «Тодтнаубергом», эхом откликающимся на его страшные воспоминания. И в строфе о надежде на грядущее слово философа он, писатель, тоже различает экзистенциальную озабоченность участью языка. «Я громко декламирую стихотворение Целана и думаю о судьбе немецкого языка – языка приказов и злобного лая эсесовцев <...> и языка Кафки, Гуссерля, Фрейда, Беньямина, Канетти, самого... Целана, столько других еврейских интеллектуалов, которые создали величие и богатство немецкой культуры в тридцатые годы этого века, языка разрушения, а значит, всеобщего утверждения критического разума.

einer Hoffnung, heute...

Надежда, выраженная в тот день в книге для посетителей Мартина Хайдеггера, не была исполнена. Ни одно идущее от сердца слово мыслителя не заполнило собой этого молчания» [25. С. 262].

Для Семпруна нет сомнений, что поэт надеялся на слово, которое должно было прийти из сердца философа. Иные авторы (например, Гадамер) полагают, что речь здесь идет о сердце самого поэта². Ведь синтаксическое построение фразы позволяет отнести «сердце» и к «надежде»: «запись / о надежде / сегодня в сердце / на мыслящего / слово, / что грядет». Хотя Отто Пеггелер считает это прочтение тривиальным (откуда еще мо-

¹ Лемке отстаивает идею, что, несмотря на утрату доверия как со стороны поэта, так и со стороны философа к способности современного языка доносить истину, Целан в этих строках оставляет покалеченному языку шанс стать вместилищем памяти о мертвых, см.: [22. S. 332].

² К образу сердца ср. также стихотворение «Решетка языка» из одноименного сборника 1959 г., «Цюрих, Zum Storchen» из сборника «Роза-Никому» (1963), «Под градом», «Выпеваемый остаток» из сборника «Поворот дыхания». Нередко «сердце» компонуется Целаном с разнообразными символами времени, см. стихотворение «Вечность» из сборника «Мак и память».

жет исходить надежда, кроме как не из сердца?) [7. S. 264], у Целана нередко встречается подобный прием, именуемый филологами-классиками *figura pro koinou* – когда слово или какой-либо фрагмент предложения одновременно отсылает к разным частям высказывания. Видимо, в намерения самого лирика входило распространить эту надежду как можно шире; именно с ней он связывал главную задачу современной поэзии: «закрыть себя для унаследованного скомпрометированного “Красивого”, чтобы раскрыться навстречу уже, может быть, грядущему <Kommenden> ... Правдивому – я бы назвал это надеждой; стихотворение “замирает в надежде” <verhofft>, как загнанный зверь» [24. С. 445]¹. Вероятно, поэтому некоторые специалисты, особенно те, кто выстраивает свое толкование «Годт-науберга» апологетически по отношению к Хайдеггеру, видят адресатом стихотворного послания не лично мыслителя, а каждого будущего читателя, способного расслышать в целановском Ты обращение к себе².

Следующее двустичие: «проплешины в лесу, буграми, ржавь, / ятрышник да ятрышник порознь» – снова возвращает действие на широкий простор за пределы хижины. И опять аллегорический язык растений становится способом передачи интимнейших переживаний³. Возникающая перед глазами картина – два путника, неспешно прогуливающиеся по лесной дороге, изборожденной неровностями шварцвальдского ландшафта и окаймленной по обе стороны свечами цветущего ятрышника. Выделенное запятыми слово *einzel*, «порознь», «по отдельности» указывает на разобщенность, одиночество, однако в то же время оно словно бы оттеняет недавно пережитое чувство некоего единения. Это усиливается двойным повторением названия растения, в чем можно усмотреть символическое изображение «избирательного сродства», уверенности Целана, что они с Хайдеггером идут одним и тем же путем. Подобной трактовки придерживается Гадамер. Но в этих же строках потенциально заключено и другое прочтение. Гельхауз, которого в отличие от Боллака трудно упрекнуть в предвзятости по отношению к философу, извлекает из текста образный ряд, созвучный боллаковскому иносказательному «трибуналу мертвых»⁴: описываемый пейзаж, по мнению немецкого литературоведа, «заставляет вспомнить места захоронений, которые – как, впрочем, и большинство фабрик смерти

¹ К образу надежды, но уже с негативными коннотациями, см. стихотворения «Верея топором» и «Для теней жаворонков» из сборника «Бремя света» (1970).

² См., например: [3. S. 144–148].

³ Эмблема ятрышника в сочетании с образами сердца, имени, глаза, а также выпавшего жребия присутствует и в стихотворении «Отправляясь от ятрышника» из сборника «Поворот дыхания».

⁴ Французскому исследователю и в растущих на обочине цветах удастся различить не персонификацию двух собеседников, а аллегорическое воплощение надгробий, которых лишены общие могилы. Поэт, согласно Боллаку, восстанавливает здесь историческую справедливость, закрепляя за каждой загубленной душой отдельный холм (оттого эта местность и остается бугристой, *uneingeebnet*), см.: [15. S. 386–388]. Правда, более явственно такие ассоциации проступают в стихотворении «Возвращение на родину» из сборника «Решетка языка».

нацистского времени – еще не выравнены историей» [20. S. 171]. При такой смысловой нагруженности и продолжение фразы оказывается не столько акцентированием двух единичностей – равного с равным, сколько олицетворением размежевания, изолированности, принципиальной невозможности диалога.

В роли очередной смены плана выступает поэтическая вставка «смутность, в дороге после, / явственна». Пару ей, хотя и через цезуру, составляют две строчки ниже: «он, кто везет нас, / со-внимает то же». Благодаря им становится понятно, что события теперь разворачиваются в автомобиле. В хронологическом измерении это момент судьбоносного разговора, когда к Целану и Хайдеггеру присоединяется Нойман, который везет их в машине на встречу с Бауманом. Субстантивированное прилагательное *Krudes* (нечто грубое, неотесанное, невразумительное), переданное порусски словом «смутность», без сомнения, является стержневым в этом фрагменте. Из-за его резкости Гадамер видит здесь негативную оценочную характеристику, которой Целан якобы награждает речи Хайдеггера, показавшиеся поэту поначалу невнятными и неуместными. Тогда наступающее его прозрение, в свете которого все вдруг становится «явственным», касается озвучиваемых философом мыслей, которые трудно облечь в изысканную форму. Однако заложенное в *Krudes* значение неудобоваримости, неперевариваемости перекликается с выведенным в черновике описанием разговора, «которым / мы давимся, / которым я давлюсь, / так что меня / из меня выталкивало». То, что смутность обнаруживается почти осязаемо, не означает, что она рассеивается; напротив, она усиливается, попадая под прожектор самоотчетности. Через ее интенсификацию стихотворение воспроизводит напряжение этой беседы, которая происходит на пределе сил: оно сохраняет не слова, не обмен фразами, а именно те паузы между ними, то молчание, которое трудно вынести и еще мучительней прервать. Ощущение непомерной тяжести, с которой обоим собеседникам дается (вернее сказать, не дается) разговор, чувствует даже сторонний наблюдатель, «который везет нас, тот человек, / что стал невольным свидетелем этому».

Важную задачу Нойману отводит и Боллак в своей оригинальной реконструкции произошедшего. Изображая поездку Целана в Тодтнауберг как спуск в Аид, осуществляемый согласно детально продуманному плану и имеющий своей целью добиться признания у Хайдеггера, он и шофера наделяет символической функцией: «...коль скоро отправились в царство мертвых, необходим свидетель, чтобы услышать то несказанное, что поэт сумел вытянуть из мыслителя» [15. S. 385]. Зафиксированное стихотворением гнетущее чувство, сопровождающее разговор в машине, Боллак тоже переводит в регистр своей метафоры Страшного суда. Разбирая семантический срез этих строк, он утверждает: «Слово “позже” означает на языке Целана говорение в горизонте истины, вблизи теней и смерти. Насильственность – с убийственной и бездонной точностью – высказанных “позже” слов подразумевает чудовищность беседы, в ходе которой поэт заставил Хайдеггера “со всей ясностью” говорить об убийствах. То, что он сказал, точно соответствовало ожиданиям его виза-

ви» [Ibid. S. 388]. Однако нужен был третий, который бы не только подтвердил факт случившегося, но мог бы при необходимости вновь и вновь воспроизводить суть беседы. И на первых порах, как сообщает Боллак, Нойман вполне справлялся с этой ролью. Ученый приводит в своей книге выдержки из письма Ноймана Целану, в котором ассистент Баумана заверяет поэта в осознании возложенной на него ответственности: «Тот разговор я никогда не забуду, вероятно, такие беседы происходят лишь раз в десятилетие. <...> Позволение присутствовать при этом разговоре стало испытанием меня самого; поверьте, я все еще пытаюсь мысленно продолжать его» [Ibid. S. 399]. Правда, совсем скоро тон целановского корреспондента изменился: получив от поэта факсимильное издание «Тодтнауберга», Нойман был обескуражен тем, насколько большое значение Целан придавал встрече с Хайдеггером в Шварцвальде, и среди прочего его, Ноймана, участию в ней. «Мое смятение, — пишет он, — велико, и я отдаю себе отчет в том, что требование этого стихотворения адресовано и мне, требование, которому я, боюсь, не смогу соответствовать. Проявите все же ко мне снисхождение и сохраните свою благосклонность» [Ibidem]. Решение Ноймана самоустраниться из диалога между Хайдеггером и Целаном (причем настолько твердое, что впоследствии он станет заявлять, будто ровным счетом ничего не помнит) тем не менее косвенным образом подтверждает и то, что этот разговор имел место, и то, что он затрагивал предельные вопросы.

Молчание Ноймана по-своему истолковывает Гюнтер Грасс. Хорошо знавший Целана и несколько лет живший по соседству с ним в Париже, Грасс сделал встречу поэта с Хайдеггером сюжетом одной из глав романа «Мое столетие» (1999). Повествование в ней ведется как раз от лица Ноймана, постаревшего профессора германистики, который спустя несколько десятилетий после тех достопамятных событий 1967 г. разбирает на своем семинаре стихотворение «Тодтнауберг». В изложении Грасса Нойман предстает не свидетелем, а скорее заложником ситуации: он хотя и находился в непосредственной близости, при самом разговоре не присутствовал (по версии писателя, беседа Хайдеггера с Целаном велась с глазу на глаз в хижине, а не в автомобиле); поэтому о его содержании он мог строить только догадки. Герой не в силах забыть того, чего он не может помнить, и вынужден постоянно обращаться к стихотворению как единственному подлинному свидетельству свершившегося: «...часто в мыслях своих я рисовал себе этот предполагаемый разговор в хижине, ибо между бесприютным поэтом и “Мастером из Германии”, между евреем с невидимой глазу желтой звездой и бывшим ректором Фрейбургского университета с круглым и точно так же стертым партийным значком, между поименователем и умалчивателем, между выжившим, неустанно объявляющим о своей смерти, и провозвестником Бытия и Бога грядущего Несказанное должно бы отыскать необходимые слова, но так и не нашло ни единого» [26. S. 222–223].

Последняя сцена стихотворения — аллюзия на совместный поход по Хорбахским болотам: «недо- / торенные, лесом / поваленным тропы в топях». С одной стороны, здесь, конечно, описывается бревенчатый настил,

который позволяет путникам пробираться по размытым просекам. С другой стороны, мотив пути, который приходится прокладывать с большим усилием, роднит поэта и философа в понимании природы собственной деятельности: Целан в Бременской речи называет стихи бутылочной почтой, которая всегда в пути, в поиске собеседника; Хайдеггер часто использует слово *unterwegs*, «в пути», как характеристику подлинного способа мышления¹. Нехоженые тропы всегда сопряжены с опасностью провала, крушения, неудачи. Здесь ставится на карту все, и этот предельный риск поэзия берет на себя так же, как и философия, – в той мере, в которой отваживается выходить за границы привычного. В стихотворении «Свиль» из сборника «Решетка языка» Целан, привлекая образ искаженного стекла, подчеркивает эту странность незаинтересованного созерцания, этот дефект зрения, свойственный чистой лирике и метафизике: «Свиль в глазу: / взглядами на пол- / пути увиденная утрата. / Никогда, вплетенное в действительность, / вернулось восояси. / Пути, наполовину – и самые длинные» [14. S. 96]². Подобно Орфею, спускающемуся за Эвридикой, поэзия в своем полубороте к прошлому осознает, что лишена возможности отступления, что вынуждена на ощупь продвигаться вперед без надежды когда-нибудь достичь желанной цели. Клаудио Магрис, итальянский литературовед и писатель, рассказывая в романе «Дунай» (1986) о своем посещении родины Целана, дает точный портрет его стихотворчества, сближающегося по своим интенциям с устремлениями философии, и этот набросок как будто имеет прямое отношение к «Тодтнаубергу»: «Лирика Целана – крайнее проявление орфической поэзии, песнь, спускающаяся в ночь и в царство мертвых, растворяющаяся в неясном шепоте жизни, ломающей всякую форму – языковую и социальную, чтобы отыскать тайное, волшебное слово, отворяющее врата темницы времени. В наивысших достижениях современной поэзии поэт стремится стать искупителем, взять на себя боль существования и вновь найти истинные названия вещей, стертые ложным языком общения. В окутывающей человека запутанной сети посредников поэт – необычное создание, отказывающееся устроить себе нору среди складок этой сети и отчаянно сражающееся ради того, чтобы порвать сеть, добраться до спрятанной за ней сути существования. Нередко... за

¹ Ср. стихотворение Целана «Ты, тот волос» из сборника «Поворот дыхания», в котором *unterwegs* выступает метафорой поэзии.

² По сообщению Пеггелера, этот стих Целан хотел послать Хайдеггеру в качестве подарка еще в 1957 г., см.: [2. S. 160]. Последняя строфа в нем тоже весьма выразительно указывает на созвучность интеллектуальных и поэтических интуиций:

Свиль в глазу:
чтоб уцелел
пронесенный сквозь темень знак,
оживший песком (или льдом?) чужого
времени ради чужого «навсегда»
и настроенный как глухой
вибрирующий согласный.

это приходится расплачиваться жизнью, поскольку на самом деле за сетью ничего нет, поэт падает в открывшуюся пустоту» [27. С. 492].

Заключительные строки стихотворения приобретают в этом контексте не столько смысл оплакивания, сколько принятия человеческого удела – со всеми его прошлыми ошибками, с несказанными вовремя словами, с так и ненарушенным молчанием. «То, что следует, уже не “действие”, а что-то вроде итога, который подводится в разговоре возвращающихся обратно: рискованность этой попытки научиться ходить в непроходимом. “Сырое, много”» [23. С. 377].

Литература

1. Лаку-Лабарт Ф. Поэзия как опыт / пер. с фр. Н. Мавлевич. М. : Три квадрата, 2015. 192 с.
2. Pöggeler O. Der Stein hinterm Aug. Studien zu Celans Gedichten. München : Fink, 2000. 195 S.
3. France-Lanord H. Paul Celan und Martin Heidegger. Vom Sinn eines Gesprächs / aus dem Franz. von J. Gedinat. Freiburg i.Br. ; Berlin ; Wien : Rombach Verlag, 2007. 271 S.
4. Baumann G. Erinnerung an Paul Celan. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1986. 144 S.
5. Celan P., Celan-Lestrangé G. Briefwechsel. Mit einer Auswahl von Briefen Paul Celans an seinen Sohn Eric. In 2 Bde. / aus dem Franz. von E. Helmlé. Hg. und kommentiert von B. Badiou in Verbindung mit Eric Celan. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2001. 590 S., 614 S.
6. Celan P., Wurm F. Briefwechsel / hg. von B. Wiedemann in Verbindung mit Franz Wurm. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 1995. 363 S.
7. Pöggeler O. Spur des Worts: zur Lyrik Paul Celans. Freiburg i. Br. ; München : Alber, 1986. 423 S.
8. Целан П. Из переписки Пауля Целана / пер. с нем. Т. Баскаковой // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. М., 2008. С. 499–706.
9. Gadamer H.-G., Vietta S. Im Gespräch. München : Fink, 2002. 120 S.
10. Böttiger H. Orte Paul Celans. Wien : Paul Zsolnay Verlag, 1996. 175 S.
11. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брун-Цеховского. М.: Молодая гвардия, 2002. 614 с.
12. Krass S. „Wir haben Vieles einander zugeschwiegen“. Ein unveröffentlichter Brief von Martin Heidegger an Paul Celan // Neue Zürcher Zeitung. 1998. 3./4. Januar.
13. Хайдеггер М. Ницше. Т. 1 / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2006. 608 с.
14. Celan P. Die Gedichte: Kommentierte Gesamtausgabe in einem Band / hg. und kommentiert von B. Wiedemann. Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2003. 1000 S.
15. Bollack J. Dichtung wider Dichtung. Paul Celan und die Literatur / Aus dem Franz. von W. Wögerbauer. Göttingen : Wallstein, 2006. 535 S.
16. Целан П. Тодтнауберг / пер. с нем. М. Белорусца // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. М. : Ад Маргенем Пресс, 2008. С. 236–237.
17. Гадамер Х.-Г. Мартину Хайдеггеру – 85 лет / пер. с нем. А.В. Лаврухина // Гадамер Х.-Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. 2-е изд. Минск, 2007. С. 122–138.
18. Целан П. Материалы к «Меридиану» / пер. с нем., сост. и коммент. Т. Баскаковой // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. М., 2008. С. 446–458.
19. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии / пер. с нем. Г.Б. Ноткина // Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб. : Академический проект, 2003. С. 63–98.

20. Gellhaus A. „Seit ein Gespräch wir sind“. Interpretation des Gedichts „Todtnauberg“ // *Gedichte von Paul Celan* / hg. von H.-M. Speier. Stuttgart : Reclam, 2002. S. 162–173.

21. Целан П., Бахман И. Время сердца: кн. писем / пер. с нем. Т. Баскаковой, А. Белобратова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

22. Lemke A. Konstellation ohne Sterne: zur poetischen und geschichtlichen Zäsur bei Martin Heidegger und Paul Celan. München : Fink, 2002. 596 S.

23. Gadamer H.-G. Im Schatten des Nihilismus // Gadamer H.-G. *Gesammelte Werke*. Bd. 9: Ästhetik und Poetik II: Hermeneutik im Vollzug. Tübingen : Mohr Siebeck, 1993. S. 367–382.

24. Целан П. Меридиан: Речь при вручении премии им. Георга Бюхнера, 22 октября 1960 г. / пер. с нем. М. Белорусца // Целан П. Стихотворения. Проза. Письма / под общ. ред. М. Белорусца. М., 2008. С. 420–458.

25. Семпрун Х. Писать или жить / пер. с фр. Т. Поповой. М. : Стратегия, 2002. 287 с.

26. Грасс Г. Мое столетие / пер. с нем. С. Фридлянд. СПб. : Амфора, 2009. 349 с.

27. Магрис К. Дунай / пер. с итал. А. Ямпольской. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 632 с.

“Todtnauberg” by Paul Celan: An Attempt of a Talk Between Philosophy and Poetry

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 196–219. DOI: 10.17223/19986645/64/12

Oxana A. Koval, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ox.koval@gmail.com

Ekaterina B. Kriukova, Independent Researcher (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: antikukuruza@mail.ru

Keywords: “Todtnauberg”, Paul Celan, Martin Heidegger, convergence of philosophy and poetry, memory, language.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-311-00268, “Poetics of Philosophical Thinking: The Cultural Paradigm of Modernity and Contemporary Trends”.

The article discusses a problem that relates to the epistemological value of the poetic text and therefore belongs to the category of complex interdisciplinary issues. Its solution requires the involvement of the methods and resources of various humanities fields. The material for the demonstration of the productive collaboration of philological and philosophical research is “Todtnauberg”, one of the most commented (along with the “Fugue of Death”) poems by Paul Celan, which came to existence as an echo of the meeting of the poet with the famous thinker Martin Heidegger. As well as in many others Celan’s texts initiated by biographical events, in the phantasmagoric space of this verse real facts are completely transformed and receive a special, supra-individual meaning. In the first part of the article, an attempt is made to reconstruct the chronology of this meeting and the context of the poem’s creation, so far as “Todtnauberg” appears in the role of a symbolic address of poetry to philosophy. The biographical method is combined with the hermeneutic approach developed by Heidegger himself in the late period of his work. Declared by Heidegger, the kinship of poetry and philosophy fueled Celan’s faith in the possibility of a working partnership that would reanimate the ontological power of language lost in view of the war and the Catastrophe. Despite of Celan’s disappointment with Heidegger and the unwillingness of the thinker to talk, “Todtnauberg” can be regarded as a kind of a meaning-generating topos, in which the horizons of philosophical and poetic thinking converge. In the second part of the article, the poem itself is analyzed in detail. The “slow reading” method and reference to the poem’s most authoritative and original interpretations are used. The purpose of such a review is to demonstrate how a separate lyric piece becomes an occasion for a fruitful cultural dialog and effective interaction between philosophy and poetry. Along with the interpretations of such prominent experts in Celan’s

works as Alex Gellhaus, Jean Bollack and Anja Lemke, the article reflects on the arguments of philosophers who took different ideological lines: Hans-Georg Gadamer, Philippe Lacoue-Labarthe, and Otto Pöggeler. In addition, the “literary workshop” is involved in the analysis, namely, interpretations of “Todtnauberg” in the novels of such eminent writers as Günther Grass, Jorge Semprún, and Claudio Magris. As a result of the comparison and collision of different points of view and research strategies, the complicated semantic structure of Celan’s text is revealed, and the general picture of the grandiose poetic project is formed, in which the existential themes of guilt, responsibility, human tragedy, memory and forgiveness are combined.

References

1. Lacoue-Labarthe, Ph. (2015) *Poeziya kak opyt* [Poetry as an Experience]. Translated from French by N. Mavlevich. Moscow: Tri kvadrata.
2. Pöggeler, O. (2000) *Der Stein hinterm Aug. Studien zu Celans Gedichten*. München: Fink.
3. France-Lanord, H. (2007) *Paul Celan und Martin Heidegger. Vom Sinn eines Gesprächs*. Berlin; Wien: Rombach Verlag.
4. Baumann, G. (1986) *Erinnerung an Paul Celan*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
5. Celan, P. & Celan-LeStrange, G. (2001) *Briefwechsel. Mit einer Auswahl von Briefen Paul Celans an seinen Sohn Eric*. In 2 Bde. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
6. Celan, P. & Wurm, F. (1995) *Briefwechsel*. Frankfurt a.Moscow: Suhrkamp.
7. Pöggeler, O. (1986) *Spur des Worts: zur Lyrik Paul Celans*. Freiburg i.B.; München: Alber.
8. Celan, P. (2008) *Iz perepiski Paulya Tselana* [From the Correspondence of Paul Celan]. Translated from German by T. Baskakova. In: Belorusts, M. (ed.) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow: Ad Margenem Press. pp. 499–706.
9. Gadamer, H.-G. & Vietta, S. (2002) *Im Gespräch*. München: Fink.
10. Böttiger, H. (1996) *Orte Paul Celans*. Wien: Paul Zsolnay Verlag.
11. Safranski, R. (2002) *Khaydegger: germanskiy master i ego vremya* [Heidegger: The German Master and His Time]. Translated from German by T.A. Baskakova and V.A. Brun-Tsekhovskiy. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Krass, S. (1998) “Wir haben Vieles einander zugeschwiegen”. Ein unveröffentlichter Brief von Martin Heidegger an Paul Celan. *Neue Zürcher Zeitung*. 3./4. Januar.
13. Heidegger, M. (2006) *Nitsshe* [Nietzsche]. Vol. 1. Translated from German by A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal’.
14. Celan, P. (2003) *Die Gedichte: Kommentierte Gesamtausgabe in einem Band*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
15. Bollack, J. (2006) *Dichtung wider Dichtung. Paul Celan und die Literatur*. Göttingen: Wallstein.
16. Celan, P. (2008a) *Todtnauberg*. Translated from German by M. Belorusts. In: Belorusts, M. (ed.) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow: Ad Margenem Press. pp. 236–237.
17. Gadamer, H.-G. (2007) *Puti Khaydeggera: issledovaniya pozdnego tvorchestva* [Heidegger’s Ways: A Study of Late Works]. Translated from German by A.V. Lavrukhin. 2nd ed. Minsk: Propilei. pp. 122–138.
18. Celan, P. (2008b) *Materialy k “Meridianu”* [Materials to the Meridian]. Translated from German by M. Belorusts. In: Belorusts, M. (ed.) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow: Ad Margenem Press. pp. 446–458.
19. Heidegger, M. (2003) *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina* [Clarifications on Hölderlin’s Poetry]. Translated from German by G.B. Notkin St. Petersburg: Akademicheskii proekt. pp. 63–98.

20. Gellhaus, A. (2002) "Seit ein Gespräch wir sind". Interpretation des Gedichts "Todtnauberg". In: Speier, H.-M. (Hg.) *Gedichte von Paul Celan*. Stuttgart: Reclam. pp. 162–173.

21. Celan, P. & Bachman, I. (2016) *Vremya serdtsa: kn. pisem* [Heart Time: A Book of Letters]. Translated from German by T. Baskakova, A. Belobratov. Moscow: Ad Marginem Press.

22. Lemke, A. (2002) *Konstellation ohne Sterne: zur poetischen und geschichtlichen Zäsur bei Martin Heidegger und Paul Celan*. München: Fink.

23. Gadamer, H.-G. (1993) *Gesammelte Werke*. Bd. 9: Ästhetik und Poetik II: Hermeneutik im Vollzug. Tübingen: Mohr Siebeck. pp. 367–382.

24. Celan, P. (2008c) Meridian. Rech' pri vruchenii premii im. Georga Byukhnera (22 oktyabrya 1960 g.) [The Meridian. Speech on the Occasion of the Acceptance of the Georg Büchner Prize for Literature (October 22, 1960)]. Translated from German by M. Belorusts. In: Belorusts, M. (ed.) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow: Ad Marginem Press. pp. 420–458.

25. Semprun, J. (2002) *Pisat' ili zhit'* [Writing and Life]. Translated from French by T. Popova. Moscow: Strategiya.

26. Grass, G. (2009) *Moe stoletie* [My Century]. Translated from German by S. Fridlyand. St. Petersburg: Amfora.

27. Magris, C. (2016) *Dunay* [Danube]. Translated from Italian by A. Yampol'skaya. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/64/13

Н.В. Ковтун

О ЖЕНСКОМ И ЖЕНСТВЕННОМ В СОВЕТСКИХ ТЕКСТАХ Д.А. ПРИГОВА¹

Исследуется тема женского и женственного в сборнике Д.А. Пригова «Советские тексты». Тема составила нравственный стержень классической словесности. Ее деконструкция – знак переосмысления гуманистической парадигмы. В статье выделены спектр сакрального и демонизированного, связанного с темой женщины, показано, как автор двигается от социальных культурных символов к бессознательному (представлены образы советской женщины-героини, женщины как объекта сострадания, печали, женщины-матери – воплощенной мудрости и матери-Родины, женщины-вамп).

Ключевые слова: Д.А. Пригов, «Советские тексты», тема женского.

Введение в проблему

Одна из причин неизменности интереса к творчеству Д.А. Пригова видится в устойчивости эстетики постмодернизма. Культура под знаком «пост-», теряя актуальность, не имеет между тем яркой альтернативы, контрэстетика не сформирована, отсюда возвращение к игровой заявке на несистемное мышление как критике систем. Ценность приговского высказывания лежит не столько в пределах поэтического, сколько культурологического. Творчество автора обозначило сдвиг в гуманитарном дискурсе, оформленный не наукообразно, а образно, это открывает простор для филологических упражнений в деконструкции и культурных ассоциациях.

Цель нашей статьи – рассмотрение деконструкции сакрального как выстраивание новой антропологии, негативной, не подчиненной абсолютам – ни религии, ни онтологии, ни мифам (социальным, культурным, художественным). Образ женщины в этом отношении репрезентативен, он составляет нравственный стержень классической словесности. Его деконструкция – знак переосмысления гуманистической парадигмы. Нам важно проследить, возможно ли выстраивание позитивного высказывания в пустоте (если она не носит метафизического характера).

Наш анализ *темы женского* будет сосредоточен на «советских текстах» автора, собранных в отдельный сборник с аналогичным названием, вышедший в 2016 г. в издательстве Ивана Лимбаха. Для аргументации ряда

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Международной научной конференции «Производство, документация, интервенция. Произведение искусства в условиях неофициальной советской культуры 1960–1980-х гг. Приговские чтения-2018», прошедшей в октябре 2018 г. в Университете Мюнхена.

положений статьи мы будем обращаться и к произведениям названной тематики, вошедшим в восьмитомное собрание стихов поэта, изданное в Германии в 1996–2016 гг. Программные тексты, составившие сборник, написаны с 1979 по 1984 г., когда «*московский романтический концептуализм*» (термин Б. Гройса), лидером которого был Д.А. Пригов, завоевывает свои позиции. В определении «советские» стоит учитывать не только *тематический аспект* (стратегию соц-арта), но и *хронологический* (тексты созданы до начала перестройки). В этот период Пригов – блестящий андеграундный стихотворец, вырабатывающий свой тип высказывания – *простодушную иронию*, т.е. как будто бы нечаянное разрушение всех мифологий: от идеологии до культуры. Автор играет в простодушие героя, который наталкивается на очевидные противоречия в официальных советских текстах, уточняет и деконструирует их смысл, являя парадоксальную языковую конструкцию (бессмысленную, но и бесстрашную). В основе стратегии – постмодернистская подмена лирического субъекта калейдоскопом масок, *игра смыслами* без признания ответственности автора за свое высказывание: «Я отстаиваю возможность не подчиняться никаким тотальным идеям и идеологиям. Любой взгляд претендует на истинность, моя задача – вскрыть любой взгляд не как истину, а как тип конвенциональности», – утверждает поэт [1. С. 104].

Тема женского в интеллектуальной, рациональной поэзии Д.А. Пригова скорее периферийна. Среди исследований о творчестве поэта можно выделить лишь несколько, где она становится предметом специального анализа. Это статьи Е. Добренко о работе Пригова с наследием Михалкова–Кончаловской [2. С. 358–407], К. Чепела и С. Сандлер «Тело у Пригова» [3. С. 513–539], отчасти интервью самого автора, где он высказывается о новой антропологии [4. С. 52–71]. Пишущие сходятся на идее «масштабной культурной амбивалентности, окружающей проблему женственности» [3. С. 514]. В сборнике «Советские тексты» наберется не более 20 процентов произведений, затрагивающих женскую тему в том или ином аспекте. Известные строчки автора: «Я женщин не люблю, хотя вот / Мне плутни их порой милы...» [5. С. 261] или «Да, я певец мужской натуги...» [6. Т. 3. С. 283] как будто подтверждают интеллектуальную незаинтересованность. По наблюдению М. Берга, в текстах Пригова женщина входит в парадигму «отверженных» (вместе с евреем, иностранцем, гомосексуалистом, извращенцем, террористом), которые заняли место советских «героев» – поэтов, политиков, полководцев [7. С. 100].

В решении женской темы у Д.А. Пригова условно можно выделить два направления: *деконструкция классической любовной лирики* (текстов Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина, Ахматовой) и обыгрывание *женских типажей*, характерных для ортодоксальной советской идеологии. Вплоть до «новой искренности» 1990-х стратегия сведения советской действительности к чистой текстуальности оказывается достаточно востребованной. Тема женского в сборнике важна еще и потому, что она несколько выпадает из продуманной логики чистой игры, не лишена «*нечаянной сен-*

тиментальности». Автор, с одной стороны, работает с устойчивыми *советскими типажам*и (от образов кухарки, управляющей государством, женщины-товарища, матери-Родины до наивной девушки, отдыхающей на юге «всего за полтора рубля»), с другой стороны, прогуливаясь среди муляжей, симулякров, он ведет себя по отношению к ним как неискушенный, *ребенок* или *варвар*: разговаривает с картинками, признается в любви плакатным ударницам и, как результат, обживает мир зазеркалья. В текстах Пригова просматривается некая парадигма женских образов: от воспроизводства *социальных культурных символов* до игры с *архетипами бессознательного*.

Дешифровка сакральных культурных символов

Сразу выделим тексты, связанные с дешифровкой сакральных дискурсов («*негативная теология*») как имеющих те же амбиции, что и дискурсы тоталитарные (в версии поэта). Однако в творчестве Пригова сохранились целые комплексы образов, имеющих культовое происхождение, если говорить о живописи, то это знак «*всевидящего ока*», с которым связаны поэтические образы Милицанера и «государственного поэта» [8. С. 255–258]. Так христианская символика сопрягается с элементами советской идеологии. В сборнике не случайно идет речь о мифологии *Вечной Женственности*, которую Д.А. Пригов считает одной из основных мыслеформ русского сознания, наряду с Соборностью и Заснеженными просторами (Величие и духовность) [9. С. 718], есть и прямые отсылки к образу *Девы Марии*:

Ты помнишь, как в детстве, Мария
Мы жили в деревне одной
Со странным каким-то названьем
Уж и не припомню каким

Мотивы *грозы, дитя, преследования*, как и будущей жизни, трансформируются, накладываются на советскую повседневность, высокое и низкое, прошлое и настоящее уравниваются:

Ты помнишь, гроза надвигалась
Нет, нет – это в смысле прямом
А в сталинском и переносном
Тогда миновала уже

[5. С. 38].

Здесь близость Священной истории и истории земной способствует «очеловечиванию» сакрального образа Девы Марии. В более раннем тексте «Когда я буду умирать, Мария...» (1977), вошедшем в восьмитомное собрание стихов, земная проекция библейского сюжета признана единственно важной. Герою дорог круг друзей, в котором его стихи и судьба обретают подлинный смысл. В этот круг он приглашает и Деву Марию:

«Давай, Мария, здесь дружить / Мария...», ради поэтического братства герой отказывается от рая, «...где крыльев много и недорогие / Но там не будет дорогих, Мария / Друзей моих...» [6. Т. 3. С. 246]. Композиционная, стилевая близость между означающими сакрального и земного планов создает «зону семантической неопределенности» – свидетельство глубинного разочарования в Абсолюте [8. С. 249]. В основе развенчивающей стратегии более позднего периода – роль мудрого «эксперта», которую берет на себя Д.А. Пригов, при этом оговаривая, что игра умному человеку, тем более Демиургу – «всевидающему оку», «видна насквозь» [1. С. 96].

В следующем тексте сборника автор, деконструируя романтизированные символы и структуры, выступает в маске «маленького человека» [10. С. 252–262], которому не до любви, не до высокого. Окруженный муляжами, лозунгами о светлом будущем, советский обыватель проводит время в бесконечных очередях, борьбе за дефицит. Усиленная театрализация пространства неданности, предпринятая властью, только подчеркивает ощущение абсурда. Тотальная ирония автора разрушает, однако, и саму идею подлинного, дискредитирует мотив любви как таковой:

Я был тогда мальчишкой нелучшим
Она, возможно, девочкой была
Но мы тогда не встретились – и к лучшему
А то любовь, возможно, бы была
И вот она стоит Царица жизни
Мадонна! Женщина! Царица! Мать!
А я спешу своей походочкой безжизненной
Последний рубль с сберкнижечки снимать
[5. С. 214].

В романтический, сакральный контекст («Мадонна! Женщина! Царица!...») внедряется элемент, разрушающий смысловую целостность образа. В данном случае такой элемент – сомнение поэта в девственности юной героини, награжденной возвышенными именами и сравнениями. Все пафосные ассоциации снимаются эротическим контекстом. Парадигма женских образов подчеркнута статична, на этом фоне суетящийся, бегущий, деятельный герой воспринимается единственно живым на фоне статуарных образов.

Тема «женщина и власть»

Женщина в истории. Д.А. Пригов деконструирует известные исторические сюжеты, широко представленные в отечественной культуре. Мифологизированное прошлое Руси было составной частью советской идеологии. Эта парадигма обыгрывается в цикле *«Исторические и героические песни»* (1974), куда вошли показательные для нашей темы стихи «Марина Мнишек», «Екатерина и Пугачев», «Сталин и Аллилуева». Образы роковых

красавиц демифологизируются, из символов Вечной женственности превращены в случайных свидетелей мужских игр, их статус профанируется введением обценной лексики. Марина Мнишек, например, представлена любящей и преданной, самозванец же – холодным и расчетливым: «Она до белого румянца / Любила самозванца... А он все – деньги да червонцы, / Он все – престолы да венцы...» [6. Т. 1. С. 111]. История пугачевского бунта дана в стилистике водевильной интрижки, где образ Пугачева – знак фаворитизма и разбоя, изображение Екатерины напоминает химерическое тело, вбирающее очертания мраморных статуй («Бела, словно мрамор паросский»), державинских и пушкинских героинь (от балерины Истоминой в «Евгении Онегине» до Императрицы в «Капитанской дочке»). Победителем Пугачева становится Суворов, выпрыгивающий, как бес из табакерки, из-под кровати властительницы: «За этот свой подвиг народный, / Ночной свой испуг и изъян / Суворов был прозван суровым / И Пугачем – Емельяном» [6. Т. 1. С. 136]. Здесь травестируется и сюжет волшебной сказки про Емелю (обыгрывается близость имен), когда вместо царевны и полцарства в придачу герой получает статус бандита-неудачника.

В стихотворении «Сталин и Аллилуева» героиня перед Вождем, взирающим свысока на Красную площадь, стоит «не больше муравья...». Сцена отсылает к клишированным изображениям Сталина на советских полотнах (седина, мундир, ордена в лучах света), где пространство распределено, отдельному человеку места нет. Убийство женщины ассоциируется с падением пуговицы, случайно оторвавшейся от маршальского мундира. Образ падающей звезды воплощается как бег пуговицы «с лепленным гербом» по «пурпурному паркету», парадирующему небосвод [Там же. С. 117]. В этой же парадигме текст «Сталин и девочка», где образы статуарны, сведены к известному набору атрибутов: Сталин – трубка, Спасская башня, парадный мундир; страна – шеренги радостных людей, девочка – «красный-красный букет», подаренный Вождю [Там же. С. 109].

Типология советских героинь в текстах Д.А. Пригова

1. Игровую иерархию типажей советских героинь, представленную в «Советских текстах», можно начать с образа *женщины-товарища* как воплощения феминизированной маскулинности. Она готова отречься от личного, семьи и мужа, выбирая служение Отечеству, любовь к Вождю:

Людмила Власова, оставив мужа
К отчизне прилепилась всей душой
Отчизна, ясно, что магнит большой
Хотя и не всегда удачный

В выборе фамилии героини срабатывает референциальная память слова: фамилия и звуковая близость имени отсылают к модели героической личности – (Пелагеи) *Ниловны Власовой* из романа М. Горького «Мать». В тексте

Д.А. Пригова преданность государству выступает аналогом блуда, когда долг и служение Отечеству приобретают анекдотический оттенок:

Муж – это точка: ясно, где лепиться
В отчизне ж разных точек – несть числа
[5. С. 31].

Женщины, даже облеченные властью, претендующие на мужские роли вождей, в сборнике предстают в образе *плута, трикстера*, не имеющего своего лица, миссии. Отчасти таково восприятие и самой природы власти в СССР:

Я женщин не люблю, хотя вот
Мне плутни их порой милы
То Фурцева министром станет
То Тэтчер – лидером страны
А то бегут, бегут – куда вы?
Раскрепощенные, куда? –
А мы, как у Акутагавы
Читал Расемон? – вот туда
[Там же. С. 261].

В тексте упомянут рассказ японского мастера Р. Акутагавы «Ворота Расемон» и знаменитый фильм Акиры Кurosавы «Расемон», снятый по рассказу того же автора – «В чаще». Основная идея фильма – ускользающая истина, когда одно и то же событие (убийство самурая) рассказано с точки зрения разных персонажей, каждый из которых отстаивает собственную версию. Эротический контекст связан с историей главной героини – изнасилованной жены убитого самурая, которая выглядит то жертвой, то соблазнительницей, то подстрекательницей к убийству. Политика в транскрипции Д.А. Пригова превращается в женские плутни, игру, близкую древнейшей профессии.

2. Продолжением темы *женщина и власть* становится стихотворение, где появляется традиционный советский типаж *кухарка, управляющая государством*. Пригов награждает крестьянку пафосным именем – Глафира (с греч. «стройная, изящная») и соответствующей профессией – *скотоводница*. Героиня в прямом эфире обращается ко всей стране. Мотив единства страны, которая знает и слышит всех своих дочерей и сыновей – магистральный в ортодоксальной советской прозе: от «Чука и Гека» А. Гайдара, «Аэлиты» А. Толстого до «Красной птицы» Ю. Казакова. У Д.А. Пригова, однако, в момент вещания страна безмолвствует:

По волнам, волнам эфира
Потерявшим внешний вид
Скотоводница Глафира
Со странюю говорит

Как живет она прекрасно
 На работе как горит
 Как ей все легко и ясно –
 Со страною говорит
 А страна вдали все слышит
 Невидна, как за рекой
 Но молчит и шумно дышит
 Как огромный зверь какой
 [5. С. 227].

Интонационно, стилистически стихотворение близко «Песне мира» А. Ахматовой, образ которой Пригов иронически вписывает в авторитарную парадигму:

Качаясь на волнах эфира
 Минуя горы и моря,
 Лети, лети голубкой мира,
 О песня звонкая моя!
 И Расскажи тому, кто слышит,
 Как близок долгожданный век,
 Чем ныне и живет и дышит
 В твоей отчизне человек...
 [11. С. 383].

Глафира не случайно получает статус ското-водницы, страна же ассоциируется с «огромным зверем» (аналог бездны), прислушивающимся к звукам поводыря, как вариант – *психопомпа*. Это не ироническая модель «кухарки у власти», а ее чучело, симулякр первого порядка, по Бодрийяру. В близкой стилистике создан цикл «Старая коммунистка...», где всякая возможность политического высказывания профанируется (1989). Для позднего Пригова тема родства *женщины* и *зверя*, *женщины* и *монструозных сущностей* становится все более важной. Работа над ней отражается и в живописных трудах («Гертруда Стайн»). Вослед феминистским идеям, высказанным в конце 1960–1970-е гг. (Фридан, Элмманн, Гилберт и Губар, Шоуолтер и др.), своеобразно обобщенным в работе Ю. Кристевой «Силы ужаса: эссе об отвращении» (1982), поэт передает глубокую связь женщины с ужасным, монструозным, проступающим сквозь тонкий флер культуры [12]. Образ женщины становится инструментом для постижения монструозных сущностей, с властью которых Д.А. Пригов связывает будущее мира.

3. С некоторыми оговорками к типу *маскулинной, работающей женщины* мы бы отнесли и женщину в метро, ведущую себя агрессивно:

Женщина в метро меня лягнула
 Ну, пихаться – там куда ни шло
 Здесь же она явно перегнула
 Палку, и все дело перешло

В ранг ненужно-личных отношений
Я, естественно, в ответ лягнул
Но и тут же попросил прощенья
Просто я как личность выше был
[5. С. 83].

Описанный случай нарочито низкий, обыденный, расходящийся с общепринятыми представлениями о женщине как друге, товарище, устойчивыми в советской поэзии, свободной от мотивов *соблазна* и *секса*. Поведение в метро («пихаться»), странный жест – лягнула – анализируются чаще в эротическом контексте. Текст Пригова сопоставляется с произведениями Ю. Кузнецова и О. Григорьева, где отрабатывается метафора «уходящей женщины», женщины оступившейся, смешной и жалкой [13. С. 271]. Герой Пригова позволяет себе неканонический жест: «в ответ лягнул», который уравнивает его с толпой, но не мешает тут же выделиться: «попросил прощенья». Последняя строчка, действительно, «трогательна» (А. Бараш), ибо выдает реакцию живого человека на происшедшее, далекую от советского официоза. В контексте нашей темы упомянем и некрасовский нарратив, где образ русской крестьянки, что «коня на скаку остановит и в горящую избу войдет...» вплетается в образ современницы, которая сама напоминает замученную лошадь и ведет себя соответственно – лягается.

4. *Женщина как объект сострадания, печали.* Женские образы порой сохраняют налет трогательности, чаще всего в этой парадигме выступают образы *маленьких девочек*, еще свободных от власти социального и эротического. Но и этот идеализированный образ находится под угрозой не столько «заговора чувств», сколько «заговора *частей тела*»:

Малолетняя женщина бродит по пляжу
В окружении собственных женских частей
Только что объявившихся и для куражу
То потянется, то пробежится быстрее
И не знает она, что вот эти вот части
Приведут ее скоро бог знает куда
А пока они ей – для игры и для счастья
И пока еще даже чуть-чуть для стыда
[5. С. 29].

«Нечаянную сентиментальность» фигуре девочки придает неукорененность в реальности, телесная гармония (консенсус с собственным телом). Стихия игры, счастья сочетается с правом на стыд – очень личным чувством. Взгляд наблюдателя, однако, ироничен и тревожен одновременно, происходящее напоминает театральное действо, где на равных с героиней выступают ее части тела: «И не знает она, что вот эти вот части / Приведут ее скоро бог знает куда...». Тайна естественного порядка жизни кажется угрозой нынешнему совершенству. «Так властные амбиции смеха распространяются не только на очевидно авторитарные дискурсы, но и на при-

родные смыслы, понятые как всего лишь запреты», – пишет И. Плеханова [14. С. 152]. В позднем творчестве Д.А. Пригова девичья честь, стыд признаются аналогом пустоты, «чистым ничто» («Книга книг»). Части тела могут вступать в сложные отношения как с друг другом, так и душой, разборки между ними напоминают серию семейных скандалов, окрашенную гностическим пафосом (циклы «Тело», «Внутренние разборки»). Уже в следующем тексте сборника ситуация зеркально повторяется:

Женщина вот загорает на пляже
 Вся полна прелести и божества
 Не представляет сама она даже
 Опасности для своего естества
 Все в нее смотрят бесшумно и зорко
 А через год она может родит
 Может зверушку, а может ребенка
 Может от солнца, а может и нет
 [5. С. 113].

Образ юной красавицы аллюзивно развернут к героине «Сказки о царе Салтане» (1831) Пушкина. Цитируя известные строки поэта: «Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь; / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверушку...» [15. С. 608], Д.А. Пригов иронизирует и над известным сюжетом (Красота в окружении алчной толпы), и над собственными опасениями. Сентиментальный код, однако, угадывается в целом ряде текстов начала 1980-х, посвященных женской юности: «Девушка всю смеется...»; «Вот девочка котеночка ласкает...»; «Вот платье ей одно не нравится...».

В стихотворении «Женщины особенно страдают в этом мире» («Советские тексты») романтические ожидания, сантименты, которыми живет взрослая женщина, становятся приметами ее уязвимости, предельной наивности. В ситуации «исчезающей реальности» привязанности заведомо обречены, фантомны или «за полтора рубля», о чем свидетельствует полная страданий женская судьба:

Женщины особенно страдают в этом мире
 И одинокие, и в замужестве, и даже в собственной
 квартире
 Потому что их печальный народ
 На привязанность уповает, ею только и живет
 [5. С. 61].

Обманчивыми в тексте объявлены не только погоня за чувствами («не связь собственно – а разрыв»), но и семейное пространство (квартира), где пытаются устроить отношения: «Не квартира собственно – а пропасть». Фиктивность семьи как ячейки государства ставит вопрос о природе самого государства.

5. Особое место в сборнике занимает классическая для советской литературы и фильмографии тема *отдыха на юге*, который становился награ-

дой передовикам производства, на отдых отправляются всей семьей. Д.А. Пригов придает сюжету оттенок эротизма, фривольности:

Всего за полтора рубля
Проводишь целый день на юге
В соседстве ласковой подруги
Тоже за полтора рубля
В смысле – не стоимость подруги
А пребывание на юге
Ей стоит полтора рубля
А сколько стоит вам подруга –
То не зависит уж от юга

[5. С. 29].

Тема крепкой идейной семьи, вместе прошедшей тяжелые испытания, революцию, намечена и в цикле «Пятая тысяча, или Мария Моряк Пожарный Еврей и Милицанер» (1980). В стихотворении «Любимая в садике где-то живет...», аллюзивно отсылающем к популярной советской песне «Смуглянка», победные действия героя даны как постоянно повторяющиеся, что разрушает их смысл: «А он же врагов побеждает / Они ему там угрожают / Она же привет ему шлет...», и вновь «Он их побеждает, а ей отвечает... Она ждет / Они же мешают» [6. Т. 5. С. 101]. Прием повтора указывает на шутовской характер текста, герои, замкнутые в бесконечности повторов, не в состоянии обрести реальность (пародийный сюжет Фомы и Еремы). Рефреном следующего стихотворения: «Эта женщина – она / Молода и влюблена...» становится назидание: «Живи себе с Богом / Люби себе положенного / И все правильно будет» [Там же. С. 167], указывающее на фиктивность советской культуры, где влюбленные обсуждают производственные рекорды, но никогда – чувства (киноленты «Цирк», «Свадьба с приданым», производственный роман). Иная стилистика определяет текст «Вот мои радости – дочка-малютка...», в котором семейная идиллия подсвечена Рождественским сюжетом, что переводит банальную картинку в иной регистр.

6. В парадигме семейной темы особую значимость обретает образ *матери*. В поэзии Д.А. Пригова стоит отличать образ матери – воплощения печали, любви-всепонимания и прощения – и *Матери-Родины* как ведущего персонажа в пантеоне советских героев (по типологии Х. Гюнтера) [16. С. 764–780]. В сборнике «Советские тексты» только одно стихотворение, в котором описан визит матери в московскую квартиру героя. Само обращение «мама» настраивает на доверительную интонацию, однако обстановка нарочито профанная, мелкая, перечислены удобства (мыло, ванна, туалет), на равных с обывателями госте представлены *тараканы*. Насекомые (тараканы, крысы) в текстах Пригова суть репрезентация монструозного «в силу своей фольклорной отвратительности» [17. С. 176], указание на некое неблагополучие среды, в которой что-то пошло не так и она явила монстров:

Мама временно ко мне
 Въехала на пару дней
 Вот я представляю ей:
 Это кухня, туалет
 Это мыло, это ванна
 А вот это тараканы
 Тоже временно живут
 Мама молвит неуверенно:
 Правда временно живут? –
 Господи, да все мы временно

[5. С. 111].

Последняя строчка нетипична для данного высказывания, причем нетипична как в бытовом контексте, так и в более широком. Исследователи считают, что «трюизм, типичный для фразеологии похоронного ритуала, перемещается Приговым в тот дискурс, в котором банальность либо утрачивается, либо значительно ослабляется» [18. С. 564]. Финальная строчка указывает на выход из узкого и частного к охвату бытия в целом, его хрупкость: «...все мы временно». Это свойство творчества поэта отметил И. Смирнов: «Приговские стихотворения тематизируют быт – и вместе с тем они, поставленные на поток, устремлены через изображение частного и конкретного к охвату бытия в целом» [19. С. 97].

7. Самое большое количество стихов в сборнике связано с трансформацией советских архетипов *Родины-матери* и *Родины-Невесты*, получающих различные воплощения. Претекстами для приговских произведений становятся русские народные сказки, сюжеты мировой литературы, стихи о Родине классиков (Пушкина, Лермонтова, Блока), строчки советских песен, где образ советской Родины и был тематизирован. «Пригов использует претекст, – пишет М. Берг, – как интертекстуальную жертву, редуцируя претекст и самоутверждаясь за его счет» [7. С. 91]. Профанируются не только отдельные советские символы, но культурные мифологемы: образ Москвы как Третьего Рима, теория евразийства, в соответствии с которой рождается приговский вариант содружества: Россия – «женщина и мать» и Китай – «мужского рода» составляют супружескую пару, которой не до любви, «Достаточно и миром править» [5. С. 208]. Пригов пишет во времена, когда советская жизнь теряет последнюю связь с реальностью, ее место занимают лозунги и песни – чистая текстуальность. Москва предстает как умышленная держава, существующая в «потустороннем смысле»:

А что Москва – не девушка, не птица
 Чтоб о ней страшиться каждый день
 Не улетит и нас не опозорит
 Не выйдет замуж и не убежит
 И не жена, и не сестра, не мать
 Но песня: коль поется – так и есть
 Но в некотором что ль потустороннем смысле

[Там же. С. 186].

Целый ряд приговских текстов обыгрывает советские имперские ритуалы, накануне «перестройки» воспринимающиеся исключительно пародийно, но еще обязательные к исполнению. В эту игру и вступает поэт:

Государство – это отец, его мы боимся и уважаем
А в дни празднеств и побед с собою отождествляем
А Родина – это естественно, мать, ее мы любим и даже
больше – обожаем
И стыдимся, и ревнуем, и помыкаем,
и мучаем, и желаем
И наиболее впечатлительные, как говорит Фрейд
убивают отца и с Родиной сожительствовают,
и все не удовлетворены вполне.

Обращение к авторитету опального в СССР З. Фрейда, «эдипову комплексу» превращает русскую историю в балаган, но подчеркивает и удивительную живучесть, сноровку «маленького человека», легко разрешающего роковое противоречие, стоившее стольких хлопот древним грекам. Номо soveticus справляется с проблемами бессознательного без ужаса и прелюбодеяния, путем трикстерского приема:

А мы – мы простые люди, мы и с отцом разойдемся,
да и женимся на стороне

[5. С. 65].

В этой же парадигме стихотворение, обыгрывающее тему верности, любви к Родине, решение которой переводится в эротический модус. Претекстом стали канонические произведения А. Блока «Россия», метафорика которого автором прочитывается буквально, и «Песня о Родине» из кинофильма «Цирк» («Как невесту, Родину мы любим,/ Бережем, как ласковую мать...»):

Известно, что можно жить со многими женщинами
и в то же время душою той, единственной, не изменять
Как же в этом свете измену Родине понимать
Ведь Родину мы любим не плотью, а душой
Как ту, единственную, или не любим – тогда тем более
измены никакой
Но все это справедливо, конечно, если Родину,
как у Блока, как женщину понимать
Но нет никакого оправдания, кроме расстрела,
если она – мать

[5. С. 66].

Обратимся к текстам, в которых образ России коррелирует с ключевыми романтическими символами: *Царевна Лебедь, Демон, Новый Иерусалим*.

лим... По теории В. Топорова о тексте города-девы и города-блудницы идеалом первого становится Священный Иерусалим, воплощением второго – апокалиптический Вавилон как мать блудодействия, с которой грешили земные владыки [20. С. 121–132]. В тексте Пригова «Вот лебедь белая Москва...» обыгрывается мотив пленения столицы «вороном черным», в роли которого традиционно выступает многомудрая Европа.

Образ врага-погубителя – ворона – выстраивается как совершенная химера, вбирающая элементы известной народной песни «Ой, да не вейся черный ворон...» и волшебных сказок. В соответствии с этой же авторской стратегией Москва как Лебедь белая описывается через легенду об основании града Киева, мистическую теорию Третьего Рима и балет Чайковского «Лебединое озеро», «который стал символом мифологизированной псевдоклассической советской эпохи» [3. С. 517], его передавали по ТВ, когда умирал руководитель партии и правительства, на балет в Большой театр водили иностранцев. Д.А. Пригов травестирует все названные составляющие имперского нарратива:

Вот лебедь белая Москва
 А ей навстречу ворон черный
 Европским мудростям ученый
 Она ж невинна и чиста
 А снизу витязь – он стрелу
 На лук кладет он, но нечаяно
 Промахивается он случайно
 И попадает он в Москву!
 И начинает он тужить
 По улицам пустынным ходит
 И никого он не находит
 И здесь он остается жить

[5. С. 186].

Мифологема пленения Святой Руси «разумной» Европой заставляет вспомнить идеи протопопа Аввакума, видевшего в светском знании, идущем из Европы, одну из причин поругания духовного. «Внешняя мудрость» осуждалась «огненным протопопом», к «разумным» в этой концепции относятся те, «которые познали Бога внешнею хитростью» или поклонились дьяволу: как дьявол хотел уподобиться Богу, так и «мудрии» [21]. Результат отношения «разумных» к Богу – свобода вне нравственных норм. Отрицая «внешнюю мудрость», в основном проникающую с Запада, учителя старообрядчества подчеркивают важность духовного просвещения, связанную с этим книжность на родном языке. В версии Д.А. Пригова культурный герой – витязь, стреляющий в «черного ворона», попадает в «лебедь белую – Москву», разница между которыми отсутствует, герой оказывается в пустоте. С этим согласуется авторское понимание отечественной культуры как части европейской, Россия является «только и исключительно Востоком Запада» [22. С. 138–140].

В следующем тексте появляется образ чистого зла в его романтической ауре – *Демон*, семантически, функционально близкий идее «*черного воро-на*». По патриархальным представлениям, Святая Русь окружена врагами со всех сторон, с Запада и Востока, юга и севера подступает Демон:

Когда твои сыны, моя Москва
Идут вооруженные прекрасно
Куда ни глянь – то повсюду Демон
Вдали их – Демон! и вблизи их – Демон!
Сосед их – Демон! и отец их – Демон!
И москвичи бросаются и прогоняют призрак
И вновь горит священная Москва!

[5. С. 189].

Образ Демона – один из ключевых в литературе XX столетия. С возвращением культа демонизма обретает новую жизнь и поэма Лермонтова, принципиальная для рецепции «демонической» темы у Врубеля, Блока, Пастернака, Пригова. Образ демона – «художественная формулировка романтического опыта переживания мира», он «воплощал в себе основные предпосылки философии творчества эпохи романтизма», – считают специалисты [23. С. 361]. М. Ямпольский утверждает, что именно «Лермонтов – одна из центральных фигур приговского художественного проекта», в котором ценится мастерство «абсолютно бессодержательного и эмоционального слова» [24. С. 162]. В известном смысле юный Лермонтов обращается к технике, которой Пригов владеет виртуозно, это внедрение в чужой текст и его десемантизация. Приговский Демон везде и нигде, он враг, призрак, но и отец московского воинства, оказавшийся внутри самих воинов. Борьба с ним оборачивается самоуничтожением, пожарищами.

Мотив пожара маркирует историю Руси в целом: от пожаров деревянной Москвы до старообрядческих гарей, гибели в огне во время войны с Наполеоном, пожарищ Великой Отечественной... В принципиальной для дешифровки «советских текстов» Пригова поэме Н. Кончаловской «Наша древняя столица» (1940) пожаров множество, но после очередного пепелища столица только хорошеет: «Жив народ, и Русь жива, / И опять растет Москва...» [25. С. 8]. И. Смирнов отмечает садомазохистский комплекс, присущий сталинской культуре в целом, когда ужас жертвы, вплоть до самоуничтожения, приводит к ее красоте и процветанию: «Для тоталитарного человека его чудовищное более не чудовищно» [26. С. 334]. Доводя до абсурда эту логику, Д.А. Пригов превращает пожар в священнодействие, Москва всякий раз горит, опустошается, русская история, замкнутая на себе самой, мистифицируется, текст становится важнее реальности.

В связи с темой зла отметим, что одна из личин Пригова – демонический *герой-любовник, демон-совратитель*. Поэт иронизирует над собственной маской Мефистофеля. Вопрос о несовместности гения и злодейства решается через уточнение понятий, интеллектуальную игру: «Может быть, он и был бе-

сом, только не тем бесом зла, что у христианнейшего Достоевского, а даймоном в первоначальном языческом смысле – то есть богом» [27. С. 696-697]. В стихотворении «Когда бы вы меня любили...» неслучившаяся, отринутая любовь становится обоюдным проклятием (отсылка к сюжету «Демон и Тамара»), приводит к состоянию «человек человеку волк». Обернувшийся волком (волк – древнейшая метафора нечистой силы) герой сеет страх:

Когда бы вы меня любили
Я сам бы был бы вам в ответ...
А что теперь?! – теперь я волк
Теперь невидим я и страшен
Я просто исполняю долг
Той нелюбви моей и вашей
[5. С. 210].

Идея соблазнения, поругания Москвы лежит в основании популярного в традиционализме мифа о современной Руси как подменной, блудной, в то время как истинная, хранящая себя, скрылась из глаз нечестивца и Чужака, как некогда град Китеж. Д.А. Пригов работает с этими концептами:

Они Москву здесь подменили
И спрятали от бедных москвичей
И под землей Она сидит и плачет
Вся в куполах и башенках стоячих
Вся в портиках прозрачных Парфенона
И в струях прямых Эрихтайна
И в струях огромных Эхнатона
И в водах Нила, Ганга и Янцзы
[5. С. 188].

Образ столицы предельно очуждается, в ее описание вплетены символы Древней Греции, образы священных рек Египта, Индии и Китая. Эта гротескная всеобъемлемость служит не только концептуализации образа столицы как источника всех цивилизаций, центра мироздания (пустого), но иронизирует миф о всепонимании, всечуткости отечественной культуры, рожденный классиками (от Достоевского до Блока). Парадоксальность любви к Родине в следующем тексте Пригов сравнивается с перипетиями отношений с женщиной. Парафраз Пушкина («Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей») становится метафорой, передающий специфику отношения к стране:

Чем больше Родину мы любим
Тем меньше нравимся мы ей
Так я сказал в один из дней
И до сих пор не передумал
[5. С. 225].

Одно из заключительных стихотворений сборника звучит цинично, что в целом отвечает трикстерской стратегии автора. Россию «как родную мать» рекомендовано любить странам Балтии, которым в этом никто не мешает:

Вот могут, скажем ли, литовцы
Латыши, разные эстонцы
Россию как родную мать
Глубоко в сердце воспринять
Чтоб любовь была большая
Конечно, могут – кто мешает

[Там же. С. 258].

Итак, в советских текстах о Родине-матери культура, прошлое страны подвергаются жесткой диффамации, но, как заметила Е. Трофимова, «то-тальная атака на прошлое с неизбежностью начинает затрагивать и более глубокие слои культуры, превращаясь в атаку на традицию», что подразумевает «изживание коренных мифов и архетипов коллективного бессознательного, формировавших прежнюю культуру социума, и насаждение новых мифов и архетипов» [28. С. 538]. Именно эта стратегия, по мысли исследовательницы, приводит к неразличанию добра и зла, культу смерти, который, отличает позднее творчество Пригова. И. Плеханова определяет стратегию поэта как миф о скепсисе – «вере в универсальную правоту от-вращения от всего определенного, традиционного, безусловного – и удовлетворенности этим» [14. С. 147]. Уточним, Д.А. Пригов, действительно, констатирует отмирание просвещенческой культурной парадигмы, советскую цивилизацию рассматривает как ее эпилог, после которого и открывается бездна с ее монстрами. Свою задачу поэт видит в необходимости очертить контуры нового, «варварского» мира, возникающего на руинах советской Утопии [29. С. 539–556].

8. Стихи о *женщинах Милицанера*. Один из самых известных образов-символов, созданных Приговым, образ Милицанера – оплота государственности и порядка (статус героя подчеркнут заглавной буквой). По сути, поэт демонстрирует механизмы *соблазнения* народа государством. Важнейшими претекстами «милицейского цикла» стали строчки В. Маяковского «Розовые лица, револьвер желт, / Моя милиция меня бережет» и поэмы С. Михалкова о Дяде Степе, созданные по части детской литературы. Пригов же являет своего Милицанера как персонажа высокой словесности, в интервью П. Вайлю сравнивает его со *средневековым рыцарем*, отвечающим за «небесный порядок на земле» [30]. В известном смысле образ Милицанера коррелирует с образом «государственного поэта»: «Пригов, по существу, отождествляет власть поэтического слова с государственной властью или, точнее, играет с возможностью такого отождествления», – фиксирует Б. Гройс [31. С. 88]. И Милицанер, и Поэт возносятся над толпой, требуют уважения к собственной миссии, вносят поря-

док в окружающий хаос, могут приструнить «варваров» (цикл «Тараканомания»), однако постижению конечной истины мешает зависимость от «прозы жизни» – собственного тела. Телесность, напоминающая о себе, корректирует героический статус персонажей, низводя до уровня «маленького человека».

Еще С. Михалков, описывая перипетии из жизни героя, старается не касаться темы быта, семьи, жены, детей. Только в поздней поэме «Дядя Степа и Егор» появляется девушка Манечка и богатырского склада сын дяди Степы – Егор (видимо, парафраза к образу св. Егория Змееборца). «Отсутствие “Манечки” в течение предшествующей четверти века не было, конечно, случайностью: наличие семьи слишком осложнило и “заземлило” бы такого идеального героя, которым должен был стать дядя Степа, каким его задумал Михалков», – пишет Е. Добренко [2. С. 368]. Не случайно Манечка быстро исчезнет из повествования, где воцарится Геркулес – Егор. Д.А. Пригов в «Апофеозе Милицанера» демонстрирует *эротизм* образа стража порядка, который подчеркивает униформа как «шкура государства». При этом государство соблазняет не только других, но и себя (коррупция, деньги), поэтому женский соблазн выглядит излишним. Пригов словно «дописывает» С. Михалкова, но настаивает на незыблемости разделения пространства идеологии и семьи, что и обеспечивает чистоту государственности:

С женою под ручку вот Милицанер
Идет и смущается этим зачем-то
Ведь он государственности есть пример
Таки и семья – государства ячейка
Но слишком близка уж к нечистой земле
И к плоти и к прочим приметам снижающим
А он – государственность есть в чистоте
Почти что себя этим уничтожающая
[5. С. 161].

Интересно, что и для Поэта разговор с женой о поэтическом мастерстве неизбежно оборачивается моральными и практическими издержками, «высокая миссия» корректируется, жена напоминает о семейных нуждах, тех самых «мелочах существования», которые обрушили стремление Милицанера к Небесной гармонии.

Мои стихи жене не нравятся
Она права, увы, при этом
Стихи женатого поэта
Должны быть по природе нравственны
Смыслу семейному способствуя
Должны ему в подмогу быть
Хотя бы как, хотя бы косвенно
Хотя бы деньги приносить
[6. Т. 6. С. 89].

Помимо супруги на пути Милицанера встречаются и другие женщины, которые в нем нуждаются. Милицанер, стоящий на посту, одновременно вездесущ и субстанционален, при возникновении опасности появляется как будто «с-под земли», останавливает врага исключительно силой слова, обретающего магическое значение:

Был Милицанер столичным
Она же по улице шла
Стоял на посту он отлично
Она поздней ночью шла
И в этот же миг подбегает
К ней три хулигана втроем
И ей угрожать начинают
Раздеть ее мыслят втроем
Но Милицанер все заметил
Подходит он и говорит:
Закон нарушаете этим
Немедленно чтоб прекратить!
Она же взирает прекрасно
На лик его и на мундир
И взгляд переводит в пространство
И видит рассвет впереди

[5. С. 158].

Первые два четверостишия напоминают русскую народную песню про разбойников, берущих в полон Красавицу. Слом сюжета отмечен появлением Милицанера, который восстанавливает порядок, осознается практически божеством – *Всевидающим Оком*: у него не лицо, но *лик*, за ним рассвет как символ новой жизни. Последствия действий Милицанера обычно не описываются, однако финал данного текста укладывается в соцреалистический канон.

В этой же парадигме тексты об освобождении Милицанером «Вечной женственности» от нечистой силы, в роли которой выступают то чудище-пожарный, то «зеленый змей». Сюжет стихотворения «Вот на девочку пожарный налетел...» (1978) отсылает к мотиву единоборства сказочного Молодца с огнедышащим драконом, похитившим красавицу:

Но Милицанер тут подскочил
С девочки пожарного сгоняет
И назад в пещеру загоняет
Не страшит его тройной оскал

[6. Т. 4. С. 61].

В тексте «Вот баба напилась как мышка...» банальный сюжет ареста пьяной бабы разрешается как сражение земной и небесной рати за душу героини. Родная земля уже «не подмога» женщине, ее образ ассоциируется с мышью – знаком тлена, Милицанер же всевластен, кружит коршуном, «любой принимая размер»:

Ему ж его небо – любого размера
 От тьмы – до единственного
 Милицанера
 И снова от тьмы – до свеченья
 Кремля
 [Там же. Т. 7. С. 353].

Эротические стихи Д.А. Пригова

1. *Тема секса в советской культуре.* В ортодоксальной советской литературе тема секса замалчивалась, и даже разговор об этом мог вызвать тяжёлые последствия. В романе Н. Островского «Как закалялась сталь» (1930–1934) Павел Корчагин избивает дубовым табуретом партийного чиновника, который поведал об успехе у женщин. В «Педагогической поэме» (1933–1935) А. Макаренко особенно трудными для перевоспитания признаются девушки, познавшие плотскую любовь. Сами литературные героини: от Даши Чумаловой, Виринеи Л. Сейфуллиной до комиссарши в «Оптимистической трагедии» (1933) Вс. Вишневского ведут себя по отношению к вождедеющим мужчинам не менее агрессивно. Проклинают, оставляют мужей, предпочитая им дело, Революцию [32. С. 32–49]. Этот пафос Д.А. Пригов деконструирует, используя устойчивые формы призывов, лозунгов, поучений, которые наполняются парадоксальным содержанием: «Интеллигенция! Ученые, писатели, артисты, музыканты и художники!.. / – не соблазните», «Советские женщины! Работницы и колхозницы! Служащие и учащиеся!.. / – не прелюбодейте», «Женившись, женись по любви, уважай в жене человека... / или вовсе не женись» [6. Т. 6. С. 204–205, 213].

Стыд, потрясение советского человека, переживаемые при виде обнаженной натуры, обыгрываются в нескольких текстах Пригова начала 1980-х: «Вот в Третьяковке он и она...»:

Женщину видят – обнажена
 Она на картине, а вобщем-то –
 голая
 Проходят быстрее, она – смущена
 Он тоже, пригнуты их чистые
 головы
 [Там же. Т. 5. С. 153].

Ситуация усугубляется, когда полуобнаженная женщина оказывается не в официальном пространстве музея, но среди прочих «маленьких людей», на улице:

Вот женщина видна сквозь платье
 Решительно обнажена
 Ну хорошо, коли жена...
 А если глянуть с высоты:
 Что это – ангел красоты
 Иль пакостный цветок разврата?
 [6. Т. 6. С. 177].

Образ героини ассоциативно связан с избранницей Пушкина – Анной Керн, Д.А. Пригов цитирует строчки из посвященного ей текста «Я помню чудное мгновенье...». Репутация Керн как женщины, легко меняющей привязанности и партнеров, вполне укладывается в предложенную поэтом парадигму. Появление полуобнаженных красавиц на улицах советских городов становится и маркером свободы, напрямую связывается с ослаблением государственности:

Вот голая идет красавица
Среди ослабшей государственности
Ей все это конечно нравится
А мне это не то что нравится
Да и не то чтобы не нравится
Меня все это не касается...

[Там же. Т. 7. С. 147]

или

Красавица взирает страстно
Сочася телом молодым
И что ей смерть и Государство –
Лишь некий невесомый дым...

[6. С. 70].

2. *Образы экзотических возлюбленных.* В текстах Пригова появляется парадигма экзотических красавиц, готовых дарить герою ласки: японки, чешки, польки, китайки... В стихотворении «Ах как меня одна японка любила...» из сборника «Советские тексты» повествование как будто ведется от лица пионера Димы, грезящего наяву. Любовная сцена собрана из обрывков скудных знаний о запретной теме, доступных школьнику, отчего повествование выглядит анекдотичным. Обыгрывается сюжет «Мадам Баттерфляй» Пуччини, о котором советские обыватели знали и по названию конфет «Чио-чио-сан», в 1980-е гг. выходит фильм с аналогичным названием.

Ах как меня одна японка любила
Она была прекрасна, просто чудо, да и все остальное
было мило
Как-то особенно по-японски чисто и нежно
А может быть, она была не японка, а китайка, и даже
больше – финка-норвежка
Да и вообще: жизнь есть сон! – сказал Кальдерон
и не поперхнулся
Или как говорят в советских фильмах: на этом месте
пионер Дима проснулся
[5. С. 62].

Апелляция к пьесе «Жизнь есть сон» Кальдерона актуализирует романтические мотивы любовной игры, тайных страстей, переодеваний, не-

узнанности, призванных засвидетельствовать жизнь как сон. В пьесе мистифицируется тема рока: король удаляет из дворца сына, прячет под маской его лицо, ибо по предсказаниям принц обречен убить мать и обеспечить отца. Трагедия превращается в комедию, как только для героев исчезает принципиальное различие между сном и явью. Предсказания сбываются в онейрическом пространстве и не доставляют особых хлопот в пределах истории. Интересно, что один из персонажей Кальдерона (Астольфо) носит титул «князь Московский» (*duque de Moscovia*, буквально «герцог Московский»). Помимо указанных контекстов, Д.А. Пригов обыгрывает прием советской фильмографии, когда эротические сцены получают условное обозначение: распахнутое окно, утренний пейзаж и соответствующий музыкальный фон...

В тексте «Как чешку одну я безумно любил...» (1981) подчеркивается фантазмагоричность любовной сцены, легко сдвигаемой из Праги в Париж, за которым в русской культуре закрепился статус столицы греха, соблазна. В стихотворении «А не кажется вам, пани...» (1981) происходит диалог с героиней, нарушающей запреты советского быта. Свою греховность женщина, проводящая жизнь в утехах, называет «угодной Богу»: «А людская воля – прах! / Вот что я скажу, товарищи» [6. Т. 5. С. 182]. Автор сталкивает идеологический и сакральный дискурсы, создавая зону диалога, в которой героиня и самоопределяется. Наконец, в тексте «Как любил я вас, мать же етить / О, прекрасные европейки...» (1983) обыгрывается тезис об Азии как инварианте Европы, европейки на поверку – «все вы японки».

3. *Образ женщины-вамп, зубастой вагины.* Тема власти вагины и страх кастрации (по З. Фрейду) развернута в раннем цикле «Эротемы» (1977), в сборнике «Советские тексты» ей посвящено стихотворение «Хозяюшка, хозяйюшка...»:

Хозяюшка, хозяйюшка
Вовнутрь меня пусти
В тебе тепло и влажно
И родственно почти
А я? – я просто странник
Побуду и уйду
Почти что иностранный Твоему женскому нутру
[5. С. 207].

В софиологии, повлиявшей на эстетику Серебряного века, Хозяйкой названа София Премудрость, Художница, раскрасившая эскиз мироздания. Устойчивые характеристики Девы-Софии – чистота, возвышенность. В варианте Пригова «чиста» и невинна именно Вагина. Этот мотив развит в более позднем цикле поэта «Жизнь, любовь, поругание и исход женщины», где девичья честь признается «чистым ничто». Чистота понимается аналогом «совершенства», но при этом напоминает об образе «чистой» Вагины «невесты Гитлера» из одноименного цикла, которая и после родов

остается «Нежна прохладна и чиста», что намекает как на непорочное зачатие, так и на символ фашистской чистоты [3. С. 522].

Заключение

В «Советских текстах» Д.А. Пригова женщина выступает в различных, зачастую взаимоисключающих ипостасях. Сам образ трактуется как побочный продукт социальных, культурных, экономических и политических систем, которые, однако, дают сбой и производят его ущербным, непостижимым, чудно-чудесно-чудовищным. Отсюда признание женщины *предметом «маловероятным»* (цикл «Описание предмета»). «Советские тексты» запечатлели процесс, когда официальная культура превратилась в мир проигранных сюжетов, отмеченный самопародией. В этом пространстве есть все то, что ранее признавалось несущественным (секс, эротика); разрешается то, что было под запретом (девиантное поведение), однако автор подчеркивает фиктивную природу изображаемых чувств, переживаний, в описании которых обыгрываются стереотипы советского времени. Д.А. Пригов, кажется, и сам не против поиграть в гендерное самоопределение – от лица «женского поэта» им написаны пять сборников. Мастер признается: «женский поэт» – «социокультурный конструкт», что предполагает вписанность дискурса женственности в пределы авторского «я». Стратегия смены имиджей суть проявление «синдроматики страха», «попытка не быть идентифицированным, не быть узанным» [4. С. 69–70]. Новая антропология, снимающая разницу между человеческим и звериным, мужским и женским, в «Советских текстах» только намечена. В позднем творчестве Д.А. Пригов отдает предпочтение зооморфам, к которым женщины оказываются ближе мужчин, поэтому образ женского и женственного используется как *инструмент исследования монструозного*. Поэт обосновывает это завершением «просвещенческого» императива целостности личности [1. С. 133]. Все сказанное позволяет заключить, что выстраивание позитивного высказывания в пустоте вряд ли возможно. Содержательное высказывание замещается тотальным отрицанием, это мы и проследили на примере реализации женской темы.

Литература

1. Пригов Д., Шаповал С. Портретная галерея Д.А.П. М. : НЛЮ, 2013.
2. Добренко Е. «Прийти к женщине и лечь к ней в постель в мундире»: Пригов и Михалкова-Кончаловская // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 358–407.
3. Чепела К., Сандлер С. Тело у Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 513–539.
4. Пригов Д.А., Эпштейн М. Попытка не быть идентифицированным (беседа Михаила Наумовича Эпштейна с Дмитрием Александровичем Приговым) // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 52–71.
5. Пригов Д.А. Советские тексты. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2016.

6. Пригов Д.А. Собрание стихов : в 8 т. Wien ; Berlin ; München ; Leipzig : Wiener Slawistischer Almanach, 1996–2016. Sbd. 42–88.
7. Берг М. Литературократия: Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М. : Новое литературное обозрение, 2000.
8. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М. : НЛЮ, 2008.
9. Пригов Д.А. Проект «Русская красавица» // Собр. соч. : в 5 т. Т. 5: Мысли. Избранные манифесты, статьи интервью. М., 2019.
10. Эпштейн М. Лирика сорванного сознания: народное любомудрие у Д.А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 252–262.
11. Ахматова А. Стихотворения, поэмы, проза. Томск : Кн. изд-во, 1989.
12. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. Харьков ; Санкт-Петербург : Ф-Пресс : ХЦГИ : Алетейя, 2003.
13. Бараш А. «Да я ведь что, да я с любовью...»: Пригов как деятель цивилизации // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 263–278.
14. Плеханова И. Интеллектуальная поэзия: Иосиф Бродский, Генрих Сапгир, Д.А. Пригов. М. : Флинта : Наука, 2016.
15. Пушкин А.С. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1: Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила. М. : Худож. лит., 1985.
16. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. М., 2000. С. 764–780.
17. Голынкин-Вольфсон Д. Читая Пригова: неоднозначное и неочевидное // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 145–180.
18. Зубова Л. Д.А. Пригов: инсталляция словесных объектов // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 540–565.
19. Смирнов И.П. Быт и бытие в стихотворениях Д.А. Пригова // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 96–105.
20. Топоров В.Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132.
21. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М. : Гослитиздат, 1960.
22. Пригов Д.А. Тысячелетие на дворе // Искусство кино. 2000. № 6. С. 138–140.
23. Ildiko K. Возвращение Демона. Опыт интерпретации стихотворения Б. Пастернака «Памяти Демона» // Sub Rosa. In Honorem Lenae Szilard : сб. в честь Лены Силард. Будапешт, 2005. С. 361–372.
24. Ямпольский М. Пригов: Очерки художественного номинализма. М. : НЛЮ, 2016.
25. Кончаловская Н. Наша древняя столица. М. : Дет. лит., 1972.
26. Смирнов И.П. Психодиахронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : НЛЮ, 1994.
27. Пивоваров В. Пригов (несистематические наброски к портрету) // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. ст. и материалов. М., 2010. С. 696–701.
28. Трофимова Е. Метафизика постмодернизма Дмитрия Александровича Пригова // От модернизма к постмодернизму: Русская литература XX–XXI веков : сб. ст. в честь проф. Х. Ваткевич / под ред. А. Скотничкой, Я. Свежего. Краков, 2014. С. 533–543.
29. Ковтун Н. European “Nigdeya” and Russian “TUtopia” (On the issue of interaction) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and social sciences. 2008. № 1 (4). P. 539–556.

30. Вайль П., Пригов Д. Герои времени: Дядя Степа // Интервью Радио «Свобода». 2011. 24 мая. URL: <https://www.svoboda.org/a/24204542.html>

31. Гройс Б. Утопия и обмен: Стиль Сталин. О новом. Статьи. М. : Знак, 1993.

32. Ковтун Н.В. Женщины революции: от Даши Чумаловой к «Комиссаршам» Валентина Распутина // Русская культура под знаком Революции. Дальний Восток, близкая Россия. Вып. 2 : сб. науч. ст. / под ред. В. Гречко, Су Кван Кима, С. Нонака. Белград ; Сеул ; Сайтама, 2018. С. 32–49.

On the Female and the Feminine in Soviet Texts of Dmitri Prigov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 220–245. DOI: 10.17223/19986645/64/13

Natalya V. Kovtun, Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nkovtun@mail.ru

Keywords: Dmitri Prigov, Soviet texts, female topic.

The article deals with the problem of the female and the feminine in Dmitri Prigov's works. An emphasis is made on the collection *Soviet Texts* (2016). The material used for the argumentation of a number of provisions of the article are texts on the topic from the eight-volume collection of the poet's verses published in Germany. It is shown that one of the reasons of the undying interest to Prigov's works consists in the stability of the aesthetics of postmodernism. The culture labeled as "post-" loses its relevance, has no bright alternative; the counter-aesthetics is not created. This causes a return to the play-claim for non-systemic thinking as a criticism of systems. The value of Prigov's statement lies in the culturological space rather than in the poetic one. The author's works mark a shift in humanitarian discourse, which is shaped figuratively, not scientifically, which gives full scope to philological exercises in deconstruction and cultural associations. The topic of the female is not a random choice; it is a certain moral core of the Russian classical literature. Its deconstruction is the most important sign of the curtailing of the humanistic paradigm. In the article, the sacral and demonized spectra connected with the female topic are determined. Prigov's turn from social cultural symbols to unconscious ones (images of the Soviet female heroine, woman as an object of compassion and grief, images of woman-mother as an incarnate wisdom, motherland; images of the beloved and the femme fatale) is shown. The analysis of the female and the feminine showed the ambiguity of solutions on the topic. The woman acts in various, often mutually exclusive forms. She is interpreted as a by-product of social, cultural, economic, and political systems which, however, glitch and produce a defective, incomprehensible result. Hence, the woman is recognized as a "highly doubtful" subject (the "Description of a Subject" cycle). *Soviet Texts* captured the process when official culture turned into a world of lost stories that is marked by self-parody. This world has everything previously recognized as insignificant (femininity, sex, erotica), permits the previously banned (deviant behavior). However, Prigov emphasizes the fictitious nature of the depicted feelings, experiences: in their description, the poet plays with stereotypes of the Soviet era. In his late works, Prigov prefers zoomorphs, to which women are closer than men, so the image of the female and the feminine is used as a research tool of the monstrous. The poet justifies this by the completion of the "enlightenment" imperative of an individual's integrity.

References

1. Prigov, D.A. & Shapoval, S. (2013) *Portretnaya galereya D.A.P.* [D.A.P. Portrait Gallery]. Moscow: NLO.

2. Dobrenko, E. (2010) "Priyti k zhenshchine i lech' k ney v postel' v mundire": Prigov i Mikhalkov-Konchalovskaya ["To Come to a Woman and Lie to Her Bed in a Uniform": Prigov and Mikhalkov-Konchalovskaya]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb.*

st. i materialov [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 358–407.

3. Chepela, K. & Sandler, S. (2010) Telo u Prigova [The Body in Prigov's Works]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 513–539.

4. Prigov, D.A. & Epshteyn, M. (2010) Popytka ne byt' identifiitsirovannym (beseda Mikhaila Naumovicha Epshteyna s Dmitriem Aleksandrovichem Prigovym) [An Attempt Not to Be Identified (Mikhail Epshtein Talks with Dmitri Prigov)]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 52–71.

5. Prigov, D.A. (2016) *Sovetskie teksty* [Soviet Texts]. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakh.

6. Prigov, D.A. (1996–2016) *Sobranie stikhov: v 8 t.* [Collected Verses: In 8 Vols]. Vol. 8. Wien; Berlin; München; Leipzig: Wiener Slawisticher Almanach, Sbd. 42–88.

7. Berg, M. (2000) *Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature* [Literaturecracy. The Problem of the Appropriation and Redistribution of Power in Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Lipovetskiy, M. (2008) *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (Post-)Modernist Discourse in the Russian Culture of the 1920s–2000s]. Moscow: NLO.

9. Prigov, D.A. (2019) Proekt "Russkaya krasavitsa" [Project "Russian Beauty"]. In: *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected Works: In 5 Vols]. Vol. 5. Moscow: NLO.

10. Epshteyn, M. (2010) Lirika sorvannogo soznaniya: narodnoe lyubomudrie u D.A. Prigova [The Lyrics of a Ripped off Consciousness: D.A. Prigov's Love of Wisdom]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 252–262.

11. Akhmatova, A. (1989) *Stikhotvoreniya, poemy, proza* [Verses, Poems, Prose]. Tomsk: Tomskoe knizhnoe izdatel'stvo.

12. Kristeva, Yu. (2003) *Sily uzhasa: esse ob otvrashchenii* [Horror Forces: An Essay on Disgust]. Kharkov; St. Petersburg: F-Press; KhTsGI; Aleteyya.

13. Barash, A. (2010) "Da ya ved' chto, da ya s lyubov'yu...": Prigov kak deyatel' tsivilizatsii [Prigov as an Activist of Civilization]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 263–278.

14. Plekhanova, I. (2016) *Intellektual'naya poeziya: Iosif Brodskiy, Genrikh Sapgir, D.A. Prigov* [Intellectual Poetry: Joseph Brodsky, Heinrich Saghir, D.A. Prigov]. Moscow: Flinta: Nauka.

15. Pushkin, A.S. (1985) *Sobr. soch.: v 3 t.* [Collected Works: In 3 Vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

16. Günther, H. (2000) Arkhetipy sovetsskoy kul'tury [Archetypes of Soviet Culture]. In: Günther, H. & Dobrenko, E. (eds) *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socialist Realism Canon]. Moscow: Akademicheskii proekt. pp. 764–780.

17. Golynko-Vol'fon, D. (2010) Chitaya Prigova: neodnoznachnoe i neochevidnoe [Reading Prigov: The Ambiguous and the Non-Obvious]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 145–180.

18. Zubova, L. (2010) D.A. Prigov: installyatsiya slovesnykh ob'ektov [D.A. Prigov: Installation of Verbal Objects]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M.

(eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 540–565.

19. Smirnov, I.P. (2010) Byt i bytie v stikhotvoreniyakh D.A. Prigova [Life and Being in the Verses of D.A. Prigov]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 96–105.

20. Toporov, V.N. (1987) Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [The Text of the Virgin City and the Harlot City in the Mythological Aspect]. In: *Issledovaniya po strukture teksta* [Studies on the Structure of the Text]. Moscow: Nauka. pp. 121–132.

21. Gudziya, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [Archpriest Avvakum: The Life Written by Himself, and Other Writings]. Moscow: Goslitizdat.

22. Prigov, D.A. (2000) Tysyachelet'e na dvore [Millennium Is Coming]. *Iskusstvo kino*. 6. pp. 138–140.

23. Ildiko, K. (2005) Vozvrashchenie Demona. Opyt interpretatsii stikhotvoreniya B. Pasternaka "Pamyati Demona" [Return of the Demon. The Experience of Interpreting B. Pasternak's Poem "In Memory of the Demon"]. In: Szokolov, M. (ed.) *Sub Rosa. In Honorem Lenae Szilard*. Budapest: EFO. pp. 361–372.

24. Yampol'skiy, M. (2016) *Prigov. Ocherki khudozhestvennogo nominalizma* [Prigov. Essays on Artistic Nominalism]. Moscow: NLO.

25. Konchalovskaya, N. (1972) *Nasha drevnyaya stolitsa* [Our Ancient Capital]. Moscow: Detskaya literatura.

26. Smirnov, I.P. (1994) *Psikhodiakhronologika. Psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodiacronology. The Psychohistory of Russian Literature From Romanticism to the Present Day]. Moscow: NLO.

27. Pivovarov, V. (2010) Prigov (nesistematische nabroski k portretu) [Prigov (Unsystematic Sketches for the Portrait)]. In: Dobrenko, E., Lipovetskiy, M., Kukulin, I. & Mayofis, M. (eds) *Nekanonicheskiy klassik: Dmitriy Aleksandrovich Prigov (1940–2007): sb. st. i materialov* [A Non-Canonical Classic: Dmitri Prigov (1940–2007): Articles and Materials]. Moscow: NLO. pp. 696–701.

28. Trofimova, E. (2014) Metafizika postmodernizma Dmitriya Aleksandrovicha Prigova [Dmitri Prigov's Metaphysics of Postmodernism]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaya literatura XX–XXI vekov* [From Modernism to Postmodernism. Russian Literature of the 20th–21st Centuries]. Krakow: Scriptum. pp. 533–543.

29. Kovtun, N. (2008) European "Nigdeya" and Russian "TUtopia" (On the issue of interaction). *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 1 (4). pp. 539–556.

30. Vayl', P. & Prigov, D. (2011) *Geroi vremeni: Dyadya Stepa* [Heroes of the Time: Uncle Styopa]. Interview to Radio Svoboda. 24 May 2011. [Online] Available from: <https://www.svoboda.org/a/24204542.html>

31. Groys, B. (1993) *Utopiya i obmen: Stil' Stalin. O novom. Stat'i* [Utopia and Exchange: Stalin Style. About the New. Articles]. Moscow: Znack.

32. Kovtun, N.V. (2018) Zhenshchiny revolyutsii: ot Dashi Chumalovoy k "Komissarsham" Valentina Rasputina [Women of the Revolution: From Dasha Chumalova to the Women-"Commissars" of Valentin Rasputin]. In: Grechko, V., Su Kwan Kim & Nonaka, S. (eds) *Russkaya kul'tura pod znakom Revolyutsii. Dal'niy Vostok, blizkaya Rossiya* [Russian Culture Under the Sign of the Revolution. Far East, Close Russia]. Vol. 2. Belgrade; Seul; Saitama: Logos. pp. 32–49.

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.17223/19986645/64/14

О.Б. Лебедева

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ГЕНРИЕТТЫ РАЗУМОВСКОЙ К В.А. ЖУКОВСКОМУ И ЕГО СЛЕДСТВИЯ В ПРИДВОРНОЙ СУДЬБЕ ПОЭТА¹

Впервые полностью публикуются архивные документы, связанные с участием Жуковского в деле Н.И. Тургенева и восстанавливающие последовательность событий, вызвавших первый конфликт наставника престолонаследника с Николаем I. Импульсом обращения Жуковского к императору с ходатайством за осужденного декабриста стало предсмертное письмо принимавшей участие в судьбе братьев Тургеневых графини Разумовской, побудившее Жуковского выступить посредником между императором и Н.И. Тургеневым.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, декабристы, Николай Тургенев, Генриетта Разумовская, эпистолярный, архивные источники.

Известно, что придворная карьера Жуковского, складывавшаяся вполне идиллически с 1815 г., когда он начал исполнять обязанности чтеца при императрице Марии Федоровне, и вплоть до 1827 г., когда поэт поочередно был преподавателем русского языка великих княгинь Александры Федоровны и Елены Павловны, а с 1824 г. – учителем и с 1827 г. наставником великого князя Александра Николаевича, осложнилась первым серьезным конфликтом с императором Николаем I во второй половине 1828 г. Считается, что причиной этого конфликта стала поданная императору Жуковским <Записка о Н.И. Тургеневе>, впервые опубликованная по черновому автографу с купюрами в 12-м томе Собрания сочинений под ред. А.С. Архангельского [1. Т. 10. С. 13–23; 2. Л. 16–39], и позже, по тому же автографу – полностью в 13-м томе. Полного собрания сочинений и писем [3. Т. 13. С. 274–289]. Однако, как свидетельствуют архивные документы, которые будут рассмотрены ниже, при том, что причиной конфликта действительно стало участие Жуковского в деле Николая Тургенева, его катализатором послужила не столько записка Жуковского, сколько письмо парижской знакомой Жуковского, большого друга братьев Тургеневых, графини Генриетты Разумовской, написанное за несколько дней до смерти адресанта (последовавшей 5/17 декабря 1827 г.) и полученное Жуковским около 27 декабря 1827 г. Именно оно подвигло Жуковского предпринять те действия, которые привели к первому серьезному конфликту с императором Николаем I, надолго осложнившему отношения поэта с отцом его воспитанника. Попутно выясняется и то обстоятельство, что поданный Жу-

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

ковским императору документ в оправдание Николая Тургенева принадлежал не поэту, а самому осужденному декабристу.

Предпринять активные действия в защиту и ради оправдания Николая Тургенева Жуковского побудила трагическая смерть младшего брата Николая и Александра Тургеневых, Сергея, которая обострила и без того очень непростое положение разлученных братьев, не имевших возможности повидаться друг с другом: в Лондон к Николаю с вестью о смерти Сергея вместо Александра, которому был запрещен выезд из Парижа, поехала именно графиня Генриетта Разумовская. Жуковского с ней сблизил два обстоятельства: ее дружба с Полиной Гизо, благодаря которой поэт познакомился и подружился с семьей знаменитого французского историографа, и то деятельное сердечное участие, которое графиня приняла в братьях Тургеневых во время, последовавшее после смерти Сергея и вплоть до ее собственной смерти. Над своей <Запиской о Н.И. Тургеневе> Жуковский начал работать вскоре после смерти Сергея – ее черновому тексту предшествует черновик письма к императрице Александре Федоровне от 28 мая / 9 июня, содержащего ходатайство за Александра Тургенева и просьбу испросить для него у императора разрешение поехать в Лондон к брату [4. С. 516–522; 2. Л. 14–15]¹. Работа над <Запиской...> продолжалась практически до поздней осени 1827 г., времени возвращения Жуковского из второго заграничного путешествия в Россию: в письмах к А.И. Тургеневу из Берлина и Дерпта от 17/29 сентября и 13/25 октября соответственно Жуковский писал о ней:

Мою записку почти переписал и постараюсь дописать еще здесь, чтобы быть по приезде наготове. Много поправил. Но признаюсь, чем ближе к возврату, тем менее вероятным становится успех. То, что ясно и убедительно здесь, то теряет свою убедительность там; ибо <...> там все предубеждения против, и самая простая, ясная истина покажется сумасшествием [5. С. 221–222].

Свою записку сократил. От этого стала яснее. <...> NB. Нам, однако, не надобно себя обманывать. Когда мы рассуждали вместе, то смотрели на все своими глазами. Здесь же все, что казалось тогда так просто и естественно, кажется трудным и невозможным [5. С. 222–223].

¹ Черновой автограф письма датирован «28 мая / 9 июня». Предыстория его написания содержится в дневниковых записях от 23/4 – 27/8 мая / июня 1827 г.: «В понедельник поутру похоронили Сергея <Тургенева> <...>. Во вторник <А.И.> Тургенев просил отпуска в Англию и получил отказ. В четверг я был у посланника» [3. Т. 13. С. 264]. Ровно две недели с момента приезда Жуковского в Париж исполнилось 25 мая/6 июня 1827 г., но Жуковский обратился к императрице только после того, как исчерпал собственные возможности помочь А.И. Тургеневу, то есть, после двух своих (очевидно, безрезультатных) визитов к русскому посланнику в Париже, А.А. Мериану, 26/7 и 27/8 мая / июня.

Жуковский возвратился в Россию из второго заграничного путешествия около 15 октября 1827 г.¹ В его письмах от ноября–декабря 1827 г. периодически упоминается о чтении какого-то «манускрипта», под которым традиционно подразумевается <Записка...> Жуковского и с которым поэт ознакомил прежде всего своих ближайших друзей: Д.В. Дашкова и автора «Донесения Следственной комиссии» Д.Н. Блудова [5. С. 224]. Еще об одном чтении сообщает П.А. Вяземский – и это чтение уже документа, принадлежащего самому Николаю Тургеневу: «<...> помню одну оправдательную записку, присланную изгнанником из Англии. В бытности моей в Петербурге был я однажды приглашен князем А.Н. Голицыным вместе с Жуковским <...> на чтение вышепомянутой записки» [6. С. 256]. В этой публикации Вяземского нет никакого указания на время чтения; Н.Ф. Дубровин, опубликовавший по копии, полученной от П.Н. Тургенева, один из вариантов оправдательной записки Н.И. Тургенева, датировал его маем 1826 г. на основании письма А.И. Тургенева к А.Н. Голицыну от 1 мая 1826 г., – но в нем нет никаких упоминаний о том, что к нему приложена какая-то записка Николая Тургенева [7. 1902. № 4. С. 50–62]. Однако в мае 1826 г. чтение в таком составе – Голицын, Вяземский, Жуковский – не могло состояться, поскольку Жуковский покинул Петербург 11 мая 1826 г., отправляясь во второе заграничное путешествие [3. Т. 13. С. 246.], а Вяземского в начале мая в Петербурге не было: он приехал в столицу только 23 мая 1826 г., на следующий день после смерти Н.М. Карамзина. Напротив, весну 1828 г. (март–апрель) Вяземский провел в Петербурге, ожидая свадьбы Е.Н. Карамзиной, что и позволяет отнести упоминаемое им чтение к весенним месяцам 1828 г. И каждый раз итоги чтения – что бы это ни было, записка ли самого Жуковского или оправдательная записка Николая Тургенева, опубликованная Дубровиным, оказывались неутешительными: в письме к А.И. Тургеневу от 25 октября / 6 ноября 1827 г. Жуковский заметил:

С Дашковым много говорил о тебе. Он читал известный тебе манускрипт и говорит, что он произвел в нем моральное убеждение, но что, перечитывая потом печатную брошюру, на которую в манускрипте ссылаются, он увидел неудовлетворительность доказательств [5. С. 224].

Аналогичное мнение князя Голицына передает П.А. Вяземский: «...по окончании чтения сказал он “cette justification est trop à l’eau de rose”^{*}», добавив от себя: «...нашел и я, что не была она вполне убедительна» [6. 1876. № 2. С. 256]. В этих письмах Жуковского и публикациях Вяземского и Дубровина обращает на себя внимание характерное двоение объекта: речь в них идет то о <Записке...>, принадлежащей перу самого Жуков-

¹ Дата предположительно устанавливается по письму к А.И. Тургеневу от 13/25 октября из Дерпта [5. С. 222].

^{*} В этом оправдании слишком много розовой воды (*франц.*)

ского, то о каком-то «известном манускрипте», автором которого является Николай Тургенев, поскольку поэт в своем тексте ни на какие брошюры не ссылается; под «брошюрой», надо полагать, имеется в виду «Донесение Следственной комиссии», опубликованное в июне 1826 г. Несомненно, что Жуковский намеревался подать Николаю I свою собственную записку, но в течение двух последних месяцев 1827 г. его решение изменилось.

Трудно сказать, когда именно в руках поэта оказался тот документ, который он в конечном счете и подал императору Николаю I, сопроводив его своим известным письмом от 29 декабря 1827 г., в котором, в частности, говорится:

Я получил список его объяснения, не известного никому кроме оставшегося брата, меня, и еще, думаю, трех или четырех. Живейшим моим желанием было представить его Вашему Императорскому Величеству. Для этого я ожидал только счастья иметь личное, особенное с Вами свидание; но я не позволял себе искать сего счастья, а только надеялся, что Бог сам во благое время пошлет желанный случай. <...> Полагаю к священным стопам Вашего Императорского Величества исповедь Николая Тургенева и ничего не прошу кроме внимания, но *собственно Вашего* внимания. Благоволите, Государь, *Сами* прочитать эту рукопись. Она длинна, но выписки сделать из нее невозможно, ибо в ней осужденный выражает себя таким, каков он есть в собственных глазах своих [8. С. 519–520].

Письмо Жуковского было впервые опубликовано П.И. Бартевым по черновому автографу [9. Л. 1–2]; белой автограф до сих пор не был известен. Он обнаружен в ГАРФ в составе весьма примечательного конволюта [10. Л. 2–3 об.], содержащего еще несколько документов, из которых самым главным и объемным является занимающая 55 листов с оборотами писарская копия оправдательной записки Николая Тургенева, состоящей из двух разделов: собственно оправдательной записки и таблицы с ответами на вопросные пункты Следственной комиссии, по которым Тургенев обвинялся: впервые в сокращении эта записка была опубликована А.И. Заозерским [11. С. 125–163], полностью – Н.Ф. Бельчиковым [12. С. 70–147]. Кроме автографа письма Жуковского от 29 декабря 1827 г., в конволюте находятся еще два любопытнейших документа: автограф последнего предсмертного письма графини Разумовской к поэту, полученного Жуковским около 27 декабря 1827 г. по ст.ст. (графиня Разумовская умерла 5/17 декабря 1827 г.) и вердикт великого князя Константина Павловича, ознакомившегося с оправдательной запиской Н.И. Тургенева и письмами Жуковского и Генриетты Разумовской и вынесшего свой приговор по этому делу.

Письмо Генриетты Разумовской послужило непосредственным импульсом к подаче императору именно записки Николая Тургенева (а не <Записки...> самого Жуковского: скорее всего, эта записка, известная только в черновом автографе, до императора так и не дошла). О письме же Разумов-

ской и о последней просьбе умершей графини поэт сообщает в цитированном письме к императору Николаю I:

Осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству письмо, дня два тому назад мною полученное. Оно было писано умирающею, теперь уже мертвою, писано с тем, чтобы я довел его до сведения Вашего Величества. Я обязан это исполнить. <...> Это письмо умирающей кажется мне голосом самого Провидения, и я должен повиноваться ему [6. 1895. № 8. С. 519–520].

Это письмо, написанное на французском языке, было не полностью опубликовано в переводе Н.Ф. Бельчиковым [12. С. 69]; привожу его текст полностью в оригинале и в исправленном переводе:

Dans la nuit du 28 au 29 novembre <1827>

Je vous regrette, mon bon Joukoffsky, après de se lit où je me sens si calme et quelque chose de si douce que je suis surprise de la grâce que Dieu m'a fait. Comment si peu d'angoisse! J'ai la pleine possession de moi-même. Je sens ce qui va la dégager et ce que va être lié à la terre le désire <de> mon âme où elle va, la seule pensée, qui me tienne encore ici, est Nicolas – je voudrais que les effets de mon amitié pour lui me survécussent, les prières d'un mourant, il ne faut pas les repousser, faites arriver les miennes à l'Empereur. Je jure au nom de Dieu, devant lequel je vais paraître, de ce Dieu qui nous pardonne comme nous aurons pardonné, je jure que Nicolas Tourgueneff est innocent; mais ce n'est pas même de cela que j'ai parlé. D'autres savent aussi son innocence. Que la conscience de l'Empereur décide ce qu'on doit à l'innocence, en attendant qu'il puisse la reconnaître, je supplie, une mourante l'invoque sa pitié pour Nicolas malade que le climat d'Angleterre tue. Que l'Empereur laisse venir notre ami sur le continent; qu'il y puisse être avec une pleine sécurité. J'implore sa pitié, je le lui demande au nom de sa femme, de ses enfants. J'appelle à mon secours l'Impératrice, cette âme que vous m'avez fait connaître, cette âme si pure et si bonne. Faites arriver à elle et par elle mes derniers accueils. Il exaucera ma prière, elles partent déjà d'à moitié de l'autre vie, de cette vie où nos oeuvres de miséricorde compteront seules; mes prières là se changeront en bénédiction

Je sens, mon ami, le fruit de vos admirables lettres, elles me sont garniee dans mon âme et la mort m'apparaît comme vous avez sue me la montrer quand vous me parliez de Serge e de Pauline. Encore un peu d'heures, un peu de jours et je serai avec eux. Je vous bénis. Je demande à Dieu qu'il vous laisse accomplir notre ouvrage et qu'il le rend digne de vous. Je bénis cet enfant et son père que j'implore, Nicolas est innocent¹.

Henriette Rasoumovsky

Pour Joukoffsky à envoyer après ma mort

¹ <...> единственная мысль, (франц.).

Перевод:

Я сожалею, мой добрый Жуковский, что Вы это прочтете, тогда как я сама так спокойна и чувствую даже что-то сладостное в той неожиданной Божией милости, которая меня настигла. Как мало во мне страха! Я совершенно владею собой. Но я чувствую, что должна освободить свою душу от того, что еще связывает меня с этим миром, чтобы она могла отправиться туда, куда она идет – от единственной мысли, которая меня еще удерживает здесь – от мысли о Николае. Я желала бы, чтобы сила моей дружбы к нему пережила меня, мольбы умирающей нельзя отвергнуть, передайте мои мольбы императору. Именем Бога, пред коим я вскоре предстану, Бога, прощающего нас, как и нам следовало бы прощать, я клянусь, что Николай Тургенев невиновен; но я говорю не только по своему убеждению. Другим тоже известна его невиновность. Да рассудит совесть императора, как того требует невиновность; в ожидании этого я молю, умирающая молит проявить милосердие к больному Николаю, которого убивает климат Англии. Пусть император позволит нашему другу вернуться на континент; пусть он там будет в совершенной безопасности. Я умоляю императора о милосердии, я прошу о нем именем его жены, его детей. Я взываю о помощи к императрице – к этой душе, с коей Вы меня познакомили, душе столь чистой и доброй. Передайте ей и через нее мои последние мольбы. Он не отвергнет мои мольбы, они уже наполовину исходят из другой жизни, той, где имеют вес только наши милосердные дела; там мои мольбы претворяются в благословение.

Я чувствую, мой друг, что Ваши прекрасные письма принесли свои плоды: они проникли мне в душу, и смерть представляется мне теперь такую, какую Вы сумели показать мне ее, когда Вы говорили мне о Сергее и о Полине¹. Еще несколько часов, еще немного дней, и я буду с ними. Благословляю Вас. Я молю Бога, чтобы он дал Вам завершить наш труд и чтобы результаты вашей работы оказались достойными Вас. Благословляю это дитя и его отца², – молю его верить, что Николай невиновен.

Генриетта Разумовская

Жуковскому, послать после моей смерти [10. Л. 4–6 об.].

Очевидно, что это письмо графини Разумовской Жуковский воспринял как своего рода знамение, тот самый Богом посланный желанный случай, который помог бы ему решиться, после долгих колебаний, обратиться к императору с просьбой о Николае Тургеневе. Очевидно также, что решение передать императору объяснительную записку Николая Тургенева вместо своей собственной было принято поэтом одновременно и импульсивно, и обдуманно – импульсивно потому, что поводом для решительного

¹ Имеются в виду Сергей Тургенев и Полина Гизо, умершие летом 1827 г.

² Подразумеваются цесаревич Александр Николаевич, воспитанник Жуковского, и император Николай I.

шага послужило глубоко взволновавшее поэта предсмертное письмо высоко ценимой им женщины, обдуманно – потому, что оно явилось результатом двухмесячных колебаний из-за неутешительных итогов обсуждения записок – своей и Николая Тургенева – даже с ближайшими друзьями. И это решение представляется вполне закономерным, поскольку тексты записок Жуковского и Николая Тургенева частично дублировались – очевидно, что материалом для составления записки поэта послужили не только тексты Николая Тургенева (как явствует из текста самой записки Жуковского, он намеревался приложить к ней выписки из писем Н.И. Тургенева к А.И. Тургеневу [3. Т. 13. С. 288]), но и еще какими-то более официальными документами, например оправдательными записками самого Николая Тургенева [11. С. 116].

Однако более неподходящего момента для этого шага Жуковский выбрать не мог. С октября 1827 г., с момента Наваринского сражения (8/20 октября 1827 г.), начал назревать русско-турецкий конфликт 1828–1829 гг., и император Николай I, готовившийся к войне, менее всего был озабочен судьбой осужденного – пусть даже несправедливо осужденного, хотя он так не считал, – Николая Тургенева. Поэтому ответа на письмо графини Разумовской и вердикта императора Жуковскому и Александру Тургеневу пришлось ожидать долго. В течение января–апреля 1828 г., т.е. вплоть до самого своего отъезда на театр военных действий русско-турецкого конфликта 1828–1829 гг., император практически ни словом не обмолвился о том, читал ли он манускрипт, и если читал, то к какому заключению пришел. В письмах к А.И. Тургеневу от 10/22 января, 4/16 февраля, 27 февраля / 11 марта, 13/25 марта и 6/18 апреля 1828 г. Жуковский сообщает более или менее одно и то же: Николай I не дает ответа на обращение Жуковского и неизвестно, прочитал ли он записку Николая Тургенева:

И письмо гр<афини> Разум<овской>, и манускрипт брата были отданы мною при собственном письме моем <...>. Я видел Г<осударя> через два дня после; то есть только с ним встретился. Он мимоходом сказал мне: «*Читал маленькое; но, признаюсь, не убежден*» (#*Что маленькое? Письмо ли Разумовской, таблицу ли, приложенную в конце оправдания, не знаю*). <...> С тех пор он не говорит ни слова, хотя я и много раз с ним встречался. Не знаю, прочитал ли он все; но весьма надеюсь, что прочтет. Напоминать ему нельзя; надобно оставить все на волю его здравого ума и его сердца [5. С. 238–240].

И только в неопубликованном письме к А.И. Тургеневу от 22 мая / 3 июня 1828 г. поэт сообщил, что оправдательная записка Николая Тургенева императором, возможно, прочитана, но результат этого чтения – опять неутешительный:

<...> оправдание в руках государя. Одно из двух: или оно не произведет никакого действия или произведет его, то есть заставит усомниться в

справедливости приговора. Если первое, то дело кончено <...>. Если последнее, то чего бы по всей вероятности ожидать было возможно: того только, что государь, усомнившись по прочтении бумаги Николая в справедливости приговора, нашел бы необходимым снова велеть рассмотреть его дело. Но в таком случае согласился ли бы он довольствоваться одним его письменным оправданием и велел ли бы оправдать его, не требуя его самого к суду! Этого и предполагать невозможно! <...> письменное оправдание Н<иколая> *отдано*, и мне не сказано ничего в ответ. Что же это должно значить? То, что оно не заставило усомниться в справедливости приговора [13. Л. 10–11].

В черновом варианте этого письма Жуковский выражается более определенно: «Оправдание в руках государя. Оно прочитано» [14. Л. 1–1 об.], однако, судя по тому, что в беловом автографе нет никаких утверждений относительно того, что Николай I прочитал манускрипт Н.И. Тургенева, это было скорее предположением поэта, нежели точной информацией. В этом сомнении и предчувствиях бесполезности предпринятой им попытки добиться пересмотра дела и приговора Николая Тургенева Жуковскому предстояло оставаться вплоть до 14 октября 1828 г., даты возвращения Николая I в Петербург [15. С. 124, 180]. Более того, когда поэт получил ответ на свое обращение, он даже не понял, что это и есть так долго ожидаемый ответ. 14 октября 1828 г., в последний день рождения императрицы Марии Федоровны и тот самый день, когда Николай I вернулся в столицу после продолжительного отсутствия, К.К. Мердер, воспитатель наследника и коллега Жуковского в этой должности, был пожалован генерал-майором в знак признания его заслуг в деле воспитания наследника, а Жуковский демонстративно обойден наградой по службе. Это произвело на поэта более чем гнетущее впечатление: о причинах немилости императора Жуковский был в полном недоумении, как об этом свидетельствуют два его опубликованных письма к императрице Александре Федоровне [4. С. 534–542] и одно пока не опубликованное – к императору Николаю I, написанные в промежуток времени между 14 и 23 октября 1828 г.:

Государь! благоволите изъясниться: чем навлек я на себя Вашу немилость? Первая минута Вашего столь радостного нам прибытия в столицу была ознаменована перед глазами всех наградою Мердеру. Половина его дела лежит на мне, но я не имел счастья получить от Вас не только знака публичного благоволения, но даже и слова, означающего Ваше одобрение. Что причиною такого горестного для меня отличия? <...> Я без моего ведома *заслужил в Ваших глазах* сию публичную, столь огорчительную для меня немилость? Осмеливаюсь только спросить: в чем вина моя перед Вами? <...> Я товарищ Мердеру; я занимаюсь с ним одним делом, Вы мой непосредственный судья, Россия смотрит на мои действия со вниманием, у меня есть имя, которое я должен поддерживать перед Вами, моим воспитанником, моим

отечеством, смею сказать, и перед Европою, которой имя наставника наследника известно; подумав о Мердере, Государь, Вы не могли в то же время не *вспомнить* обо мне, и если, нашедши Мердера достойным публичного Вашего благоволения, Вы не соизволили оказать его в то же время мне, то сим столь же публично изъявили Вы, что я, товарищ Мердера, по своей части не сделал всего того, что он сделал по своей. Что иное могу подумать? А думая так, могу ли не стараться узнать, какая вина моя навлекла на меня Вашу немилость? [16. Л. 1–1 об.].

Пожалуй, на этот вопрос Жуковского может дать ответ третий документ вышеупомянутого архивного конволюта, а именно вердикт великого князя Константина Павловича, которому, как выясняется, в бытность его в Петербурге в январе–феврале 1828 г., когда он приезжал для обсуждения планов Николая I задействовать польскую армию в военных действиях против турок [15. С. 115–117], император, не имевший времени лично заняться чтением обширной записки Николая Тургенева, поручил старшему брату ознакомиться с ней и вынести свое суждение. Когда именно великий князь сообщил свое мнение Николаю I, неизвестно, но это очевидно произошло до возвращения императора с театра Русско-турецкой войны, т.е., до октября 1828 г. Эта записка, также не полностью и только в переводе, опубликована Н.Ф. Бельчиковым [12. С. 69]; привожу ее полностью в оригинале и в откорректированном переводе. В своем приговоре великий князь не пощадил ни Николая Тургенева, ни графиню Разумовскую. Но особенно сильно от него досталось Жуковскому – и именно по причине высокого официального положения поэта как наставника престолонаследника:

J'ai lu avec la plus grande attention les justifications de Nicolas Tourgueneff, que Votre Majesté a daigné me donner à Pétersbourg et j'ai l'honneur de la réitérer ceci à suit. Comme il était de Votre intention que j'émette mon opinion sur ce sujet, je ne puis m'empêcher de dire, qu'il y a des passages très remarquables et qui peuvent atténuer les crimes dont le dit Tourgueneff est accusé, mais jamais le disculper totalement. Il le sent lui-même, malgré tout ce qu'il avoue pour sa justification. Toutefois ce qui me paraît de plus condamnable en lui est de ne s'être pas présenté au jugement, puisque de deux choses l'une ou bien il se sent coupable, ou bien il ne se sent pas. Dans le premier cas c'est fort naturel qu'il se sent s'accablé à la directive des lois, et dans le second cas craignait-il ce sentant innocent. Sa non-comparition ne laisse faire, à mon avis, le doute, de sa coupabilité. Je ne puis laisser passer sous silence l'inconvenance de la lettre de Joukowski que je ne connais pas même. De vue, d'après son contenu il me semble que les principes dont il s'est servi, ne sont pas compatibles avec l'ordre des choses établi dans notre gouvernement et qui ne peuvent pencher qu'au préjudice de son élève. Quand à la dame Rasoumovsky il n'y rien de dire. C'est une femme qui semble avoir eu une liaison avec Tourgueneff et que sa passion pour lui égare [10. Л. 8–8 об.].

Перевод:

Я прочитал с величайшим вниманием оправдание Николая Тургенева, которое Ваше Величество изволили мне вручить в Петербурге и честь имею возвратить его с присовокуплением следующего. Выполняя Ваше пожелание выразить свое мнение об этом подданном, не могу не сказать, что в его записке есть места, весьма достойные внимания, которые могли бы смягчить обвинения, предъявленные Тургеневу, но никогда не могли бы полностью его оправдать. Он сам это чувствует, несмотря на все, что говорит он в свою защиту. В любом случае более всего достойно осуждения то, что он не предстал перед судом; одно из двух: или он чувствует себя виновным, или нет. В первом случае очень натурально, что он чувствует себя обвиненным <справедливо> по директиве закона, а во втором случае – чего ему бояться, если он чувствует себя невиновным. Его неявка, по моему мнению, не оставляет сомнения в его виновности. Я не могу умолчать о неприличии письма Жуковского, которого, впрочем, лично не знаю. Ознакомившись с содержанием его, я полагаю, что принципы, коими он руководствуется, не соответствуют порядку вещей, принятому нашим правительством, и не могут принести его воспитаннику ничего, кроме вреда. О мадам Разумовской мне сказать нечего. Кажется, эта женщина имела связь с Тургеневым, и страсть к нему помutilа ее рассудок.

Нетрудно предположить, что это сокрушительное мнение старшего брата, уважаемого и ценимого императором, не могло не произвести на него очень сильное впечатление, следствием чего и стала первая полученная Жуковским «головомойка» [З. Т. 13. С. 312], вызвавшая к жизни очень грустные и оскорбленные недатированные записи в дневнике 1828 г., которые, пожалуй, теперь можно сравнительно точно отнести ко второй половине октября:

Какое мое положение? Я при уме и сердце наследника России. Вот все. Живи в этой высокой атмосфере, пока от тебя зависит в ней жить и действовать. Не допускай до себя ничего, что так заразительно и так часто бывает убийственно в низкой. Пока ты не окунулся в нее, до тех пор ты свободен. Заботясь о воздаянии, сам себя делаешь наемником. <...> Если бы мне сказать государю свое мнение на то, как он со мною поступил, вот что бы я сказал: вы мне вверили ум и сердце вашего сына, следовательно, вы признали меня достойным вашей доверенности. Если вы позволяете себе, сделав главное, не исполнять того, что вы обещали исполнять в отношении ко мне, то вы в противоречии с самим собою или с намерением хотите быть несправедливым. <...> Я свое дело делаю и хочу делать. Если вы не делаете своего, то это нисколько не заставит меня почитать моей должности менее священной, она от этого не теряет своей возвышенности, ни даже прелести. <...> За невнимание, за оскорбление негативное я не имею право покинуть своего места: я бы унизил понятие свое о моей возвышенной должности, если бы измерял

ее по тем выгодам, которые были бы сопряжены с ее исполнением. Ее не продам никому. Но унижения сносить не должно. Не оказывая мне справедливости – возвышают меня перед другими. Оскорбляя мое лицо – унижают меня. Сего последнего позволять нельзя [З. Т. 13. С. 305–306].

До момента, когда, повинаясь мгновенному импульсу, который дало ему письмо графини Разумовской, поэт впервые обратился лично к императору со своей просьбой пересмотреть дело Николая Тургенева, он предпочитал просить Николая I – о чем бы то ни было – через его жену, императрицу Александру Федоровну, отношения с которой у него были значительно менее формальными и официальными. И эти просьбы не имели столь решительного и опасного характера: например, это была просьба разрешить художнику Кларе остаться за границей (1826) или просьба самого Жуковского о продлении его пребывания в Германии на год (1826), или даже просьба о разрешении для А.И. Тургенева поехать в Лондон к брату Николаю – она тоже была подана через императрицу Александру Федоровну.

Таким образом, именно письмо графини Генриетты Разумовской, которое подвигло Жуковского в самый неподходящий для этого момент предпринять решительные действия в пользу неблагонадежного Николая Тургенева, закончившиеся столь плачевным образом, явилось первой побудительной причиной длительной порчи отношений Жуковского с императором. Однако, судя по тому, что поэт продолжал систематически портить эти отношения вплоть до 1832 г., вступаясь то за П.А. Вяземского, то за братьев Тургеневых, то, наконец, за И.В. Киреевского, обвинения против которых носили именно политический характер, Жуковский вплоть до высказанного ему в 1830 г. открытым текстом обвинения императора в связях с неблагонадежными («Ты при моем Сыне! Как же тебе слыть сообщником людей беспорядочных или осужденных за преступления?») [З. Т. 13. С. 313]) так и не понял, что именно является причиной систематических неудовольствий Николая I в адрес наставника его сына. Так письмо Генриетты Разумовской стало первым звеном в цепочке обращенных лично к Николаю I ходатайств за «всех, кто только худ с правительством» [З. Т. 13. С. 312] и своего рода «крещением» Жуковского как либерального общественного деятеля.

Литература

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. СПб., 1902.
2. РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 35.
3. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2004–2018.
4. Жуковский. Исследования и материалы. Вып. 2. Томск, 2013. 726 с.
5. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. 322 с.
6. Русский архив. Историко-литературный журнал. М., 1863–1917.
7. Дубровин Н.Ф. Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 45–119.
8. Бартенев П.И. Николай Иванович Тургенев и графиня Генриетта Разумовская // Русский архив. 1895. № 8. С. 484–520.

9. *РО ИРЛИ*. № 28291.
10. *ГАРФ*. Ф. 728. Оп. 1. № 1447.
11. *Заозерский А.И.* Вторая оправдательная записка Н.И. Тургенева // Памяти декабристов : сб. материалов. Л., 1926. Т. 2. С. 99–163.
12. *Записка* Н.И. Тургенева / предисл. Н.Ф. Бельчикова // Красный архив: ист. журн. 1925. Т. 13 (6). С. 68–147.
13. *РО ИРЛИ*. Ф. 309. № 804 (старый шифр).
14. *ОР РНБ*. Ф. 286. Оп. 2. № 161.
15. *Шильдер Н.К.* Император Николай I: его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. 820 с.
16. *ОР РНБ*. Ф. 286. Оп. 2. № 114.

Henriette Razumovskaya's Death Letter to Vasily Zhukovsky and Its Consequences for the Court Fate of the Poet

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 246–258. DOI: 10.17223/19986645/64/14

Olga B. Lebedeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: obl25@yandex.ru

Keywords: Vasily Zhukovsky, Decembrists, Nikolai Turgenev, Henriette Razumovskaya, epistolary works, archival sources.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00083.

The article aims to clarify information about the court biography of Vasily Zhukovsky, who, as a tutor of the heir to the throne, was close to the imperial family and used this position to facilitate the fate of the convicted Decembrists. The material of the study was the documents of the State Archive of the Russian Federation relating to Zhukovsky's participation in the case of Nikolai Turgenev, who did not appear for trial and was sentenced in absentia to death: a death letter from Countess Henrietta Razumovskaya (who took an active sympathetic part in the fate of the Turgenev brothers) to Zhukovsky and a memorandum by Grand Duke Konstantin Pavlovich in the case of Nikolai Turgenev. In the article, these two documents are first published in full in the French original and in a modern translation. The publication is accompanied by a biographical commentary based on the materials of Zhukovsky's diary, his unpublished letter to Emperor Nicholas I, and letters to Alexander Turgenev, which detail facts related to the history of Zhukovsky's presentation of Nikolai Turgenev's acquittal note to Emperor Nicholas I. It is believed that the cause of the first serious conflict was the <Note on N.I. Turgenev> that Zhukovsky filed to the emperor. This note was first published from a draft autograph with notes in Volume 12 of Zhukovsky's *Collected Works* edited by A.S. Arkhangelsky, and, later, from the same autograph in Volume 13 of his *Complete Works and Letters*. However, the study revealed that what the emperor received was not a note by Zhukovsky, but an acquittal note by Nikolai Turgenev with a cover letter from the poet and a death letter from Henrietta Razumovskaya attached to Turgenev's note. The latter served as a direct impetus for the poet's appeal to the emperor with a petition for the political criminal. The result of the study was the first reconstruction of the sequence of events that caused the first serious conflict between Zhukovsky and the emperor: the impetus for the first appeal of the poet to Nicholas I with a petition for a political criminal was the death letter of Countess Razumovskaya. The negative outcome of his petition was due to the verdict of Grand Duke Konstantin Pavlovich. The emperor requested that the grand duke familiarized himself with Turgenev's note, and Konstantin Pavlovich found, as is clear from his memorandum, Zhukovsky's actions not consistent with his high status of the heir's mentor. Thus, the article reveals the causes of the first crisis in the court fate of Zhukovsky, which directly reflected on the official forms of recognition of the poet's merits: it was as a result of this petition that Zhukovsky did not receive another award and promotion, and the death letter from Henriette

Razumovskaya to Zhukovsky became the first link in the chain of direct petitions to Nicholas I for those who had problems with the government and a kind of “baptism” of Zhukovsky as a liberal public figure.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (1902) *Polnoe sobranie sochineniy: v 12 t.* [Complete Works: In 12 Vols]. St. Petersburg: Izdanie A. F. Marksa.
2. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 198. List 1. No. 35.
3. Zhukovskiy, V.A. (2004–2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 Vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Yanushkevich, A.S. (ed.) (2013) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and Materials]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Zhukovskiy, V.A. (1895) *Pis'ma, V.A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters from V.A. Zhukovsky to Alexander Turgenev]. Moscow: [s.n.].
6. *Russkiy arkhiv.* (1863–1917).
7. Dubrovin, N.F. (1902) Vasiliiy Andreevich Zhukovskiy i ego otnosheniya k dekabristam [Vasily Zhukovsky and His Attitude to the Decembrists]. *Russkaya Starina.* 4. pp. 45–119.
8. Bartenev, P.I. (1895) Nikolay Ivanovich Turgenev i grafinya Genrietta Razumovskaya [Nikolai Turgenev and Countess Henriette Razumovskaya]. *Russkiy arkhiv.* 8. pp. 484–520.
9. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. No. 28291.
10. State Archive of the Russian Federation. Fund 728. List 1. No. 1447.
11. Zaozerskiy, A.I. (1926) Vtoraya opravdatel'naya zapiska N.I. Turgeneva [The Second Acquittal Note of N.I. Turgenev]. In: Belyaev, M.D. et al. *Pamyati dekabristov. Sbornik materialov* [In Memory of the Decembrists. Collection of Materials]. Vol. II. Leningrad: USSR AS. pp. 99–163.
12. Bel'chikov, N.F. (1925) Zapiska N.I. Turgeneva [N.I. Turgenev's Note]. *Krasnyy arkhiv.* 13. pp. 68–147.
13. Manuscript Department of Institute of Russian Literature. Fund 309. No 804 (Old Code).
14. Manuscript Department of Russian National Library. Fund 286. List 2. No. 161.
15. Shil'der, N.K. (1903) *Imperator Nikolay I: ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I: His Life and Reign]. Vol. 2. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
16. Manuscript Department of Russian National Library. Fund 286. List 2. No. 114.

УДК 82-3

DOI: 10.17223/19986645/64/15

А.И. Разувалова

**ЛЮДИ И СОБАКИ, ФАНТАСТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ:
«ОТТЕПЕЛЬНАЯ» РЕАБИЛИТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ПОВЕСТИ
НИКИТЫ РАЗГОВОРОВА «ЧЕТЫРЕ ЧЕТЫРКИ»**

На материале научно-фантастической повести Н. Разговорова «Четыре четверки» (1963) обсуждается проблема формирования в культуре «оттепели» новой не-мобилизационной этики и новых, основанных на эмпатии, норм социального взаимодействия. Анализируются сюжетообразующая для повести и отсылающая к реалиям советской космической программы с участием животных ситуация полета собаки на Марс и ее культурно-идеологические смыслы.

Ключевые слова: Н. Разговоров, научная фантастика, собаки-космонавты, эмоции, отношения человека и животного, «оттепель».

Советская космическая программа с участием животных¹ в последние годы не раз становилась предметом исследовательского внимания. В сборнике «Переосмысливая *Спутник*», работах К. Берджеса и К. Даббса, Э. Нельсон, А. Сиддики, О. Туркиной и др. [1–5] рассматривались основные этапы ее осуществления, политические, технические, медико-биологические и культурные аспекты. Исследователей культурной истории космоса интересовало, как институты пропаганды в СССР и на Западе использовали образы собак в условиях «космической гонки» 1950–1960-х гг., какое влияние этот проект оказал на коллективное культурное воображение, как он трансформировал (если о такой трансформации вообще можно вести речь) сложившиеся к тому времени дискурсы и практики, регулировавшие взаимоотношения человека и животного.

Несмотря на то, что собаки-космонавты были, по определению О. Туркиной, первыми советскими «космическими поп-звездами» международного масштаба [5. Р. 143], литературные репрезентации событий, связанных с их полетами, сложно назвать разнообразными: в конце 1950-х – первой половине 1960-х на «космические путешествия» животных откликнулись в основном авторы научно-популярной и детской литературы², в то

¹ Экспериментальные полеты собак на геофизических ракетах начались в 1951 г. и некоторое время продолжались в обстановке секретности. Крупным медийным событием они стали только после запуска на орбиту Спутника-2 с Лайкой на борту (1957) и путешествия в космос Белки и Стрелки (1960). Полетом, который подвел черту под «героическим» периодом в осуществлении программы (она продолжалась, но от использования собак ученые практически отказались), стал рекордный по длительности (22 дня) полет Уголька и Ветерка на биоспутнике «Космос-110» в 1966 г.

² В 1960-е гг. собакам-космонавтам были посвящены рассчитанные на «детей дошкольного и младшего школьного возраста» стихотворные книги В. Подкопаева «Бел-

время как литература «взрослая», «серьезная» не проявила большой заинтересованности в разработке этой сюжетике. В центре статьи – повесть Никиты Разговорова «Четыре четверки» (1963), сюжетообразующим мотивом которой стал полет собаки в космос¹. Оставшаяся вне поля зрения исследователей по причинам, о которых речь пойдет ниже, эта повесть будет интересовать меня, во-первых, как довольно редкая попытка, осмыслить, используя возможности научной фантастики, эмоционально-этический² аспект историй «космических собак», во-вторых, как свидетельство ревизии в культуре «оттепели» прежней (позднесталинской) конструкции «человечности» посредством пересмотра символической границы между «человеческим» и «животным».

В данном случае собаки оказываются в исследовательском фокусе в связи с дискурсом эмоций и понятием «эмоциональной культуры», ведь «оттепель» опознает себя – по контрасту с предшествующим периодом – как время эмоциональной и поведенческой диверсификации, поиска нового языка выражения эмоций (достаточно вспомнить о дискуссии физиков и лириков, ставшей одним из главных культурных маркеров «оттепели», вспыхивавшей в разных контекстах полемике об «искренности» или подытожившем «оттепель» и ставшем мостом в культуру 1970-х гг. сборнике под ред. В. Толстых «Культура чувств», 1968). М. Майофис справедливо пишет об одной из главных задач «оттепельной» культуры – «“перенастроить” эмоциональную жизнь советских граждан для нового типа эмоциональной мобилизации, основанной уже не на поиске и изобличении “врага”, а на энтузиастическом построении совместного будущего» [8. С. 78]. О такой «перенастройке», на мой взгляд, может свидетельствовать и характер литературных и визуальных репрезентаций животного в культуре

ка и Стрелка (сказка-быль)» (1961), В. Бороздина «Белянка и Пестрая в ракете» (1961), М. Познанской «Про Белку и Стрелку и их путешествие» (пер. с укр., 1965), рассказ Ю. Гальперина «Приключения Белки и Стрелки» (1961), диафильм со стихами Ю. Яковлева и рисунками В. Лихачева «Белка и Стрелка» (1961); читателям подросткового возраста была адресована повесть М. Барановой и Е. Велтистова о полетах собаки Отважной «Тяпа, Борька и ракета» (1962). О подходе детской литературы 1960-х гг. к изображению собак-космонавтов см.: [5. Р. 13–14].

¹ Благодарю Илью Кукулина, обратившего мое внимание на эту повесть.

² Поскольку число работ, выполненных в русле *emotional turn* и тщательно объясняющих его теоретические основания, в последние несколько лет заметно выросло, я ограничусь ссылкой на обстоятельную монографию Я. Плампера и те ее разделы, где излагаются наиболее продуктивные концепции (см. [6. С. 407–439]). Если же говорить об обширной исследовательской традиции, в рамках которой изучаются представления о животных в их историко-культурной обусловленности, а также соответствующие риторика и сюжетика, то в качестве ориентира упомяну классическую работу Х. Ритво [7]. Исследовательница рассматривает животных как метафоры психологических и социально-политических нужд людей, описывает паттерны, регулировавшие в викторианской Англии отношение общества к животным, обсуждает корреляцию между культурными практиками, визуальными и литературными репрезентациями животных, с одной стороны, и ведущими дискурсами эпохи (имперским, дискурсом социального контроля и т. п.) – с другой.

второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. Разумеется, в качестве домашнего питомца собака всегда в той или иной степени была связана с дискурсом «чувств» (точнее, их «воспитания», т.е. развития милосердия, сострадания и т. п., требуемого нормами гуманистического отношения к «братьям нашим меньшим»), а также с одобрением или, напротив, порицанием соответствующих социальных стандартов поведения, чувствования, взаимодействия. В этой перспективе и будет рассмотрена повесть «Четыре четверки», автор которой тематизировал связь между эмоциональным состоянием индивида / группы, отношением к животному и менявшимися в период «оттепели» принципами социального взаимодействия.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению повести Разговорова, следует хотя бы конспективно охарактеризовать динамику представлений о собаках-космонавтах в советской прессе и научно-популярной литературе рубежа 1950–1960-х гг. и выяснить, каким образом нарративы о космических путешествиях животных связаны, имплицитно или эксплицитно, с переосмыслением базовых для советской идеологии положений и соответствующих эмоциональных стандартов.

Официальный дискурс о собаках-космонавтах: героизм и сотрудничество, энтузиазм и сопереживание

Анализируя советский дискурс о «космических собаках», исследователи нередко подчеркивают его героико-мобилизационный пафос, модифицированный на рубеже 1950–1960-х гг. типично «оттепельными» уверениями в ценности «живого» [3. Р. 145–150]. В публикациях прессы, в научно-популярной и детской литературе собаки представляли героями, преодолевающими трудности и, если необходимо, жертвующими собой во имя науки и прогресса¹. Эти представления о высокой эффективности собак при решении общественно значимых задач базировались на некоторых дискурсах, тропах и практиках предшествующего периода [Ibid. Р. 149], в частности на «этосе полезности» [9. Р. 128, 130], обусловливавшем отношение к животным в 1930–1940-е гг.², и на популяризованных в советской культуре идеях Ивана Павлова о собаке – «помощнице и друге человека», которую отличают «догадливость, терпение и послушание»³, а также едва ли не естественное стремление к самопожертвованию [11. Р. 68].

Вместе с тем у образа собак-героев были и относительно новые, специфичные для культурного лица «оттепельной» эпохи утопически-

¹ Впрочем, утверждает Э. Нельсон, после полета Ю. Гагарина дискурс «собак – разведчиков космоса» постепенно стал сменяться взглядом на них как на «экспериментальных животных» [3. Р. 155].

² См., например, интерпретацию фильма Е. Шнайдера «Высокая награда» (1939), где коллизии, связанные с выбором методов дрессировки пограничной собаки, имеют непосредственное отношение к «шпионской» интриге (см. [10. Р. 72–76]).

³ Цитируются сочиненные Павловым надписи для памятника собаке, расположенного в саду Института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге.

технологические коннотации, основанные опять-таки на прежних представлениях о функциях собаки – самого древнего и самого верного товарища человека в историко-эволюционном процессе, продолжающего вместе с ним осваивать мир, прокладывая для людей на этот раз «звездные трассы». В этом отношении истории «четвероногих космонавтов» [12. С. 4] были благодатным материалом для «очеловечивания» послевоенной героико-мобилизационной идеологии и утверждения ее «гуманистического» измерения. Олицетворявшая «живое» в техносфере космического проекта собака представляла инструментом достижения смелых научных целей¹. Но дело в том, что достичь их она стремилась *ради человека* (здесь и далее курсив мой. – А.Р.), вновь провозглашенного ценностью в «оттепельной» культуре². Такого рода гуманизм не обесценивал переживание близости с животным (отсюда призывы помнить подвиги собак-космонавтов Лайки, Отважной, Звездочки, скупые намеки на переживания научно-технического персонала, готовившего их к полетам, и публики, сочувственно ожидавшей возвращения), но все же рассматривал их как эмоции более низкого порядка в сравнении с ценностями прогресса, общего блага и, наконец, человеческой жизни. Можно сказать, подобное переживание близости становилось мягким мобилизационным механизмом, необходимым для «оттепельного» перезапуска советского проекта. Пассаж из ратовавшей за защиту животных статьи Л. Леонова и Б. Рябинина иллюстрирует всесильность приоритета «разумности» и «полезности» по отношению к «сантиментам»:

Мы не будем проливать слезы над Лайкой, которая сгорела в атмосфере во имя исследований будущего. Словом, мы говорим не о барской слезливости к «божьим творениям», а о разумном понимании значения каждого живого существа, о правильном отношении к нему, вплоть до товарищеского [15. С. 39].

¹ Наиболее радикальным выражением подобной «инструментализации» были медицинские операции, которым подвергались животные в период их подготовки к космическим полетам. После этого, замечает Э. Нельсон, собак естественно было бы рассматривать как своего рода «биотехнологии», «хирургически модифицированные» объекты [13. Р. 89].

² См. весьма симптоматичные для риторического репертуара «оттепели» рассуждения Ч. Айтматова о реабилитации индивида в современной литературе, развенчивающей культ личности [14. С. 337]. В качестве примера «невнимания к человеческой судьбе» [Там же], характерного для предыдущего периода, он упоминал расхожий мотив – самопожертвование во имя спасения «общественного имущества», например колхозной живности. Его недоумение вызывал рассказ узбекского писателя С. Ахмада «Тюльпаны на речной глади», героиня которого погибала, спасая ягнят: «Быть может, я ошибаюсь, но ягнята есть ягнята, даже если они колхозные, а человек есть человек, и если он погиб случайно или умышленно, надо об этом уметь говорить так, чтобы это не оскорбляло человеческого достоинства» [Там же. С. 341]. Впрочем, критикуемая писателем логика инструментализации и деиндивидуализации человека работала и в отношении животного, которое в соцреалистической прозе было одушевленным эквивалентом идеологически и экономически значимых ценностей.

В силу действия ряда риторико-идеологических конвенций, в публичном пространстве рубежа 1950–1960-х гг. обсуждалось идеологическое и научно-технологическое, но не этическое измерение космического проекта. «Противоречие между восприятием собак как товарищей, слуг и друзей и необходимостью приносить их в жертву науке», имевшее, по словам Э. Нельсон, «сложные последствия для взаимоотношений исследователей и собак» [13. С. 92], нередко игнорировалось, или же его разрешение адаптировалось к нормам антропоцентристской риторики, т.е. сводилось к акцентированию сложной комбинации чувств – твердому намерению решать поставленные задачи и сочувствия к тем, кого приносят в жертву на пути к заветной цели¹.

Советские ученые не сталкивались с ограничениями на использование экспериментальных животных, подобными тем, что существовали в западных странах [3. С. 150], так что на рубеже 1950–1960-х гг. экспликация вопроса о гуманности использования животных в научных опытах могла быть расценена как подрыв антропоцентристской иерархии ценностей и ненужный сдвиг внимания от «главного» (выдающихся научно-технических достижений советского народа) ко «второстепенному» (судьбам животных, послуживших материалом для необходимого эксперимента). В сходном ключе были выдержаны и нечастые публикации, где все же затрагивалась проблема обоснованности использования собак в научных экспериментах – космических или сугубо медицинских (например, в трансплантологических операциях В. Демихова). Подобные опыты опять-таки представляли эпизодом длительной истории героических попыток человека проникнуть в тайны мироздания, и авторы публикаций всякий раз делали беспронятный ход, патетично описывая предполагаемые позитивные эффекты головокружительных экспериментов, ценность которых в антропоцентристской перспек-

¹ В этом отношении интересна повесть М. Барановой и Е. Велтистова «Тяпа, Борька и ракета», решавшая одну из главных задач детской литературы – предлагать подлежащие интернализации эмоциональные сценарии переживания тех или иных событий. Повесть не обходила стороной болезненные ситуации, связанные с утратой: авторы отвели главу под рассказ о «невозвращении» Лайки, а тоска одного из персонажей по пропавшей собаке и ощущение вины перед ней были показаны как совершенно оправданные чувства. В то же время сопереживание живому существу, трансформируемое в еще более настойчивые усилия по достижению поставленной цели, изображалось в повести как один из источников энтузиазма героев. По сути, Баранова и Велтистов стремились согласовать мобилизационные установки с привязанностями, не подчинявшимися утилитарным требованиям. Собака же выступала здесь в обычной для нее культурной роли «связующего объекта» (*boundary object*) [3. Р. 154], который соединял приватное и публичное, мир сентиментальной привязанности к домашнему питомцу и мир больших научно-технических свершений (см., например, эпизод повести, в котором дети отдают своих собак в Институт космической медицины для проведения экспериментов; таким образом, собака приносится в жертву и в дар, но одновременно становится проводником в пространство социально более престижное и перспективное, в котором аккумулированы возможности потенциальной самореализации и куда стремятся попасть ребята).

тиве представляла бесспорной [16. С. 13–15; 17. С. 6]. Вместе с тем само появление таких статей в печати можно считать ответом на не сформулированные в публичном поле вопросы об этической стороне экспериментального использования животных и коллективном эмоциональном проживании болезненных эпизодов смерти собак (прежде всего Лайки).

Кроме того, освещение в советской прессе космических полетов собак на рубеже 1950–1960-х гг. обнаружило несколько новых тенденций в публичной сфере: во-первых, заинтересованность власти в поддержании имиджа СССР как государства не только передового в научно-техническом отношении, но гуманного, во-вторых, возросшую чуткость к запросу общества на нормализацию проявлений сострадания и эмпатии. Отсюда официальные публичные акции, наподобие обязательного появления собак на пресс-конференциях после благополучного завершения полетов, сообщения о рождении ими здорового потомства, изображение собак-космонавтов на почтовых марках и спичечных коробках, размещение мемориальной таблички на клетке Лайки в Институте авиационной медицины. Такие шаги приоткрывали своего рода эмоциональный клапан для выражения приязни и сочувствия и в то же время задавали определенный режим говорения и воспоминаний об этих событиях, особенно если последние имели трагический характер. (например, они упрощали «сложную память» [3. Р. 153], оставшуюся после полета Лайки). Это одна из причин, по которым в СССР, в отличие от Запада, для разговора об обреченной людьми на гибель Лайке не сформировался язык «сожаления, меланхолии, раскаяния, того, что Э. Нельсон называет “ассоциациями с жертвой, утратой, эксплуатацией и экспериментаторством”, подпитывавшими посмертную известность этой собаки» [18. Р. 39].

Повесть Разговорова, о которой пойдет речь в следующем разделе, представляется мне попыткой утвердить новый, выходящий за рамки героико-мобилизационной этики и основанный на идее эмпатии способ взаимодействия человека и животного. Попытка эта, очевидно, была ограничена объемом тех дискурсивных, риторических и символических средств, которыми располагала «оттепель», потому повесть не оспаривала прямую базовую для советской идеологии убеждения в необходимости жертв для решения исторических сверхзадач, не обостряла болезненные этические коллизии космического проекта с участием животных. Тем не менее предложенная в ней трактовка взаимоотношений человека и собаки ставила под сомнение сформировавшуюся в предыдущий исторический период этику героических свершений, неявно инструментализовавшую Другого как средство модернизационного рывка.

Животное как Другой: реабилитация эмпатии

Повесть «Четыре четверки» была опубликована в 1963 г. в сборнике «Черный столб», где соседствовала с произведениями А. Кларка, А. Азимова, А. Днепров, Е. Войскунского и И. Лукодянова и др. Несмотря на

столь лестное соседство, Н. Разговорова (1920–1982) сложно назвать писателем-фантастом – повесть «Четыре четверки» осталась, по сути, его единственным опытом в этой области. В большей степени он был известен как переводчик с французского, журналист «Литературной газеты» (некоторое время провел во Франции в качестве ее собкора) и ведущий рубрики «Ума палата» в журнале «Пионер».

Насколько я могу судить, исследователи не рассматривали «Четыре четверки» в ряду произведений, посвященных космическим путешествиям собак, хотя по формальным признакам повесть могла быть туда включена: ее завязка – вынужденное приземление на Марсе одной из ступеней космического корабля, на борту которого находится собака. Информации об обстоятельствах, вызвавших полет, в повести нет, но читатель, имеющий представление о схематике научно-фантастических сюжетов, вправе предположить, что автор имел в виду перспективы космических экспериментов с животными (на сей раз отправленными на Марс) или даже альтернативный (и фантастичный) финал истории Лайки, не погибшей, но прилетевшей на другую планету. Основная же причина, по которой исследователи сюжетов о собаках-космонавтах прошли мимо повести Разговорова, заключается, вероятно, в том, что писатель сам затруднил ее тематическую идентификацию: изъяв событие полета из привычных героикомобилизационных дискурсивных схем (технологический прорыв, доказывающий первенство социалистической системы, открытие новых научных горизонтов, труд и самопожертвование во имя будущего и т.п.), он сделал его отправным пунктом в обсуждении, с одной стороны, ключевых для советской научной фантастики рубежа 1950–1960-х гг. вопросов о природе научного (по)знания, «социальной роли науки и рациональности» [19. С. 317] (на этот раз – применительно к отношениям человека и животного), а с другой стороны, не менее важного для «оттепельной» культуры вопроса об «эмоциональном мире личности».

Прежде чем говорить о том, какие социальные и культурные смыслы извлек Разговоров из сюжета о космических собаках, как эти смыслы переопределяли взаимодействие человека и животного в рамках научных экспериментов и повседневного общения, напомним фабулу повести. Ее действие происходит на Марсе – планете, где после четырехсотлетней войны лириков и физиков, закончившейся победой последних, создана базирующаяся на науке и точном знании цивилизация. Главные фигуры марсианского мира – ученые (математики, физики, астрономы), занятые исследованием космоса. Поскольку марсиане считают себя единственными живыми существами во Вселенной, они ошеломлены встречей с пилотом межпланетного корабля, сбитого академиком Аром при помощи радиомагнитного луча. Читателю не составляет особого труда догадаться, что в роли «таинственного пришельца из космоса» [20. С. 184] выступает собака, но марсиане, не имеющие представления об этом биологическом виде, по ходу сюжета пытаются установить морфологические, физиологические, поведенческие характеристики загадочного существа, дабы классифициро-

вать его и вступить с ним в контакт. Обсуждение различных гипотез относительно Живого (так марсиане называют инопланетянина) и изъянов аналитической оптики, размышления о природе контакта и близости, спровоцированные общением с Живым, и, наконец, итоговая идентификация объекта составляют содержание повести. В эпилоге, действие которого разворачивается уже после смерти Живого, марсиане узнают от прибывшего с Земли космонавта о роли, которую некогда сыграл Живой в создании межпланетного корабля (это едва ли не единственная деталь, прямо отсылающая к факту осуществления советской космической программы и роли собак в ней). В свою очередь, марсиане показывают памятник, который они установили в честь «веселого и доброго» Живого – «гонца Венеры или сына Земли» [20. С. 220]. Завершается повесть изображением символического жеста – космонавт-землянин кладет цветок на гранитный постамент памятника собаке.

Даже беглого пересказа достаточно, чтобы понять: ни описание полезных для народного хозяйства научных разработок в духе «фантастики ближнего прицела», ни амбициозные попытки реанимировать коммунистическую утопию в духе Ивана Ефремова автора «Четырех четверок» не занимали. Способ интерпретации Разговоровым научно-фантастических мотивов (через очевидные отсылки к актуальной для «оттепели» культурной повестке), пародийная заостренность одних маркеров и конвенций научной фантастики (экзотично-иностранных имен персонажей-ученых, упоминаний о поражающих воображение технологиях и т.д.) при игнорировании других (касающихся, к примеру, внешности марсиан) заставляют думать, что ироническая игра с клише изображения «жизни на Марсе» призвана была усилить ощущение условности, если не сказать фиктивности инопланетного мира. Не случайно А. Стругацкий, горячо рекомендовавший повесть к печати, посчитал «Четыре четверки» «фантастическим памфлетом» [21. С. 12]. На это же обстоятельство обратил внимание участник медико-биологической космической программы, академик В. Парин, назвавший в послесловии «Четыре четверки» «юмористической повестью», автору которой «Марс понадобился <...> всего лишь как традиционная сценическая площадка, на которой испокон веков происходят разные фантастические события» [22. С. 220–221]. И хотя специфику нарратива «Четырех четверок» вряд ли можно объяснить только юмористическим модусом повествования, в главном замечание Парина верно: Разговоров литературную природу научной фантастики связывал не только с перспективой формулировки смелых научных гипотез или снабжения читателя новой информацией, но и с возможностью острого, неожиданного, иногда острающего, иногда пародийного видения рутинных, «стертых» повседневным восприятием объектов и ситуаций. Уже после публикации «Четырех четверок», в рецензии на русский перевод книги А. Азимова «Я, робот» (1964) Разговоров заявлял, что рассказы американского фантаста более всего увлекают умением показать «мир человеческих отношений» «под тем своеобразным острым углом, который свойствен подлинной

научной фантастике», а вовсе не суммой новейших сведений о кибернетике, как утверждал в своем предисловии к сборнику Азимова И. Ефремов [23. С. 354]. Если выведенная по отношению к Азимову формула определяла и собственные принципы Разговорова в работе с научно-фантастическим «материалом», то его повесть можно прочесть как снабженную основными футуристическими знаками версию встречи марсианской и земной цивилизаций и вместе с тем довольно скромную по амбициям «смоделировать будущее» попытку осмыслить, используя арсенал поэтики «научно-фантастического», происходящее «здесь и сейчас», в советском обществе рубежа 1950–1960-х гг.

Наиболее наглядный эффект применения этой двойственной стратегии – предельная «нормализация» автором повести физических, социальных и культурных параметров места действия. Разговоров оставляет в стороне уже сложившуюся к началу 1960-х гг. мифологию Марса, интенсивное развитие которой было спровоцировано гипотезой о возможной обитаемости планеты [24. С. 19]: в повести ничего не сообщается ни о социальном строе, царящем на Марсе (атрибут фантастики 1950-х и сочинений, наподобие романов Ефремова), ни о повседневной организации инопланетной жизни. Колониально-экспансионистская риторика завоевания нового пространства в «Четырех четверках» также отсутствует. Марсиане, судя по всему, физически, ментально и эмоционально подобны землянам, за исключением того, что они культивируют рациональный, строго научный стиль мышления. Упоминание же о войне физиков и лириков как о легендарном историческом событии, предопределившем характер развития марсианской цивилизации, становится красноречивой подсказкой читателям, которые, повинувшись рецептивной инерции, продолжают искать признаки «инаковости» инопланетного пространства: социальная реальность Марса есть остранившаяся в научно-фантастическом ключе советская социальная реальность, только в ней языки выражения близости, доверия и эмпатии «зарегулированы» или отсутствуют. Изображая мир Марса, где проявления «эмоционального» воспринимаются то ли как ненужное излишество, то ли как подозрительная вольность, Разговоров отсылал читателя, с одной стороны, к спорам, сопровождавшим возникновение в послевоенном СССР субкультур и новых способов публичной самопрезентации (например, «стиляжничества»), а с другой – к дискуссии 1959 г. о физиках и лириках (в повести есть несколько иронических отсылок к ней).

«Жизнь на Марсе» в «Четырех четверках» явно выписана с учетом аргументов представителей гуманитарного сообщества, связывавших негативный сценарий цивилизационного развития с возможным упрощением эмоционального мира человека. Разговорову, судя по всему, пессимистичные варианты такого сценария были чужды, поэтому его повесть содержит, скорее, юмористически-шаржированное видение мира, где лирическое мироощущение и эксцентричное публичное поведение оказываются «репрессированы». Большинство героев «Четырех четверок» следуют принципам научной рациональности (иногда в гипертрофированной фор-

ме – на чем, собственно, и основаны комические эффекты повести), однако эти персонажи вовсе не бесчувственны. Их эмоциональный аппарат действительно ограничен, но еще более ограничен словарь выражения эмоций, некогда подвергшийся «чистке» со стороны физиков. Вдобавок – и тут Разговоров опять излагает претензии гуманитариев к их оппонентам – герои страдают от своего рода профессиональной деформации: установки и процедуры, дисциплинирующие мышление и обеспечивающие объективность научного взгляда, блокируют эмоциональное восприятие объекта изучения и препятствуют «целостному» его видению.

Сюжетообразующим в повести является высокочастотный для научно-фантастической литературы мотив первого межпланетного контакта и коммуникации с Другим, представляющим, как правило, иной биологический вид или иную форму жизни. М. Шварц отмечает, что инопланетяне, встреча с которыми может происходить как в далеких мирах, так и на земле, появляются в советской фантастике после 1957 г., и само возникновение этой темы недвусмысленно свидетельствует об эрозии антропоцентризма, лежавшего в основе официальной обществоведческой доктрины [25. S. 145, 147]. От высказанного в ефремовском «Сердце змеи» (1958) и разделяемого многими авторами (А. Казанцевым, Г. Мартыновым и др.) убеждения в том, человек – идеальный эволюционный образец, а значит, физиологическое и психоэмоциональное строение существ, населяющих другие планеты, будет в той или иной степени подобно человеческому, советская научная фантастика дрейфует к идее многообразия форм жизни [Ibid. S. 141–145]. Разговоров тоже включается в диалог с представлениями об обязательном человекоподобии инопланетян, но иронически переворачивает классическую версию встречи, согласно которой исследующей Чужого / Другого инстанцией являются земляне: как правило, именно они сталкиваются с пришельцами, анализируют их биологическую (а если необходимо, то и идеологическую) природу, оценивают возможность мирных контактов. В «Четырех четверках», напротив, контакт с пришельцем из космоса увиден глазами марсиан, вынужденных классифицировать неизвестное им, но хорошо знакомое читателю существо. Взгляд марсиан на собаку остранил этот древнейший одомашнированный человеком вид, подробно изученный исследователями и включенный во множество культурных и хозяйственных практик. Для марсиан собака – не только биологически, но цивилизационно Другой, чье появление взламывает привычные модели восприятия и требует нового языка общения. Так, центральным в повести становится вопрос о способах коммуникации с Другим, в данном случае с «животным Другим» (*animal Other*), и придание этому контакту статуса межвидового не столько его специфицирует, сколько универсализует.

На мой взгляд, внимание к Другому в «Четырех четверках» прямо вытекает из всей общественно-политической ситуации «оттепели», когда в результате хрущевской либерализации прежняя модель советской идентичности обнаружила свою ригидность и «несовременность» и выявилась ост-

рая нужда в новых эмоционально-риторических сценариях и новых механизмах социального взаимодействия. Неудивительно, что проблемы коммуникации и контакта (как в специфичном для научной фантастики смысле, так и в более широком) целенаправленно выводятся Разговоровым на первый план с самого начала повествования: доктор Бер вспоминает о подарковедении – с трудом освоенной им в школе дисциплине, дающей представление о Другом и обучающей азам коммуникации; академик Ар, обращаясь к пришельцу, признает, что «даже живые существа, во всем подобные друг другу, не сразу могут обрести язык мира и согласия» [20. С. 179]; старший научный сотрудник Кин сочиняет рассказ о трудном согласовании представителями разных планет вариантов номинации объектов Солнечной системы. В таких обстоятельствах посланец неизвестной планеты становится для марсиан убедительным воплощением инаковости: он – существо иной природы и неизвестного происхождения, с которым нужно установить контакт.

Разговоров оставляет в стороне растиражированные в научно-фантастической литературе пути решения проблемы контакта, когда астронавты-земляне, столкнувшись с представителями других цивилизаций, либо организовывали процесс взаимного обучения и, проявив незаурядные лингвистические способности, спустя некоторое время начинали разговаривать на языке своих инопланетных собеседников, либо использовали новейшие технические приспособления, позволявшие без усилия понимать чужой язык. Автор «Четырех чetyрок», напротив, обостряет ситуацию отсутствия вербального контакта, которую его герои пытаются разрешить любыми путями. Ар сначала придерживается «гипотезы катастрофы» [Там же. С. 201], согласно которой пилот инопланетного корабля заговорит, как только пройдет шок от вынужденной посадки на Марсе, а затем высказывает предположение, что Живой обладает «неведомыми нам способами речи» [Там же. С. 201]; Бер выдвигает «парфюмерическую гипотезу», согласно которой объект не заговорит никогда, поскольку общается с миром посредством органов обоняния; Кин, поначалу пытавшийся гиперсемиотизировать жесты Живого, приносящего на прогулке палку, постепенно приходит к мысли о необходимости новых способов понимания и интерпретации поведения наблюдаемого существа. Наконец, в откровенно пародийном регистре описана исследовательская деятельность профессора Ира, пытающегося отгадать загадку о «четырех чetyрках» и установить значение слова «бусука», обнаруженного им в уцелевших древних лирических текстах (разыскания Ира, вероятно, можно трактовать как пародию на ранние структуралистские образцы анализа поэтических текстов с привлечением математических методов). Впрочем, ограниченность точных методов для понимания Другого в той или иной мере осознает большинство персонажей. Те же Бер и Ар смутно ощущают неправомерность восприятия Живого лишь как *объекта* изучения, чей статус отличен от человеческого. Встречаясь с Живым взглядом, Бер испытывает неловкость, подобную той, что возникает при пристальном рассмотрении человека и воспринимает-

ся как вторжение в чужое пространство. Взгляд Живого, спрашивающий, «хочу ли я, чтобы вы на меня смотрели?» [20. С. 186], есть то, в чем со всей определенностью воплощается его субъектность, однако для ее осмысления у Бера нет инструментов.

Несколько упрощая, можно сказать, что вербальная коммуникация во все не кажется автору «Четырех четьроков» залогом успешного взаимопонимания¹, в отличие от языка бессознательных эмпатии и дружелюбия в отношении другого живого существа. Потому наиболее близкий автору персонаж, Кин, отвергает «парфюмерическую гипотезу», замыкающую Живого в его «обонятельной» природе и препятствующую контакту с существами, чей аппарат восприятия устроен иначе. Опыт общения Кина с Живым свидетельствует, что контакт, близость, эмпатия между ним и Живым уже есть, нужно только понять, «как это работает».

По Разговорову, переживание близости и эмпатии есть эффект, порожденный длительной историей сосуществования человека и собаки² (в повести не используется термин «доместикация», но, очевидно, автор имеет в виду историко-антропологический процесс взаимодействия этих двух видов и формирование собаки как существа, максимально нацеленного на контакт с человеком):

...в одном он (Кин. – А.Р.) уверен совершенно твердо: глаза Живого привыкли смотреть в глаза друга, где-то в их глубине запечатлен его образ и он воскресает, когда Живой видит перед собой Кина. И никакой шок не замутил этого взгляда. <...> ...К одушевленному Живой обращает свой взгляд.

...Кто подарил глаза Живому? И как упростилась бы вся эта загадка, над которой Кин, Бер и Ар ломают себе сейчас голову, если бы можно было с уверенностью сказать, что и сам Живой – это подарок, посланный с какой-то неведомой планеты на другую и случайно попавший на Марс [Там же. С. 212].

¹ Это обстоятельство отличает позицию Разговорова от более распространенного в научной фантастике подхода, согласно которому полноценный контакт между людьми и животными возможен, когда животное, в результате обучения или использования специальных приборов, овладевает человеческой речью (см., например, повести А. Полещука «Великое делание, или Удивительная история доктора Механикуса и его собаки Альмы» (1959) или А. Громовой «Мы одной крови – ты и я!» (1967)). Человек в этих случаях располагается на иерархически более высокой ступени (он – учитель или изобретатель, помогающий животному выйти из немоты), а животное конструируется как существо, жаждущее контакта с человеком на *его* условиях и *его* языке. Разговором же важно было заявить о приоритете невербального / эмоционального контакта, который, судя по всему, казался ему менее зависимым от внешнего социального контроля и смягчал существующее в иерархических структурах напряжение между разными уровнями.

² Любопытно, что А. Стругацкий, видимо, по умолчанию посчитавший отношение к собаке индикатором эмоционального состояния общества, связал отсутствие собак на Марсе с эмоциональной «недоразвитостью» жителей этой планеты, хотя напрямую подобная причинно-следственная логика в повести Разговорова не заявлена [21. С. 13].

Разумеется, разделяемая Разговоровым идея ведущей роли человека в «создании» / воспитании собаки как друга и помощника не нова. Ее вариации легко обнаружить в советской культуре начиная с 1930-х гг. (от профессиональных пособий по собаководству до «шпионских» фильмов [9. Р. 132–133]), на ней же базировался официальный героико-мобилизационный дискурс о собаках-космонавтах. Предварявший «Четыре чепухи» эпиграф из «Размышлений о человеческой ценности науки» Фредерика Жолио-Кюри («Я люблю дерево, отполированное прикосновеньем рук, ступеньки лестниц, истертые шагами людей...») также акцентировал особую роль человека, вновь ставшего в «гуманистической» идеологии 1960-х существом исключительным: утверждая его достоинство, способность к творческому преобразованию мира и т.д., «оттепельная» культура опознавала себя как культура антисталинская. Так что Разговоров, превративший собаку в материализованное послание любви, отправленное землянами в космос, следовал одному из мощных риторически-дискурсивных трендов «оттепели», предполагавшему гуманизацию представлений о прогрессе, а значит, и о модернизационном движении как таковом. Другое дело, что писатель, приглушив мобилизационный пафос сюжета о собаках-космонавтах и сместив фокус на проблему контакта, изобразил Живого существом, которое не только создано дружественным отношением и эмпатией человека, но генерирует эмпатию, т.е. включается в процесс взаимного конституирования проявлениями доверия и любви.

В повести заслуги Живого марсиане определяют не в терминологии научно-технических достижений, а на языке эмоций – они помнят и чтят его, потому что само появление Живого узаконило проявления открытости и дружелюбия. Именно присутствие на Марсе «пришельца из космоса», существа из незнакомого мира – Другого, стало импульсом к рефлексии природы контакта, идеологически не мотивированному выражению солидарности, другими словами, к диверсификации возможных моделей поведения и самовыражения (это подтверждает курьезный эпизод диспута о «жививках», симпатизантах Живого в молодежной среде, пародирующий риторику дискуссий о «стилягах», моде, ценностях поколений «отцов и детей», праве на самовыражение). Квинтэссенцией лирико-идеологического посыла повести является эпитафия Живому: «Он был веселый, грустный и лохматый, / Гонец Венеры или сын Земли, / Он был во много раз сложнее, чем атом, / Всех тайн его постичь мы не смогли. / Он был сложнее и гораздо проще, / Доверчивый живой метеорит. / Мы в честь него назвали эту площадь. / Он был Живой. Здесь прах его зарыт» [20. С. 220]. Суммировавшая главные мотивы «оттепельной» лирики (непостижимость личности, ее неисчерпаемость, «сложность», скрывающаяся под «простотой») – от Е. Евтушенко до В. Солоухина – и расширившая их «гуманистическое» звучание с человека на любое живое существо, эта эпитафия становится выразительной иллюстрацией дискурсивных трансформаций, в истории отечественной литературы традиционно именовавшихся «“оттепельной” реабилитацией личности», или, другими словами, процессов

формирования новой не-мобилизационной этики и свободных от жесткого идеологического регламентирования способов публичного самопроявления.

Заключение

Для культуры рубежа 1950–1960-х гг. собаки-космонавты стали идеальным «связующим объектом» (*boundary object*) [3. Р. 154], соединившим публичное и приватное, научную лабораторию, «большую политику» и массовую культуру, наконец, обжитое земное и неизведанное космическое пространства [Ibidem]. Впрочем, как мы видели, Разговорова интересовали не научно-технологические инструменты преодоления расстояний между разными мирами, а эмоционально-этические. И если научная фантастика, как правило, «эссенциализир[овала] культурные дистанции» [26], то идеалистически настроенный автор «Четырех чetyроков» явно стремился обнаружить фиктивность дистанций и границ, полагая возможным, как заметил по другому поводу Х. Аланиз, растворить «межвидовые барьеры... через эмпатию» [18. Р. 53].

О. Тимофеева, апеллируя к идее «антропологической машины» Дж. Агамбена, отмечает, что «граница между человеком и “животным” другим» устанавливается и постоянно переопределяется в «игре внутреннего и внешнего, включения и исключения» [27. С. 23], т.е. во взаимодействии двух типов дискурса, конструирующих «человеческое» и «животное»: исключения, исходящего «из идеи этического и онтологического превосходства человека, который радикально выделен из животного мира», и включения, опирающегося «на идею некой общности всех видов, допускающей возможность коммуникации и взаимодействия» [Там же. С. 22]. Если спроецировать это наблюдение на период «оттепели», то на дискурсивном уровне, на уровне социальных и культурных практик нетрудно будет заметить наличие разнообразных «знаков» включения, сдвигающих границы между «человеческим» и «животным», иначе – в сравнении с предшествующей эпохой – очерчивающих зону общности между ними. В «оттепелной» культуре, к примеру, реабилитируется идея животного-компаньона, коммуникация с которым самоценна и не зависит от идеологических доводов или соображений пользы [10. Р. 78]. В крупных городах начиная со второй половины 1950-х гг. возникают секции защиты животных, необходимость в которых их активисты обосновывают, среди прочего, обострившимся во время и после войны восприятием страдания, даже если под этим подразумевается страдание животного. В этот период поднимается вопрос об ответственности государства перед животными, использованными для служебных и общественных нужд (хотя за этим легко различим вопрос о его ответственности перед гражданином). Так, в повести И. Меттера «Мухтар» (первоначальное название «Мурат», 1960) и снятом на ее основе фильме «Ко мне, Мухтар» (реж. С. Туманов, 1964) забота со стороны государственных структур о «заслуженном псе» интер-

претируется комиссаром как условие того, что о долге перед «заслуженным человеком» теперь тоже не забудут.

Экологические и зоозащитные инициативы этого времени некоторыми их сторонниками рассматриваются как одна из культурных форм нового, более либерального политического курса, допускающего, во-первых, расширение состава участников начатых в обществе преобразований; во-вторых, отказ от методов репрессивной социальной гигиены; в-третьих, легитимацию сильных, хотя и плохо рационализируемых сочувствия и привязанности, в том числе к «бесполезным», «опасным» или даже «вредным» существам. В итоге «включение» становится не просто символическим актом, но эмоцией и социальным действием, охватывающими человека и животное. Именно этой логике подчинены рассуждения писателя Б. Рябинина, который симптоматично реабилитирует «горячие» (т.е. выходящие из-под социального контроля) чувства, и собак – существ, не вписывающихся в недавние крайне жесткие гигиенические требования и тем самым опять-таки ускользающих из-под контроля:

Одно из порождений того (сталинского. – А.Р.) времени – казенщина, сухость, бюрократически-формальное мышление, презрение к проявлениям свежего, горячего чувства. Ведь иногда под видом борьбы за коммунистическую мораль насаждаются непродуманные идеи. В Ленинграде, в саду отдыха на Невском, слева от входа долгое время висел плакат «Что мы не возьмем в коммунизм», в нем упоминалась и... собака.

Глупость! <...>

Разумеется, возьмем. И собаку, и кошку, и других четвероногих и пернатых. Всех возьмем! [28. С. 56].

В сходной дискурсивной логике развивался сюжет повести Разговорова, описывавшей желаемый тип социальной коммуникации (в том числе с *animal Other*) как контакт эмоционально открытых, готовых к приятию Другого существ и утверждавшей свободную от жесткой привязки к советской идеологической догматике эмоционально-этическую основу взаимодействия с ним.

Литература

1. *Reconsidering Sputnik: Forty Years since the Soviet Satellite* / eds by R.D. Launius, J.M. Logsdon, R.W. Smith. New York ; London : Routledge, Taylor and Francis Group, 2014. 464 p.
2. *Burgess C., Dubbs C. Animals in Space: From Research Rockets to the Space Shuttle*. New York : Springer-Verlag, 2007. 406 p.
3. *Nelson A. Cold War Celebrity and the Courageous Canine Scout: the Life and Times of Soviet Space Dogs // Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture* / eds by J.T. Andrews, A.A. Siddiqi. University of Pittsburgh Press, 2011. P. 133–155.
4. *Siddiqi A. The Red Rocket's Glare: Spaceflight and the Soviet Imagination, 1857–1957*. Cambridge University Press, 2010. 418 p.
5. *Turkina O. Soviet Space Dogs*. FUEL Publishing, 2014. 240 p.
6. *Плампер Я. История эмоций* / пер. с англ. К. Левинсона. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.

7. *Ritvo H.* The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age. Harvard University Press, 1989. 360 p.

8. *Майофис М.* Советские мейстерзингеры: движение детских хоровых студий в СССР (1958–1980-е) // После Сталина: позднесоветская субъективность / под ред. А. Пинского. СПб., 2018. С. 75–107.

9. *Nelson A.* A Hearth for a Dog: The Paradoxes of Soviet Pet Keeping // *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia* / ed. by L.H. Siegelbaum. Palgrave Macmillan, 2006. P. 123–144.

10. *Byford A., Mondry H.* Love, Service and Sacrifice: Narratives of Dogs and Children in the Soviet 1930s // *Australian Slavonic and East European Studies Journal*. № 29. P. 63–89.

11. *Mondry H.* Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture. *Studies in Slavic Literature and Poetics*. Vol. 59. Leiden : Brill, 2015. XVIII, 433 p.

12. *У четвероногих космонавтов* // Комсомольская правда. 1961. 9 апр. С. 4.

13. *Nelson A.* What the Dogs Did: Animal Agency in the Soviet Manned Space Flight Programme // *BJHS: Themes*. 2017. № 2. P. 79–99.

14. *Айтматов Ч.* Человек у человека учится добру // Гуманизм и современная литература. М., 1963. С. 336–342.

15. *Леонов Л., Рябинин Б.* Все о том же: о человеке, о душе и «козявках» // Наука и жизнь. 1961. № 8. С. 38–39.

16. *Казарновская Г.* Два сердца // Юный натуралист. 1960. № 1. С. 13–15.

17. *Альперович Ю.* Памятник в Колтушах // Юный натуралист. 1966. № 12. С. 4–6.

18. *Alaniz J.* “The Most Famous Dog in History”: Mourning the Animot in Abadzis’ *Laika* // *Seeing Animals: Visuality, Derrida, and the Exposure of the Human* / eds by S. Bezan, J. Tink. Lanham, MD : Lexington Books, 2017. P. 39–64.

19. *Дашкова Т., Степанов Б.* Фантастическое в фильмах Андрея Тарковского *Солярис* и *Сталкер* // Фантастическое кино. Эпизод первый / под ред. Н. Самутиной. М., 2006. С. 311–344.

20. *Разговоров Н.* Четыре чetyрки // Черный столб. М. : Знание, 1963. С. 176–220.

21. Из архива. Рецензия на повесть Н. Разговорова «Четыре чetyрки» // Известные Стругацкие: Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. / сост. С.П. Бондаренко, В.М. Курильский. Киев, 2009. 656 с.

22. *Парин В.* Я признателен академику Ару... // Черный столб. М., 1963. С. 220–221.

23. *Разговоров Н.* Блеск и нищета роботов // Фантастика 1965. М., 1965. Вып. 2. С. 347–357.

24. *Журавлева В.* Марс? Нет, прежде всего – Земля // Знание – сила. 1959. № 12. С. 19.

25. *Schwartz M.* Die Erfindung des Kosmos: zur Sowjetischen Science Fiction und populärwissenschaftlichen Publizistik vom Sputnikflug bis zum Ende der Tauwetterzeit. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2003. 196 s.

26. *Липовецкий М.* Еще раз о комплексе прогрессора // Неприкосновенный запас. 2015. № 1 (99). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/131.html> (дата обращения: 29.11.2018).

27. *Тимофеева О.* История животных. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 208 с.

28. *Рябинин Б.* Человек должен быть добрым. М. : Знание, 1965. 64 с.

People and Dogs, Fantasy and Reality: The “Thaw” Rehabilitation of Emotions in the Short Story “Chetyre Chetyrki” by Nikita Razgovorov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 259–276. DOI: 10.17223/19986645/64/15

Anna I. Razuvalova, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rai-2004@yandex.ru

Keywords: Nikita Razgovorov, science fiction, space dogs, emotions, human-animal relationship, Thaw.

In the present article, a narrative of space dogs is discussed in terms of shaping the new non-mobilization ethics during the Thaw period. The author focuses on Nikita Razgovorov's science fiction story "Chetyre Chetyrki" (1963) inspired by both vibrant public debates of the late 1950s and early 1960s and by the Soviet animal space flight programme (an arrival of a dog to Mars is a key event of this story). In "Chetyre Chetyrki", a dog, which was usually associated with the discourse of emotions/senses in different national traditions, turns out to be an indicator of the emotional state of Soviet society and its (in)sensibility to the Other. Unlike literary works on canine cosmonauts that often ignored painful moral problems of animal experimentation or adapted them to norms of anthropocentric rhetoric, "Chetyre Chetyrki" was an attempt to interpret emotional and, implicitly, ethical dimensions of the space dog flights. In a sense, Razgovorov's story tried to challenge the mobilization message of the Soviet project and reveal new—in relation to the Stalin era—principles of social communication. The author of the article treats "Chetyre Chetyrki" as a kind of quasi-science fiction: this implies that Razgovorov uses science-fiction clichés (first of all, an encounter with aliens and the first contact with them) in order to discuss topics relevant for the Khrushchev Thaw. Therefore, the story's plot is organized around issues important for the cultural identity of the Soviet people over the late 1950s and early 1960s. These are harmonization of the "rational" and the "emotional" for the successful movement towards communism (Razgovorov, for instance, refers to the physicists–lyricists debate (1959) and examines limitations of the strict scientific method), assimilation of new self-presentation strategies and appropriate emotional standards, and, finally, an intention to view another being as a subject with unique experience. However, Razgovorov is most interested in the emotional nature of contact, including interspecific contact. Any communication, according to the writer, is based on empathy, as well as on spontaneous, free from ideological constraints, solidarity with the Other. As a result, Razgovorov refuses to describe the space dog travel in terms of scientific and technological achievements and gives a new meaning to the four-legged cosmonaut's "heroic deed". From his point of view, the dog named the Living is primarily a message of love from Earth to Mars, so the dog's contribution to the development of the extraterrestrial civilization should be explained in the language of empathy and affinity. Having described the set of Razgovorov's story key motifs, the author of the article assumes that the Thaw, its cultural and social practices, particularly concerning human-animal relations, can be characterized through the "discourse of inclusion" that is established on an idea of affinity of humans and animals and criticizes the repressive social hygiene of the Stalin era.

References

1. Launius, R.D., Logsdon, J.M. & Smith, R.W. (eds) (2014) *Reconsidering Sputnik: Forty Years since the Soviet Satellite*. New York; London: Routledge, Taylor and Francis Group.
2. Burgess, C. & Dubbs, C. (2007) *Animals in Space: From Research Rockets to the Space Shuttle*. New York: Springer-Verlag.
3. Nelson, A. (2011) Cold War Celebrity and the Courageous Canine Scout: the Life and Times of Soviet Space Dogs. In: Andrews, J.T. & Siddiqi, A.A. (eds) *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture*. University of Pittsburgh Press. pp. 133–155.
4. Siddiqi, A. (2010) *The Red Rocket's Glare: Spaceflight and the Soviet Imagination, 1857–1957*. Cambridge University Press.
5. Turkina, O. (2014) *Soviet Space Dogs*. FUEL Publishing.
6. Plamper, J. (2018) *Istoriya emotsiy* [The History of Emotions]. Translated from English by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Ritvo, H. (1989) *The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age*. Harvard University Press.
8. Mayofis, M. (2018) Sovetskie meysterzinyery: dvizhenie detskikh khorovykh studiy v SSSR (1958–1980-e) [Soviet Mastersingers: The Movement of Children's Choir Studios in the USSR (1958–1980s)]. In: Pinskiy, A. (ed.) *Posle Stalina: pozdnesovetskaya*

sub''ektivnost' [After Stalin: Late Soviet Subjectivity]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 75–107.

9. Nelson, A. (2006) A Hearth for a Dog: The Paradoxes of Soviet Pet Keeping. In: Siegelbaum, L.H. (ed.) *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. Palgrave Macmillan. pp. 123–144.

10. Byford, A. & Mondry, H. Love, Service and Sacrifice: Narratives of Dogs and Children in the Soviet 1930s. *Australian Slavonic and East European Studies Journal*. 29. pp. 63–89.

11. Mondry, H. (2015) Political Animals: Representing Dogs in Modern Russian Culture. *Studies in Slavic Literature and Poetics*. 59. Leiden: Brill.

12. *Komsomol'skaya pravda*. (1961) U chetveronogikh kosmonavtov [At the Four-Legged Astronauts]. 9 April. p. 4.

13. Nelson, A. (2017) What the Dogs Did: Animal Agency in the Soviet Manned Space Flight Programme. *BJHS: Themes*. 2. pp. 79–99.

14. Aytmatov, Ch. (1963) Chelovek u cheloveka uchitsya dobro [Man Learns Good From Man]. In: *Gumanizm i sovremennaya literatura* [Humanism and Modern Literature]. Moscow: USSR AS. pp. 336–342.

15. Leonov, L. & Ryabinin, B. (1961) Vse o tom zhe: o cheloveke, o dushe i "kozyavkakh" [All About the Same: About Man, About the Soul and "Boogers"]. *Nauka i zhizn'*. 8. pp. 38–39.

16. Kazarnovskaya, G. (1960) Dva serdtsa [Two Hearts]. *Yunny naturalist*. 1. pp. 13–15.

17. Al'perovich, Yu. (1966) Pamyatnik v Koltushakh [Monument in Koltushi]. *Yunny naturalist*. 12. pp. 4–6.

18. Alaniz, J. (2017) "The Most Famous Dog in History": Mourning the Animot in Abadzis' Laika. In: Bezan, S. & Tink, J. (eds) *Seeing Animals: Visuality, Derrida, and the Exposure of the Human*. Lanham, MD: Lexington Books. pp. 39–64.

19. Dashkova, T. & Stepanov, B. (2006) Fantasticheskoe v fil'makh Andrey Tarkovskogo Solyaris i Stalker [Science Fiction in Andrei Tarkovsky's Films Solaris and Stalker]. In: Samutina, N. (ed.) *Fantasticheskoe kino. Epizod pervyy* [Science Fiction Films. Episode One]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 311–344.

20. Razgovorov, N. (1963) Chetyre Chetyrki. In: Andreev, K. (ed.) *Chernyy stolb* [Black Pillar]. Moscow: Znanie. pp. 176–220.

21. Bondarenko, S.P. & Kuril'skiy, V.M. (2009) Iz arkhiva. Retsenziya na povest' N. Razgovorova "Chetyre chetyrki" [From the Archive. Review of the Novel by N. Razgovorov "Chetyre Chetyrki"]. In: *Neizvestnye Strugatskie. Pis'ma. Rabochie dnevniky. 1963–1966 gg.* [The Unknown Strugatsky Brothers. Letters. Work Diaries. 1963–1966]. Kiev: NKP.

22. Parin, V. (1963) Ya priznatelen akademiku Aru... [I Am Grateful to Academician Ar]. In: Andreev, K. (ed.) *Chernyy stolb* [Black Pillar]. Moscow: Znanie. pp. 220–221.

23. Razgovorov, N. (1965) Blesk i nishcheta robotov [Shine and Poverty of Robots]. In: Strugatskiy, A. (ed.) *Fantastika 1965* [Science Fiction 1965]. Vol. 2. Moscow: Molodaya gvardiya. pp. 347–357.

24. Zhuravleva, V. (1959) Mars? Net, prezhe vsego – Zemlya [Mars? No, First of All, the Earth]. *Znanie – sila*. 12. p. 19.

25. Schwartz, M. (2003) *Die Erfindung des Kosmos: zur Sowjetischen Science Fiction und populaerwissenschaftlichen Publizistik vom Sputnikflug bis zum Ende der Tauwetterzeit*. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften.

26. Lipovetskiy, M. (2015) Eshche raz o komplekse progressora [Once Again About the Progressor Complex]. *Neprikosnovennyy zapas*. 1 (99). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/99/131.html>. (Accessed: 29.11.2018).

27. Timofeeva, O. (2017) *Istoriya zhivotnykh* [History of Animals]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

28. Ryabinin, B. (1965) *Chelovek dolzhen byt' dobrym* [Man Must Be Kind]. Moscow: Znanie.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 316.28

DOI: 10.17223/19986645/64/16

А.В. Вырковский¹

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ БАЗОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МЕДИАИНДУСТРИИ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ²

Исследуются различия в понимании теоретических основ дисциплин, изучающих медиа, у представителей академической науки и практиков медиаиндустрии. На базе ряда полуструктурированных интервью автор делает вывод о практически полном отсутствии дрейфа академического знания в сфере медиа в область индустриального применения. Также можно говорить об отсутствии конвенционального понимания ключевого концепта данных дисциплин – «медиа», особенно ярко проявляющемся у представителей индустрии.

Ключевые слова: медиа, теория, концепт, наука, индустрия, различия, приращение.

Введение

Создание любой фундаментальной теории невозможно без построения адекватных взаимоотношений практики с умозраительными положениями. При этом в долгосрочной перспективе не имеет значения, верифицируются ли эмпирическим материалом теоретические положения или же, наоборот, из осмысления эмпирики вырастают теоретические обобщения. Важен сам по себе факт связи теории с практикой, позволяющий судить о научном качестве концепций.

Динамика современного медиапространства, очевидно, дает основания говорить о двух разнонаправленных процессах. С одной стороны, появляется значительное количество концепций, которые описывают связанные с цифровизацией изменения, с другой – многообразие абсолютно новых эмпирических феноменов требует теоретического осмысления – хотя бы для построения системы качественного прогнозирования [1, 2].

Скорость появления новых медиафеноменов вызывает закономерные затруднения у теоретиков, обязанных объяснить едва проявившиеся тен-

¹ В проведении исследования и подготовке статьи участвовали Е.Л. Варганова, М.Е. Аникина, М.И. Макеенко, С.С. Смирнов, А.Н. Гуреева, Д.В. Дунас.

² Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01408).

денции, – и это делает вопрос о связи теории с практикой еще более прагматичным и, следовательно, актуальным. Так, конвенциональное понимание терминов, фиксирующих окружающую реальность, критически важно для разработки и применения адекватной медиаполитики [3, 4].

Данная работа выполнена в рамках крупного исследовательского проекта, направленного на разработку фундаментальных основ отечественной теории медиа. Современный масштаб дигитализации продемонстрировал заметную эрозию многих концептуальных построений, сделанных в доцифровую эпоху развития медиа, и, соответственно, актуализировал необходимость качественного обновления понятийного и методологического аппарата. В этих целях участниками проекта комплексно исследовался корпус работ по теории и практике медиа, созданный российскими и зарубежными учеными, а также выявлялись наиболее перспективные направления дальнейших теоретических изысканий в этой области.

Очевидная интенсификация исследований (в том числе и отечественных) медиа в настоящее время связана как раз с усложнением исследовательского поля: появлением феноменов, которые старые концепции / теории не объясняют либо объясняют плохо [5]. Одним из эффектов данной интенсификации стало появление заметного количества метаисследований, фиксирующих позиции научной общественности и вырабатываемые ею научные концепции / положения относительно окружающей реальности [6, 7].

Тем не менее сама по себе активизация научных исследований научного же дискурса не приводит и не может автоматически привести к финальному гуманитарному результату – оптимизации процессов, протекающих в реальности, и улучшению этой реальности. Рано или поздно становится необходимым трансфер академического знания (пусть и с соответствующей адаптацией) на уровень практического применения.

Выявление данного трансфера в сфере гуманитарных наук не самая тривиальная задача, что объясняется априорным отсутствием прагматической составляющей в большинстве научных работ на гуманитарные темы. И в данном случае оптимальным способом выявления этого трансфера и его свойств является определение расхождений между пониманием ключевых феноменов реальности у представителей академической науки и индустрии. Отсутствие конвенции означает и отсутствие трансфера научного знания в индустрию.

Наиболее простой и эффективный способ определения расхождений во мнениях – анализ ключевого профессионального тезауруса, который, по сути, определяет структуру и суть научной дисциплины / индустриальной сферы [8]. Однако требовать от «практиков» выработки операционализируемой дефиниции, очевидно, невозможно. Потому данная работа направлена, прежде всего, на выявление различий в понимании и использовании представителями академической науки и индустрии ключевого концепта – «медиа» (в этой статье мы понимаем концепт как базовую ментальную единицу, имеющую четко идентифицируемый смысл и структурирующую знания о мире). Изучение того, в каких контекстах применяется этот концепт,

выявление границ его использования позволит сделать вывод о совпадении / несовпадении позиций науки / индустрии. При этом, как показал опыт, данное определение хорошо операционализируется и пригодно как для количественных, так и для качественных исследований [7].

Выявить расхождения между теорией и практикой можно также с помощью изучения представлений ученых и профессионалов медиаиндустрии о потенциальных направлениях исследований: феноменах реальности, требующих научного осмысления и освоения. По сути дела, именно в этой области формируется индустриальный запрос на научное знание, которое может производиться академией.

Достаточно грубым способом поиска расхождений между теорией и практикой может быть изучение применяемых в профессиональной деятельности теоретиками и практиками медиа формализованных концепций, а также выявление имен их авторов. Очевидно, что требовать от профессионалов индустрии точного знания наименований концептуальных подходов и их создателей вряд ли возможно, но некоторые выводы на основании такого сравнительного анализа могут быть сделаны.

Таким образом, базовым исследовательским вопросом данной статьи стало выявление специфики понимания концепта «медиа», границ его применения и перспектив дальнейшего использования при освоении эмпирических феноменов у представителей академической среды и практиков медиаиндустрии. Также авторы статьи пытались решить и более широкую задачу: в целом выявить область пересечения спектра теоретических концепций, применяемых профессионалами медиа и теоретиками.

Методология

В дискурсе науки о медиа / журналистике / медиапредприятиях существует сравнительно небольшое количество работ, актуализирующих и анализирующих данную проблематику [9, 10], в отечественной же практике их почти нет. Потому нет и сложившейся традиции такого рода исследований.

Классический количественный метаанализ, позволивший получить весьма любопытные научные результаты в отношении академических исследований [6, 11], в данном случае, к сожалению, неприменим: представители индустрии не производят достаточного количества пригодных для анализа текстов, содержащих искомый дискурс.

Потому в качестве базового исследовательского инструмента было выбрано полуструктурированное интервью, применение которого доказало валидность на первом этапе исследования, посвященном выявлению позиции академического сообщества относительно ключевых направлений развития теории медиа [12]. Эта статья дополняет некоторые выводы, полученные авторами упомянутого исследования за счет использования нового, качественно иного эмпирического материала.

Для подготовки данной статьи осенью 2017 г. было взято 14 интервью у представителей различных вузов, занимающихся исследованиями проблем журналистики, массовой коммуникации, медиа. Дополнительно к этому авторы данного материала весной–летом 2018 г. проинтервьюировали 7 представителей разнообразных компаний и структур, занимающихся индустриальными исследованиями (в том числе аудитории, медиакомпаний, журналистского сообщества и т.п.). С точки зрения авторов данного материала, именно исследователи являются «мостом» между теорией и практикой, что позволяет четко выявить направления дрейфа теоретических концепций. В то же время область использования академической терминологии и концептов в «классических» медиакомпаниях значительно сужена и сильно зависит от операциональной специфики конкретной медиакомпания, что – с учетом применяемой качественной исследовательской методики – не позволит сделать надлежащих обобщений.

Данные интервью были расшифрованы, далее в них были выделены элементы, относящиеся к концептуальной составляющей термина медиа, а также в целом к области используемых теоретических подходов. После этого полученные результаты были подвергнуты сравнению. Мы также должны сделать оговорку, что часть положений, относящихся к области академических представлений о медиа, были уже представлены в более ранней работе, выполненной авторами в рамках одного комплексного проекта [12].

Результаты

Понимание концепта «медиа» и его границ. Несмотря на «раздробленность» относящегося к концепту медиа понятийного поля, используемого представителями отечественной науки [Там же], все же можно выделить некоторые общие представления о нем, разделяемые большинством представителей академической сферы (код – А).

Так, при описании концепта медиа часто используется категория «посредника» понимаемого как промежуточное звено между источником информации и ее реципиентом.

Медиа – особый тип посредника в коммуникации, задача которого сохранять содержание и репродуцировать его (А01).

(Медиа) ... это любой социальный субъект, который стоит между миром аудитории, испытывающим потребности в ориентации в окружающем мире, и миром событий, при этом между ними, между миром субъектов и миром событий отсутствует прямая связь. Вот это медиа (А02).

При этом респондентами часто подчеркивается потенциал медиа как «носителя», «передатчика» информации, что актуализирует техническое измерение феномена.

Медиа – носитель, передатчик различного рода информации, встроенный в коммуникационную цепочку. С одной стороны адресат и с другой

стороны адресант. Медиа – это то, что позволяет им взаимодействовать, то, что несет определенный такой информационный потенциал и выполняет коммуникативные функции (A06).

Медиа – это технические посредники. Есть коммуникация face-to-face, то есть непосредственная, есть коммуникация посредническая. Медиа – это посредники, все, что стоит между человеком и чем-то иным, чаще всего, другим человеком. В этой связи, мне кажется, это посредник общественных отношений (A07).

(Объект теории медиа) – это все, что способствует контакту человека с другими людьми, между собой и т.д. ... История медиа – это история контактирования людей посредством разных технических средств. Сегодня это и кино, и наружная реклама, и игры (A12).

В некоторых ответах зафиксировано понимание медиа как средства коммуникации.

Основной объект (теории медиа) – это, как мне кажется, взаимодействие. Что такое коммуникация? Это когда мы взаимодействуем с другими людьми посредством чего-то. И в данном случае процесс того, как мы взаимодействуем, – это коммуникация, какая бы она ни была. Хотим ли мы поговорить или подражаться – это коммуникация. Хотим ли мы еще что-то сделать – все равно все сводится к коммуникации (A04).

Медиа – способ воплощения коммуникации (A05).

Привлеку в помощь Маклюэна. Медиа – это огромное количество средств коммуникации. Это и деньги, и стадион, и транспорт. Это очень широкое понятие, и сложное (A11).

Впрочем, очевидно, что большая часть респондентов предлагают «смешанное» понимание концепта медиа, что, вероятно, говорит о его пока недостаточном осмыслении (или даже о невозможности такого осмысления).

В то же самое время представители индустриальной исследовательской среды (код – И) в большинстве случаев вообще не смогли дать четкого понимания медиа как феномена, ограничившись констатацией своей индустриальной практики. Те же редкие ответы, которые можно было структурировать, в основном сводились к интерпретации медиа как коммуникационного феномена.

Для меня медиа ограничивается каналами коммуникации, получения сообщения. Поэтому мы спрашиваем (людей. – Авт.) и про каналы какие-то и в целом, откуда вы получаете информацию: телевидение, интернет, социальные сети, друзья (И03).

Некоторые респонденты сужают концепт медиа до понятий платформы / средства массовой информации, которые распространяют информацию (очевидно, это связано опять-таки с индустриальной абберрацией, приводящей к «технологизации» концепта).

У меня расширенное представление (о медиа. – А.В.). Я считаю, что, если площадка публикует какие-то реальные новости, если это не фейк, если эту площадку посещает значительное для регионов количество людей, то мы должны считать это медиа и задумываться над его регулиро-

ванием. То же самое можно сказать про блог на любой площадке. Если люди ссылаются на это, делятся этим, то они воспринимают это как некий источник новостей. Если это сайт приколов в стиле MDK, который пытается в развлекательном характере освещать текущую повестку, то это тоже медиа (И04).

Для меня это вещи, в которых я не до конца понимаю, в чем их сложность. Если паблик ведет себя как медиа, «крякает» как медиа, и «прыгает» как медиа, то он медиа (И05).

Существуют и иные «суженные» интерпретации концепта медиа, сводящие его, например, к понятию контента и способов его распространения.

Медиа – это все форматы, которые работают на создание и продвижение информации. Именно информационная деятельность, контент – кредо в понимании медиаиндустрии. Медиаиндустрия рождает контент, она его продвигает во всех возможных направлениях, обеспечивает его эффективность. Медиа без контента не существует... Теория медиа изучает среду, которая создает и продвигает контент, и ее специфику (И06).

Некоторые практики осознают «двойственность» бытования концепта медиа, одновременно признавая его универсальность и в то же время используя его в работе в суженном понимании – как аналог «площадки» или «средства массовой информации».

С чем я сталкиваюсь все время – это со столкновением узкого и широкого понимания медиа, с экспансией понятия медиа. Медиа – очень экспансивное понятие. Медиа – это все. Ваш шарф – это медиа (он что-то сообщает о вас), стол – это медиа, все – это медиа. Мне этот подход не кажется продуктивным, мне кажется самой интересной работа с медиаматериальностью. Это стык антропологии, социологии, science technology studies, который не просто позволяет говорить про медиа с учетом широких интерпретативных контекстов... а разбирает очень конкретные ситуации: где медиа находятся, какую роль выполняют, какими материальными факторами это обусловлено. То есть такая вещьность. Типа – в какой ситуации провод оказывается медиа, частью медиа... Плюс есть старое понятие такое: медиа как СМИ (И05).

В целом представителям медиаиндустрии свойственно амбивалентное понимание медиа, которое маскирует отсутствие концептуальной ясности и позволяет использовать концепт в самых различных контекстах, часто предполагающих противоположные толкования. В ряде случаев респонденты сознательно применяют крайне расплывчатые формулировки, позволяющие понимать под медиа все что угодно.

Мне нравится философский взгляд на медиа, более широкий. То, что школа медиаэкологии продвигает, например. Мне очень понравилось сравнение Постмана с чашкой Петри. Он говорит, что в чашке Петри медиум – это среда, в которой развивается культура. Медиум – вообще это и есть среда. А если слово «среда» заменить на слово «технологии», то медиа – это технология, в которой растет культура. Бульон такой... Разный бульон дает разные скорости роста и распространения...

...Все быстро очень меняется. Наши медиа прежде всего структурируются по технологии. Бумага, эфир, сеть – по носителям. И долгое время концентрация внимания была именно на разных носителях. Не на информации, а на форме, от которой зависели ожидания информации. Это была сложившаяся система агрегирования контента. А сейчас она рушится (И07).

Эмпирические перспективы. Конкретизировать зачастую расплывчатое понимание той или иной концептуальной системы может помочь описание эмпирических феноменов, которые могут / должны быть изучены в ее рамках. Потому в рамках данного исследования авторы интересовались у респондентов, какие тенденции / феномены требуют концептуального осмысления.

У большего числа представителей академической среды выявляется интерес к феноменологии новых медиа и разнообразным аудиторным эффектам, возникающим в результате их развития.

Мало сейчас осмыслено то, как технология влияет на человека, на социальность, как это влияет на политику, на культуру. Та же самая организация людей в технологической среде – это политическая проблема. Участие граждан в процессах контроля – политическая проблема, и социальная тоже (А01).

На мой взгляд, сейчас зарубежные исследователи медиа начали вплотную подступать к истории медиаэффектов новых медиа (А04).

Все, что касается новых медиа, – это очень важно, но это необходимо развивать не в ущерб содержанию (А13).

Все, что связано с Web 3.0. Это та ситуация, когда web становится электричеством, чем-то напоминающим электричество. То есть он везде, он всегда, он обязательный. Принудительность, повсеместность. Разрыв между пользователем и собственно средством. Уже говорили, что мы ничего не знаем как теоретики о Ютьюбе, ничего не знаем о мессенджерах – как это работает и почему это работает, и та ли это коммуникация, которую мы привыкли описывать с помощью нашего языка. Это все, что начинается с приставки кибер-. В обозримом будущем – все, что имеет отношение к искусственному интеллекту и его влиянию, проникновению в медианпространство. Теория явно не готова. Пройдет немного лет и мы окажемся в другом мире (А06).

Тем не менее очевидна и дискретность потенциального исследовательского поля, обусловленная, прежде всего, персональными научными интересами респондентов.

Никакой системной попытки объяснить, почему в обществе наблюдается такое согласие по поводу того, что у этого же общества вызывает сомнение, никто не предпринял. Почему у нас население в общем политически пассивно и активистски пассивно? Подогревают ли массмедиа у нас активизм в стране? В моем понимании, не до конца осмыслен феномен контроля онлайн-среды (А05).

Экономику изучаем, конечно, но вопросы экономической устойчивости СМИ в современных условиях недоизучены. Здесь еще пахать и пахать.

Важный вопрос – как поставить защиту от фейковой информации и постправды (A11).

Исследования эмпирические нужны – исследование рыночных влияний на содержание. Это очень тяжело, поскольку у нас, особенно частные организации, не пустят журналиста туда, к себе, чтобы он там ковырялся в экономических документах (A09).

Представители индустриального сообщества при определении потенциального исследовательского поля практически всегда ориентируются на собственные профессиональные интересы, которые, впрочем, часто связаны с медиаэффектами цифровизации.

Мне интересны какие-то новые форматы и как они развиваются. The Bell мне интересен. Как он растет и что, действительно, сделали из ничего. Аудитория растет, количество подписчиков растет. Мне по своему медиапотреблению это интересно. Я, например, на их сайт не хожу. Иногда хожу по ссылкам, но в основном их читаю только в рассылке, ограничиваясь пересказом. И это работает, и, видимо, это не только мне интересно, я так понимаю. Что аудитория растет. И, может я не прав, но казалось бы все медиа есть: и такие, и такие. Вроде бы нужды нет. Но вдруг проект стартует и у него есть шанс выйти на какую-то окупаемость. Вот это мне интересно, как сайты появляются, когда вроде бы уже все есть. Может быть, это кризис других (И03).

Мне кажется, важная тема – это усталость от информации. Когда была работа с радиоточкой, газету получал человек раз в 3 дня, у него не было усталости, у него была нехватка информации. Второй момент, который лично я считаю важным, все, что связано с некой локальной повесткой. На практике наблюдается такой тренд, что количество СМИ, которые пишут локальные новости и которые могут выживать на этом, сокращается. И это не только российский тренд. Их замещают более дешевые площадки для регионов. Еще одна тема, но она не теоретическая совсем, это региональный рынок рекламы в Интернете, в первую очередь медийной. Это очень сильно мешает региональным игрокам переводить полностью свой контент в Интернет (И04).

Суперважная тема – это то, что в английском языке называется audiences and publics. Эта тема вообще для всех важная. Публичность. Очень часто упускают распад публичности в старом смысле... Конечно, мне кажется интересной история про статус высказывания, связанная с публичностью. Что значит сегодня медиавысказывание в смысле политической значимости? (И05).

Слабо изучается аудитория, а если и есть исследования – не веришь ни единому слову. Есть некоторые социологические группы, которым не верю, потому что это заказуха. Объективность исследования аудитории – это дело далекого будущего (И06).

Нет серьезных глубоких работ про жанры. И нет серьезных оснований для жанровых классификаций. Это существенная переменная, которую мы используем и клиенты наши используют – жанрово-категорийная структу-

ра. Классификатор. Когда-то мы на заре нашей юности, запуская телевизионные исследования, создавали его сами. Не было профессионального классификатора вообще. Мы смотрели на западные аналоги, они были несколько сложнее. Но все хотели простоты, и мы сделали классификатор только на два уровня. Насколько он полно отражает на сегодняшний день особенности контента и отношения аудитории к жанрам контента – это вопрос. Всех интересует, какие жанры смотрит аудитория. И поэтому описание контента становится все более важным (ИЮ7).

Ключевые теоретические подходы. Еще одним способом осознать специфику взаимодействия теории и практики является изучение применяемого концептуального фундамента. В первой части настоящего исследования [12] были выявлены две условные группы отечественных ученых, первая из которых ориентируется на научную традицию еще советского происхождения, признающую примат исследований журналистики и опору на филологическую исследовательскую парадигму. В числе ключевых авторов-теоретиков представители данной группы называют имена С.Г. Корконосенко, Е.П. Прохорова, Е.Л. Вартановой, А.А. Тертычного, Л.Е. Кройчика, Л.Г. Свитич, В.Л. Иванецкого [там же].

Круг авторов и теорий, называемых респондентами из второй группы, признающей необходимость расширения сферы исследовательского интереса, «выхода» за пределы журналистики и публицистики и снижения доли «филологического» компонента в исследованиях, в основном базируется на наследии западных научных школ. В числе наиболее часто называемых авторов – Ю. Хабермас, М. Кастельс, Г. Лассуэл, П. Манчини, Д. Халлен, Б. Латур, У. Липпман, Г. Иннис, Г. Маклюэн, Н. Луман, Л. Маккуэйл.

Как можно видеть по количеству имен, набор концепций, подходов и школ, так или иначе применяемых в отечественном научном дискурсе, достаточно широк и разнообразен.

В то же время представители медиаиндустрии практически не знают и не применяют в работе никакие теоретические концепции – соответственно, незнаком им и круг их создателей. Большая часть концептуальных отсылок относится к инструментальным квазитеориям, представляющим собой де-факто маркетинговый продукт.

В практической жизни мы теориями никак не пользуемся. Вообще я в первый раз узнала, что существуют концепции, даже научные теории развития медиа. Мы постоянно решаем практические задачи, которые существуют на рынке. Если мы говорим о том, используют ли разные игроки те или иные теоретические установки, то безусловно да, только одно маленькое «но»: подавляющее большинство компаний, которые работают на рынке исследования аудиторий, больше анализирует и использует технологический подход. Подавляющее большинство не отдадут себе отчет, что это на самом деле является теорией того-то, а это теория того-то. Потому что это нечто ежедневное, рутинное, так делали и это давало результат. Если я и привязывался к каким-то местам, то это бы-

ли какие-то совершенно фундаментальные вещи, например исследования Якова о правилах построения выборок (И02).

Мы более ремесленные, то есть мы не задумываемся о том, соответствует ли то, что мы делаем какой-то теории общепринятой, почему так происходит, потому что мы все в целом в практической журналистике работаем. Эксперты, которые с нами работают, работают сугубо практически, это как бы недотеории... Что нас больше всего интересует – это различные медиасферы, как межстрановые, так и внутривосточные, но в основном межстрановые (И04).

Теория медиа для меня это, наверное, что-то вроде Лумана или Маклюэна, людей, которые какие-то макроштуки придумывают на эту тему. Но у меня в моих исследованиях нет нужды к ним обращаться, потому что для меня медиа никогда не является ключевым, в смысле теоретически я его не проблематизирую. Я обращаюсь к теоретикам среднего уровня и даже микроуровня (И05).

Прежде всего, это концепция «360 градусов», которая связана с продвижением контента на рынке и нахождением своего потребителя... Что касается подходов к современной жизни прессы в цифровую эпоху, то здесь появились теоретические труды о скорой смерти печатных СМИ. Были публикации, где указывалась точная дата и время выхода последнего появления на свет печатной газеты. Даже автор есть у этой теории (И06).

Любопытен тот факт, что если профессионалы и называют конкретные имена авторов-теоретиков, то чаще всего сразу делают оговорку, что в жизни их положения не применяют.

Маклюэн я даже читал. Может, когда-то это было для людей открывением в 70–80-е гг., но, конечно, сейчас, если пойдешь и расскажешь про message, на тебя посмотрят: зачем ты это сказал? Да, мы знаем, у нас это есть. Мы с коллегами никогда не обсуждаем теорию (И04).

В части методов и технологий измерения аудиторий – я не вижу пользы от наших взаимодействий. Это наше, но не ваше. Я знаю про исследования Грушина. Но скажу честно – на мой взгляд, те же грушинские эксперименты в Таганроге и Ленинграде никакого отношения к тому, что мы сейчас делаем, не имеют. Не вижу связи вообще. Фамилию Маклюэн слышал, конечно. Но в чем заключается его концепция, не сформулирую. Что-то про моральность и аморальность медиа помню. Не пригодились (И07).

Выводы и дискуссия

Приведенные выше результаты демонстрируют практически полное отсутствие дрейфа научных достижений в области изучения медиа в индустрию: профессионалы отрасли иногда демонстративно уверяют, что концептуальные положения в их работе бесполезны. Знание классических научных теорий и их авторов практиками не выявлено.

Академическое сообщество в настоящее время более монолитно в описании перспектив дальнейших эмпирических исследований на базе существующих или новых теорий – индустриальные интересы, как правило, детерминируются профессиональными и личными предпочтениями.

Отсутствие конвенции у представителей академической среды относительно ключевых концептов и терминов в соответствующей научной области, отмеченное в более ранних трудах исследования [12], еще более заметно у представителей индустриального сообщества: так, респонденты трактуют базовый концепт «медиа» исключительно индивидуально-волюнтаристски, а иногда и вовсе отказываются от определения его границ.

Все это говорит, прежде всего, о наличии большого числа проблемных зон во взаимодействии теории и практики в медиасреде – очевидно, необходимо принимать ряд усилий, во-первых, для организации трансфера достижений науки в индустриальную практику и, во-вторых, для достижения конвенционального понимания ряда ключевых для отрасли концептов, что позволит как оптимизировать действия по реализации адекватной медиаполитики, так и интенсифицировать усилия профессиональной среды по построению транспарентной, эффективной и логичной медиасистемы.

Литература

1. Вартанова Е.Л. Медиа в контексте общественных трансформаций: к постановке проблемы // Медиа альманах. 2018. № 1 (84). С. 8–13.
2. Вартанова Е.Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 2. С. 186–196.
3. Вартанова Е.Л. Медиаполитика: актуальный академический дискурс // Медиа альманах. 2019. № 1 (90). С. 8–19.
4. Киуру К.В., Кривоновосов А.Д. Трансформации медиасреды как объект исследования теории массовых коммуникаций // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7, № 4. С. 711–723. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).711-723.
5. Дмитриевский А.Л. Теории журналистики: почему они «не работают»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям) // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 1. С. 36–56. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(1).36-56.
6. Заидуллина М.В. Журналистика в эпоху панмедиагизации: обзор исследовательских мнений // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 3. С. 604–616.
7. Вырковский А.В., Смирнов С.С. Отечественный научный медиадискурс: структура, особенности, ключевые концепты // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 5. С. 27–47.
8. Прохоров Е.П. Терминологический аппарат – понятийно-смысловой скелет науки. Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. № 1. С. 27–38.
9. Küng L. Why media managers are not interested in media management – And what we could do about it // International Journal on Media Management. 2010. № 12:1. P. 55–57.
10. Küng L. Does media management matter? Establishing the scope, rationale, and future research agenda for the discipline // Journal of Media Business Studies. 2007. № 4:1. P. 21–39.
11. Макеенко М.И. Развитие теорий медиа в российских научных журналах в 2010-е гг.: результаты первого этапа исследований // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 6. С. 3–31.

12. Вартанова Е.Л., Аникина М.Е., Вырковский А.В. и др. От теории журналистики к теории медиа: Динамика медиаисследований в современной России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 208 с.

Differences in the Understanding and Use of Basic Theoretical Concepts in Representatives of the Media Industry and the Academia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 277–289. DOI: 10.17223/19986645/64/16

Andrei V. Vyrkovsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: a.v.vyrkovsky@gmail.com

Keywords: media, theory, concept, science, industry, differences, utilization.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 17-18-01408.

The aim of this article is to investigate how quickly and fully the modern theoretical achievements of Russian media science are being transferred in the field of industrial application. In particular, the author studies the differences in the understanding and use of the key concept “media” by representatives of academia and industry. The identification of the contexts in which this concept is applied and the determination of the boundaries of its use allow concluding that the positions of academia/industry coincide/do not coincide. The author also explores the ideas of scholars and media industry professionals about the potential areas of research: the phenomena of reality that require scientific understanding and development. Along with this, the article makes an attempt to identify formalized concepts used by professional theorists and practitioners of media and to determine the area of their intersection. The research method was semi-structured interviews with Russian scholars, media researchers, and representatives of the media industry. The interview data were structured thematically in accordance with the above research fields. The interview materials were transcribed and clustered as well. During the study, in 2017–2018, 14 interviews were conducted with representatives of various universities involved in the study of journalism, mass communication, media, as well as 7 interviews with representatives of various companies and structures involved in industrial research (audience, media companies, the journalistic community, etc.). The author comes to the conclusion about the almost complete absence of a drift of scientific achievements in the field of studying media into the industry. Practitioners have not shown knowledge of classical scientific theories and their authors. Along with this, the academic community is currently quite monolithic in describing the prospects for further empirical research based on existing or new theories. Industrial interests are usually determined by the professional and personal preferences of the respondents. The author notes the lack of convention among representatives of the academic environment regarding the key scientific concept “media”. At the same time, this phenomenon is even more obvious among representatives of the industrial community: respondents interpret the basic concept of media exclusively individually and sometimes completely refuse to determine its boundaries. All this indicates a large number of problem fields in the interaction of theory and practice in the media environment.

References

1. Vartanova, E.L. (2018) Media in the Context of Social Transformations: to the Problem Statement. *Media al'manakh – MediaAlmanah.* 1 (84). pp. 8–13. (In Russian).
2. Vartanova, E.L. (2018) Changing Russian Media Industry: Theoretical Approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature.* 15 (2). pp. 186–196. (In Russian).
3. Vartanova, E.L. (2019) Media Policy: Current Academic Discourse. *Media al'manakh – MediaAlmanah.* 1 (90). pp. 8–19. (In Russian).

4. Kiuru, K.V. & Krivonosov, A.D. (2018) Media Environment Transformations as an Object of Study of the Theory of Mass Communications. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 7 (4). pp. 711–723. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).711-723.
5. Dmitrovskiy, A.L. (2019) Journalism Theories: Why They Do Not Work? *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 8 (1). pp. 36–56. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(1).36-56.
6. Zagidullina, M.V. (2017) Journalism in the era of panmedia outreach: Systematic literature review. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*. 159 (3). pp. 604–616. (In Russian).
7. Vyrkovskiy, A.V. & Smirnov, S.S. (2018) Russian Scientific Media Discourse: Structure, Features and Key Concepts. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 27–47. (In Russian).
8. Prokhorov, E.P. (2012) Terminological Thesaurus: Conceptual Notional Skeleton of Science. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 27–38. (In Russian).
9. Küng, L. (2010) Why media managers are not interested in media management – And what we could do about it. *International Journal on Media Management*. 12:1. pp. 55–57.
10. Küng, L. (2007) Does media management matter? Establishing the scope, rationale, and future research agenda for the discipline. *Journal of Media Business Studies*. 4:1. pp. 21–39.
11. Makeenko, M.I. (2017) Elaboration of Media Theories in Russian Academic Journals in the 2010s: Results of the First Stage of the Research. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 3–31. (In Russian).
12. Vartanova, E.L. et al. (2019) *Ot teorii zhurnalistiki k teorii media. Dinamika mediaissledovaniy v sovremennoy Rossii* [From the Theory of Journalism to the Theory of Media. The Dynamics of Media Research in Modern Russia]. Moscow: Moscow State University.

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/64/17

А.А. Гладкова, И.А. Асланов

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ РОССИИ¹

Представлены результаты частотного и контент-анализа свыше 24 000 публикаций в федеральных и региональных СМИ России. Рассмотрены динамика встречаемости определенных ключевых слов в публикациях, предметные области журналистских материалов, их жанры и ключевые герои. Сделаны выводы о специфике освещения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и ее приоритетных направлений в печатных, аудиовизуальных и сетевых СМИ России.

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, СМИ, Россия, гражданская идентичность, этнокультурное многообразие.

Введение

Вопрос укрепления межэтнических взаимоотношений и создания гармоничной межкультурной среды на территории Российской Федерации является одним из наиболее острых и дискуссионных. Актуальность ему придает мультиэтнический и мультиязыковой характер российского общества, объединяющего представителей свыше 190 национальностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сформированным на основе самоопределения граждан). Многообразие этнического состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, традиции проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации.

Одним из ключевых государственных документов в сфере гармонизации межнациональных отношений и укрепления единства и духовной общности российской нации является *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.*, принятая Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 (далее – Страте-

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук (проект № МК-1102.2018.6).

гия). Документ был разработан в целях «обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, гармонизации общественных и государственных интересов...» [1]. Позднее в подписанном указе Президента Российской Федерации № 703 от 06.12.2018 о внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. были обозначены следующие приоритеты государственной национальной политики страны (пункт 5, подпункты а, б, г, е): укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа Российской Федерации (российской нации); сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации; гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве; соблюдение прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [Там же].

С учетом значимости как самого документа, так и перечисленных в нем приоритетных направлений работы представляется объяснимым интерес академического сообщества к вопросам реализации Стратегии в условиях многонационального российского государства. Анализ доступных публикаций за последние семь лет (с момента принятия Стратегии в 2012 г. по настоящее время)¹ показал, что в центре внимания исследователей чаще всего находились ключевые вызовы и перспективы реализации приоритетных направлений Стратегии на практике в целом ([2–7] и др.) и в условиях конкретных регионах России в частности ([8] и др.). В работах неоднократно отмечалось, что реализация государственной национальной политики сегодня сталкивается с рядом вызовов политического и этнополитического характера, в числе которых сохраняющаяся межнациональная напряженность, угроза экстремизма и радикализма, сложные межгрупповые отношения и т.д. [9. С. 46–47], необходимость более внимательного изучения феномена идентичности – государственной, гражданской, этнической [6. С. 26–27] и отражения специфики этого феномена в тексте Стратегии, актуальность задачи укрепления духовной общности и патриотизма российской нации [7. С. 169–170] и многие другие аспекты. Отдельный пласт исследований за период 2012–2019 гг. был посвящен системному анализу текста Стратегии ([10, 11] и др.), сравнению двух версий Стратегии (2012 и 2018 гг.) на предмет ключевых изменений и дополнений в тексте документа ([12] и др.), а также составлению рекомендаций по корректировке деятельности государственных органов с учетом целей и задач Стратегии.

Несмотря на интерес исследователей к Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в целом, существует тема,

¹ Для анализа публикаций использовались базы данных elibrary, Scopus, Web of Science (по состоянию на июнь 2019 г.).

обращений к которой в отечественной научной практике нам обнаружить практически не удалось: речь идет о специфике освещения Стратегии, а также ее ключевых целей и задач в российских СМИ. Среди немногочисленных работ на эту тему можно упомянуть проведенный несколько лет назад анализ документальных программ каналов «Россия 1» и «Россия К» [13] и публикаций в печатных СМИ на предмет выявления структурно-смысловых моделей и топосов [14], способствующих реализации задач Стратегии, а также ряд исследований более широкого характера, посвященных роли СМИ в реализации целей и задач Стратегии в принципе ([15] и др.). Вместе с тем, повторим, что общее число подобных исследований чрезвычайно ограничено, а имеющиеся работы основаны на малой выборке материалов и потому не позволяют делать широкие выводы о специфике освещения Стратегии и ее приоритетных направлений в современных российских СМИ.

Анализ специфики освещения Стратегии через каналы массмедиа представляется нам актуальной задачей не только и не столько в силу малой разработанности данной темы в современной научной практике. Значимость данной теме придает в первую очередь важная роль СМИ как инструмента влияния на массовое сознание и формирования общественного мнения в условиях многонационального и мультикультурного российского общества. Теоретические подходы к изучению влияния СМИ на массовое сознание – теория повестки дня [16], теория фрейминга [17], теория третьей волны [18], конструктивистская теория общественного мнения [19], теории медиаэффектов [20], а также многочисленные исследования практического опыта воздействия на аудиторию со стороны СМИ ([21–30] и др.) – позволяют составить представление о различных аспектах влияния на общественное сознание при помощи каналов масс-медиа и формирования позитивных или негативных установок в отношении других социокультурных и этнических групп. Нельзя не упомянуть и о важной социальной миссии журналистики, связанной с выражением общественного мнения, отражением актуальных вызовов, проблем современного общества, организацией социальной дискуссии. В данном контексте исследование специфики освещения Стратегии, ее приоритетных направлений, целей и задач в СМИ приобретает особую значимость и актуальность.

Вторым важным аспектом, о котором стоит упомянуть, является особая роль, отведенная информационному обеспечению реализации государственной национальной политики Российской Федерации (пункт 21к в документе обновленной версии Стратегии от 2018 г.). Так, в качестве одного из направлений деятельности в области информационного обеспечения называется «привлечение средств массовой информации, освещающих вопросы реализации государственной национальной политики Российской Федерации, к выполнению целей и задач настоящей Стратегии, а также принятие мер по стимулированию создания ими проектов в этой области» [1]. При этом, как отмечают современные исследователи, информационное обеспечение реализации Стратегии сегодня осуществляется довольно сла-

бо; в СМИ отмечаются скепсис, недоверие и даже жесткая критика как самой стратегии государственной национальной политики, так и техник и технологий ее реализации [9. С. 46], что также актуализирует важность дальнейшей работы в этом направлении.

Актуальными в данном контексте нам кажутся вопросы о том, как именно СМИ освещают вопросы реализации государственной национальной политики, как часто и в каком контексте они обращаются к целям и задачам Стратегии, какой эффект подобные публикации могут оказывать на аудиторию, и наконец, какие рекомендации могут быть предложены СМИ по оптимизации их деятельности в области освещения целей, задач и приоритетных направлений Стратегии в соответствии с приоритетами государственной национальной политики Российской Федерации. Для ответа на эти вопросы целесообразно, во-первых, проанализировать специфику освещения Стратегии и ее основных целей и задач на принципиально большем объеме текстов СМИ, чем это предпринималось ранее ([13, 14] и др.), и, во-вторых, выявить ключевые тренды в освещении данной тематики в федеральных и региональных СМИ в ходе сравнительного контент-анализа, речь о котором пойдет далее.

Методология

Для того чтобы выявить основные тенденции в освещении Стратегии и ее приоритетных направлений в современных российских СМИ, нами был проведен анализ материалов, опубликованных в федеральных и региональных СМИ за два периода: 05.12.2017–05.12.2018 (один календарный год) и 05.11.2018–05.12.2018 и 07.12.2018–07.01.2019 (два календарных месяца). Опорной точкой в обоих случаях послужила дата подписания указа Президента Российской Федерации № 703 от 06.12.2018 о внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [1]. Мы предположили, что подписание данного указа могло выступить в качестве информационного повода для СМИ, вследствие чего число материалов, имеющих отношение к Стратегии, ее целям и задачам, непосредственно до или сразу после подписания указа могло возрасти. Учитывая, что мы ставили перед собой задачу определить частоту и специфику обращений СМИ к выбранной теме в принципе, мы провели: а) анализ публикаций за один календарный год (2017/18), в течение которого подобных громких информационных поводов зафиксировано не было и потому информационное поле было достаточно ровным; б) сравнительный анализ публикаций за два календарных месяца (2018/19), пришедшихся на период до и после подписания Указа Президента в начале декабря 2018 г. Во втором случае мы предположили, что число упоминаний Стратегии после подписания указа должно было возрасти по сравнению с аналогичным периодом до подписания документа, что должен был подтвердить или опровергнуть анализ материалов СМИ.

Общее число изученных материалов за указанные периоды составило 8 688 в федеральных СМИ и 15 500 в региональных СМИ. Выборка СМИ включала все публикации в федеральных и региональных печатных, аудиовизуальных (телевидение и радио) и интернет-СМИ, а также сообщения информационных агентств, доступные в электронной базе СМИ «Интегрум» на момент проведения исследования в мае–июне 2019 г.

Анализ публикаций включал два основных этапа: в рамках первого был проведен количественный анализ текстов СМИ за указанные периоды (один календарный год и два календарных месяца) с целью определить частотность упоминаний определенных тем в разных сегментах СМИ в разные временные отрезки. Поиск осуществлялся в ручном режиме по четырнадцати ключевым словам: «Стратегия государственной национальной политики», «государственная национальная политика», «межкультурное взаимодействие», «межконфессиональное взаимодействие», «межнациональное взаимодействие», «этнокультурное многообразие», «языковое многообразие», «гармонизация межнациональных отношений», «гармонизация межэтнических отношений», «межнациональный мир», «межрелигиозный мир», «гражданская идентичность», «гражданское самосознание», «гражданское единство». При упоминании в документе нескольких ключевых слов из списка мы относили его соответственно к нескольким категориям (табл. 1, 2). Выбор ключевых слов был продиктован стремлением определить, как часто СМИ упоминают саму Стратегию как документ (первое ключевое слово) и как часто они обращаются к обозначенным в ней приоритетным направлениям работы (прочие ключевые слова; формулировки в данном случае были заимствованы из самого текста Стратегии – пункт 5 в версии документа от 2018 г. [1]).

После выявления частотности упоминаний определенных ключевых слов в текстах СМИ был проведен контент-анализ всех доступных публикаций в федеральных и региональных интернет-СМИ¹ за конкретный двухнедельный период внутри второго временного интервала исследования – 29.11.2018–05.12.2018 и 07.12.2018–13.12.2018. Выбор интернет-СМИ для контент-анализа был обусловлен двумя факторами: значительным превалированием материалов по теме исследования за указанный период именно в этом сегменте СМИ (табл. 1, 2) и – в более широком смысле – возрастающей значимостью интернет-ресурсов (новостные сайты, форумы, блоги и т.д.) в качестве основного и заслуживающего доверия для граждан России источника информации за последние десять лет [31].

¹ В данном случае мы анализировали все материалы, классифицируемые «Интегрумом» как материалы Интернет-СМИ, в которых упоминаются выбранные нами ключевые слова. Дополнительную проверку на наличие у СМИ соответствующей официальной регистрации в Роскомнадзоре в качестве сетевых СМИ мы не проводили в силу сжатых сроков исследования.

Таблица 1

Число упоминаний ключевых слов за период 05.12.2017 – 05.12.2018 (один календарный год)¹

Источник информации	Кодификаторы ключевых слов														Итого
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Федеральная пресса	26	46	8	8	0	16	30	10	7	33	8	40	32	30	294
Федеральные информационные агентства	52	193	58	58	13	5	63	38	31	65	47	34	21	44	722
Федеральные интернет-СМИ	229	663	370	370	81	193	208	224	72	381	271	3169	435	192	6 858
Федеральные ТВ и радио	16	41	5	5	3	2	7	3	2	13	20	8	16	20	161
Региональная пресса	206	946	112	112	57	97	128	351	233	398	63	220	184	170	3 277
Региональные информационные агентства	76	281	18	18	22	15	61	101	75	123	10	58	45	33	936
Региональные интернет-СМИ	650	2606	277	277	209	294	387	1294	602	1141	210	781	573	488	9 789
Региональное ТВ и радио	21	156	14	14	11	29	19	44	34	53	8	32	37	31	503
Итого	1 276	4 932	862	862	396	651	903	2 065	1 056	2 207	637	4342	1 343	1 008	22 540

¹ Здесь и далее в таблицах кодификаторы ключевых слов: стратегия государственной национальной политики – 1; государственная национальная политика – 2; межкультурное взаимодействие – 3; межконфессиональное взаимодействие – 4; межнациональное взаимодействие – 5; этнокультурное многообразие – 6; языковое многообразие – 7; гармонизация межнациональных отношений – 8; гармонизация межэтнических отношений – 9; межнациональный мир – 10; межрелигиозный мир – 11; гражданская идентичность – 12; гражданское самосознание – 13; гражданское единство – 14.

Число упомянутых ключевых слов за периоды 05.11.2018 – 05.12.2018 и 07.12.2018 – 07.01.2019
(два календарных месяца в сравнении)¹

Источник информации	Кодификатор ключевых слов																										Итого		
	1.1	1.2	2.1	2.2	3.1	3.2	4.1	4.2	5.1	5.2	6.1	6.2	7.1	7.2	8.1	8.2	9.1	9.2	10.1	10.2	11.1	11.2	12.1	12.2	13.1	13.2		14.1	14.2
Федеральная пресса	6	1	7	2	0	0	0	0	0	0	4	0	0	0	3	0	0	0	4	0	4	1	3	2	2	0	5	1	45
Федеральные информационные агентства	16	12	25	15	6	2	1	0	8	0	0	0	1	2	33	0	2	2	4	1	0	8	7	14	1	0	9	1	170
Федеральные Интернет-СМИ	44	73	97	105	37	9	10	11	5	12	24	12	16	7	1	18	8	4	36	39	17	41	463	251	36	29	21	17	1143
Федеральные ТВ и радио	3	6	6	7	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	44	0	0	0	2	0	0	0	18	1	1	3	1	0	94
Региональная пресса	47	32	180	126	18	4	2	2	8	2	4	7	1	8	11	44	21	4	33	38	38	3	8	35	21	29	20	60	806

¹ В табл. 2 предложен уточненный кодификатор ключевых слов, где 1.1, 2.1, 3.1 и т.д. соответствуют первому месяцу исследования, а 1.2, 2.2, 3.2 и т.д. – второму месяцу.

Источник информации	Кодификатор ключевых слов																										Итого		
	1.1	1.2	2.1	2.2	3.1	3.2	4.1	4.2	5.1	5.2	6.1	6.2	7.1	7.2	8.1	8.2	9.1	9.2	10.1	10.2	11.1	11.2	12.1	12.2	13.1	13.2		14.1	14.2
Региональные информационные агентства	10	11	31	19	1	0	2	1	0	1	0	0	1	0	148	7	2	3	9	6	2	1	135	7	3	3	3	5	411
Региональные интернет-СМИ	115	110	359	203	36	9	9	10	25	33	31	5	28	11	4	67	33	19	82	124	16	21	5	21	61	32	70	41	1580
Региональное ТВ и радио	3	4	27	10	0	1	0	0	1	1	2	0	0	0	0	7	1	0	4	4	0	0	0	0	1	1	5	2	74
Итого	244	249	732	487	98	26	24	24	47	49	66	24	47	28	244	143	67	32	174	212	77	75	639	331	126	97	134	127	4623

В качестве критериев контент-анализа использовались жанры публикаций (статья, заметка, репортаж, интервью и т.д.), предметная область публикаций (политика, культура, экономика и т.д.), герои публикаций (политики, общественные деятели, деятели культуры и искусства и т.д.) и характер оценки в публикациях (положительная, негативная, нейтральная – посредством анализа контекста), позволяющие сделать выводы о специфике освещения Стратегии и ее приоритетных направлений в разных сегментах СМИ, в разные периоды (до и после подписания Указа Президента о внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации), обеспечив, таким образом, возможности для сравнительного анализа материалов СМИ.

Результаты

В ходе анализа публикаций СМИ было выявлено, что чаще всего ключевые слова из нашего списка встречались в федеральных и региональных интернет-СМИ (6 858 и 9 789 упоминаний ключевых слов суммарно за год), значительно реже их можно было обнаружить в федеральной прессе (294) и в материалах федеральных ТВ и радио (161) (см. табл. 1). Анализ динамики встречаемости конкретных ключевых слов за календарный год показал, что чаще всего в текстах СМИ встречаются упоминания «государственной национальной политики» (4 932 упоминаний) и «гражданской идентичности» (4 342). Третьим по популярности среди ключевых слов стал «межнациональный мир» (2 207) (см. табл. 1). Аналогичные тренды прослеживаются и при частотном анализе публикаций за два месяца исследования – в лидерах среди ключевых слов вновь находятся «государственная национальная политика» (1219 упоминаний) и «гражданская идентичность» (970), при этом третьим по популярности ключевым словом за этот период стала сама «Стратегия государственной национальной политики» (493) (см. табл. 2), что, вероятно, объясняется значимым информационным поводом, а именно подписанием Указа Президента о внесении изменений в Стратегию в это время.

Вне зависимости от сегмента СМИ (печатные, аудиовизуальные, сетевые, включая сообщения информационных агентств), в абсолютном большинстве случаев «государственная национальная политика» является наиболее часто встречаемым ключевым словом в СМИ и за год, и за два месяца исследования. Исключения тем не менее есть: так, в федеральных интернет-СМИ однозначным лидером по числу упоминаний и за календарный год, и за два месяца исследования стала «гражданская идентичность» (3 169 упоминаний за год и 714 упоминаний за два месяца; «государственная национальная политика» для сравнения – только 663 и 202 соответственно); в федеральных ТВ и радио, а также в региональных информационных агентствах за два месяца чаще всего упоминается «гармонизация межнациональных отношений» (44 и 155 упоминаний; «государственная национальная политика» для сравнения – только 13 и 50 соответственно) (см. табл. 1, 2).

Контент-анализ публикаций в федеральных и региональных интернет-СМИ (табл. 3) показал, что ключевыми предметными областями материалов в указанный период стали культура (196 публикаций), деятельность органов власти (147), а также образование и наука (113). В рамках данных предметных областей внимание уделялось традициям и обычаям народов России, сохранение которых особенно важно в условиях многонационального Российского государства, созданию на территории России специальных культурных центров, способствующих реализации приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации, таких, например, как Национальный центр для знакомства всех желающих с культурой и историей малочисленных народов Севера [32], обучающим программам по подготовке специалистов в области реализации государственной национальной политики Российской Федерации [33] и т.д. Освещая деятельность органов власти, СМИ рассказывали о различного рода встречах, совещаниях, обсуждениях реализации Стратегии с представителями региональных муниципалитетов [34], органов законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления [35]. Во многом материалы, появившиеся в интернет-СМИ в этот период, были также связаны с актуальным событием – присвоением российским аэропортам имен выдающихся людей, спровоцировавшим дискуссию на страницах СМИ о специфике российской идентичности и самоидентификации граждан России как представителей одной нации [36].

Большинство изученных материалов было создано в жанре коротких новостей (424); аналитические (статья и др.) и художественно-публицистические (эссе и др.) жанры заметно уступают в данном случае информационным (табл. 3). В новостях за указанный период фиксировались основные мероприятия и ключевые события, имеющие отношение к обсуждению или реализации Стратегии, – в их числе заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям в конце 2018 г., на котором обсуждалось внесение изменений в Стратегию государственной национальной политики [37]. В материалах аналитического характера был представлен анализ исторического контекста и современного состояния российской действительности, оказавших влияние на формирование гражданской идентичности россиян и другие аспекты [38]. Наконец, в материалах, отнесенных нами к группе художественно-публицистических, высказывалась личная позиция авторов относительно актуальных вопросов – специфики российского самосознания, самоидентификации, трансформации идентичности на постсоветском пространстве и т.д. [39].

Характер оценки в публикациях был либо нейтральный (353), либо положительный (331) (табл. 3): в СМИ отмечалась важная роль Стратегии и в целом государственной национальной политики в области укрепления гражданского единства, патриотизма, духовной общности народов России, сохранения этнокультурного и языкового многообразия на территории Российской Федерации.

Материалов с негативной оценкой в указанный период вышло очень мало (20) – в них отмечались спорные формулировки текста Стратегии, которые, по мнению авторов материалов, могут быть истолкованы по-разному в зависимости от контекста и потребуют более детальной проработки в дальнейшем [40]. Тем не менее, повторим, что абсолютное большинство изученных материалов имели нейтральную или положительную тональность и отзывались о Стратегии и ее приоритетных направлениях в позитивном ключе.

Наконец, анализ материалов интернет-СМИ на предмет наиболее часто встречаемых героев показал (см. табл. 3), что в центре внимания журналистов в большинстве случаев оказывались представители органов власти (331). В материалах СМИ упоминались политические деятели, сотрудники органов регионального и местного самоуправления, принимающие участие в обсуждении Стратегии и в реализации целей и задач государственной национальной политики в федеральном и региональном масштабе. Достаточно часто в материалах СМИ встречались упоминания Президента Российской Федерации (75), в частности в контексте подписания президентского указа о внесении изменений в Стратегию; другие герои (представители образовательных организаций, этнических объединений, рядовые граждане и т.д.) в материалах СМИ появлялись значительно реже.

Дискуссия и выводы

В ходе проведенного исследования выявлен очевидный интерес СМИ к освещению государственной национальной политики Российской Федерации как широкой предметной области – на это указывает число упоминаний государственной национальной политики во всех сегментах СМИ (печатных, аудиовизуальных, сетевых) за оба периода исследования, делающее «государственную национальную политику» самым популярным ключевым словом из нашего списка. Интересно, что при этом частота упоминаний в СМИ Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации сравнительно невысока и за год, и за два конкретных месяца исследования. Во втором случае, как уже было отмечено, число упоминаний Стратегии предсказуемо выросло в связи с подписанием Указа Президента о внесении изменений в документ в начале декабря 2018 г. Вместе с тем анализ материалов СМИ, пришедшихся на информационно «спокойный» 2017/18 г., показал, что обращения к самому тексту Стратегии в СМИ в целом встречаются намного реже, чем к упомянутым в ней приоритетным направлениям работы – укреплению гражданской идентичности российской нации, гармонизации межнациональных отношений в обществе, сохранению межнационального мира между представителями различных групп, предупреждению конфликтов на национальной и религиозной почве, которые СМИ освещают более активно.

Добавим в этой связи, что внимание СМИ к приоритетным направлениям государственной национальной политики, обозначенным в Стратегии

(пункт 5 в версии от 2018 г. [1]), распределилось неравномерно. Так, например, сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, несмотря на включенность в перечень приоритетных направлений государственной национальной политики в качестве второго подпункта [Там же], практически не получило освещения в СМИ в указанные периоды (см. табл. 1, 2). При этом нельзя не отметить неожиданно частое обращение СМИ к тематике гражданской идентичности, которая является одним из лидеров по числу встречаемости в СМИ. Высокий интерес к данной теме обусловлен, на наш взгляд, важной ролью самого феномена идентичности в многонациональном российском обществе, актуальными вопросами корреляций гражданской, государственной, этнической и других типов идентичности [5. С. 26–28], в том числе в контексте укрепления единства российской нации и патриотизма [30. С. 181], современным переосмыслением идентичности и другими факторами.

Интересным нам представляется и то, что наличие информационного повода (подписание Президентом Указа о внесении изменений в Стратегию) не дала зримого эффекта относительно динамики упоминания ключевых слов в СМИ (см. табл. 2). В абсолютном большинстве случаев число упоминаний ключевых слов, включая «государственную национальную политику», «гражданскую идентичность», «гармонизацию межнациональных отношений», «гражданское самосознание» и др., в первый месяц (до подписания указа) было выше, чем во второй, или не сильно отличалось от него. Это наблюдение опровергает наше изначальное предположение о том, что наличие информационного повода могло повлиять на рост интереса СМИ к самой Стратегии и ее приоритетным направлениям: как показало исследование, такой закономерности зафиксировано не было.

Еще один вывод, сделанный по итогам исследования, касается распределения упоминаний ключевых слов по разным сегментам СМИ. Можно заключить, что в целом интернет-СМИ освещают в своих материалах Стратегию и ее приоритетные направления более активно, чем печатные или аудиовизуальные СМИ, при этом региональные СМИ (сетевые, печатные, аудиовизуальные) чаще обращаются к данной тематике, чем федеральные СМИ. Последний тренд связан, как нам кажется, с многонациональным и мультикультурным характером российских регионов, актуальностью вопросов межнационального взаимодействия, сокращения конфликтов на этнической почве в регионах, где проживают представители большого числа этнических и языковых групп.

Переходя от результатов частотного анализа к контент-анализу публикаций, отметим превалирование материалов, относящихся к предметным областям «культура», «деятельность органов власти», «образование и наука» над прочими областями («экономика», «религия», «миграция» и др.). Принимая во внимание политический характер Стратегии и во многом ее ориентацию на сохранение культурной самобытности и культурного наследия народов России, мы склонны считать данный результат закономерным. Аналогичное наблюдение можно сделать и при анализе ключевых

героев публикаций: объяснимым нам кажется выбор политических и общественных деятелей, а также, безусловно, Президента Российской Федерации в качестве героев публикаций, когда речь заходит о важном государственном документе и вопросах реализации государственной национальной политики России.

При этом высокий результат у предметной области «образование и наука» представляется нам особенно интересным, так как он свидетельствует о важной роли подготовки специалистов в области реализации государственной национальной политики Российской Федерации, акцентируемой в СМИ. Добавим, что, как и в случае анализа публикаций по ключевым словам, имеющим отношение к приоритетным направлениям Стратегии, замечен разрыв между отдельными предметными областями: так, сохранение национального языка (38 публикаций) и межнациональные отношения (54), входящие в число приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации, встречаются в качестве предметных областей в материалах СМИ в несколько раз реже, чем области культуры (196), деятельности органов власти (147), образования и науки (113). Отдельно следует добавить, что материалов за указанный период, касающихся межнациональных противоречий и конфликтов на этнической почве, нам обнаружить не удалось, несмотря на в целом высокие результаты у предметной области межнациональные отношения. Мы полагаем, что данная ситуация связана с ограниченной выборкой и лимитированным периодом исследования и не утверждаем, что данная тематика не получила освещения в этом сегменте СМИ в другие периоды.

Очевиден дисбаланс и в жанрах публикаций: информационные жанры существенно преобладают над аналитическими и художественно-публицистическими. На наш взгляд, ситуация может быть довольно легко объяснена спецификой выборки и конкретными задачами СМИ, в частности стремлением предоставить информацию о прошедших встречах, мероприятиях, обсуждениях, планах реализации Стратегии в максимально короткие сроки и чаще всего в лаконичной форме новости или отчета о мероприятии. Большое количество отчетов (153), опубликованных в интернет-СМИ за указанный период [41], как нам кажется, связано со спецификой самого документа: нередко СМИ при освещении Стратегии и ее приоритетных направлений опирались на стенографические отчеты с мероприятий по обсуждению документа, подробно останавливаясь на выступлениях спикеров и принятых по итогам обсуждения решениях и резолюциях.

В завершение отметим, что большой разрыв между числом публикаций с положительной и нейтральной тональностью, с одной стороны, и негативной тональностью – с другой, не кажется нам удивительным: несмотря на некоторые критические замечания относительно формулировок Стратегии и сложностей ее реализации на практике, большинство авторов материалов отмечали важную роль как самого документа, так и обозначенных в нем целей и задач в условиях многонационального и мультикультурного Российского государства, что нам кажется логичным и оправданным.

Несмотря на то, что в рамках данного исследования сложно предложить универсальные рекомендации СМИ по оптимизации их деятельности в рамках информационного обеспечения реализации Стратегии государственной национальной политики, считаем возможным отметить два момента. Во-первых, увеличение числа публикаций, в которых упоминается Стратегия (без относительности жанров и предметных областей) было бы целесообразно во всех сегментах СМИ. Особенно это касается печатных и аудиовизуальных СМИ, однозначно проигрывающих интернет-СМИ по частоте обращений как к самой Стратегии, так и к ее приоритетным направлениям, и с учетом сохраняющегося лидерства телевидения в качестве основного источника информации для большинства россиян¹. Во-вторых, усиление внимания к приоритетным направлениям Стратегии и к самому документу в федеральных СМИ было бы целесообразным шагом, способствующим укреплению гражданского единства на более высоком уровне, в масштабе всей страны. Сейчас, как показывает исследование, региональные СМИ обращаются к данной тематике значительно более активно.

Мы осознаем лимитирующие факторы исследования, в числе которых фокус на определенных тематиках при выборе ключевых слов (межнациональные отношения, вопросы многообразия и плюрализма, вопросы идентичности и т.д.), которыми ни текст Стратегии, ни сама государственная национальная политика страны, безусловно, не ограничиваются; небольшой период исследования в рамках контент-анализа (две недели); фокус только на сегменте интернет-СМИ; ограниченное число критериев для контент-анализа; использование только одной базы данных СМИ для анализа публикаций. Вместе с тем полагаем, что работа может внести вклад в понимание специфики освещения Стратегии и ее приоритетных направлений в СМИ в количественном и качественном отношениях и рассчитываем продолжить исследование.

Литература

1. *Подписан* Указ о внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/59348>
2. *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2(21). С. 36–51.
3. *Зорин В.Ю.* Современные проблемы и перспективные векторы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Вопросы культурологии. 2016. № 7. С. 10–18.
4. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Публичное и частное право. 2013. № 4 (20). С. 43–48.

¹ Так, по данным ФОМ, телевидение занимает первую строчку в рейтинге источников информации для большинства россиян (71%); уровень доверия к телевидению также выше, чем ко всем другим источникам информации (36%) (по состоянию на январь 2019 г.) [31].

5. Михайлов В.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2 (21). С. 19–24.

6. Дробизжева Л.М. К вопросу о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2 (21). С. 25–30.

7. Инкижекова М.С. Национальная политика в Российской Федерации: вопросы достижения духовного единства и патриотической солидарности // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1(79). С. 165–172.

8. Гонтаренко Н.Н., Пожаров Ю.П., Узунов В.В. Факторы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года на Юге России // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 3 (68). С. 12–20.

9. Зорин В.Ю. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: промежуточные итоги и новые акценты // Актуальные вопросы реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: материалы Всероссийской экспертно-аналитической конференции. М., 2017. С. 41–57.

10. Заметина Т.В. Стратегия государственной национальной политики России: поиск новых подходов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 244–248.

11. Кубрин С.Д. Вопросы изучения Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Вестник Волжского университета им. Н.Н. Татищева. 2017. № 3. С. 15–30.

12. Кубрин С.Д. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: сравнительный анализ редакций в контексте информационного обеспечения // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 12. М., 2019.

13. Рева Е.К., Арехина Д.В. Роль журналистики в реализации задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Вестник Волжского университета им. Н.Н. Татищева. 2016. № 4. С. 629–640.

14. Рева Е.К. Массмедийный дискурс в аспекте реализации задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (на материале публикаций о городе Дербент за 2015 год) // Гуманитарный вектор. 2016. № 5. С. 116–121.

15. Гладкова А.А. СМИ в контексте реализации государственной национальной политики Российской Федерации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 1. С. 175–183.

16. McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass-media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36 (3). P. 15–30.

17. Weaver D., McCombs M., Shaw D. Agenda-setting research: issues, attributes, and influences // Kaid L.L. (ed.) Handbook of Political Communication Research. Mahwah, 2004.

18. Toffler A. The third wave. Morrow, 1980.

19. Пажес Ж.-П. Конфликты и общественное мнение: Новая попытка объединить социологов и математиков // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 107–115.

20. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М. : ИД «Вильямс», 2004.

21. Вартамова Е.Л. Новые проблемы и приоритеты цифровой эпохи // Информационное общество. 2001. № 3. С. 50–56.

22. Вартамова Е.Л. К вопросу об актуализации теории журналистики и теории СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6 (1). С. 5–13.

23. Гладкова А.А. Пресса Нидерландов в контексте системы размежевания. М. : Ф-т журналистики МГУ, 2015.

24. Дробизева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник института социологии. 2010. № 1. С. 429–442.
25. Магомедова М.А. СМИ как основной ресурс информационного обеспечения оптимизации межнациональных отношений // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 345–347.
26. Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...»: книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М. : Academia, 2005.
27. Малькова В.К. Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. № 5 (3). С. 101–117.
28. Fleras A. Theorizing multicultural media as social capital: crossing borders, constructing buffers, creating bonds, building bridges // Canadian Journal of Communication. 2009. Vol. 34 (4). P. 3–10.
29. Fleras A. Multicultural media in a post-multicultural Canada. Rethinking integration // Global Media Journal – Canadian Edition. 2015. Vol. 2 (8). P. 36–42.
30. Dunas D. The effect of the ‘last drop’: on the question of the media’s ability to have a harmful impact on the audience // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. № 6. P. 144–152.
31. Источники новостей и доверие СМИ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>
32. Коренные народы Хабаровского края создадут Национальный центр. URL: <http://nazaccent.ru/content/28792-korennye-narody-habarovskogo-kрая-sozdatut-nacionalnyj.html>
33. В Хабаровске состоялась церемония открытия программы обучения специалистов в сфере национальной политики. URL: <https://www.russkiymir.ru/news/249565/>
34. В Горно-Алтайске обсудили изменения Стратегии госнацполитики России. URL: <http://nazaccent.ru/content/28851-v-gorno-altajske-obsudili-izmeneniya-strategii-gosnacpolitiki.html>
35. На Алтае пройдет республиканский форум общественных объединений. URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/97306>
36. Кант – наш. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-12-04/3_7455_kartblansh.html
37. Турчак: создание условий для адаптации иностранцев в РФ – залог социальной стабильности. URL: <https://www.pnp.ru/social/turchak-sozдание-usloviy-dlya-effektivnoy-adaptacii-inostrancev-v-rf-zalog-socialnoy-stabilnosti.html>
38. Картблани. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-12-04/3_7455_kartblansh.html
39. Новая историческая общность – российский народ. URL: <https://www.arsvest.ru/rubr/3/54440>
40. Мурсалиев Араз: как обеспечить сохранение национального языка в субъектах РФ. URL: <https://planet-today.ru/novosti/obshchestvo/vne-politiki/item/96152-mursaliev-araz-kak-sokhranit-yazyk-natsionalnykh-menshinstv-v-sub-ektakh-rfhttps://www.pnp.ru/social/turchak-sozдание-usloviy-dlya-effektivnoy-adaptacii-inostrancev-v-rf-zalog-socialnoy-stabilnosti.html>
41. Святейший Патриарх Кирилл возглавил юбилейное заседание Президиума Межрелигиозного совета России. URL: <https://mospat.ru/ru/2018/12/07/news167620/>

The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Peculiarities of Coverage in Russian Federal and Regional Mass Media

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 290–312. DOI: 10.17223/19986645/64/17

Anna A. Gladkova, Ivan A. Aslanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gladkova_a@list.ru / ivaslanov@gmail.com

Keywords: Strategy of the State National Policy of the Russian Federation, mass media, Russia, civic identity, ethnocultural diversity.

The study is supported by the RF President grant for state support of young Russian Scientists (PhD), Project No. MK-1102.2018.6.

The aim of the article is to discuss the way the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation (Strategy) and its priority tasks (harmonizing interethnic relations, strengthening the unity of the Russian nation and others) are covered in print, audiovisual and online Russian media today. For this purpose, over 24,000 publications in Russian federal and regional mass media have been examined using the quantitative and qualitative content analysis method. The authors used search by 14 keywords related to the Strategy and its priority tasks (all keywords were extracted from the 2018 version of the document, Part 5) to look for differences in coverage (number of keyword mentions, subject areas of publications, genres, heroes, context, and other factors) in several time periods: from 05 December 2017 to 05 December 2018, from 05 November 2018 to 05 December 2018, and from 07 December 2018 to 07 January 2019 (the latter two periods were compared). The sample included all the publications in federal and regional print, audiovisual (TV and radio), online media and news agency reports that were available in the Integrum electronic media database in May–June 2019. The study revealed an obvious interest in the coverage of the state national policy of the Russian Federation as a broad subject area, which is indicated by the number of references to the state national policy in all segments of the media for both periods of the study, making ‘state national policy’ the most popular keyword from the list. At the same time, media distributed their attention to priority areas of the state national policy disproportionately. Among priority tasks, some (e.g., harmonizing interethnic relations) are clearly getting more media attention than others (e.g., safeguarding ethnocultural diversity). Culture, legislation, education and science subject areas significantly prevail over other areas (e.g., economy, religion, migration, and others). The high result in the subject area ‘education and science’ points to the important role of education in the implementation of the state national policy of the Russian Federation. The genres of publications are also imbalanced: news significantly prevail over analytical and publicistic genres. There is also a gap between the high number of publications with a positive and neutral tone, on the one hand, and a few publications with a negative tone, on the other hand, which, however, does not seem surprising. Last but not least, the authors revealed that regional media are more active in covering the Strategy and its priority tasks than federal media, and that the Strategy itself is covered much less in the media than its priority tasks.

References

1. Kremlin.ru. (2012) *Podpisan Ukaz o vnesenii izmeneniy v Strategiyu gosudarstvennoy natsional'noy politiki na period do 2025 goda* [A Decree Has Been Signed on Introducing Amendments to the State National Policy Strategy for the Period up to 2025]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/59348>.
2. Zorin, V.Yu. (2013) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: traditsionnost' i novye podkhody k ukrepleniyu edinstva mnogonatsional'nogo naroda Rossii (rossiyskoy natsii)* [The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Tradition and New Approaches to Strengthening the Unity of the Multinational People of Russia (The Russian Nation)]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy*. 2(21). pp. 36–51.
3. Zorin, V.Yu. (2016) Contemporary Problems and the Promising Vectors of the Realization “The Strategies of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025”. *Voprosy kul'turologii*. 7. pp. 10–18. (In Russian).
4. Abdulatipov, R.G. & Mikhaylov, V.A. (2013) *O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda* [On The Strategy of the RF State National Policy till 2025]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 4(20). pp. 43–48.

5. Mikhaylov, V.A. (2013) Russia's Strategy of the State National Policy: Theory and Practice. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy – Questions of National and Federative Relations*. 2 (21). pp. 19–24. (In Russian).

6. Drobizheva, L.M. (2013) K voprosu o Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii [On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy – Questions of National and Federative Relations*. 2 (21). pp. 25–30.

7. Inkizhekova, M.S. (2018) National Policy in the Russian Federation: Issues of Achieving Spiritual Unity and Patriotic Solidarity. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta – Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 1(79). pp. 165–172. (In Russian).

8. Gontarenko, N.N., Pozharov, Yu.P. & Uzunov, V.V. (2018) Factors of Implementation of Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period 2025 in the South of Russia. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sotsiologiya. Kul'tura – "P.O.I.S.K." (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture)*. 3 (68). pp. 12–20. (In Russian).

9. Zorin, V.Yu. (2017) [The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025]. *Aktual'nye voprosy realizatsii "Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Topical Issues of the Implementation of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow: RSUH, Uchebno-nauchnyy tsentr izucheniya etnopoliticheskikh i etnokul'turnykh protsessov. pp. 41–57. (In Russian).

10. Zametina, T.V. (2013) Strategy of State National Policy of Russia: Searching for a New Concept. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 4 (93). pp. 244–248. (In Russian).

11. Kubrin, S.D. (2017) The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation Till 2025: The Aspects of Studying. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. N.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 3. pp. 15–30. (In Russian).

12. Kubrin, S.D. (2019) Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda: sravnitel'nyy analiz redaktsiy v kontekste informatsionnogo obespecheniya [The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period Until 2025: A Comparative Analysis of the Editions in the Context of Information Support]. In: *Etnicheskaya zhurnalistika: istoriya i sovremennost'. Ezhegodnik* [Ethnic Journalism: History and Modernity. A Yearbook]. Is. 12. Moscow: Journalism Faculty of Moscow State University.

13. Reva, E.K. & Arekhina, D.V. (2016) The Role of Journalism in the Implementation of the Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the Period Till 2025. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. N.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 4. pp. 629–640. (In Russian).

14. Reva, E.K. (2016) The Mass-Media Discourse in the Aspect of Realizing the Strategy of State National Politics in the Russian Federation before 2025 (on the Material of Publications about Derbent City in 2015). *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian Vector*. 5. pp. 116–121. (In Russian). DOI: 10.21209/1996-7853-2016-11-5-116-121

15. Gladkova, A.A. (2019) Mass Media in the Context of the State National Policy of the Russian Federation Implementation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. N.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 1. pp. 175–183. (In Russian).

16. McCombs, M. & Shaw, D. (1972) The agenda-setting function of mass-media. *Public Opinion Quarterly*. 36 (3). pp. 15–30.

17. Weaver, D., McCombs, M. & Shaw, D. (2004) Agenda-setting research: issues, attributes, and influences. In: Kaid, L.L. (ed.) *Handbook of Political Communication Research*. Mahwah: Erlbaum.

18. Toffler, A. (1980) *The third wave*. Morrow.

19. Pages, J.-P. (1991) Konflikty i obshchestvennoe mnenie. Novaya popytka ob'edinit' sotsiologov i matematikov [Conflicts and Public Opinion. a New Attempt to Unite Sociologists and mathematicians].

gists and Mathematicians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 107–115.

20. Bryant, J., & Thompson, S. (2004) *Osnovy vozdelystviya SMI* [Fundamentals of Media Effects]. Translated from English. Moscow: ID “Vil’yams”.

21. Vartanova, E.L. (2001) Novye problemy i priority tsifrovoy epokhi [New Problems and Priorities of the Digital Era]. *Informatsionnoe obshchestvo – Information Society*. 3. pp. 50–56.

22. Vartanova, E.L. (2017) On the Problem of Updating the Theory of Journalism and the Theory of the Mass Media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 6 (1). pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(1).5-13

23. Gladkova, A.A. (2015) *Pressa Niderlandov v kontekste sistemy razmezhevaniya* [Netherlands Press in the Context of the Disengagement System]. Moscow: Journalism Faculty of Moscow State University.

24. Drobizheva, L.M. (2010) Ethnicity in Modern Society: New Approaches, Old Misconceptions, Social Practices. *Vestnik instituta sotziologii*. 1. pp. 429–442. (In Russian).

25. Magomedova, M.A. (2014) Mass Media as the Main Resource of Information Support in Optimization of International Relations. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 1. pp. 345–347. (In Russian).

26. Mal’kova, V.K. (2005) “*Ne dopuskaetsya razzhiganie mezhnatsional’noy rozni...*”: kniga ob etnicheskoy zhurnalistike. Iz opyta analiza rossiyskoy pressy [“It Is Not Allowed to Incite Ethnic Hatred”: A Book About Ethnic Journalism. From the Experience of Analysis of the Russian Press]. Moscow: Academia.

27. Mal’kova, V.K. (2014) Ethnic Themes in the Russian Informaton Space. *Kommunikologiya*. 5 (3). pp. 101–117. (In Russian).

28. Fleras, A. (2009) Theorizing multicultural media as social capital: crossing borders, constructing buffers, creating bonds, building bridges. *Canadian Journal of Communication*. 34 (4). pp. 3–10.

29. Fleras, A. (2015) Multicultural media in a post-multicultural Canada. Rethinking integration. *Global Media Journal – Canadian Edition*. 2 (8). pp. 36–42.

30. Dunas, D. (2013) The effect of the ‘last drop’: on the question of the media’s ability to have a harmful impact on the audience. *Psychology in Russia: State of the Art*. 6. pp. 144–152.

31. FOM. (2019) *Istochniki novostey i doverie SMI* [News Sources and Trusting Media]. [Online] Available from: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170>.

32. Natsional’nyy Aktsent. (2018) *Korennye narody Khabarovskogo kraya sozhdadut Natsional’nyy tsentr* [Indigenous Peoples of Khabarovsk Krai Will Establish a National Center]. [Online] Available from: <http://nazaccent.ru/content/28792-korennye-narody-khabarovskogo-kraya-sozhdadut-nacionalnyj.html>.

33. Russkiy Mir. (2018) *V Khabarovske sostoyalas’ tseremoniya otkrytiya programmy obucheniya spetsialistov v sfere natsional’noy politiki* [In Khabarovsk, the Opening Ceremony of the Training Program for Specialists in the Field of National Policy Took Place]. [Online] Available from: <https://www.russkiymir.ru/news/249565/>.

34. Natsional’nyy Aktsent. (2018) *V Gorno-Altayske obsudili izmeneniya Strategii gosnatspolitiki Rossii* [In Gorno-Altai, Changes to the Strategy for the State Policy of Russia Were Discussed]. [Online] Available from: <http://nazaccent.ru/content/28851-v-gorno-altayske-obsudili-izmeneniya-strategii-gosnacpolitiki.html>.

35. Gorno-altaisk.info. (2018) *Na Altae proydet respublikanskiy forum obshchestvennykh ob’edineniy* [A Republican Forum of Public Associations Will Be Held in Altai]. [Online] Available from: <https://www.gorno-altaisk.info/news/97306>.

36. Ckryl’nikov, P.A. (2018) *Kant – nash* [Kant Is Ours]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-12-04/3_7455_kartblansh.html.

37. Zvyagina, Zh. (2018) *Turchak: sozдание usloviy dlya adaptatsii inostrantsev v RF – zalog sotsial’noy stabil’nosti* [Turchak: Creating Conditions for the Adaptation of Foreigners

in the Russian Federation Is the Key to Social Stability]. [Online] Available from: <https://www.pnp.ru/social/turchak-sozdanie-usloviy-dlya-effektivnoy-adaptacii-inostrancev-v-rf-zalog-socialnoy-stabilnosti.html>.

38. Ng.ru. (2018) *Kartblansh* [Carte Blanche]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/kartblansh/2018-12-04/3_7455_kartblansh.html.

39. Arvest.ru. (2018) *Novaya istoricheskaya obshchnost' – rossiyskiy narod* [A New Historical Community: The Russian Federation People]. [Online] Available from: <https://www.arsvest.ru/rubr/3/54440>.

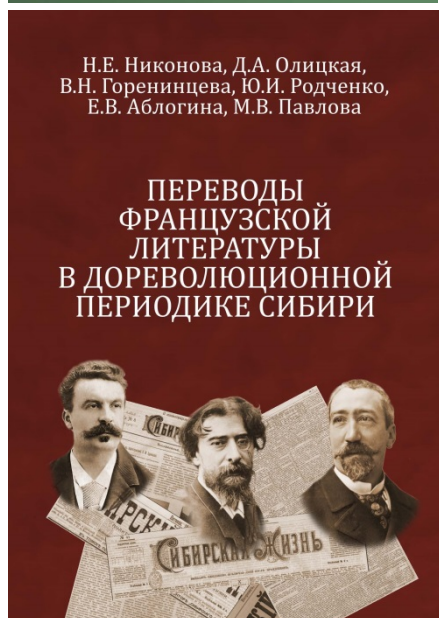
40. Planet Today. (2018) *Mursaliev Araz: kak obespechit' sokhranenie natsional'nogo yazyka v sub'ektakh RF* [Araz Mursaliev: How to Ensure the Preservation of the National Language in the Constituent Entities of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://planet-today.ru/novosti/obshchestvo/vne-politiki/item/96152-mursaliev-araz-kak-sokhranit-yazyk-natsionalnykh-menshinstv-v-sub-ektakh-rf><https://www.pnp.ru/social/turchak-sozdanie-usloviy-dlya-effektivnoy-adaptacii-inostrancev-v-rf-zalog-socialnoy-stabilnosti.html>.

41. Mospat.ru. (2018) *Svyateyshiy Patriarkh Kirill vozglavil yubileynoe zasedanie Prezidiuma Mezhreligioznogo soveta Rossii* [His Holiness Patriarch Kirill Led the Anniversary Meeting of the Presidium of the Interreligious Council of Russia]. [Online] Available from: <https://mospat.ru/ru/2018/12/07/news167620/>.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 271.2+070.1

DOI: 10.17223/19986645/64/18

Мировая литература в зеркале провинциальной периодики. Рецензия на цикл хрестоматий и учебное пособие, посвященных переводам иностранной литературы в дореволюционных сибирских газетах

Переводы английской и американской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия / В.Н. Горенинцева, Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 252 с.

Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия / Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая, В.Н. Горенинцева и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 280 с.

Переводы немецкой литературы в дореволюционной периодике Сибири : хрестоматия / Н.Е. Никонова, Ю.С. Серягина, Д.А. Олицкая и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 204 с.

Переводы итальянской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия / Н.Е. Никонова, Е.А. Вишнякова, Е.А. Баракина, В.В. Черткова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 182 с.

Переводы польской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 236 с.

Никонова Н.Е. История русской переводной литературы в Сибири (1890–1910-е гг.) : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 126 с.

Переводная литература занимала значительное место на страницах российской дореволюционной периодической печати – как столичной, так и провинциальной. Однако исследователи русской журналистики, сосредоточенные в первую очередь на изучении оригинальных авторских статей, нередко оставляют в стороне газетно-журнальный переводной материал. С другой стороны, изучение переводов затруднялось многими факторами: далеко не всегда были известны переводчики этих текстов, сложно было определить логику их выбора редакциями, специфику работы с оригиналами переводов и т.д.

Рассматриваемые книги – пять хрестоматий и учебное пособие – закрывают этот пробел в изучении содержания дореволюционной периодической печати. Группа авторов – В.Н. Горенинцев, Д.А. Олицкая, Ю.С. Серягина, Е.А. Вишнякова, Е.А. Баракина, В.В. Черткова, Ю.И. Родченко, А.В. Аблогина, М.В. Павлова – под руководством Н.Е. Никоновой в течение нескольких лет последовательно собирали, обрабатывали и анализировали переводной материал сибирской периодики, анализировали источники, определяли жанровые предпочтения местных газет в отношении переводной литературы и наиболее востребованных авторов и т.д. В результате в течение нескольких лет на свет появились хрестоматии, подготовленные в рамках серии «Транссибирский научный путь» (TSSW), в каждой из которых рассматривались переводы одной из мировых литератур: французской, немецкой, английской и американской, итальянской, польской. Итоговой работой, обобщающей и намечающей дальнейшие пути исследования, стало учебное пособие Н.Е. Никоновой «История русской переводной литературы в Сибири (1890–1910-е гг.)» (Томск, 2019).

Для подготовки материалов хрестоматий авторским коллективом был выработан алгоритм, который повторяется в каждой книге и позволяет рассматривать их как единое целое, дополняющее и расширяющее заявленную переводческую тематику. Каждая хрестоматия открывается предисловием, в котором описывается методика с материалом, указываются источники (томские ведущие газеты конца XIX – начала XX в. «Сибирская газета», «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь»), а также обозначается уникальность и новаторство данного рода работ. Основной корпус хрестоматий представляет собой тексты нескольких авторов. По каждому из них дается биографическая справка, по возможности – портрет, а также публикуются комментарии, библиография материалов, посвященных их творчеству и размещенных в сибирских газетах. Затем представляются тексты на двух языках: на языке оригинала и перевод, который был представлен в одной из исследуемых газет. Этот алгоритм позволяет читателям свободно ориентироваться в структуре хрестоматии, быстро находить нужные тексты, при необходимости – в удобном режиме сравнивать оригиналы и переводы.

Особенностью текстов, представленных в хрестоматии, является их уникальность: для книг отобраны только те переводы, которые были выполнены местными журналистами для региональной периодики. Они не

публиковались в столичных изданиях и, в свою очередь, не являются перепечатками из других российских газет и журналов. Этот принцип дал возможность авторам говорить о том, что представленный корпус литературно-художественных текстов «системно раскрывает важнейшие черты субэтнического культурного сознания сквозь призму имагологической парадигмы», что работа местных авторов с иноязычными текстами отображала процессы «формирования представления о «своем» (национальном, региональном) и «чужом» (инонациональной словесной культуре)» [1. С. 5].

Список авторов, представленных в хрестоматиях, убедительно показывает, что для местных авторов были значимы не только крупные фигуры мировой литературы, такие, как А. Доде, Г. де Мопассан, А. Франс (французская литература), Г. Гейне, Новалис (немецкая литература), М. Твен, О. Уайлд (английская и американская литература) и т.д., но и малоизвестные авторы, такие, как Роберт-Эдуард Пруцц (Германия), Ж. Ришпен (Франция) и т.д. Многие из этих зарубежных писателей и поэтов, чьи имена были знакомы немногим сибирским читателям, становились частью «круга чтения» сибиряков только благодаря переводчикам томских газет.

Необходимо отметить, что местные журналисты хорошо понимали значимость провинциальной прессы для воспитания, просвещения, эстетического развития читателей. Еще в 1887 г. в одном из литературных обзоров «Сибирская газета» писала о том, что «сибирский обыватель», засидевшийся в своем «медвежьем углу», тянется к культуре, к знаниям, задавая вопрос – «Что пишут?» – прежде всего своей, местной газете. И благодаря местной прессе этот самый обыватель может «бросить взгляд на более широкое поле». А это чрезвычайно важно, считал обозреватель, ведь «мысль человека, взгляд которого не хватает далее своего угла – мельчает и предметы в его глазах получают совершенно несоответственные действительности размеры и значение; он рискует уподобиться той крысе, которая, принимая свое подполье за целый Божий мир, восклицала: “сильнее кошки зверя нет!”» (Сибирская газета. 1887. № 2). Публикация переводов позволяла расширить кругозор, давала возможность того самого метафорического «выхода из угла», о котором размышляли журналисты.

Обращение к материалам хрестоматий показывает также, насколько возможности переводчиков были сильно стеснены объемом газет: они могли рассчитывать на публикацию совсем небольших текстов – рассказов, стихотворений, фельетонов, новелл. Тем не менее постоянная публикация переводов способствовала знакомству провинциального читателя с зарубежными авторами, повышала их узнаваемость, и в конечном счете читатели самостоятельно обращались к уже более объемным произведениям этих авторов – к романам, повестям, сборникам и т.д.

Материал хрестоматий, безусловно, имеет как научную, так и практическую значимость. Он представляет возможность обращения к богатейшему переводному материалу сибирских газет, собранному в одном издании, откомментированному и частично проанализированному, и это позволяет ученым включать тексты хрестоматии в научный оборот при разра-

ботке собственных исследовательских проектов. Кроме этого, хрестоматии, безусловно, будут востребованы в курсах по истории региональной периодической печати, по истории литературного краеведения, истории и теории перевода. Хрестоматия рекомендуется для студентов, обучающихся по программам по направлениям подготовки 45.04.01 – Филология, 45.03.03 – Издательское дело, по магистерским программам «Сибирские исследования» (направление подготовки 03.06.00 – История) и «Социальная антропология и этнология» (направление подготовки 46.04.03 – Антропология и этнология), а также бакалаврской программе по направлению подготовки 42.03.02 – Журналистика. Однако хрестоматии будут интересны и читателю, который интересуется историей зарубежной литературы, историей Томска и томской журналистики, поэтому они могут рассматриваться и как дополнительное увлекательное чтение для школьников, краеведов, студентов гуманитарных специальностей.

Учебное пособие Н.Е. Никоновой непосредственно примыкает к хрестоматиям, дополняя и расширяя их материал. В этой книге даются сведения о переводчиках дореволюционного Томска и об особенностях бытования переводов на страницах местных газет и журналов, а также дается представление о переводах в тобольском «Сибирском листке», о специфике восприятия немецкой, французской, польской и итальянской прозы в томской периодике рубежа веков. Для студентов подготовлена обширная библиография переводов, опубликованных в местных изданиях в 1880–1910 гг.

Представленные хрестоматии и учебное пособие являются целостным новаторским циклом, имеющим большую научную и исследовательскую перспективу. Несмотря на то, что материалы цикла кажутся исчерпывающими по изучаемой тематике, очевидно, что исследовательская работа в этом направлении не закончена, а только началась. Теперь, когда собран основной корпус публикаций, пришло время для обобщений, сопоставлений и сравнений, и это позволяет ожидать от авторского коллектива новых – и новаторских – работ, посвященных переводной литературе в дореволюционной периодической печати России.

Н.В. Жиликова

Литература

1. *Переводы французской литературы в дореволюционной периодике Сибири: хрестоматия* / Н.Е. Никонова, Д.А. Олицкая, В.Н. Горенинцева и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 280 с.

World Literature in the Mirror of Provincial Periodicals. Review of a Series of Anthologies and a Study Guide on Foreign Literature Translations in Pre-Revolutionary Siberian Newspapers

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 64. 313–317. DOI: 10.17223/19986645/64/18

Natalya V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

The review examines anthologies and a study guide prepared by a team of authors led by Natalya Nikonova on foreign (French, English, Polish, etc.) literature translations on the pages of Siberian periodicals. The structure of the works, the specifics of their content are analyzed, their theoretical and practical significance in the research and educational process are evaluated. It is concluded that the presented textbooks and the study guide are a holistic innovative cycle with a great research perspective.

The reviewed works are:

Gorenintseva, V.N. et al. (2016) *Translations of English and American Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An Anthology*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

Nikonova, N.E. et al. (2016) *Translations of French Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An Anthology*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

Nikonova, N.E. et al. (2016) *Translations of German Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An Anthology*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

Nikonova, N.E. et al. (2016) *Translations of Italian Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An Anthology*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

Nikonova, N.E. et al. (2019) *Translations of Polish Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An Anthology*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

Nikonova, N.E. (2018) *The History of Russian Translated Literature in Siberia (1890s–1910s): A Study Guide*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

References

1. Nikonova, N.E. et al. (2016) *Translations of French Literature in the Pre-Revolutionary Periodicals of Siberia: An Anthology*. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АСЛАНОВ Иван Александрович – соискатель кафедры социологии массовых коммуникаций Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ivaslanov@gmail.com

БАЖЕНОВА Елена Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

E-mail: bazhenova_e2000@mail.ru

БАРАНОВ Дмитрий Александрович – науч. сотр. лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований Пермского государственного университета.

E-mail: baranov@semograph.com

БЕЛОУСОВ Константин Игоревич – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного университета.

E-mail: belousovki@gmail.com

ВЫРКОВСКИЙ Андрей Владимирович – д-р филол. наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: a.v.vyrkovsky@gmail.com

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета; науч. сотр. лаборатории компьютерной лексикографии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: elena-generalova@yandex.ru

ГЛАДКОВА Анна Александровна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: gladkova_a@list.ru

ГНЮСОВА Ирина Федоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: irbor2004@mail.ru

ГОРЛОВ Никита Геннадьевич – программист отдела компьютерной поддержки Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: gorlov666@gmail.com

ЕРОФЕЕВА Елена Валентиновна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного университета.

E-mail: elenerofeev@gmail.com

ЖИЛЯКОВА Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики журналистики Томского государственного университета.

E-mail: retama@yandex.ru

ЗЕЛЯНСКАЯ Наталья Львовна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории прикладных и экспериментальных лингвистических исследований Пермского государственного университета.

E-mail: zelyanskaya@gmail.com

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

КАРПЕНКО Геннадий Юрьевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва).

E-mail: lgkihney@yandex.ru

КОВАЛЬ Оксана Анатольевна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург).

E-mail: ox.koval@gmail.com

КОВТУН Наталья Вадимовна – д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

E-mail: nkovtun@mail.ru

КОТЮРОВА Мария Павловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

E-mail: kotyurova@yandex.ru

КОЧАНОВСКАЯ Анна Вячеславовна – студентка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; студентка филологического факультета Белградского университета (Сербия).

E-mail: kochanovskayaanna@yandex.ru

КРЮКОВА Екатерина Борисовна – канд. филос. наук, независимый исследователь (г. Санкт-Петербург).

E-mail: antikukuruza@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Юрий Александрович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: y.a.kuznetcov@spbu.ru

ЛЕБЕДЕВА Ольга Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: obl25@yandex.ru

ОРЛОВА Ольга Вячеславовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета.

E-mail: o.orlova13@yandex.ru

ПИНКОВСКИЙ Виталий Иванович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан).

E-mail: alennart@mail.ru

РАЗУВАЛОВА Анна Ивановна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

E-mail: rai-2004@yandex.ru

СКРЕБЦОВА Татьяна Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

СОБОЛЕВ Андрей Николаевич – д-р филол. наук, гл. науч. сотр. отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург); внеплановый профессор Марбургского университета (Германия).

E-mail: sobolev@staff.uni-marburg.de

СОЛОПОВА Ольга Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

E-mail: solopovaolga@yandex.ru

ТЕМИРШИНА Олеся Равильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва).

E-mail: olesja@temirshina.ru

ЩЕБЕТЕНКО Сергей Александрович – д-р психол. наук, профессор департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: shebetenko@rambler.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2020. № 64

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 20.04.2020 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 20,1; усл. печ. л. 28,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 15.05.2020 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru